

Ф.С.БАЯЗИТОВА

**ГОВОРЫ
ТАТАР-КРЯШЕН
В СРАВНИТЕЛЬНОМ
ОСВЕЩЕНИИ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КАЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ

Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова

Ф.С.БАЯЗИТОВА

ГОВОРЫ ТАТАР-КРЯШЕН В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Ответственный редактор

Ф.С. Хакимзянов

МОСКВА
"НАУКА"
1986

Монография посвящена описанию фонетических, морфологических, лексических и экстралингвистических особенностей говоров татар-кряшен, проживающих на территории Татарской АССР и за ее пределами. Изолированные в продолжении веков от основной массы татарского народа в религиозном отношении, кряшены, или крещеные татары, в значительной степени сохранили древние черты как в языке, так и в материальной и духовной культуре.

Рецензенты:

Д.Б. Рамазанова, Ф.Ю. Юсупов

Флера Саидовна Баязитова

ГОВОРЫ ТАТАР-КРЯШЕН В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

*Утверждено к печати Институтом языка, литературы
и истории Казанского филиала АН СССР*

Редактор издательства *Залесковская Р.М.*

Художник *Д. Шпаков*. Художественный редактор *Г.П. Валлас*

Технический редактор *М.К. Серегина*. Корректор *О.А. Разуменко*

Набор выполнен в издательстве на электронной фотонаборной системе

ИБ N 31713

Подписано к печати 26.12.85. Формат 60×90¹/₁₆

Бумага для глубокой печати. Гарнитура Таймс

Печать офсетная. Усл.печ.л. 15,5. Усл.кр.-отт. 15,7. Уч.-изд.л. 17,4

Тираж 1200 экз. Тип.зак. 896. Цена 2р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"

199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

Настоящая работа посвящена исследованию говоров одной из этнографических групп татарского народа — татар-кряшен¹, проживающих на территории Татарской АССР и за ее пределами. Работа представляет собой описание фонетических, морфологических, лексических и этнолингвистических особенностей говоров этой группы татар.

История формирования говоров кряшен достаточно сложна. Кряшены, будучи изолированными с XVI в. от основной массы татар в религиозном отношении, оказались в какой-то степени изолированными и в других областях. Они сохранили древние черты как в материальной и духовной культуре, так и в языке и поэтому давно привлекают внимание ученых. Однако комплексное изучение всех локальных групп кряшен в целом в татарской диалектологии осуществляется впервые.

В основу данного исследования положены материалы, которые собраны автором с применением методов ареальной лингвистики во время диалектологических экспедиций, организованных Институтом языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР в 1967—1983 годах. Автором собрано большое количество фольклорных произведений—легенд, песен и т.д., сделаны записи на магнитофонную ленту. При написании книги учитывались также теоретические и текстологические исследования предшественников.

Языковые особенности говоров кряшен сравниваются с данными других татарских диалектов и говоров, литературного татарского языка, для сравнения привлекаются и материалы современных тюркских и угро-финских языков, а также сведения из письменных памятников.

Во введении кратко рассматриваются вопросы формирования говоров кряшен, а также история заселения изучаемой территории, приводятся некоторые сведения, извлеченные автором из исторической литературы, архивных материалов и записанных автором местных преданий и легенд.

Лингвистический материал анализируется с учетом особенностей формирования и территориального размещения кряшен и различных социальных факторов, влияющих на языковое развитие.

В монографии применена упрощенная транскрипция на основе

¹ Часто их называют крещеными татарами, что отражает историю образования этой этнографической группы, возникшей в результате христианизации части татарского населения.

существующей татарской графики. Дополнительно введены следующие буквы и знаки:

a^o — гласный *a* с губным оттенком,

ʏ — губно-губной узкий гласный *ʏ*,

ɘ — закрытый *ɘ*,

w — губно-губной щелевой согласный,

ɣ — глубокозаднеязычный (увулярный) смычный глухой согласный,

ʁ — глубокозаднеязычный (увулярный) щелевой звонкий согласный,

ɣ̟ — глубокозаднеязычный щелевой глухой согласный,

ʔ — хамза, гортанный звук,

tʃ, *tʃ* — аффриката *ч*, имеющая взрывной элемент *t*,

dʒ, *dʒ* — аффриката *ж*, имеющая взрывной элемент *d*,

s' — сильно палатализованный *s*,

m' — сильно палатализованный *m*,

d — интердентальный звук,

йа, *йэ* — *я*,

йу, *йү* — *ю*,

йы, *йе*, — *е*.

Специфические звуки татарского языка переданы, как и в алфавите, графемами:

o — гласный смешанного ряда, отодвинутый назад, среднего подъема, губной,

ы — гласный смешанного ряда, отодвинутый назад, среднего подъема, негубной,

ө — гласный смешанного ряда, продвинутый вперед, среднего подъема, губной,

e — гласный смешанного ряда, продвинутый вперед, среднего подъема, негубной,

ə — гласный переднего ряда, нижнего подъема, негубной,

ү — гласный переднего ряда, верхнего подъема, губной,

ң — заднеязычный носовой согласный,

ж — переднеязычный щелевой звонкий согласный.

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ТАТАРАХ-КРЯШЕНАХ

Среди казанских татар, а также татар-мишарей имеется относительно небольшая группа кряшен, или крещеных татар, сложившаяся в середине XVI — начале XVII вв. Татары-кряшены живут отдельными группами в р-нах Заказанья, Нижнего Прикамья, в Апастовском р-не ТАССР (подберезинские кряшены), Бакалинском р-не БАССР, в Челябинской области (нагайбаки), а также отдельными поселениями в Куйбышевской области и Западной Сибири.

В начале XX в. насчитывалось 122 301 кряшен (Никольский, 1911, 1). По переписи 1926 г. (последняя перепись, где кряшены были учтены отдельно), их численность на территории Татарской АССР составляла 99 041 человек, или 9,6% от общей численности татарского населения (Статистический ежегодник, 1928; Мухаметшин, 1977, 21).

Кряшены — продукт политики насильственной христианизации, проводившейся царским самодержавием по отношению к татарам (Татары, 1967, 51—55). Сразу же после падения Казанского ханства Казань стала центром христианизации и одновременно русификаторской политики по отношению к нерусским народностям (Воробьев, 1927, 157). Путем распространения православной религии царское правительство надеялось укрепить политическое влияние на Средней Волге, получить социальную опору в своей политике у крестившейся части населения.

В 1555 г. в Казани была создана Казанская епархия. Первым казанским архиепископом был Гурий, имевший личный наказ от Ивана IV об управлении епархией и обращении в христианство населявших ее народов (Можаровский, 1880, 23). "Вообще архиепископу казанскому вменялось привлекать к себе любовью всех заблуждающихся и ласкою располагать их к крещению..." (Памятная книжка, 1894, 12).

Все кряшены по времени принятия христианства разделяются на старокрещеных и новокрещеных (Обзор, 1892, 14). К первым относятся преимущественно татары, ко вторым — чуваша, удмурты, мордва и другие (Фирсов, 1869, 163; 209). В общей исторической жизни Поволжья кряшены выступали совместно с другими народностями под названием "новокрещены". В конце XVIII в. они иногда называются старокрещеными в отличие от татар, принявших крещение в XVII в. и потому носивших название "новокрещеных". В начале XIX в. это различие подчеркивается все чаще. К середине XIX столетия окончательно закрепляется название "старокрещеных" за крещеными в XVI в. и "новокрещеных" за лицами, крестившимися в последующие времена. Таким образом, к старокрещеным

татарам относятся те, предки которых стали подвергаться христианизации вскоре после покорения Казанского ханства Иваном Грозным (особенно в 1555—1576 гг.); христианизация их проходила до конца 1740 г. (Матвеев, 1910, 12). Старокрещенные татары, проживающие в христианстве на протяжении ряда поколений, так и остались в нем, образуя особую этнографическую группу татарского народа. Новокрещенцы из татар, обращенных в христианскую веру во второй половине XVIII в. и позже, при первой же возможности почти все возвращались в ислам (Малов, 1892, 165; Историко-статистическое описание, 1904, 232).

Наглядную картину если не самой христианизации, то ее ближайших последствий и проявлений дают материалы "Писцовой книги" 1602—1603 гг. (Ермолаев, 1978). Книга включает в себя описание части земель Казанского уезда (по бывш. дорогам Ногайской, Зюрейской, Арской, Галицкой и Алатской) с нерусским служилым и ясачным населением. "Писцовая книга" позволяет рассмотреть и географию размещения служилых и ясачных новокрещен, которая также представляет большой интерес. Из этой книги видно, что основная масса новокрещен расположена по Зюрейской и Арской дорогам (в этих районах было 19 деревень с новокрещенским населением из 24-х описанных в "Писцовой книге").

В XVII в. усилился нажим на местное население, и насильственные меры по принятию христианства применялись не только по отношению к крестьянству, но и к местным феодалам. Им запрещалось владеть некрещеными крестьянами, они не могли передавать свои владения некрещеным наследникам. У некрещеных мурз и помещиков земли отбирались в казну и передавались их крещеным родственникам; кроме того, крещеным сулили денежные награды — "мурзам по десяти рублей, женам их по пяти рублей и т.д." (Можаровский, 1880, 33—36; Отрывок, 1905, 42).

В 1654 г. было издано следующее постановление: вотчины и поместья, остающиеся после смерти некрещеных, должны переходить в наследство к их крещеным родственникам, если даже они состояли в далеком родстве. Ближайшие же родные, но некрещеные, лишались права на наследство:" 1681 г. мая 16 именным указом царя Федора Алексеевича повелено было у некрещеных мурз и татар низовых городов отобрать из владения христианские поместья, а заменить их темниковскою и кадомскою мордвою; но принявшим христианскую веру возвращать отобранных людей и оказывать новокрещеным разные льготы" (Кеппен, 1781, 467). Крещеные помещики временно освобождались от податей и т.д. Стремясь сохранить свои владения, многие феодалы принимали православие.

Царское правительство использовало и другие виды поощрения крестившихся, например освобождало от рекрутского набора, от казни, давало отсрочку в уплате податей и др. (Одигитриевский, 1895, 16). Предоставление в течение трех лет льгот принявшим крещение укреплено указами 1720—1750 гг. (Григорьев, 1948, 238). Например, в 1747 г. сенаторским указом было предписано, "чтобы за крестившихся в Свияжском уезде татар, чуваш,

мордву и черемис брать подати с оставшихся некрещеными, а сверх того с крещеных татар и прочих не брать рекрут и дать им разные другие льготы” (Кеппен, 1861, 361). Но и в результате этих мер за 1719—1731 гг. было христианизировано всего 2995 татар (История, 1950, 287).

Итак, во времена Ивана Грозного, как и в последующие периоды, татары, за небольшим исключением, принимали христианство по принуждению или ради различного рода льгот, которые царское правительство предоставляло принимавшим крещение. Например, в архивных документах сохранились следующие строки: “Он, Павел, крещен назад тому лет 18-ть по желанию своему, во избежание телесного наказания; ... что дано крещеным трехлетнее облегчение от платежа податей государственных и рекрутской очереди” (ЦГА БССР, ф. 2, оп. 1, д. 5752, 6664).

Таким образом, царское правительство добивалось своих целей не только путем угроз и насилий, но и путем подкупов. Некоторые ухитрились креститься по два и даже по три раза, чтобы получить материальную выгоду (Маторин, 1929, 22). Несмотря на различные меры, применявшиеся правительством в XVI—XVII вв., успехи христианизации были незначительны.

В 1731 г. для развертывания миссионерского дела организуется специальная комиссия (новокрещенская комиссия), несколько позднее (с 1740 г.) она преобразуется в контору новокрещенских дел (новокрещенская контора — Малов, 1878). Подавляющее большинство нерусского населения Поволжья — чувашей, марийцев и удмуртов — было крещено в XVIII в. (Козлова, 1964, 140). Но само христианство в народных массах воспринималось как внешний, официальный обряд. Народы Поволжья, принимая православие, продолжали придерживаться своих древних обрядов и верований, которые часто переплетались с христианскими. Из языческих верований наибольшее распространение имели аграрные культы, достаточно полно сохранились и цикл календарных обрядов, которые были пронизаны древними языческими чертами. Много следов древних верований сохранилось и в фольклоре.

Среди крещеных татар в это время наблюдался отход к исламу. Принявшие христианство по принуждению или из-за каких-то льгот только в официальном списке считались крещеными, а сами тяготели к мусульманству или соблюдали языческие обряды. При первой возможности все они возвращались к старой вере (Обзор 1892, 14). “К концу 1897 года значительно отпавших (отошедших к исламу. — Ф.Б.) в Уфимской епархии: в приходах сел Мензелинского уезда: Баткака — 532 душ, Атов — 379, Савалеево — 231, Юшады — 196, Мелкень — 80, Старый Пьяный Бор — 62, Драгун Бекмет — 61, Матвеевка — 47, Борды — 43, Балтаево — 34” (Златоверховников, 1899, 162). С.М. Матвеев (1910, 12) пишет, что в приходе церкви села Поручиково жители деревень Светлого Озера и Сарапалы значатся “старокрещеными”, а деревни Чебуклы — “новокрещеными”. Деревня Чебуклы Альметьевского р-на и по материалам переписи 1795 г. считается новокрещеной, но жители этой деревни

постепенно отходили ("отпадали") от христианства. Это подтверждается и рассказами старожилов д. Чебуклы, записанными во время экспедиции.

В Казанской губернии отступничество тоже очень беспокоило миссионеров. Например, деревни Верхний и Нижний Азяк, Апазово, Янасала, Тат. Урмат и другие частично или полностью отпали от христианства (Малов, 1892, 329—333).

К отходящим от христианства правительство принимало строгие меры, в частности, переселяло их из родных деревень в русские или в другие крещено-татарские деревни, которые прочно держались в христианстве, например: "На основании Высочайшего указа 11-го сентября 1740 года, где повелено: новокрещеных иноверцев, которые живут в одних деревнях с некрещеными, перевести в другие деревни и поселить их вместе с крещеными иноверцами и старинными русскими людьми" (Малов, 1878, 32). Поэтому не все крещеные татары живут в местах своего древнего поселения, часть из них была переселена царским правительством в новые районы, чтобы предохранить их от влияния татар-мусульман.

На территории Татарии 193 крещено-татарские деревни. Из этого количества 91 деревня исключительно с крещено-татарским и русским населением с преобладанием первых; 12 деревень — с русским и крещено-татарским населением, с преобладанием первых; 37 деревень с крещено-татарским и татаро-мусульманским населением, из которых в 24 деревнях преобладали татары мусульманского вероисповедания; 11 деревень со смешанным населением (русские, чуваша, крещеные и некрещеные татары) (Григорьев, 1948, 250).

В начале 1838 г. в Оренбургскую губернию по распоряжению правительства было переселено 90 семей крещеных татар Казанской губернии. Правительство, желая удержать их в православной вере, расселило эти семьи небольшими группами по старым русским селениям (Чернявский, 1901, 442—443).

Как видно из этих данных, часть крещеных татар жила в той или другой степени обособленно от основной массы татар, что является следствием переселенческой политики царизма XVIII в. Ясно, что такое искусственное территориальное отделение крещеных татар от основной массы татарского народа способствовало и обособлению в области религии, быта и языка.

В 1867 г. в Казани было открыто "Братство св. Гурия", названное так по имени первого миссионера в Казанском крае и привлекавшее в свой состав не только духовных лиц, но и купцов, а также "почетных лиц разных сословий" (Маторин, 1929, 29). "Братство" наряду с обычной миссионерской деятельностью ставило своей задачей "заведение инородческих школ и распространение книг на их родных языках" и "устройство среди инородческого населения церквей". Идейным вдохновителем и руководителем миссионерского дела в эту эпоху явился ученый миссионер, знаток восточных языков Н.И. Ильминский (1822—1891). Н.И. Ильминский разработал целую систему христианизации и русификации и предложил ее царскому правительству.

Одной из наиболее характерных черт колонизаторской поли-

тики царского правительства по отношению к нерусскому населению во второй половине XIX в. и явилось проведение в жизнь системы Н.И. Ильминского (Григорьев, 1948, 250). Н.И. Ильминский отрицал насильственные методы христианизации. Он считал, что сделать народы Поволжья христианскими можно только с помощью их родного языка. Поэтому он предлагал открывать национальные школы для детей народов Поволжья. Для этой цели печатались учебники и книги религиозного содержания на родном языке учащихся татар, чувашей, мари и удмуртов с использованием разработанного Н.И. Ильминским миссионерского алфавита.

В 1893 г. в Казани открывается Центральная крещено-татарская школа, основанная Н.И. Ильминским. Потом миссионерские школы возникли во многих деревнях Казанской, Уфимской, Оренбургской губерний, в казачьих станицах Сибирской линии, в которых жило немало татар под названием нагайбаков (Обзор, 1892, 133). Число школ, находившихся лишь в ведении "Братства св. Гурия", достигло 62, среди них крещено-татарских было 39 (Татары, 1967, 385). Во всех школах характер обучения был строго религиозным и обучение детей начиналось на их родном языке, а затем дети переходили на русский язык. Закон божий составлял главный предмет начальной школы. В старшем отделении закон божий велся уже на русском языке. Пение было также церковное. Молодежь, окончившая такую школу, должна была насаждать христианство среди нерусского населения (Татары 1967, 395).

Открытие миссионерских школ, естественно, увеличило потребность в богослужебных книгах на татарском языке. Переводами богослужебных книг и книг религиозно-нравственного содержания занималось "Братство св. Гурия". Руководил переводчиками Н.И. Ильминский (Рождествина, 1900, 9). Н.И. Ильминский был весьма дальновидным человеком и применял свои знания для того, чтобы организовать в Казани широкую переводческую деятельность. Библия, молитвы переводились на языки народов не только Волжско-Камского края, но и Сибири, Туркестана и Кавказа. При переводе религиозных книг миссионеры старались употреблять разговорный язык того времени, чтобы эти книги были понятны простому народу.

Однако миссионеры совершенно не были заинтересованы в просвещении крещеных татар. Их устраивало, чтобы крещеные татары оставались в своем прежнем положении, твердо держались своих языческих обрядов. Они считали, что в таких условиях христианское образование находит для себя более удобную и благодатную почву. Вот суждения миссионеров: "Я прежде сильно возмущался языческими обрядами своих однодеревенцев; но когда посмотрел да поразмыслил и стал несколько опытнее, то понял, что такая упорная стойкость и сохранность среди крещеных татар языческих суеверий принесла огромную пользу. Этим питалось и поддерживалось в народонаселении религиозное чувство и предохранялись наши старики от влияний посторонних. Надобно сказать правду,

что влияние со стороны русской было весьма слабо, далеко слабее, чем со стороны магометанской. Если бы языческие суеверные обряды не держались, теперь, по всей вероятности, не осталось бы и имени крещеных татар. Я постоянно в разных местах замечал, что чем усерднее держат крещенцы язычество, тем они сильнее слушают чтение православных правоучений" (Казанская, 1887, 242).

В результате таких стараний миссионеров, кряшены искусственно изолировались от остальной части татарского народа, вели более замкнутой образ жизни. Оторванные в продолжении веков от основной массы татарского народа, старокрещенные татары развивались в некоторой степени изолированно и потому сохранили древние черты как в языке, так и в материальной и духовной культуре. Хотя отдельные группы крещеных татар живут далеко друг от друга, их говоры, несколько различаясь между собой, имеют и общие черты.

К фонетическим общим чертам относятся следующие: 1) *ф* ~ *п* — явление, имеющее место в остальных говорах татарского языка и особенно широко распространенное в говорах кряшен: *тупрак* — литер. *туфрак* 'почва, земля'; *керпек* — *керфек* 'ресница', *пайда* — *файда* 'польза' и др.; 2) в начале и середине слов наблюдается литер. *й* ~ *ж*/^о*ж*: *жәшел* /^о*жәшел* — литер. *йәшел* (графич. *яшел*) 'зеленый'; *Даржый* — *Дарья* и др.; 3) отсутствие фарингального *h* — в начале слов этот звук отпадает: *әр* — литер. *һәр* 'каждый'; *ава* — *һава* 'воздух, небо'; в середине слов в интервокальной позиции он заменяется звуком *ғ*/*г*: *жиғаз*/^о*жигаз* 'мебель'; *бәгә*/*бәгә* — *баһа* 'цена' и др.; 4) *к* ~ *т* в отдельных словах: *кели* — литер. *тели* 'желает'; *кискәре* — *тискәре* 'упрямый'; *кенәген* — *төнәген* 'вчера'; эту же особенность отмечают в мишарском диалекте татарского языка; 5) глубокозаднеязычному глухому щелевому *ç* литературного языка соответствует глубокозаднеязычный смычный глухой *ç*: *қабәр* — литер. *хәбәр* 'весть', *қатын* — *хатын* 'жена, женщина', *қақ*/*как* — *хак* 'цена' и др.; в заимствованных словах: *мақырым* — *мәхрүм* 'обездоленный, лишенный', *ақық* — *ахак* 'агат'; 6) выпадение звука *л* в глаголах перед согласными звуками: *бумый* — литер. *булмый* 'не бывает', *итте* — *илтте* 'отнес', *кимей* — *килми* 'не идет' и др.

Как и в других диалектах татарского языка, морфологические особенности говоров проявляются главным образом в области глагола (повелительная форма на *-гын*, деепричастия на *-гачын*/*-гәчен*, древняя форма инфинитива на *-мага*/*-мәгә*, причастия на *-малы*/*-мәле* и др.). В кряшенских говорах сохранились древние формы склонений (окончания дательного падежа *-ңар*/*-ңәр*, *-ңар*/*-ңәр*, усеченная форма родительного падежа *-ны*/*-не* и др.).

В лексике также сохранились древние элементы. Интересен лексический пласт, характерный только для кряшенских говоров. Сюда относятся термины родства: *ақ бийем* 'старшая сестра мужа', *печкә* 'свекровь', *печкәчәм* 'младшая сестра мужа', *жырағ әбей* 'бабушка со стороны матери'; названия одежды и украшений: *сүрәкә* 'женский головной убор', *чигәчә* 'женский головной убор из монет, надеваемый на виски', *мәләнчек*/*мәләчлек* 'холщевый чехол, чепчик', *қалта* 'оборка' и др.

Интересное явление наблюдается в именах собственных. Русские имена, принятые у кряшен, претерпели значительные фонетические изменения, которые могут быть объяснены характерными для этих говоров закономерностями, например: *Үкчей* 'Аксинья', *Жәкәв* 'Яков', *Гәрей* 'Григорий', *Пилип* 'Филипп', *Сандра* 'Александра', *Мөтей* 'Матвей', *Пума* 'Фома', *Ғапый* 'Агафья', *Лакирҗа* 'Лукерья', *Жар-малай* 'Ермолай', *Аудатыйа|Аудый* — 'Авдотья' и др.

Крещеные татары отличаются от основной массы татар сохранением некоторых древних обычаев, связанных с язычеством. Нами записаны обряды *чук*, *қырау қуу*, *қорман*, *шыйлық*, *боламық*, *түгем*, *тәберсен иту* и др. В настоящее время они почти не соблюдаются, но представители старшего поколения хорошо помнят их и их названия. В названиях и содержании языческих обрядов наблюдаются общие особенности с чувашскими, марийскими и мордовскими. Однако большинство этих названий древнетюркского происхождения и наличие указанных обрядов и обозначающих их слов у соседних народов объясняется, видимо, очень древними этнокультурными и экономическими связями.

У крещеных татар более прочно сохранились старинные обрядовые, свадебные и поминальные песни. Этому, вероятно, способствовал замкнутый характер жизни татар-кряшен, а также то, что на них не распространялись ограничения и запреты ислама. Музыковеды указывают на наличие общих черт обрядовых напевов у кряшен, чувашей, мари и других народов Поволжья, находившихся в тесных связях с древних времен. В то же время "кряшенские напевы сохранили свою индивидуальность как в соседних с чувашами районах, так и в отдаленных от них. В музыке казанских татар почти не сохранились такие древние формы фольклора, как у кряшен" (Нигмедзянов, 1967, 465).

У кряшен сохранились архаичные формы украшений и одежды. Как отмечают исследователи, в одежде и украшениях кряшен значительно больше сходства с украшениями финно-угорских народов края, чем мусульман (Воробьев, 1929, 3; Мухаметшин, 1977, 133; Сулова, 1980, 92).

Особенности культуры и быта кряшен привлекали внимание многих дореволюционных исследователей. Поэтому с 70-х годов XIX в. начинается публикация материалов о быте и обычаях кряшен Казанской губернии (Гаврилов, 1874; Апаков, 1877; Матвеев, 1896; 1907; Даулей, 1903; Филиппов, 1915 и др.). В советский период изучению формирования быта и культуры кряшен посвящены работы Н.И. Воробьева (1927; 1928; 1929 и др.) и Ю.Г. Мухаметшина (1977). Существуют различные положения о происхождении кряшен. Многие дореволюционные авторы склонны были считать все кряшенское население в целом или чисто тюркского, или чисто финно-угорского происхождения. Современные ученые склоняются к мнению, что кряшены являются в основном булгарами-татарами, не исключая в то же время и участия в их этногенезе восточных финнов (Сатаров, 1973, 291—292; Мухаметшин, 1977, 154—155).

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОВОРОВ ТАТАР-КРЯШЕН

Как уже было сказано, миссионеры, занимавшиеся изучением быта кряшен, интересовались в основном вопросами их духовной культуры и религии. Интерес к разговорному языку крещеных татар усиливается лишь во второй половине XIX в. в связи с принятием системы Н.И. Ильминского. Издаются словари крещено-татарско-русские (Остроумов, 1892) и русско-крещено-татарские (Воскресенский, 1894), в которых отражается в основном лексика крещеных татар Казанской губернии и значительное место занимают слова, относящиеся к церкви и религии. В 1897 г. издаются материалы Н.Ф. Катанова (1899, 7—9), где приводятся и данные, относящиеся к бакалинским кряшанам Уфимской губернии, говорится об имеющихся в нагайбацкой церкви материалах о христианизации 1722—1775 гг. Автор вкратце характеризует также говор крещеных татар, приводит заимствованные слова из русского и арабского языков.

В советский период, особенно в последние двадцать лет, в Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР велось интенсивное изучение диалектов татарского языка, в том числе и говоров крещеных татар. Изучение диалектов и говоров велось по программе для составления диалектологического атласа татарского языка, были написаны монографии, составлены микроатласы.

В книге "Татар диалектологиясе" Л. Заляя (Казань, 1947) впервые дается общая характеристика всех трех диалектов татарского языка. В описании заказанского говора приведены также отдельные сведения о подговорах крещеных татар Заказанья.

В итоге экспедиционных исследований в 1955—1961 гг. были опубликованы статьи Г.К. Якуповой, посвященные говору татарских сел, расположенных по р. Заю (МД, 180—187; ВДТЯ, 140—144). Здесь автор описывает говор 11 деревень (три из них крещено-татарские), но не ставит целью выявить особенности, характерные для говора крещеных татар.

В 1966 г. Л.Ш. Арслановым была защищена кандидатская диссертация, посвященная изучению татарских говоров правобережных районов Татарской и Чувашской АССР. Наряду с другими говорами на этой территории был изучен и говор подберезинских кряшен (ТТЭ, 1965, 12—25). Анализируя языковые особенности говора подберезинских кряшен, автор делает вывод, что исследуемый говор существенно отличается от нагорных говоров среднего диалекта, что говор подберезинских кряшен является самостоятельным говором, который по своим ведущим фонетическим особенностям сходен с говорами мишарского диалекта, а по морфологическим — с говорами среднего диалекта татарского языка. Кроме того, в лексике говора заметны следы влияния чувашского языка (Арсланов, 1966, 14).

В кандидатской диссертации Ф.Ю. Юсупова "Татарские говоры Южного Урала и Зауралья (Челябинской и Курганской областей)" (Казань, 1972) наряду с ичкинским, сафакульским говорами, впервые описываются фонетические, морфологические и лексические особен-

ности говора крещеных татар, известных в литературе под названием "нагайбаки". Значительное место отведено вопросу формирования говора; этот говор выделяется автором как самостоятельный в системе среднего диалекта татарского языка. Очень ценными и интересными для филологов и этнографов являются многочисленные транскрибированные с магнитофонных записей тексты и песни. Описание этого говора включено также в монографию "Көнъяк Урал һәм Урал арты сөйләшләр" (Казан, 1979).

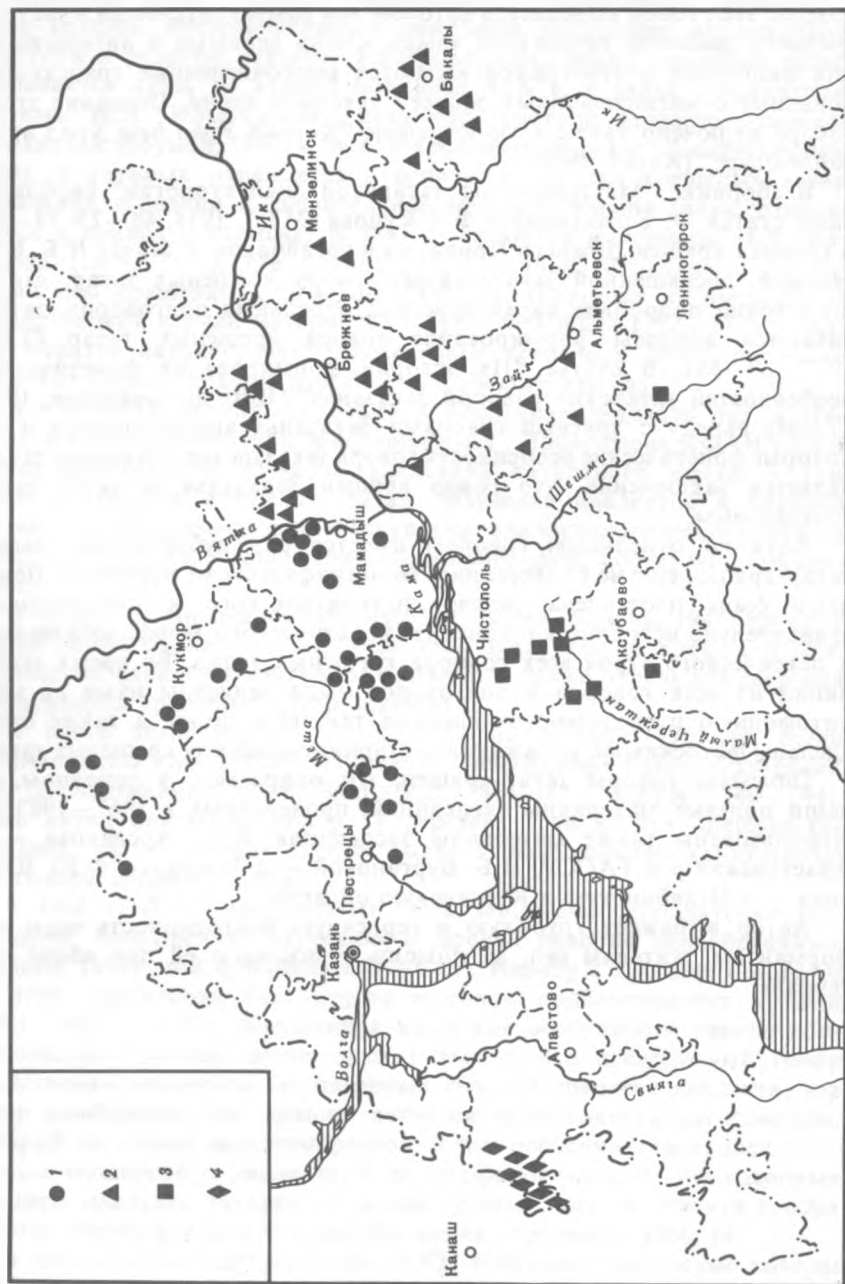
В сборнике "Материалы по татарской диалектологии" опубликованы статьи Ф. Баязитовой и Ф. Юсупова (МТД, 1974, 48—73; 74—91) о говорах кряшен Нижнего Прикамья и нагайбаков. В статье Н.Б. Бургановой, посвященной заказанскому говору крещеных татар, дается достаточно подробная характеристика отдельных подговоров, затрагиваются вопросы формирования говора крещеных татар (ТТЭ, 1977, 80—88). В статье "Из истории формирования фонетических особенностей татарских говоров Заказанья" (Источникведение, 1978, 77—94) наряду с другими говорами Заказанья анализируются и некоторые фонетические особенности говора заказанских крещеных татар, делается заключение, что говор кряшен Заказанья является самостоятельным.

Хотя по отдельным говорам имеется ряд публикаций, говоры татар-кряшен еще не подвергались монографическому изучению. Перед нами была поставлена задача систематического и комплексного сравнительно-исторического анализа фонетического, морфологического и лексического строя всех говоров крещеных татар. Во время экспедиций из всех говоров и подговоров были записаны нами на магнитофонную пленку многочисленные тексты и песни, а также были сделаны фотоснимки, отражающие старинную одежду крещеных татар.

Описывая говоры татар-кряшен, мы опираемся, в основном, на наши полевые материалы экспедиций, проведенных в 1967—1983 гг. Использованы также материалы экспедиции Л.Ш. Арсланова — в Апастовский р-н ТАССР, Н.Б. Бургановой — в Заказанье, Ф.Ю. Юсупова — в Челябинскую и Курганскую области.

Автор выражает глубокую и сердечную благодарность всем информантам, жителям сел, за помощь, оказанную ей при сборе материала.

ГОВОРЫ ТАТАР-КРЯШЕН

1 — говор закамских кряшен; 2 — говор кряшен Нижнего Прикамья; 3 — говор чистопольских кряшен; 4 — говор подберезинских кряшен

ФОРМИРОВАНИЕ ГОВОРОВ И ПОДГОВОРОВ КРЯШЕН

Отдельные группы кряшен, находящиеся на довольно большом расстоянии друг от друга, относительно изолированы и отличаются по быту и некоторым языковым особенностям от татар-мусульман. Различаются они и между собой (Татары, 1967, 51). Анализ языковых особенностей позволяет выделить следующие говоры: 1) говор за-казанских кряшен; 2) говор кряшен Нижнего Прикамья; 3) говор нагайбаков; 4) говор чистопольских кряшен; 5) говор подберезинских кряшен (см. карту-схему)¹.

ГОВОР ЗАКАЗАНСКИХ КРЯШЕН

Учеными высказан ряд предположений и приведены достаточно веские доказательства о добулгарской тюркизации Поволжья и Приуралья и о решающей роли этого процесса в формировании тюркоязычных народов края. Известно, что булгары с момента прихода их на территорию Среднего Поволжья тесно соприкасались с местными тюркскими и финно-угорскими народами (Халиков, 1971, 9—36; Закиев, 1977, 76). Как сообщают исторические источники, в X в. отдельные племена до их политического объединения под главенством булгар жили своей собственной жизнью. Булгарское государство было многоплеменным. В нем господствующее положение занимали булгары, которые, в свою очередь, состояли из различных племен. Как показывают исторические источники (напр., Греков, Калинин, 1948, 112), государство волжских булгар не имело твердо очерченных границ. В него входили сувары, эсегелы, берсулы, баранджары, собекуляне, челматы, темтюзи, буртасы, ары, черемисы, отчасти башкиры (Халиков, 1978, 81), а также славяне (Путешествие, 1939, 44). Возможно, что славяне до известной степени ассимилировались с булгарами. Язык булгар характеризовался, вероятно, многодиалектностью.

Появление булгарского населения в Предкамье, в бассейнах рек Меши и Казанки, относится еще к домонгольскому времени. Особенно активно эти земли заселяются после 1236 г., когда сюда массами переселяются булгары, бежавшие от монгольского нашествия (Халиков, 1978, 100).

В XII в. в булгарском государстве были обособившиеся племена, которые, очевидно, упоминались в русской летописи 1182—1184 гг.: "Окольнии же городе Болгарьский — Собекуляне и Челмата, совокупшиися со инеми Болгары зовемыми Темтюзи и совокупшиися их 5000 идота на пасады (на корабли), а из Торьцкого

¹ Отдельному исследованию подлежит татарский язык бесермян, живущих в северных районах Удмуртской АССР, которые зовут себя "кряшенами". По материалам экспедиции 1981 г., в настоящее время лишь их небольшая часть является двуязычной, т.е. умеет говорить и по-татарски, и по-удмуртски. Так как их татарский язык значительно отличается от говоров крещеных татар и татарского литературного языка, мы не останавливаемся на анализе говора бесермян-кряшен.

на коних" (см. также: Шпилевский, 1877, 139, 440). Археолог В.Ф. Генинг (1967, 277) считает, что собекуляне, челмата, темтюзи и другие являются названиями добулгарских тюркских племен, которые оставили памятники именьковского типа. Русские летописи их называют "иные булгары, зовемые темтюзи". Эти "иные булгары", судя по топонимам, оказались в основном на территории Предкамья (Заказанья), среди местного тюркского и финского населения, возможно, они формировались в некоторой степени обособленно от основной части булгар, а также, возможно, от общей мусульманской культуры. И в более поздние периоды, после монгольского нашествия, когда сюда массами переселялись булгары с основной территории, из левобережья Камы, а также в период Казанского ханства, возможно, те местные, коренные жители Заказанья смогли сохранить некоторые черты древней общности в языке и культуре и из-за слабого влияния на них ислама легче поддались христианизации.

Вообще, ко времени покорения Казанского ханства, как указывают историки (Греков, Калинин, 1948, 166; Мухаметшин, 1977, 25), влияние мусульманской религии на его население не везде было одинаковым. На территории ханства сохранились еще язычество или его пережитки. Ислам еще долго оставался религией только господствующих классов, народная же масса продолжала пребывать в язычестве. Такого же мнения придерживался Н.И. Воробьев (1929, 3), исследователь быта кряшен: "Можно со значительной долей вероятия сказать, что эти татары или совсем не были мусульманами, или находились в исламе так мало, что он не проник в их быт".

По дореволюционным источникам, крещеные татары Заказанья были сосредоточены, главным образом, в бывших Мамадышском, Лаишевском, Казанском уездах Казанской губернии, а также южной части Малмыжского уезда Вятской губернии (Одигитриевский, 1895, 5).

По сведениям Е. Малова (1910, 43), старокрещеных и новокрещеных татар в уездах Казанской епархии по церковным ведомостям 1862—1863 гг. было 45 347 человек:

Уезды	Старокрещ.	Новокрещ.
1. Мамадышский	15039	265
2. Лаишевский	12270	83
3. Спасский	187	375
4. Чистопольский	3252	704
5. Казанский	1601	960
6. Свияжский	593	4709
7. Тетюшский	—	3782
8. Цивильский	1090	—
9. Чебоксарский	—	427
Итого:	34042	11305

Заказанские крещеные татары — потомки татар, крещеных на месте их обитания (Чернышев, 1971, 284—291; Шпилевский, 1977, 89—91, 399; Юсупов, 1960, 106—107). Эта территория была центром бывшего Казанского ханства. Заказанская группа крещеных татар является наиболее древней (Мухаметшин, 1977, 27). Например, д. Ше-

морбаш, Ташкирмень, Янцевары, Нырсывары (село при речке Нырсы), упоминаются в писцовых и межевых книгах Казанского уезда (1603 г.). В д. Нырсывары упоминаются служилый новокрещен Анофрий Алибердиев, служилый татарин Иней Хозяшев, Сава Дербашалиев. До пожара 1883 г., истребившего 70 дворов, в д. Янцевары были кварталы: 1) мирзануклар (мирзаныкылар) — потомки мурз, 2) казак очы — казачий конец, 3) урыс очы — русский конец, 4) чуваш очы — чувашский конец. Большинство населения называлось служилыми новокрещенами (Износков, 1895, 35—36).

Что касается названия "чуваш", то по архивным документам второй половины XVI и XVII вв., почти во всех татарских селлах Заказанья значатся чуваша (Юсупов, 1971, 219; Писцовая, 1978). Слово чуваш в этих случаях объясняется как изменение от *суаз* / *сюаз* / *суас*, т.е., по мнению многих ученых, это было название древних местных добулгарских тюркских племен (Ковалевский, 1954, 20—23; Геннинг, 1967, 277; Закиев, 1977, 88).

На территории Заказанья названия некоторых крещено-татарских сел восходят к древним болгарским этнонимам, известным в истории.

Тямти (Тэмте) Сабинского р-на восходит к упомянутому выше *Темтюзи*; первоначальные формы, видимо, — *тэмтезе*, *тэмтеде*; Владимирово Мамадышского р-на до христианизации называлось *Кече Берсут* — восходит к этнониму *берсула* — *бер* 'одна', *су* 'вода' (т.е. племена, имеющие одну воду, одну реку); *Яансуар*, *Нырсуар*, *Иксуар* Пестречинского р-на — вторая часть этих названий восходит к этнониму *суар* — *су* 'вода', *ар*, *эр* 'человек, мужчина'. Как пишут исследователи, еще на юге среди болгар были племенные группы под названием *сувар* (Закиев, 1977, 89; Халиков, 1978, 57); *Крещеные Казыли (Керэшен Казысы, Керэшен Казиде)* Пестречинского р-на восходит к этнониму *каз* — *казар* — *хазар*, отсюда и название *Казан*. По мнению М.З. Закиева (1977, 93), хазарские племена пришли на Поволжье еще до болгар.

Как указывают историки, насильственному крещению подверглось и ассимилированное татарами нетюркское население этого края (Кунцевич, 1905, 352). Со временем все они стали называться "*керэшен татарлары*". Кроме того, в создании Казанского ханства активно участвовали и ногайские племена (Перегяткович, 1887, 128—136; 166—170). На возможность участия ногайского этноса в формировании татарского народа указывают и некоторые факты, приведенные современными учеными (Чернышев, 1971, 290; Булатов, 1974, 186—191; Закиев, 1977, 159; Гарипова, 1982, 123). Об участии ногайского компонента в этногенезе татар пишут и археологи А.Х. Халиков (1978, 125), Фахрутдинов Р. (1978, 156). Случаи оседания ногайцев имели место и в Заказанье. Возможно, часть из них приняла христианскую религию и стала называться кряшенами. Все это подтверждается и фактами языка при исследовании заказанского кряшенского говора.

Мамадышский уезд Казанской губернии считался наиболее пестрым в этнографическом отношении (Износков, 1885, 3). Основателями некоторых татарских деревень были удмурты и марийцы, которые

впоследствии были вытеснены (Износков, 1882, 105—106; Коблов, 1910, 25) или же отатарились в результате совместной жизни с татарами. Связи с соседними народами наблюдаются и в названиях некоторых селений. Например, названия таких сел, как *Дурга*, *Чепья-Цытья*, *Шудзя* — *Шуда*, *Зюмья* — *Юмья* (Балтасинского и Кукморского р-нов), близки к удмуртским родовым воршудным (воршуды — покровители счастья) именам (Худяков, 1917, 51; Саттаров, 1973, 178). Все это показывает, что предки татар с древних времен контактировали с финно-угорскими народами, что заказанская группа татар формировалась не только за счет тюркского населения.

По исследованиям И.А. Износкова (1885, 21), на месте, где находилась д. Малая Чура, до покорения Казанского ханства было большое селение, в котором жили татары, удмурты и марийцы, в д. Поршур — отатаренные удмурты, которые слились с крещеными татарами. Т.И. Тепляшина (1963, 263) пишет, что географические наименования с элементом *por* оставили угорские племена, а территория, на которой встречаются топонимы с основой *por*, некогда была заселена мансийскими родовыми ячейками; в настоящее же время слово *por* употребляется удмуртами в качестве этнонима марийцев. На территории Татарии марийские топонимы охватывают весьма обширную территорию и свидетельствуют, что в этих местах обитали древнемарийские племена (Саттаров, 1977, 24—25; Сепеев, 1970, 284).

В составе заказанского говора крышен выделяются подговоры, отличающиеся друг от друга фонетическими, морфологическими и некоторыми лексическими особенностями. Исследователь заказанского говора Н.Б. Бурганова в составе заказанского крышенского говора выделяет четыре подговора (ГТЭ, 1977, 80—88): примешинский, ташкирменский, прикамский и пришошминский. С этой классификацией следует согласиться, но по нашим материалам, выделяются еще кукморский, вятский и пакшинский подговоры.

Примешинский подговор. В заказанском говоре крышен ярко выделяется подговор крышен Пестречинского р-на, распространенный в крещено-татарских селениях по реке Меша: Янцеваы (Янсуар), Нырсоваы (Нырсувар), Толкяз (Талкыш), Таутермень (Тегерментавы), Кибячи (Кибяч), Ковали (Кэвэл), Альведино (Элбэдэн), Колкомерка (Көлкемэр), Креш. Серда (Керашен Сэрдэсе), Иксуар, Крещ. Казиле (Керашен Казысы), расположенных на старинной ногайской дороге². В этом подговоре, кроме черт, общих для всех говоров крышен (*ф* ~ *п*, *й* ~ *ж*, *л* ~ *к*, отсутствие звука *h* и др.), имеются следующие характерные особенности.

Фонетика. Гласные звуки. Звук *а* — гласный заднего ряда,

² В административно-территориальном отношении Казанское ханство было разделено на несколько областей — даруг: Галицкую, Алатскую, Арскую, Зюрейскую, Ногайскую. Даруга — слово монгольское — употреблялось в значении "правитель". Монголо-татарские улусы разделялись на округа, подчиненные даругам. Слово *даруга* позже стало отождествляться с русским словом *дорога*, т.е. путь, который вел от Казани в тот или другой округ Казанского улуса (Корсаков, 1908, 4).

нижнего подъема, произносится очень открыто: *алма* 'яблоко', *қара* 'смотри', *баралар* 'идут' и т.д. Во втором и третьем слогах после губных гласных звук *а* сильно лабиализуется, приближаясь в некоторых случаях к *о*: *озоқ* — литер. *озак* 'долго', *тото* — *тота* 'держит', *тузон* — *тузан* 'пыль', *бара тоғон ыйы* — *бара торған иде* 'бывало ходила'.

Звук *ә* — в говоре имеет два варианта: широкий (как в литературном языке) *ә* и более закрытый, узкий *э*. Вариант *э* употребляется после слогов, где имеются узкие гласные *и*, *э(е)*, например: *пешерә* 'варит', *киләләр* 'идут', *беткән* 'кончилось'.

Согласные звуки. В примешинском подговоре кряшен в конце слова и слога вместо смычно-взрывных звуков *к*, *қ* употребляется гортанный смычный глухой согласный ' (хамза): *бүлә'* — *бүләк* 'подарок', *чайне'* — *чайнек* 'чайник', *балы'* — *балык* 'рыба'.

Согласные *ж* и *ч* в рассматриваемом подговоре — аффрикаты с ослабленным взрывным элементом, встречаются в начале и середине слова: *тчақырым* 'верста', *тчилә'* — *чиләк* 'ведро'; *Ожаңа'* — *яңак* 'щека' и др.

Звуковые соответствия. Переднеязычным *ч*, *ш* литературного языка в следующих словах соответствует переднеязычный *т*: *тушы* — литер. *шушы* 'этот', *тушылай* — *шушылай* 'такой', *тишенә* — *чишенә* 'раздевается', *тишмә* — *чишмә* 'родник'.

В подговоре наблюдается также *ч* ~ *с/с'*: *пыс'ра'* — литер. *пычрак* 'грязь, грязно', *ич/ис'* — *бит* 'ведь', *ақс'а* — *акча* 'деньги';

й ~ *дж* ~ *з/дз*: *зегерме/Ожегерме* — *йегерме* (графич. *егерме*) 'двадцать', *Әзавлы'/Ожаулы'* — *йаулык* (графич. *яулык*) 'платок', *зөзөк/йөзөк* 'перстень';

Әж ~ *Әз* ~ *Ә* ~ *й*: *Әжук/Әжу'* ~ *дзук/Әзу'* ~ *дук/ду'* — *йук* (графич. *юк*) 'нет', *Әжуғары* ~ *зуғары* ~ *дуғары* ~ *йуғары* (графич. *югары*) 'высоко'.

Морфология. Личные местоимения *мин*, *син* в дательном падеже имеют форму *мәңа/миңа/манә/маа* 'мне', *сиңа/сәңа/саңа/саа* 'тебе': *Саңа бирми ис ул кәртчекәләрне* 'она тебе не дает же эти фотокарточки'.

В речи старшего поколения сохранилась древняя форма повелительного наклонения, образованная с помощью афф. *-тын/-ген*: *Этчеген тчәй, Ожасыйым* 'Выпейте еще чаю, налью'.

В д. Альведино Пестречинского р-на, отмечено употребление частицы *че*: *Көлкө түгел у, че!* 'Это ведь не смешно!'

Лексика. Здесь мы приводим наиболее характерные для данного подговора слова: *отто* 'название рыбы': *Беләк буйы оттолар тозладым бер күрчәгә* 'Солила одну корчагу рыбы величиной с руку'; *Марақа* — литер. *кысла* 'рак'; *Дусапкы* 'усадыба': *Дусапкыбыз өй урыннары белә утыз сутый* 'Наша усадьба — тридцать соток вместе с домом'; *Эт им тчәге* — *күзгә чыккан арпа* 'ячмень (на глазу)': *Ке тчи қызының күзенә эт им тчәге тчыққан* 'У маленькой дочки на глазах появились ячмени'; *Арлықый* — *кадәр, чаклы* 'до': *Түшле булыр ыйы менә тушыннан арлықый, түң-ән арлықый тәңкә* 'Вот до этого места был нагрудник, покрытый монетами'; *Зурлықый* —

зурлыгында 'по величине': Тушыны зурлыкый булыр ыйы беккэн, қазан беккэне 'Пирог, который печется в котле, бывает вот такой величины'; Балтыр *т^чүпрэ* — аяк чолгавы 'портянка': Балтыр *т^чүпрэ* биргәннэр, бөйстэр биргәннэр *о* жегеткә ағ алышқанда 'Когда обменивались белым, парню давали портянки, полотенце'; Богол — печән кибәне 'стог сена'.

В лексике этого подговора довольно много слов, общих с ногайским, кумыкским и каракалпакским языками, например: Антый 'сестра, тетя', ср. ног. *антей* 'сестрица (ласковое обращение младшего брата к старшей сестре)'; *т^че^тчекей* 'чашка с цветочными узорами', ср. ног. *шешекый* 'цветок'; *айбағар* 'подсолнух', ср. к.-калп. *айгабағар*; *абалау* 'громко лаять', ср. ног. *абалав* 'лаять, набрасываться с лаем'; *саа/саға* 'тебе.', ср. ног. *сага* 'тебе'; *тамақса* 'шейное украшение', ср. ног. *тамакша* 'подбородник (у уздечки)', кум. *тамақса* 'нижняя планка в ярке'; *ылақша/ыла'ша* 'лапша', ср. ног. *ылакса* 'лапша'; *кэбен қыйу* 'венчание в церкви', ср. кум. *кебин кыйыув* 'бракосочетание (по религиозному обряду)'; *тышқары* 'кроме', ср. к.-калп. *тыскары* 'вне, извне, снаружи'; *ардақлау/арда'лау* 'уваживать', ср. к.-калп. *ардаклау* 'оказывание почестей, проявление уважения, уваживание, заботливое отношение к кому-либо'; *че* — частица 'же, ведь', ср. ног. *ша* — частица 'же, ведь': *барган ша* 'он ходил же', *ол язган ша* 'он ведь писал'.

Из приведенных материалов видно, что примешинский подговор кряшен занимает особое место среди говоров крещеных татар. Этот подговор имеет общие черты с дубьязским подговором Заказанья (например, употребление очень открытого *а*, аффрикаты *о*ж, *т^ч*, соответствие *ч* ~ *с* и др.), а также с касимовским и бастанским говорами татарского языка, формирование которых происходило под влиянием ногайского языка. В данной группе кряшен до наших дней сохранилась старинная одежда, украшения и их названия, например: *тама'са*, *сырға бавы*, *сырға*, *чэчүреме/чэчқабы*, *қалпа'чача'*, *эдерэс камзул*, *казакый*, *түшле'*, *қәситэ/қәсилэ*, *сүрэкэ*, *сүрэкэ қанаты*, *мэлэчле'*, *жілкәле'*, *түгәрэ'* *о*жаулы', *а'* *о*жаулы' и др. Судя по языковым особенностям, сохранившимся до настоящего времени, примешинские крещеные татары представляют собой группу, восходящую к одному из древнетюркских племен, осевших на данной территории.

Ташкирменский подговор (с. Ташкирмень Лаишевского р-на ТАССР, расположенное в устье р. Меши) по языковым особенностям близок к примешинскому подговору, но имеет и некоторые отличия.

Фонетика. Звук *а* — негубной гласной заднего ряда, нижнего подъема, произносится очень открыто: *қала* — литер. *шәһәр* 'город', *а'на* — *атна* 'неделя'.

Звуки *қ*, *ғ* — глубокозаднеязычные, в начале слова произносятся особенно глубокозаднеязычно: *қаа бараң* — литер. *кая барасың* 'куда идешь?' В конце некоторых слов и слогов вместо глубокозаднеязычного звука *қ* и заднеязычного *к* употребляется (гортанная смычка): *Ни' чай эчмийең?* 'Почему не пьешь чаю?'; *И'мэ' пешердем* 'Хлеб испекла'; *о*жапыра' 'лист'; *эрэ'мэт* 'спасибо'.

Согласные *ж*, *ч* — аффрикаты, встречаются в начале и середине

слова: *джитен* 'лен', *джамне* 'красиво', *мырджа* 'печка', *Марджа* 'Маруся'; *мчилә* 'ведро', *мчәчә* 'цветок', *джиммчәмчә* 'название песни'.

В аффиксе деепричастия *-гач — ч ~ с*: *баргас* — литер. *баргач* 'когда пришел'.

Морфология. В глаголах изъявительного наклонения 2-го лица ед. числа вместо литературной формы *-сың/-сең* употребляется усеченный вариант *-ң*: *Тыннап тораң* (литер. *торасың*) *эле син* "Кала башы" *джырларын* 'Ты послушаешь еще наши песни "Кала башы"'; *Син тутай диң* (дисең), *безнең кебек сөйләшәң* (сөйләшәсең) 'Ты говоришь, тетя, разговариваешь как мы'.

В говоре этого села употребляется послелог *мчәре* 'до': *Өчкә мчәре саный* 'Считает до трех'; *Труйсынға мчәре* *джырлыбыз* "Кала башы" *көйләрен* 'До троицына дня поем песни "Кала башы"'.
Л е к с и к а.

Приведем некоторые диалектизмы ташкирменского подговора: *гомбақты* — литер. *көнбагыш* 'подсолнух'; *Гөбө сөтө* — *май әйрәне* 'сыворотка, которая остается после пахтанья масла'; *ылақша* — *токмач* 'лапша'; *джәшер* (в других говорах *нардуган*) 'святки, святочные игры'; *әйдегиде* 'название игры'; *джағалық* 'шейное украшение'; *эт терсәге* — *күзгә чыккан арпа* 'ячмень на глазу'; *немчеп тегү* — *кисеп тегү* 'кроить и шить': *Күмәкне немчеп тегә беләңме?* 'Умеешь кроить и шить платье?'; *мЧәй түбере* — *чәй чүбе* 'остатки от заварки чая'; *тыуған-игәмч* — *туған-тумача* 'родня'; *салмақлы* — *авыр* 'тяжелый, увесистый, массивный'; *ардақлау* — *кадерләү* 'ухаживать'; *ардақлы* — *кадерле* 'дорогой':

мЧәч тей омчларыңда көмеш тәңкә,

Тағып қына мчықсаң салмақлы.

Қыз дей мчақларыңда шунысы рәқәт,

Башқайларың була ардақлы

'На концах твоих длинных кос серебряные монеты,

Если только вплетешь, чувствуешь их тяжесть.

В девичью пору то прекрасно,

Что для всех ты дорога'.

В списке писцовых книг 1602—1603 г. об этой деревне имеются такие сведения: "Деревня Ташкирмень за служилым новокрещеном вопче с ясачными новокрещены. (А в ней служилой Мики) форка Шачюрын; оклад его 4 рубли с полтиною; поместье за ним жеребей, что был братом ево за Ефимом Кодаровым; владеет без дачи... (В той) же деревне в порозжих землях, что было за князем Кадышем Яушевым, пашни паханье — 40 четв. в поле, а пашут тое пашню деревни Ташкирмень ясачные чюваша..." (л. 6).

По материалам археологов, д. Ташкирмень является очень древней, здесь жили так называемые именьковские племена, относящиеся к предболгарскому времени. Выказано мнение, что потомков населения, оставивших памятники именьковского круга, может быть, следует видеть в татарах-кряшенах (Калинин, Халиков, 1954, 62; Старостин, 1971, 46). У д. Ташкирмень обнаружены валы древнего городища. Рядом с крупным городищем располагалось малое го-

родище (Старостин, 1971, 45). Это отражается и в топонимах: население деревни маленькое городище называет "Бишек тау" ("Кобыль-гора"), а большое — "Қала башы" ("Главная крепость"). По народным преданиям, здесь в очень древние времена велись жестокие бои, в результате чего большинство населения было уничтожено. Слово "Ташкирмень" — буквально обозначает каменную крепость.

В православии жители обращены, по преданию, еще при первом казанском архиепископе Гурии, но тем не менее они продолжали совершать языческие жертвоприношения. Например, жители старшего поколения еще помнят о *тавық келәу* 'жертвоприношение курицы', *сарық келәу* 'жертвоприношение овцы', *сыйыр келәу* 'жертвоприношение коровы'. На том месте, где совершали *сыйыр келәу*, к кустам рябины жители привязывали мелкую монету, завернутую в тряпку. Это место носило название *кирәмәт* (Износков, 1895, 34—35).

В летний праздник *жапырақ бәйрәме* букв. 'праздник листьев, троицын день' жители д. Ташкирмень, особенно старшее поколение, на месте "Қала башы" (это место они считают святым, верят, что там обитают святые духи) каждый год устраивают хороводы, поют оригинальные, старинные песни, передающиеся из поколения в поколение.

Во время экспедиции нам удалось записать все эти песни на магнитофонную ленту; они имеют различные названия: "°Жимчәчәк" (*жим* 'наживка, корм', *чәчәк* 'цветок'), "Без килдек" ("Мы пришли"), "°Жәмбәки" (смысл этого слова сейчас не могут объяснить), "Мәрийем" (имя девушки), "°Чей камыш" ("Сырой камыш"). Как говорят жители д. Ташкирмень, эти песни воспринимаются как святые, поэтому и слова песен не меняются, заново не придумываются³. Хотя в настоящее время многое в песнях непонятно самим исполнителям, можно предполагать, что песни эти, особенно "Жимчәчәк"⁴, исполнялись в честь духа воды и земли, поскольку кряшены этой деревни особенно усердно почитали "°җир имәннеге", "°сыу имәннеге (иминлеге)" — сохранность, целостность земли и воды. Только после троицына дня (*жапрақ бәйрәме*), после исполнения этих песен, можно было срывать листья и цветы, купаться в воде. В настоящее время некоторые слова песен непонятны, например: °Жәмбәки, °җәмбә буйы, Ағылы тау. Интересны также слова *дарай тун* 'шуба из шелковой материи', *нугай қамчы* 'ногайская плеть' и др. Начало и конец песен одинаковы, обязательным считается протяжно петь слова: "Абыз Бәқеймә, мулла Әпсәлим, бармыйық".

Слова *абыз* и *абызничество*, очевидно, весьма древнего проис-

³ Ср., например, тексты, записанные в 1964 г. во время экспедиции под руководством Н.Б. Бургановой (МТД, 1978, 30—32).

⁴ Песня "Жимчәчәк" записана фольклористами в 1958 г. в деревнях Камкино и Кр. Горка Краснооктябрьского р-на Горьковской области у мишарей. Песня "Нарынчак" (Нарыймжан?) записана в 1964 г. в д. Зур Тат. Сайман Николаевского р-на Ульяновской области (ТХИ, 1980, 178).

хождения. Известно, что раньше *абызы* являлись постоянными представителями местной власти и обладали определенными функциями управления. Это были авторитетные и уважаемые среди населения люди, известные к тому же своей ученостью. Во всех спорных случаях, возникавших между отдельными людьми и семьями, население деревни обращалось за советом к *абызам*. Они разбирали и улаживали хозяйственные и бытовые конфликты. Среди женщин такую же роль играли жены *абызов* или вообще пожилые женщины, отличающиеся умом и честностью (Татары, 1967, 208).

У татар употреблялось также слово *хафиз*, обозначающее человека, знающего наизусть коран. Однако слово *хафиз* / производное от него *абыз* (переход *хафиз* > *абыз* — явление общекрыпчакское — Ахметьянов, 1981, 53), кроме своего основного значения, стало обозначать грамотного человека вообще. В тюркско-татарской дипломатике XVII—XVIII вв. этот термин стал употребляться по отношению к писцам в качестве приложения к собственному имени. В русском делопроизводстве XVII в. *абыз* и *обыз* обозначали и грамотного человека, и служителя религиозного культа (Усманов, 1979, 128). Слово *абыз* в значении старого, уважаемого человека широко распространено среди немусульманской группы алтайских тюрков: телеутов, шорцев, кайбальцев, кумандинцев и др. (Радлов, 1888, 625—636); употребляется оно и в других диалектах татарского языка. Например, в мензелинском говоре старшую и грамотную женщину в знак уважения зовут *абыз түткэй*⁵. В говоре причепецких татар *абыз* — знахарка. Особенно активно употребляется это слово в говорах мишарского диалекта (ТТДС, 18).

Пакшинский подговор (с. Крещ. Пакшин Мамадышского р-на). По рассказам старожиллов, в этом селе в очень далекие времена поселились пришельцы с территории нынешнего Чистопольского р-на ТАССР. У населения этого села широко распространены, в основном, три фамилии: Минкины, Минкашевы, Мальцевы. Пакшинский подговор характеризуется следующими диалектными особенностями.

Фонетика. Звук *а* — негубной гласный заднего ряда нижнего подъема. В говоре наблюдается его сильное позиционное огубление: *тулойок* — литер. *тула ойык* 'войлочный чулок', *озотолор* — *озаталар* 'провозают', *кодо* — *кода* 'сват', *тузон* — *тузан* 'пыль', *куйон* — *куян* 'заяц'.

Звук *э* — негубной гласный переднего ряда, нижнего подъема. После слогов, где имеются гласные *и*, *э(е)*, *ө*, *ү*, звук *э* почти полностью ассимилируются: *жирги* — литер. *жиргэ* 'к земле', *шикир* — *шикэр* 'сахар', *жөрмэ* — *йөрмэ* 'не ходи', *өстөлде* — *өстэлдэ* 'на столе', *эшке* — *эшкэ* 'на работу', *пешере* — *пешерэ* 'варит', *түгерек* — *түгарэк* 'круглый'. Остальные гласные звуки по характеру артикуляции не отличаются от соответствующих звуков татарского литературного языка.

⁵ Ср. тат. литер. *абыстай* — *абыс-тай* > *абыз* (*ту*) *тай* // (*ту*) *тэй* > *абыстай* — обращение к ученой женщине (в большинстве случаев к служительнице религиозного культа). Отсюда и слово *абый* — уважительное обращение к старшему мужчине.

В употреблении согласных звуков имеются следующие особенности: звуки *к, г* в отличие от литературного языка заднеязычные: *кар* 'снег', *кармак* 'удочка'⁶; в речи старшего поколения вместо литер. *з* во многих словах произносится интердентальный *d*: *одон* — литер. *озын* 'длинный', *дәңгәр* — *зәңгәр* 'синий', *жәдек* — *йөзек* 'перстень', *кадер* — *хәзер* 'сейчас'.

Морфология. В пакшинском подговоре более активно, чем в других говорах кряшен, употребляется двойной аффикс принадлежности, например: *Керешен күлмеклересен (күлмәкләрен) кийелер ийе* 'Одевали кряшенские рубахи'; *Кар базысы (базы) өйөнде, газы өйөнде* 'Погреб у них дома, газ дома'.

Аффиксы *лай-/лэй, -луй/-лей* активно участвуют в образовании наречий, присоединяясь к именам существительным, числительным, например: *Күкейлей (күкәйле) уйный* 'Играет в яички'; *Сөтлей (сөт көенчә) эчәсеңме, бутка пешерәсеңме?* 'Будешь пить в виде молока или кашу будешь варить?'; *Икенчелей (икенче тапкыр) керем кич белен* 'В другой раз зайду вечером'. В некоторых случаях афф. *-луй/ /-лей*, присоединяясь к наречиям с афф. *-чә/-ча*, усиливает их значение: *Мишерчелей* (литер. *мишәрчә*) *әйтәләр* 'Говорят по-мишарски'; *Бүтенчелей белмейбез, туйда кийеүге шулай жырлыйбыз* 'По-другому не знаем, во время свадьбы жениху вот так поем'.

Активно употребляются сочинительные союзы *дагын/ дәген, тагын/ тәген* (вместо литер. *да/ дә, та/ тә*), например: *Житенне талкыйлар, талкыйлар ыйы дагын жерлейләр ийе* 'Раньше лен трепали-трепали и пряли пряжу'; *Урманнан кайткан дагын жүгереп мында таба кили* 'Вернулся из леса и бегом бежит в эту сторону'.

Лексика. Приведем некоторые лексические особенности характерные для данного подговора: *эрәпә* 'поминки' (*Оло көннөн өчөнчә көннө пички йагып әйбер пешере, эрәпә була* 'На третий день пасхи топят печку, пекут что-нибудь, устраивают поминки'); *әтей агай* (у других кряшен *урсәти*) 'крестный отец'; *әней түти* (у других кряшен *урсәни/урсай*) 'крестная мать'; *буйдымар* (у елабужских кряшен *мыйтумар*) 'женское нагрудное украшение' (*Буйдымарны элек кигеннер* 'Буйдымар носили раньше'); *сүреке* — *сүрәкә* 'головной убор, сорока'; *бөйстер/тастымал* — литер. *сөлге* 'полотенце'; *жәйләү* — *чәй тәлинкасе* 'чайная тарелка'; *тыккыч* — *бөке* 'пробка'; *почкак йурган* — *корама юрган* 'ватное одеяло, сшитое из маленьких кусков материи', ср. в диалектах сибирских татар *поцкак тун* 'шуба из шкурок, снятых с лапок лисиц и других зверьков'.

Говор с. Крещ. Пакшин представляет большой интерес тем, что в нем переплетены особенности мишарского и среднего диалектов и сохранены редко встречающиеся в настоящее время в Заказанье такие фонетические особенности, как полная ассимиляция звука *ә*, сильное позиционное огубление звука *а*, употребление интердентального *d* и др.

Вятский подговор (села Старый и Новый Мачалкино (Мучалы),

⁶ В заимствованных словах произносятся глубокозаднеязычные *қ, ғ: газ* 'газ', *шәһәр* — *шәһәр* 'город', *қылас* 'класс', *кағар* — *каһәр* 'проклятие', *Пақшин* — Пакшин и др.

Дюсьметьево (Дүсмәт), Крещ. Ерыкса (Кумазан башы), Васильево (Әжмәк), Новый Кумазан (Яңа Комазан), Зюри (Жәри) Мамадышского р-на, расположенные около р. Вятки на бывшей Зюрейской дороге).

Фонетика. Характерной особенностью этого подговора является активное употребление межзубного интердентального *d*, который соответствует круглощелевому звонкому *з* татарского литературного языка, например: *дабут* 'завод', *үдем* — *үзем* 'я сам, сама', *bodayu* — *бозау* 'теленок', *дәңгәр* — *зәңгәр* 'синий', *әдерәк* — *әзрәк* 'меньше', *қәдер* — *хәзер* 'сейчас' и другие.

Отдельные звуковые соответствия: *ей* ~ *ү*: *бүвә*, *бөйә* — литер. *бува* 'пруд'; *л* ~ *н*: *үренә* — *үрелә* 'тянется'; *ч* ~ *с*: *әтәс* — *әтәч* 'печух'; *х* ~ *к*: *хәбер* — *кабер* 'могила'.

Морфология. В морфологии особенностей, характерных только для этого подговора, почти нет. Однако нужно отметить более активное употребление афф. *-лай/ләй*, *-луй/лей/ли* в образовании наречий: *Икенчелей тағын чақыра* 'Второй раз еще вызывает'. Активно употребляются формы деепричастий на *-гачын/гәчен*: *Сез кигәчен күңелем ачылды*. 'После того как вы пришли, у меня поднялось настроение'.

Лексика. Употребляются следующие диалектизмы, не отмеченные в других говорах: *чүб итеү* (у других кряшен *чүк иту*) 'полевое моление'; *әпрән* — *әрекмән* 'лопух', *жәйдақ* 'всадник', *жисерләну* — *азаплану*, *тырышу* 'мучиться, делать что-либо с трудом'. Названия одежды *мәләнчек*, *чигәчә*, *сүрәкә*, *сақал*, *кәсилә* и др. не отличаются от таковых у других кряшен.

Итак, самой отличительной особенностью этого подговора является употребление интердентального *d*. Сохранение в говоре крещеных татар Мамадышского района интердентального звука говорит о том, что в составе населения казанских татар издавна были племена, у которых говор был близок к современному мензелинскому говору, самому значительному говору среднего диалекта, распространенному на обширной территории восточных районов ТАССР и западных районов БАССР.

Прикамский подговор охватывает населенные пункты Никифорово (Чиябаш), Владимирово (Кече Берсут), Бол. Арташ (Олы Әрнәш), Верх. Арняш, Нижн. Арняш, Албай, Урманчеево (Урманчи), Кулуши (Кылыччы) Мамадышского р-на; Бол., Сред. и Мал. Машляки (Зур, Урта, Кече Мәшләкләр), Шеморбаш (Шомыртбаш), Уреево-Челны (Урей), Алан-Полян, Иванаево (Тупылат) Рыбно-Слободского р-на; Субаш, Старый Карабаян (Кылбагыш), Тямти (Тәмте) Сабинского р-на ТАССР.

Фонетика. Звук *а* — негубной гласный заднего ряда, нижнего подъема, произносится нелабиализованно: *ақ* 'белый', *қара* 'смотри'.

Звук *ә* — имеет два варианта: широкий, как в литературном языке *ә*, и более закрытый, узкий *ә̣*, который употребляется после слогов, где имеются гласные *и*, *э(е)*, например: *шикәр* 'сахар', *чиләк* 'ведро'.

Звуки *қ*, *ғ* — глубокозаднеязычные. В данной группе говора звук *қ* произносится особенно глубокозаднеязычно: *қара* 'смотри', *қаты*

‘жесткий’⁷. В словах, заимствованных из русского языка, произносится также глубокозаднеязычный *q*, например: *Луқа* ‘Лука’, *лақ* ‘лак’, *қарawat* ‘кровать’, *қапитан* ‘капитан’, *қырыс* ‘крыса’ и др.

Морфология. После аффикса принадлежности в винительном падеже 1 и 2-го лица в речи представителей старшего поколения употребляется огузская форма: *эйбереңе* — литер. *эйбереңне* ‘твою вещь’; *үдеңе* — *үзеңне* ‘тебя’; *қызымы* — *кызымны* ‘мою дочь’, *чәчеңе* — *чәчеңне* ‘твоих волос’.

С исходным падежом часто употребляется послелог *айрақ* ‘до’: *Моннан айрақ таңқәйе, чәчүрем ийе* ‘Вот до этих мест были монеты, накосное украшение’; *Аннан айрақ ничек жийәү киләсен* ‘Как можно пешком прийти так издалека’.

Лексика. Диалектная лексика этого подговора довольно своеобразна. В словарном составе имеются слова, свойственные только этому подговору: *бит жаулыгы* — литер. *сөлге* ‘полотенце’; *чақ* — *начар* ‘плохой’: *Сыйырыбыз чақ* ‘Корова у нас плохая’; *чыңқый* — *чынлап* ‘на самом деле’: *Ул чағында чыңқый радииянын жуқ чағы* ‘Тогда на самом деле не было радио’;

*Өстәл өсләрендә эскәтер,
Эскәтер өсләрендә чынайақ.
Чынайақ тигәнәбез чыңқый көмөш,
Чыңқый қодаларыбыз сез имеш.*
(песня, д. Машляк)

На столе скатерть,
На скатерти чашка.
То, что мы говорим “чашка”, — истинное серебро,
Истинные сваты у нас, как бы, вы’.

Кейекчеләр — *аучылар* ‘охотники’; *Кейемче* — *тегүче* ‘швея’: *Кейемчеләр кийем кисәдер, қала микән анын почқагы* ‘Швеи кроят одежду, останутся ли остатки’; *Алачық* — *мунча өялды* ‘передняя часть бани’; *Метери мучада жоқлаған, мин алачықта жоқлаған* ‘Дмитрий уснул в бане, я уснула в передней’; *Ағай/ағачай* — *абый, абзый* ‘дядя’; *таты жуқ* — *тәме юк* ‘нет вкуса’: *Ипейнең дә таты жуқ* ‘И у хлеба нет вкуса’; *Йәш тутыру* — *түган көн үткәру* отпраздновать день рождения: *Кукмараға йәш тутырыға барған* ‘Ездил в Кукморы праздновать день рождения’; *Пужым* — *нигез* ‘позем’: *Үскән пужымыма қайтасым килә дип жылый* ‘Плачет, что хочет вернуться к поэму, где она росла’; *ақ чәчәки* ‘ромашка’; *кесәллег оно* — *солы оны* ‘овсяная мука’: *Кесәллег оно коймағы пешерә торғаныйык* ‘Раньше пекли оладьи из овсяной муки’.

Жители населенных пунктов относящихся к этому подговору, активно общаются между собой. У них, например, существует древний татарский национальный праздник, который проводится в соответствии с христианскими календарными праздниками то в одной, то в другой деревне и называется *чүк бәйрәме* — литер. *жыен* букв. ‘сбори-

⁷ В словах *кәдерле* — *кадерле* ‘дорогой’, *кийапат* — *кыяфәт* ‘вид, наружность’, *кәсилә* — *хәситә* ‘омуть’ звук *k* произносится как заднеязычный.

ше': *Өч Әрнәшенәң чүк бәйрәме була: Йугары Әрнәш, Түбән Әрнәш, Зур Әрнәш* 'Три (деревни) Арняш справляли праздник чүк: Верхний Арняш, Нижний Арняш, Большой Арняш'; *Мәшнәк чүге* 'чүк деревни Машляк' (проводится примерно в первую неделю июня; в нем участвуют деревни Верхний и Нижний Арняш, Машляк, Кулуши и др.); *симет чүге* 'праздник семик' (в нем участвуют деревни Алан-Полян, Албай, Шеморбаш и др.); *тручын чүге* 'праздник троицы' (совпадает с христианским праздником троицы; в нем участвуют деревни Владимир, Урманчы, Абди, Иванай и др.); *тупылат чүге* 'праздник Тупылат' примерно 22 июня, в нем участвуют деревни Большой Арташ, Тупылат /Каз. Челны и др.); *Питырау чүге* 'Петров день' (проводится 15 июля; в нем участвуют деревни Шеморбаш, Албай, Никифорово /Чиябаш и др.).

Пришошминский подговор (села, расположенные по р. Шошма: Биктяшево (Биктәш), Дурга (Дорга), Старая Ципья (Иске Чепья), Верх. Чура (Югары Чура), Мал. Чура (Кече Чура), Поршур Балтасинского и Кукморского р-нов ТАССР и говор еще одного села — Нусла (Носла) Малмыжского р-на Кировской обл.).

Фонетика. Звук *a* в начале слова и в последующих открытых слогах — умеренно открытый, а после губных гласных — огубленный: *аша* 'кушай', *алма* 'не бери', *Анка* — имя собственное, *тора*^О 'стоит', *тота*^О 'держит', *шула*^{Ой} 'так, такой', *тува*^{Орла}^{Ор} 'скотина'.

Явление сингармонизма ясно выражается в губной гармонии, т.е. под влиянием звуков *o*, *ө* в последующих слогах огубляются звуки *ы*, *e*: *боронго* — литер. *борынгы* 'древний, бөйстер/бистәр — сөлге 'полотенце', *қош қоно* — *кыш көне* 'зимой'.

Звуки *ç* *ғ* — глубокозаднеязычные, как и в литературном языке. В конце слова или слога *ç* заменяется фонемой' (гортанной смычкой): *қоча*'лый — *қочак*'лый 'обнимает'; *қарма*' — *қармак* 'удочка'.

Фонема ' употребляется также вместо *t* перед сонорными *л*, *н*: *рә'ле* — *рәт'ле* 'порядочный', *а'на* — *атна* 'неделя', *за'лы* — *затлы* 'роскошный'.

Между двумя гласными звук *ғ* выпадает: *та(ғ)ын* — *тагын* 'еще', *нийә* — *нигә* 'почему', *саат* — *сәгать* 'часы', *иртә* (*г*)э — *иртәгә* 'завтра'.

Морфология. Широко распространены личные имена с афф. -ка/-кә: *Лискә* 'Лиза', *Лүпкә* 'Люба', *Диңкә* 'Денис', *Саңка* 'Саня', *Бәчкә* 'Василий', *Питкә* 'Петя'.

Сравнительно с другими говорами кряшен более активно употребляется инфинитив на -ма(ғ)а/-мә(г)ә: *Май җазма(ғ)а менәм дигән ийе* 'Сказал, что придет сбивать масло'; *Кәзер өйгә қайтам ди, тавы'ларға ашама(ғ)а бирәм дә киләм, ди* 'Говорит, сейчас пойду домой, дам корм курам и вернусь, говорит'.

2-е лицо изъявительного наклонения мн. числа в говоре имеет афф. -сығыз/-сегез: *Ишекне ача беләсегезме?* 'Умеете открывать дверь?'; *Жырлыи беләсегезме?* 'Умеете петь?'

Вместо литер. *да/дә*, *та/тә* употребляется союз *дагын/дәген*, *тагын/тәген*: *Мин үзем морҗачыи йым дагын, қәзер тузып киттем* 'Я сам был печником, сейчас состарился'; *Чи'ләшекне җыйды' тагын сатты'* 'Собирали орехи и продавали'.

Лексика. Лексическая специфика данного подговора проявляется во всех тематических группах: *тожом* 'струны гусли', *бутый* — *ботка* 'каша': *Тары бутыйы пешеребез диган ийем* 'Хотела сварить пшеничную кашу'; *дурчый* — *дурочмак* 'шанга'; *күзей* — *кузикмак* 'тонкая лепешка'; *бәки* — *бәкәй* 'ягненок, козленок'; *алма* — *бәрәңге* 'картошка': *Өч ситнир алма чыты бу бақадан* 'С этого огорода получили три центнера картошки'; *чай тоқмачы* — *кош теле* 'хворост, вид праздничного кушанья'; *бағалма* — *алма* 'яблоко'; *тувар* — *мал, хайван* 'скотина': *Туварларға ашама(ғ)а бирәсе бар* 'Нужно дать корм скотине'; *Та(ғ)ан асты* — *яшьләр уены* 'игра молодежи: *Питырауда та(ғ)ан асты жасыйлар, уйын була жәшиләрнең* 'В Петров день устраивают *таған асты*, молодежь проводит игры'; *чақыру* — *кычкыру* 'петь (о птицах)': *Әтәч чақыра* 'Петух кричит', ср. в говоре пермских татар:

Чақырма кәкүк қаршымда

Чақыр ағач башында...

'Не кукуй кукушка передо мною,

А кукуй ты на верхушке дерева'.

(ТТДС, 422)

Тәтә — *апа* 'тетя': *Думый тәтә, Лизкәтә сездәме?* 'Тетя Домна, тетя Лиза у вас?'; *жыра* 'тәтә — *әнисенең апасы* 'старшая сестра матери (букв.: далекая тетя)': *Жыра* 'тәтә, қат жибер, жәме' 'Далекая сестра, письмо пришли, ладно'; *жырағай* > *жырақ ағай* — *әнисенең абыйсы* 'старший брат матери (букв.: далекий дядя)'; *бейем* — *кайнана* 'свекровь' (раньше употреблялось также слово *печкә* в значении *бейем* 'свекровь'); *бейатай* — *кайната* 'свекровь'; *Ызур әней, ызур әтей* 'большая мама, большой папа', ср. рус. *крестная мать, крестный отец*, у других крышен — *урсәти, урсәнәй; нәнә | нәнәй* — *әни* 'мать, мама'; *нини* — *әтисенең абыйсы* 'старший брат отца', ср. в удмуртском *нюнь, нюньи, нюня* — обращения к старшему брату и, вообще, к старшим мужчинам (Тепляшина, 1977, 108).

Кукморский подговор: села Ошторма-Юмья (Жумья), Сардаусь (Сәрдәвеч), Урясбаш (Үрәчбаш), Нижний Уряс (Түбән Урас) Кукморского р-на. Среди них имеются села, в которых татары с давних времен жили в соседстве с удмуртами, т.е. половина деревни — удмурты, половина — крещеные татары. К таким, например, относится с. Ошторма-Юмья. Все удмурты в нем хорошо владеют татарским языком, в то же время крещеные татары свободно говорят по-удмуртски. В говоре этого села следующие особенности.

Фонетика. Гласный *a* произносится открыто, неогубленно: *Аня, Маня* — имена собств., *алма* 'яблоко'. Звуки *к, г* — в отличие от литературного языка — заднеязычные: *кара* 'смотри', *кагаз* 'бумага'; *ы, е ~ и* в словах: *ичә* — литер. *эчә* 'пьет', *иченә* — *эченә* 'внутри'; *a ~ ә: жәйдәк* — *жәйдак* 'всадник'.

В именах собственных ударение падает на последний слог: *Галя, Валя, Вача, Вася, Одок* 'Авдотья' и другие. Слово *варенье* произносится как *варнә*.

Морфологических особенностей, свойственных только этому подговору, нет.

Лексические особенности этого подговора также не являются только его достоянием. Те же особенности могут встретиться и в других подговорах кряшен. Приведем лишь следующие слова: *чартлау* — *бик нык эчәсе килү, сусау* 'испытывать жажду, жаждать'; *диңгез* — *нигез* 'фундамент': *Диңгез буткасын пешергәченән миләш утырталар* 'После того как сварят кашу (в связи с закладкой фундамента), сажают рябину'; *калын тәбә* — досл. 'толстый омлет' (традиционное кушанье во время свадьбы); *кырайагы* — *коры жир* 'сушь, суша'; *кипен: чэй кипене* — *чэй эчәргә яратучы* 'любитель чаевничать, пить чай'.

В говоре удмуртов и кряшен с. Ошторма-Юмья имеются некоторые общие термины родства: *анай* 'мать', *атай* 'папа', *апай* 'тетя', а также общие обряды и их названия, например: *пучы бэйрәме* 'вербный праздник' (у других кряшен — *бәрмәнчек, бәрмәчтеки*), ср. удм. *пучы* 'верба, почка (дерева)'; *кечтун көн* 'поминки', а в удм. *кисьтон карон* 'поминать умерших', *бужы чабу* 'святки (у других кряшен *нардуан чабу*)'. Ср. у причепецких татар и бесермян Удмуртии в этом же значении — *божо йачкылау*.

ГОВОР КРЯШЕН НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ

Примерно в ста населенных пунктах Елабужского, Мензелинского, Челнинского (ныне Тукаевского), Нижнекамского, Альметьевского р-нов ТАССР и Бакалинского р-на БАССР вместе с другими группами татар живут крещеные татары, переселившиеся сюда в XVI—XVII вв. из центральных районов бывшего Казанского ханства (Матвеев, 1910; Никольский, 1914). Причинами переселения в восточные р-ны были наличие свободных земель, большие природные богатства, а также усиление социального и национального гнета и религиозного преследования со стороны царского правительства (Григорьев, 1948, 236).

Переселение народа в восточные р-ны началось с середины XVI в. (после покорения Казанского ханства) и продолжалось до XVII—XVIII вв. (Сборник, 1898). Часть населения пришла на новые места, уже будучи христианами (крещеные татары и часть чувашей), а другие — мусульманами и язычниками (татары, черемисы, вотяки, чуваш и мордва). Крещеные татары, живущие в указанных районах, в архивных документах и записях Уфимской епархии обозначены как старокрещеные (Златоверховников, 1895, 120—150). И по отдельным источникам видно, что деревни крещеных татар существовали на этой территории давно. Например, еще в исторических актах 1676 г. говорится о набегах башкирцев на крещено-татарские деревни Баграж и Ляки Уфимского уезда, расположенных на Закамской линии (Кеппен, 1861, 360).

В период строительства Закамских укрепленных линий (1651—1830 гг.) сюда переводили на работу в основном с нагорной стороны Казанской губернии чувашей, марийцев и удмуртов. При начале работ по устройству Закамской черты первыми работниками были ясачные

мордва и чуваша с горной стороны; назначались они на разные сроки, но некоторые оставались за Камой и на постоянное жительство (Списки, 1866, с. XVIII). В списках сел старокрещеных татар указаны почти все деревни крещеных татар Мензелинского и Белебеевского уездов Уфимской губернии — Юшады, Мелекес, Савалеево, Маты, Ахманово, Азмеево и другие (ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, ед. хр. 47). Число крещеных татар увеличивалось и за счет христианизации их в более поздние периоды.

В архивных документах можно найти сведения о переселенных крещеных татарах, о их связях с теми или иными населенными пунктами (напр., ЦГА ТАССР, дело Казанской духовной консистории, ф. 4). О д. Мелкенъ Мензелинского р-на в архивных документах имеются следующие строки: "старокрещены, перешедшие из Казанского уезда Зюрейской дороги из д. Старый Карабаян, Старая Икшерма, Янцева" и др.; о д. Мелекес Челнинского (ныне Тукаевского р-на) говорится: "Уфимского уезда Казанской дороги, ясашные старокрещены, пришедшие из разных мест, жены взяты из д. Монай, Сейтак, Пяначи, Чабья — Зюрейской дороги, Мортыш — Арской дороги" и т.д.; "д. Айталан — Казанского уезда Зюрейской дороги — служили государственные старокрещеные, жены взяты из с. Верх. Ерыклы, Крещ. Пакшин" и др. (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, ед. хр. 465). В XIX столетии наблюдается сильное отступничество, и миссионеры направляют свои усилия на строительство церквей на этой территории. Так, по статистическим данным Уфимской епархии, строительство церквей во многих деревнях относится к концу XIX столетия:

"С. Юшады — церковь в 1885 г. В приходе: 1785 — старокрещеные татары и черемисы, 407 — чуваш, 196 — отпавшие в магометанство.

с. Мелькени — церковь в 1890 г. В приходе: 1818 — старокрещеные татары, 80 — отпавшие в магометанство.

с. Балтаево — церковь в 1857 г. В приходе: 291 — старокрещеные татары, 34 — отпавшие в магометанство.

с. Савалеево — церковь в 1889 г. В приходе: 810 — старокрещеные татары, 52 — чуваш, 231 — отпавшие в магометанство.

с. Драгун-Бехметово — церковь в 1889 г. В приходе: 410 — чуваш, 61 — отпавшие в магометанство чуваша.

с. Баткак — церковь в 1882 г. В приходе 137 — старокрещеные татары, 532 — отпавшие в магометанство.

с. Мелекес — церковь в 1888 г. 2898 — старокрещеные татары.

с. Балчыклы — церковь в 1882 г., старокрещеные.

с. Аты — церковь в 1890 г. В приходе: 1705 — старокрещеные татары, 397 — чуваша, 379 — отпавшие в магометанство.

с. Ляки — церковь в 1782 г. 1932 — старокрещеные татары.

с. Бурды — церковь в 1888 г. В приходе: 2450 — старокрещеные татары, 49 — отпавшие в магометанство.

с. Усы — церковь в 1895 г. 941 — старокрещеные татары.

с. Килеево — церковь в 1861 г. В приходе: 23 — башкиры и тепляри, 1133 — старокрещеные татары, 297 — мордва.

с. Маты — церковь в 1887 г. В приходе: 683 — крещеные чуваша, 1021 — старокрещеные татары.

с. Ахманово — церковь в 1893 г. 28 — чувашаи-язычники и старокрещенные татары” (Златоверховников, 1899, с 120—150).

Говор кряшен Нижнего Прикамья характеризуется тем, что в нем имеются черты заказанского, мензелинского, а также соседнего чистопольского говоров. В этом говоре выделяются четыре подговора: елабужский, челнинский, заинский и бакалинский.

Елабужский подговор распространен в следующих селах: Айталан, Бол. Шурняк (Зур Шурнәк), Старое Утяганово (Иске Утәгән), Мунайка (Монай), Старое Гришкино (Иске Бигәш), Черкасово (Черкас), Умяково (Үмәк) Елабужского р-на ТАССР и села Порым и Тулабай Граховского р-на Удмуртской АССР.

Возникновение деревень крещеных татар в пределах современного Елабужского р-на совпадает по времени с основанием г. Елабуги (1552 г. — см.: Шишкин, 1901, 25); жители деревень Старое Гришкино (Иске Бигәш), Умяково (Үмәк) и других, расположенных недалеко от г. Елабуги, с древних времен считали себя старокрещеными. В 1735 г. по указу Сената в г. Елабуге (тогда он назывался дворцовым селом) открылась миссионерская школа. Ее целью было укрепление христианской религии и обучение русского языку крещеных татар, удмуртов, мари, мордвы и чувашей. Еще в XVI в., задолго до открытия этой школы, население крупных сел в окрестностях Елабуги было христианизировано (Вятская, 1870, 86).

В елабужском подговоре в отличие от других говоров кряшен отмечены следующие особенности.

Фонетика: *а ~ ә: жәйдәк* — литер. *жайдак* ‘всадник’, *жамагат* — *жәмагать* ‘общество’; *өй ~ ө: өрәнәү* — *өйрәнү* ‘изучение’; выпадение звука *н* в частице вопроса *-мыни/-мени: Эшкә чыкмадыңмыи* ‘Разве ты не вышел на работу?’; *Кина була дей. Бүгеммей?* ‘Говорят, будет кино. Сегодня что ли?’

Морфология. Для елабужского подговора характерно употребление уменьшительно-ласкательного афф. *-қай/-кәй* (*жаникай* ‘душенька’, *жаулықай* ‘платочек’, *күмәкәй* ‘платьеце’) и послелого *арлық* в м. *хәтле, кадәр* ‘до’ (*Моннан арлық жиң була күмәктә* ‘Рукава платья бывают до сих пор’; *Ничек қайтырсын аннан арлық?* ‘Как ты вернешься оттуда?’). Вместо конструкции *кебек тойола* ‘кажется’ употребляется слово *тия:* *Бу жаулық мийа амыр тийә* ‘Этот платок мне кажется тяжелым’; *Ашығыз тәмне тийә* ‘Ваш суп мне кажется вкусным’; *Бу жаңа күмәкләр мийә әйбәт тийә* ‘Эти новые платья мне кажутся хорошими’.

Лексика. В елабужском подговоре выделяются следующие слова и термины: *очтомақ* — *оажмах* ‘рай’; *чүкәтә* — *туп* ‘мяч’; *тәбәшәк* — *тәбәнәк* ‘низкий’; *нәнәй/мама* — *әни* ‘мама’; *аба/ағай* — *абый, абзый* ‘дядя’; *малай* — *бала* ‘ребенок’; *қыз малай* — *қыз бала* ‘девочка’; *истәргәнә* *чыгу* ‘игра во время святок’; *қабақ* ‘магазин’; *жут* — *эндәшми торган кеше* ‘молчаливый человек’; *жисерләну* — *азаплану, тырышу* ‘мучиться, делать что-либо с трудом’; *жәнжаллау* — *тавыш чыгару* ‘ссориться, скандалить’; *қырнақ* ‘тонкий слой первого снега или осенние сильные заморозки’.

У елабужской группы кряшен до наших дней сохранилась старин-

ная одежда, которую во время экспедиций нам удалось сфотографировать в полном комплекте. Эта одежда не только по фасону, но и по названиям в определенной степени отличается от одежды других групп кряшен, например: *қалталы күмәк* — литер. *бала итәкле күлмәк* 'платье с оборками'; *алчүперәк* — *альяпкыч* 'фартук, передник'; *мантай тәңкә, маңтай уқа, сүрәкә, чигәчә мөләнчек* — головные уборы и украшения; *мут'имар/бут'имар/бут'умар* — женское нагрудное украшение, надеваемое через плечо на грудь. Кряшены этой группы не употребляют *түгәрәк жаулық* 'круглый платок', характерный для заказанской группы кряшен. По украшениям и одежде елабужская группа кряшен близка к южным удмуртам и бесермянам (Белицер, 1961, 77—78).

Н.И. Воробьев (1969, 47) указывает, что, согласно преданиям, кряшены елабужской группы являются отатарившимися удмуртами. Однако в языке их не прослеживаются следы удмуртского субстрата. Названия некоторых сел являются аналогичными древнебулгарским (Саттаров, 1973, 219, 231).

Челнинский подговор распространен в следующих селах: Мелекес (Мәләкәс), Бурды (Борды), Сред. Пинячи (Урта Пәнәче), Кабан-Бастрык, Верх., Сред. и Новый Баграж, Поповка Тукаевского р-на, Бал. Аты (Зур Аты), Чабья, Мал. Ерыклы (Кече Жырыклы), Балчиклы (Балчыклы), Клятлы (Желәтле), Кашаево (Кашай), Наримановка, Байданкино (Ширмеш авылы) Нижнекамского р-на, Верх. Юшады (Югары Юшады), Старый Мелькен (Иске Мәлкән), Кадряково (Кадрәк) Мензелинского р-на, Ляки (Ләке) Сармановского р-на, Крещ. Шуран (Керәшен Шуран), Усы Муслюмовского р-на. Все эти села поддерживают между собой связь.

По преданиям, кряшены Нижнекамского р-на переселились сюда с территории современного Мамадышского р-на Заказанья. Например, д. Наримановка считается переселенной из д. Кулуши (Кылычы), д. Чабья — из д. Старая Чабья (Иске Чабья) Мамадышского р-на и др. Кроме того, названия некоторых населенных пунктов объясняются языковыми данными марийского языка. Так, д. Байданкино носит неофициальное название "Ширмеш авылы", т.е. марийское село, в названии д. Бол. Аты слово *Аты* сближается с марийским *ото* 'роща' (Марийско-русский словарь, 395; Саттаров, 1973, 59). В речи представителей этих сел звук *а* произносится в двух вариантах — огубленный *а^о* и неогубленный *а*; произношение глубокозаднеязычных звуков выступает особенно четко в заимствованных словах: *ғонағы* — *ғөнағы* 'грех', *қылуп* 'клуб', *қампит* 'конфета', *Шығыр* — *Шөгөр* назв. н.п. Шугурово; наблюдается также *ç ~ ç*: *чыңымат* — *хөкүмәт* 'государство', *құқмара* — *Кукмор* и др.

Село Верх. Баграж считается родоначальником всех кряшенских деревень, расположенных поблизости. По преданию, кряшены основали с. Верх. Баграж среди большого леса. О крещении и положении кряшен до крещения жители села ничего не знают, но говорят, что крещение было давно, еще при царе Иване Грозном. Они не знают также, здесь ли были крещены их предки или пришли сюда уже крещеными. По мнению Н.И. Воробьева (1927, 163), второй ва-

риант более вероятен, так как у них нет древних священных мест, каковые имеются у кряшен других деревень.

Этнографы обратили внимание, что в регионе челнинского подговора традиционные элементы быта сохранились в более древнем виде и что "быт кряшен Челнинского кантона по сравнению с бытом Мамадышского кантона представляет наиболее чистый тип и очень оригинален" (Воробьев, 1927, 19). Он отличается от татарско-мусульманского и русского и имеет ряд каких-то более древних черт, возможно, татарских, доисламских (Мухаметшин, 1977, 23).

Челнинский подговор выделяется тем, что является "чисто кряшенским", т.е. здесь наблюдаются самые характерные черты говоров крещеных татар, он как бы является основой всех кряшенских подговоров Нижн. Прикамья.

Фонетика. *ф* ~ *п*: *тупрак* — литер: *туфрак* 'почва, земля'; *керпек-керфек* 'ресница'; *х* ~ *қ*: *қат* — *хат* 'письмо'; *қабар* — *хәбар* 'весть'; *й* ~ *ж*: *жәшел* — *яшел* 'зеленый'; *жәпәк* — *ефәк* 'шелк'; отсутствие фарингального *һ* и др.

Морфологические особенности подговора проявляются главным образом в области глагола (деепричастия на *-гачын/-гечен*, древняя форма инфинитива на *-мага/-мәгә* с глаголом *алу* 'взять', причастия на *-малы/-мәле* и др. В этом подговоре сохранились древние формы склонений (окончания дательного падежа *-нар/-нар, -ңар/-ңәр*).

Лексика. Для челнинского подговора характерны диалектизмы: *дәмәк* — *кызык* 'интересно, весело'; *сыңы* — *пычрак* 'грязно'; *пычы жармасы* — *пычки чүбе* 'опилка'; *урын жул* — *аулак юл* 'маленькая дорога, где ходят люди мало'; *шом* — *бизгәк* 'лихорадка': *Мин шом белән, тир белән, қызамық белән чирләдем* 'Я хворал лихорадкой, горячкой и корью'; *Абалану—сөртенү* 'запинаться, заплетаться'; *Мин абаланып жөрийем* 'Я хожу спотыкаясь'; *абрау* — *коткару, саклау* 'спасти, выручать, хранить'; *Қодай үзе абрасын инде* 'Пусть сам бог тебя сбережет'.

Эта территория раньше относилась к Мензелинскому уезду Уфимской епархии. В архивных документах и записях Уфимской епархии жители вышеуказанных крещено-татарских сел обозначены как старокрещеные.

Заинский подговор охватывает населенные пункты Савалеево (Сәвәләй), Светлое Озеро (Якты күл), Ильтен-Бута (Илтән-Бута), Сарапала, Тюгеевка (Тегей) Заинского р-на и характеризуется следующими особенностями.

Фонетика. Звуки *к, г* в отличие от литературного языка не глуккозаднеязычные, а заднеязычные: *кар* 'снег', *карга* 'ворона', *камыр* 'тесто'.

Нисходящие дифтонги *-ой/-ый*, как и в мишарских говорах, монофтонгируются, т.е. *ой* > *и*, *ый* > *и*: *койма* > кима 'забор'; *коймак* > кимак 'олады'; *койаш* > кийаш 'солнце'; *кыйбат* > кибат 'дорого'.

Дифтонг *-өй* монофтонгируется в следующих словах: *сөйләү* > сүләү 'рассказать'; *сөйрәү* > сүрәү 'тащить'; *өйрәтү* > үрәтү 'учить'.

Слова, имеющие в литературном языке гласные переднего ряда,

произносятся с гласными заднего ряда: *кабар* — *хэбэр* 'весть'; *ракатланып* — *рэхэтләнеп* 'блаженно'; *казыр* — *хэзэр* 'сейчас'. В некоторых словах с переднерядной в литературном языке огласовкой закон сингармонизма нарушается: *бакиллек* — *бэхиллек* 'благословение'; *калле* — *хэлле* 'состоятельный'; *эракмэт* — *рэхмэт* 'спасибо'; *кастэрләү* — *хэстэрләү* 'приготовить'; *катер* — *хэтер* 'память'.

В следующих словах *у*, *ү* заменяются на *о*, *ө*: *бөтән* — *бүтән* 'другой'; *гөбөрнә* — *губерния*; *төгөл* — *түгел* 'не'; *норло* — *нурлы* 'лучистый'; *мөгөз* — *мүгез* 'рога'.

Звук *ж* в отличие от литературного языка — слабая аффриката: *оҗегет* 'парень'; *оҗасый* 'делает'; *оҗэшләр* 'молодежь'; *оҗаман* 'плохой'.

В редких случаях *ж* ~ *з*: *зийыла* — *жыела* 'собирается'; *бозора* — *бозра* 'кольцо'; *зәйен* — *жәен* 'летом'.

Звук *ч* произносится как в литературном языке, но в результате сильного смягчения наблюдается и *ч'* ~ *с'*: *с'иркәү* — *чиркәү* 'церковь'; *төсө* — *төче* 'пресный'; *сыгара* — *чыгара* 'выпускает'; *эсэләр* — *эчэләр* 'пьют'.

Морфология. В винительном падеже после аффиксов принадлежности 1 и 2-го лица наблюдается огузская форма, т.е. вместо литературного *-ны/-не* выступает афф. *-ы/-е*: *чәчәңе* — *чәчәңне* 'твои волосы'; *кийарларымы* — *кыярларымны* 'мои огурцы'.

Наряду с литературными формами *барганда*, *кайтканда*, *кайтышлый* иногда употребляется деепричастная форма *баруышлый*, *кайтуышлый*. Она выражает действие, сопутствующее основному глаголу. Примеры: *Кайтуышлый кересең* 'По пути (на обратном) зайдешь'. *Баруышлый кертерем эскәмбийэгезне* 'По пути (когда иду) отнесу вашу скамью'.

Лексика. В подговоре много слов, характерных и для среднего, и для мишарского диалектов татарского языка, что объясняется этнической смешанностью носителей подговора: *арчи* — *туйда кыз агыннан килгән туганнары*, *дус-ишләре* 'родня и подруги невесты, приехавшие на свадьбу со стороны невесты'; *паңма* — *йорт урыны* 'усадебя'; *кэйә* — *начар* 'плохой' (*Гөлләр бик кэйә быйыл* 'В этом году цветы очень плохие'); *акулчә* — *койма*, *киртә* 'околица'; *саһапый* — *зират* 'кладбище'; *бусан* — *төклетура* 'шмель'; *кубыну* — *китү*, *күченеп китү* 'уехать, переселиться тронуться с места'; *тен ката* — *төн буе* (*Тен ката чәчен бэйләп җатты, шул буламы гөдерә?* 'Всю ночь закручивала волосы, разве такие бывают кудри?'); *коротөш* — *угызлы сөткә баскан камырдан юка гына итеп җәеп пешерелгән азык* 'тонкая лепешка из теста, замешанного на молозиве'.

Названия одежды и термины родства, обряды и обычаи не отличаются от таковых других крышен.

Как видно из приведенного материала, по своим языковым особенностям этот подговор стоит близко к мишарскому диалекту татарского языка. Очевидно, здесь живут и представители мишарского диалекта. Однако по рассказам старожилков и по записям Уфимской епархии, в этих деревнях жили также и отатарившиеся чувашки. "Живя в близком соседстве с татарами, некоторые селения утратили

свои национальные черты и приняли язык и быт татар. Таковы чуваша в селениях: Савалеево, Баткак, Драгун-Бехмет, Базгиево" (Матвеев, 1910, 55). В записях Уфимской епархии говорится, что в д. Савалеево вместе со старокрещеными татарами живут 52 чуваша (Златоверховников, 1859, 150). Чувашей этих деревень считают выходцами из Казанской и Симбирской губернии (Черемшанский, 1859, 173).

В архивных документах об этой деревне имеются следующие сведения: 1762 г. Казанского уезда Зюрейской дороги д. Савалеево-государственные ясачные крещеные иноверцы. Жены взяты из д. Туктамыш (из чувашей), Батрак (из новокрещеных чувашей); дочь выдана замуж в д. Сарапала за ясачного чуваша (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, ед. хр. 1140, стр. 307). В настоящее время в д. Савалеево на чувашском языке никто не разговаривает, только очень пожилые люди говорят, что они чувашского происхождения, и исполняют некоторые свадебные песни ("Чеңнәү") и на татарском, и на чувашском языках.

Бакалинский подговор распространен в Бакалинском р-не БАССР (б. Нагайбакская волость Белебеевского уезда Уфимской губернии). Обращение "иноверцев" в христианство происходило здесь в Нагайбакской крепости, построенной в 1736 г. (ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 65, д. 12). Однако известно, что селения крещеных татар существовали здесь уже с XVI в., и сами они считают, что предки их были крещены вскоре после взятия Казани Иваном Грозным. В Нагайбакской крепости и в ее окрестностях жили кряшены-казаки и кряшены-тептяри, так называемые ясачники. Например, по архивным данным, в 1831 году в д. Бакалы — жили 49 кряшен-тептярей, 121 казак, в д. Балыклы — 61 кряшен-тептярь, 77 казаков, в д. Ахманово — 21 кряшен-тептярь, 92 казака, д. Маты — 57 кряшен-татар, 132 казака и т.д. (ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2559). Между ними часто возникали споры из-за земли. Впоследствии, когда казаки были переселены на Оренбургскую линию, на их земли были переведены крещеные татары из центральных районов Казанской губернии. Число кряшен постоянно увеличивалось и за счет христианизации местного населения в крепости Нагайбак.

Бакалинский подговор охватывает следующие населенные пункты: Старое Азмеево (Иске Әжми), Бузюрово (Божыр), Новый Балыклы (Яңа Балыклы), Новый Маты (Әрнәш), Новоиликово (Яңа Илек), Утарово (Утар) Бакалинского р-на и деревню — Базгиево (Базгыя) Шаранского р-на БАССР. Этот подговор имеет следующие особенности.

Фонетика. Соответствие $и \sim э, э \sim и$: *бипкә* — литер. *бәпкә* 'гусенок'; *камә* — *кимә* 'уменьшиться'; *кәртә* — *киртә* 'забор'; *бәк* — *бик* 'очень'; *тирәзә* — *тәрәзә* 'окно';

$ж \sim з$: *бозора* — литер. *божра* 'кольцо'; *заный* — *жаный* 'милый';
 $қ \sim х$: *хырау* — литер. *кырау* 'заморозки'; *хәдерле* — *кадерле* 'дорогой';

вставка гласного звука внутри слова: *керегән* — литер. *кергән* 'вошел'; *жөрөде* — *йөрде* 'ходил'; *биренә* — *бирнә* 'приданое';

выпадение *-й/-йа* в глаголах будущего времени изъявительного наклонения: *бармачақ* — *бармаячак* 'не пойдет'; *ашачақ* — *ашаячак* 'будет кушать';

выпадение звуков или отдельных звукосочетаний; *ажгана* — литер. *ажгаган* 'зарница'; *Мизэлэ* — *Минзэлэ* 'Мензелинск'; *белэ* — *белән* 'с'; *асат* — *ансат* 'легко, удобно'; *маа шул* — *менә шул* 'вот это'; *нәмә(н)* — *нәмә белән* 'с чем'; *ишалды* — *ишегалды* 'двор'.

Морфология. Активно употребляется афф. *-қай/-кәй*, особенно в песнях: *бизәкәй* — *бизәк* 'узор'; *бабықай* — *бабай* 'дедушка'; *иркәй* — *ир* 'муж'.

Употребляется древний афф. *-гак/-гәк, -ақ/әк, -қ* в словах: *бозгақ* — литер. *бозлавык* 'гололед'; *почқақ* 'отрезок, остаток'; *кичә генәк* — *кичә* 'вчера'; *менә терәк* — *менә терә* 'вот'; *байа ғынақ* — *бая ғына* 'в тот раз'; *дымық* — *дымлы* 'влажный'; ср. в говоре нагайбаков *йуқақ* — *юка*, *нечкә* 'тонкий', *қысқақ* — *кыска* 'короткий' (ТТДС, 176, 221). Афф. *-гак/-гәк, -ақ/-әк* употребительны в хакасском, шорском, тувинском языках, встречаются также в узбекском, киргизском, казахском, каракалпакском (Исхаков, Пальмбах, 1961, 190).

Афф. *-малы/-мәле* со словом *түгел* или *булу* соответствует литер. *-арлық/әрлек, -а алырлык/-ә алырлык булу* или *түгел: Ат белән дә бармалы төгөл, машина белән дә* 'Невозможно ехать ни на лошади, ни на машине'.

В Бакалинском р-не жителей деревни Новый Балыклы называют "төмәннәр", т.е. "тюменцами". По рассказам пожилых людей, они являются переселенцами из числа темниковских мишарей. В их говоре сохранились заднеязычные *к, г, х*.

Изученная нами территория пестрая в этническом отношении. Среди татарских селений расположены русские, чувашские, марийские и мордовские села, жители которых пришли из других губерний России (Ремезов, 1889, 16). Население некоторых чувашских и марийских сел, находясь в близком соседстве с татарами, утратили свои национальные черты: восприняли язык, быт и обычаи татар. К числу таких сел относится Старое Азмеево (Иске Әжми) Бакалинского р-на БАССР, говор которого был исследован нами в 1969 г.

В говоре села Старое Азмеево отмечены следующие отклонения от литературного языка. В области фонетики: два варианта звука *а*: огубленный *а^о* и неогубленный *а*. В речи старшего поколения (как мужчин, так и женщин) в одних и тех же позициях наблюдается параллельное употребление заднеязычных *к, г, х* и глубокозаднеязычных *қ, ғ, ҕ*, но с преобладанием первых. В заимствованных словах произношение глубокозаднеязычных звуков выступает особенно ярко, например: *қандүқтыр* 'кондуктор', *ғырамыт* 'грамота', *қыладапшиқ* 'кладовщик', *хытыри* 'хитрый', *қуқмара* 'Кукмор', *хоҳымат* — *хөкүмәт* 'государство, правительство', *қоғор* — *каһәр* 'проклятие', *шағар* — *шәһәр* 'город', *Ғөлҗиған* — *Гөлҗиһан* (имя собств.), *ғонағы* — *гөнаһы* 'грех', *мағана* — *мәғнә* 'смысль' и др.

Население села Старое Азмеево смешанное. Основателями его были марийцы, которые в середине XIX в. переселились сюда из Мензелинского уезда. Судя по архивным материалам и рассказам местных жителей, почти в это же время стали прибывать крещенные татары и чуваша из сел Юшады (крещ. тат.), Каран Азик (чуваша), Баткак (чуваша) и др. (ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, ед. хр. 47). В записях

Уфимской епархии говорится, что в с. Старое Азмеево — 35 дворов язычников-черемисов (Златоверховников, 1899, 150). Марийцы в 1920 г. выделились в отдельное село Нарат Чокор, в трех километрах от Старое Азмеево. В настоящее время они совершенно отатарились, разговаривают только по-татарски (даже старики не знают марийского языка). Их говор мало чем отличается от говора крещеных татар, с которыми они долгие годы жили вместе. Однако у этих марийцев имена в отличие от крещеных татар древнетюркские или заимствованные (арабо-персидского происхождения): *Гөлбикә, Балбикә, Гөлжимеш, Гөлшикәр, Миннегол, Карлыгач, Сандугач, Асылый, Чәнкә, Миннекәй, Тимеркәй, Алмыш, Тәңкә, Сатый, Сатыбал, Татлый, Балый* др. Интересны также названия одежды: *шарпан* — тастар 'головное покрывало'; *кикча* 'платок', *изу* — *муйса* 'нагрудное украшение' и др.

Наличие в говоре кряшен с. Старое Азмеево и с. Нарат Чокор заднеязычных *к, г* объясняется влиянием чувашского субстрата (МТД, 1974, 135), так как в формировании говора с. Старое Азмеево участвовали и чувашаи.

Среди крещеных татар живут и отатаренные чувашаи, которые переехали из Казанской и Симбирской губерний в XVIII в. и осели на башкирских землях. Здесь большинство их приняло христианскую религию (Черемшанский, 1859, 173). Особого внимания заслуживает история с. Базгиево (тат. Базгья) Шаранского р-на БАССР (МТД, 1974, 130—132). Имеются архивные документы о переселении в с. Базгиево чувашей и крещеных татар из д. Верх. Кондрата Зюрейской дороги Казанского уезда (ЦГАДА, ф. 350, д. 465). Здесь кроме чувашей жили марийцы и мордва, но они были малочисленными и поэтому ассимилировались. Лишь иногда вспоминаются роды "мари" и "мордва". Родным языком и языком обучения для них является татарский язык.

Некоторые семьи из крещеных татар и чувашей д. Базгиево приняли мусульманскую религию. Имена людей у них татарские, но некоторые представители старшего поколения имеют по два имени, например: *Матвей* — *Дәүләтжан, Наталжа* — *Бикәч, Марфа* — *Гөлжимеш, Дәкәү* — *Кунаккол, Маржа* — *Мәрчән, Софья* — *Минүкә, Мекитә* — *Дәүләтбай* и другие. Свообразны и другие лексические слои говора этого села, например: *түнгәләк* 'бант из ленты, прикрепляемый сзади к волосам'; *качмык* — *тастар* 'полотенцеобразный платок'; *кашбау* 'головной убор, украшенный монетами'; *кәтәчә чабу* 'масленица'; *кылык тавык* 'клуша'. Слово *кылык* в том же значении употребляется и в марийском языке.

Этот говор распространен в селах Кассель, Остроленко, Париж, Фершампенуаз, Астафьевка, Тресья Нагайбакского р-на и в поселках Болотово, Краснокаменка, Ключевская, Попово, Варламово Чебаркульского р-на Челябинской обл. Раньше, до 1924 г., эти населенные пункты относились к Верхнеуральскому уезду Оренбургской губернии.

О происхождении нагайбаков существуют различные предположения. Некоторые историки (Ф.М. Стариков, П. Небольсин) связывают нагайбаков с крещеными ногаями и мешеряками, другие (П.И. Рычков, В.И. Витевский) считают их казанскими татарами, крещеными после падения Казанского ханства. Видный советский этнограф С.А. Токарев (1958, 180—181), считает нагайбаков крещеными татарами, которые жили около крепости нагайбак и потом, в конце XVIII в. были переселены в Верхнеуральский уезд Челябинской обл.

В трудах авторов последних лет нагайбаки также считаются крещеными татарами (Татары, 1967, 52—53; Баскаков, 1969, 287). В архивных документах они упоминаются как старокрещеные (ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 147).

Крещеные татары "нагайбаки" до середины XIX в. жили в Белебеевском уезде Уфимской губернии близ крепости Нагайбак⁸. В дальнейшем, видимо, часть старокрещеных татар была превращена в казаков и в 1842 г. жители Нагайбакской и Бакалинской станиц были переведены на войсковые земли, прилегающие к Оренбургской линии (нынешняя Челябинская обл.).

По преданиям, нагайбаки — потомки арских татар. В исследованиях В.Н. Витевского (1891, 258) и Е.А. Бектеевой (1902), которая сама была нагайбачкой, говорится, что эти татары были крещены после завоевания Казани Иваном Грозным и переселены на территорию Уфимской губернии близ крепости Нагайбак, а потом и на Южный Урал. И в настоящее время кряшены-нагайбаки считают себя "*иске ил керэшеннэре*", т.е. кряшены из старой земли, имея в виду территорию Закавказья.

Говоры нагайбаков и кряшен бывших Казанской и Уфимской губерний мало отличаются друг от друга. На это обратил внимание еще Н.Ф. Катанов (1898, 14). В.Н. Витевский (1891, 266—267) указывал на общности песенных напевов закавказских крещеных татар и нагайбаков: "Мотив нагайбачских песен почти тот же, что и казанских крещеных татар". Однако в результате того, что нагайбаки в течение многих лет жили изолированно от основной массы татар, в окружении других тюркских народов (башкир, казахов), в их говоре возникли и некоторые отличительные черты (Юсупов, 1974, 74—91; 1979, 19).

Многие фонетические, морфологические, лексические особенности, отличающие говор нагайбаков от литературного языка, находят параллели в большинстве говоров среднего диалекта, особенно в говоре

⁸ Построена в 1736 г. По преданиям, в этих краях со своей ордой кочевал башкир по имени Нагайбак (Рычков, 1762, 210—212). Позже основанную им деревню назвали Нагайбак (в настоящее время село Нагайбак Бакалинского р-на БАССР).

заказанских крещеных татар, например употребление очень открытого *a* (*қар* 'снег', *қарт* 'старик'). Для нагайбакского говора, как и для примешинского и прикамского подговоров Заказанья, характерно позиционное огубление *a*, т.е. после губно-губного *o* первого слога *a* последующих слогов сильно огубляется: *тора*^o 'стоит', *бода*^o*й* 'пшеница', *сора*^o*у* 'вопрос' и т.д. Гласный *ə* — негубной гласный переднего ряда нижнего подъема. В говоре он более закрытый и узкий, чем в литературном языке. Встречается обычно после узких гласных *и, э(е)*. Примеры: *печән* 'сено'; *килә* 'идет'; *шикәр* 'сахар'.

По составу согласных и их артикуляции нагайбакский говор ничем не отличается от татарского литературного языка. Как и многим говорам среднего диалекта, нагайбакскому говору свойственно жоканье, т.е. *й ~ ж*: *жыл* — *ел* 'год'; *дөнҗа* — *дөнъя* 'вселенная, мир'; *пыраулинҗа* 'правление'. Особенно распространено соответствие *ф ~ п*: *Марпа* — *Марфа*, *нәпес* — *нәфес* 'желание, прихоть'; *ҫ ~ қ*: *жақшы* — *яхшы* 'хорошо'. Как и в других кряшенских говорах, фарингальный звук *h* в говоре вообще не употребляется. См., например, в начале слова: *үнар* — *һөнәр* 'ремесло'; *ава* — *һава* 'небо', в середине слова: *шәгәр*/*шээр* — *шәһәр* 'город'; *жәннәм*/*жәгәннәм* — *жәһәннәм* 'ад'.

Грамматические особенности говора нагайбаков мало отличаются от татарского литературного языка. Многие диалектальные особенности говора имеют параллели в заказанском говоре кряшен. Например, глаголы 1-го лица ед. и мн. числа желательного и изъявительного наклонения, имеют форму *-ыйым/-ийем*: *барыйым* — *барыйм* 'пойду', *күрийем* — *күрим* 'увиджу'.

В говоре нагайбаков активно употребляется полная форма аффикса 1-го лица изъявительного наклонения *-мын/-мен* (*Мин аны жақшы беләмен* 'Я его хорошо знаю'), а также деепричастие на *-мастан/-мәстән*, соответствующее форме на *-мый, -мыйча* в литературном языке: *Курықмастан җырлағыз* 'Пойте не боясь'. Употребление вопросительного местоимения *қандай* вм. литер. *нинди* 'какой' также считается характерной особенностью говора: *Қандай кеше ул?* 'Какой он человек?'

Основную часть лексики говора составляют общетатарские слова. Диалектная лексика говора также является общей и для других говоров татарского языка, прежде всего говоров среднего диалекта. Очень много общностей наблюдается с говорами заказанских кряшен, например: *тутай* — *апа* 'тетя', *ақ бийем* 'сестра мужа', *жанағай* 'брат мужа', *сүрәкә* 'женский головной убор', *жырақ ағай* 'брат со стороны матери' и др.

По исследованиям Ф.Ю. Юсупова (1974, 91), нагайбакский говор по своим ведущим особенностям относится к среднему диалекту татарского языка, что является одним из доказательств генетической связи его носителей с казанскими татарами. Это подтверждается и нашими экспедиционными материалами сравнительного изучения говоров крещеных татар.

В десяти населенных пунктах Чистопольского и Алексеевского р-нов ТАССР, а также в д. Федотовка (Аланник) Лениногорского р-на, д. Чурабатыр Октябрьского р-нов, д. Назаровка (Урдалы) Клявлинского р-на Куйбышевской обл. (территория бывших Чистопольского и Спасского уездов) живет группа крещеных татар в окружении татармишарей, чувашей, мордвы, русских. В некоторых деревнях (Крещ. Елтаны, Чувашский Елтаны, Ишалкино, Верх. Кондрата и др.) крещеные татары живут вместе с чувашами, т.е. одну часть деревни занимают чувашаи, другую — крещеные татары.

Закамье было центром территории Булгарского государства и более всего пострадало от нашествия монголов XIII в. (Воробьев, 1953, 58). К моменту падения Казани указанные земли были, по-видимому, слабо населены (История, 1951, 60—128). Царское правительство, построив в XVII в. Закамскую черту, обезопасило край, и сюда, как в места наиболее плодородные и привольные, были переселены в большом количестве русские, татары, чувашаи и мордва (Рычков, 1759, 136; Малов, 1875). По рассказам местного населения, основателями некоторых крещено-татарских сел были мишари, прибывшие сюда из современных Горьковской, Тамбовской, Саратовской и Куйбышевской областей; здесь было довольно большое число переселенцев из Закавказья.

Судя по языковым особенностям, говор чистопольских кряшен близок к мишарскому, но в то же время имеет некоторую общность с казанскими крещеными татарами (особенно в лексике).

Фонетика. В говоре чистопольских кряшен употребляются те же звуки, что и в татарском литературном языке. Только некоторые из них, в отличие от соответствующих звуков литературного языка, имеют несколько иную артикуляцию.

Звук *a* — неогубленный гласный, например: *ай* 'луна', *алты* 'шесть'. Однако в речи некоторых носителей говора наблюдается и слегкаогубленный оттенок, что говорит о смешанном составе жителей сел крещеных татар этой территории.

Звук *ä* — в речи представителей старшего поколения более переднего образования, чем в литературном языке.

Звук *ÿ* — как и в говорах мишарского диалекта, отличается от татарского литературного *y* более передней артикуляцией, поэтому он произносится несколько уже. Примеры: *кÿмер* 'уголь', *кÿл* 'озеро', *ÿрдак* 'утка'.

В употреблении губных гласных наблюдаются отклонения от норм литературного языка: а) в первом слоге некоторых слов литературным *y*, *y* соответствуют *o*, *ы*, *e*. Примеры: *бетәнчәли* — литер. *бүтәнчә* 'по-другому'; *тегел* — *түгел* 'не так'; *былды* — *булды* 'был'; *ыңғайында/оңғайында* — *уңаенда* 'по-пути, заодно'; *нырлы/норлы* — *нурлы* 'лучистый'; *шындый/шондый* — *шундый* 'такой'; б) губные гласные *o*, *ө* литературного языка в говоре частично или полностью делябилизуются, т.е. *o*, *ө* ~ *ы*, *e*: *кемешче* — литер. *кемешче* 'ювелир'; *чей* — *чөй* 'клин'; *тыз* — *тоз* 'соль'.

Соответствие звуков *и* ~ *ä* в следующих словах является характер-

ным для речи старшего поколения: *бэк* — литер. *бик* 'очень'; *кэметэ* — *киметэ* 'уменьшает'; *кэртэ* — *киртэ* 'забор'; *эпэй* — *ипи* 'хлеб'.

Переход заднерядных гласных в переднерядные и наоборот: а) *эрак-мэт* — литер. *рэхмэт* 'спасибо'; *казыр/хазыр/кажыр* — *хэзер* 'сейчас'; *мона* — *менэ* 'вот'; *ана* — *энэ* 'вон'; *мачы* — *мэче* 'кошка'; б) *йен/жэен* — *йон* 'шерсть'; *кечеткэн* — *кычыткан* 'крапива'; *мержэ* — *моржэ* 'печка'.

Нисходящим дифтонгам *-ой, -ый, -өй*, как и в мишарских говорах, соответствует *-ий, -ей*. а) *коймак* > *кыймак/кимак* 'олады'; *койаш* — графич. *кояш* > *кыйаш/кийаш* 'солнце'; б) *такыйа* — графич. *такыя* > *такийа* 'девичья шапка'; *жыйыла* — графич. *жыела* > *жыйыла* 'собирается'; в) *төймэ* > *теймэ/тиймэ* 'пуговица', *сөйэк* — графич. *сөэк* > *сейэк/сийэк* 'кость'.

В некоторых случаях дифтонги *-ай/-эй*, стягиваясь, образуют монофтонги *-а/-э*, при этом последующий согласный палатализуется: *хэйлэ* > *калэ* 'хитрость', *кайна* > *кана* 'кипеть', *кайна* > *канана* 'свекровь'; *имэн кайрысы* > *имэн карысы* 'дубовая кора'. Монофтонгизация характерна в основном для речи старшего поколения. Под влиянием литературного языка в речи молодежи и среднего поколения дифтонги сохраняются.

Глубокозадняяязычные звуки *ç, ғ, х*, характерные для татарского литературного языка, в этом говоре отсутствуют. Вместо них употребляются задняяязычные звуки *к, г, х* которые по месту образования близки к соответствующим звукам русского языка. В их употреблении имеются некоторые особенности.

Звук *к* соответствует *х* литературного языка как в заимствованных словах, так и в словах тюркского происхождения: *кат* — литер. *хат* 'письмо', *акык* — *ахак* 'агат'; *катер* — *хэтер* 'память'; *катын* — *хатын* 'жена, женщина'; *укуват* — *ухват*. В начале слова и в интервокальной позиции *к* в некоторых словах озвончается: *гүчтенеч* — литер. *күчтэнеч* 'гостинец'; *тыгырык* — *тыкрык* 'переулок'. В конце некоторых слов и слогов звуку *к* соответствует гортанный смычный ('): *күлмэ* — литер. *күлмэк* 'платье', *чэчэле* — *чэчэкле* 'цветастый'; *чүпэрэ* — *чүпрэк* 'тряпка'; *кирэми* — *кирэкми* 'не надо'.

Звук *г* в арабских заимствованиях выпадает: *заип* — литер. *зэгыйфь* 'калека', *айып* — *гаеп* 'вина'; *үмер* — *гомер* 'жизнь'; *эрэпэ* — *гарэфэ* 'предпраздничный день'.

Для говора чистопольских крышен характерен начальный *ж* с ослабленным взрывным элементом: *ожеп* 'нитка', *ожаулык* 'платок', *ожаңгыр* 'взрывать'. В речи некоторых представителей говора отмечается параллельное употребление звуков *ож* и *й*: *йырак/ошырак* — литер. *йырак* (графич. *ерак*) 'далеко'; *ожун/йун* — *очсыз* 'дешевый'; *ожегет/йегет* — *йегет* (графич. *егет*) 'парень'; *йан/ошан* — *жан* 'душа'. В середине некоторых заимствованных слов литер. *й* соответствует *ж*: *денжэ* — *дөнйа* (графич. *дөнъя*) 'мир, вселенная'; *баринжэ* — *варинйе* (графич. *варенье*); *Даржэ* — *Дарийа* (графич. *Дарья*); *Маржэ* (графич. *Мария*) и др. Звук *ж* может употребляться и вместо литер. *з*: *кажыр* — литер. *хэзер* 'сейчас'.

Звук *ч* в говоре имеет ослабленный взрывной элемент: *мчи/мчикай* —

литер. *тэлинкэ* 'фарфоровая тарелка'; *кап^тчы* — *капчык* 'мешок'; *бак^тчи* 'смотри'; *ки^тч* — *кич* 'вечер'.

В словах: *тиш* — литер. *чиш* 'развязать'; *тишен* — *чишен* 'раздеваться'; *тишмэ* — *чишмэ* 'родник' наблюдается *т* ~ *ч*. В слове *т^тчикле/т^чкэле* — литер. *тикле* 'до', наоборот, литер. *т* соответствует *ч*.

Единичные случаи выпадения некоторых звуков и слогов: а) звук *л* выпадает в словах: *айса* — *алайса* 'если так'; *буса* — *булса* 'если будет'; б) звук *х* выпадает в слове *элем* — *хэлем* 'сила моя'.

Вставка звуков и звукосочетаний: *кыстымбый* — *кыстыбый* 'разновидность пирога'; *келкенечле* — *көлкеле* 'смешной'.

Морфология. Морфологические особенности говора чистопольских крышен в основном проявляются в области глаголов. Глаголы прошедше-настоящего времени изъявительного наклонения на *-ган/-гэн* без показателя лица употребляются в значении прошедшего категорического времени: *Сезгэ сет алып кайтырга ыныткан мин* 'Я забыла принести вам молока'; *Мин ун жыл быратны күрмэгэн казыр* 'Я десять лет уже не видел своего брата'.

Основной формой повелительного наклонения является форма, употребляемая в литературном языке. В то же время в говорах некоторых сел (например, Чув. Елтаны, Крещ. Елтаны, Ишалькино, Верх. Кондрата, Кыр Баран) сохранилась древняя форма 2-го лица ед. числа повелительного наклонения, которая образуется с помощью афф. *-гын/-ген*. Как объясняют представители говора, эта форма придает приказанию оттенок большей категоричности, настойчивости: *Жазыгын тизерэк, сүлэгэн т^тча'та* 'Пиши скорее, когда говорит'; *т^тЧэй эчкен кайнар кийенэ, аннарыгы^о жазарсың* 'Пей чай, пока горячий, потом напишешь'.

В отличие от говоров среднего диалекта активно употребляется форма инфинитива на *-ырга/-ергэ/-егэ, -арга/-эргэ* в значении долженствования: *Керлэр дә жуварга эле, эллә нәстә эшләп бетергә кенезын* 'И стирать мне надо, не знаю, что только делать в течение дня'; *Бер утыргыч апчыгарга* 'Надо вынести стул'; *Тәрәзәләрне алырга, тәрәзәләрне жуварга былай жылытса инде* 'Если так потеплеет, надо выставить окна и помыть их'.

Форма на *-ырга/-ергэ/-егэ* может употребляться в сочетании со словами *бар, жук*: *Күрегә дә жук чебеннарне, кен сузык* 'И мух не увидишь, день холодный'; *Анда кеше керегә дә жуугыйы туйга, күп былды үзләре* 'Там невозможно было даже попасть на свадьбу, их самих было много'.

Отличительной особенностью говора чистопольских крышен является также активное употребление формы с афф. *-лый* в значении обстоятельства: *Анук Казанга куна'лый китте* 'Анна поехала в Казань в гости'; *Тен ката Искэдәмдә куна'лый^о жердем* 'Всю ночь ходила по гостям в селе Старый Адам'.

Имена с афф. принадлежности 1 и 2-го лица ед. числа в винительном падеже принимают афф. *-ы/-е* (в литер. языке афф. *-ны/-не*): *Бийагамы да, жанагамы да, печкәчәме дә исеме белән эйттем, бергә уйнап үстек* 'И старшего, и младшего брата мужа, и сестру мужа называла

по имени, вместе росли и играли'; *Казер тектем алжапкычымы* 'Сейчас только сшила фартук'; *Бир эле чумечеңе* 'Поддай-ка твой ковш'.

Употребление двойного аффикса принадлежности 3-го лица является характерной особенностью говора чистопольских крышен. Примеры: *Ийартысында тырадырыйы машинасы* 'Машина его стояла за домом'; *Катыннар жаулыгысы гына бумады* 'Не было только женских платков'; *Эңе тырганысы тамне тегел су* 'Питьевая вода не вкусная'; *Бэрэн жыннарысы жеңәк күк* 'Шерсть с ягнят как шелковая'.

Желание-намерение выражается формой -ырга + вспомогательный глагол *кели*: *ᵒЖырларга келим, кийеме жаңгышам* 'Хочу спеть песню, но путаю мелодию'; *Мин иртәгә барыга келим Чистайга* 'Я завтра хочу съездить в Чистополь'; *Бер казны алып калырга кели үзәнә* 'Одного гуся хочет оставить себе'.

Деепричастию на -ганчы/-гәнче соответствует фонетический вариант -гынчы/-генче: *Тау астыннан кигенче, тау эстеннән кисәңче* (из песни) 'Чем идти сюда по подножью горы, шла бы по горе'.

Наряду с литературными формами деепричастий на -гач/-гәч употребляется диалектная на -гачын/-гәчен (наиболее активная форма), -гачтын/-гәчтен, -гачыннан/-гәченнән: *Сине күргәчен, тәжәлләп жегерә башлады* 'Как только увидел тебя, быстро побежал'; *Әпәй пешкәченнән чәй эчертерем* 'Как только испечется хлеб, напою вас чаем'.

Лексика: *ᵒЖымышак* — литер. *бодай ипи* 'пшеничный хлеб': *ᵒЖымышак пешердем, чәй эчәргә утыргын* 'Испекла пшеничного хлеба, садись чай пить'; *канат* — слово ласкательного обращения: *Кыдагый, канатым, чыгын кара, күп кимәдек микән кыдалый?* (из песни) 'Сваха, милая, выйди, посмотри, не много ли нас, пришедших сватать'; *тен ката* — *төн буе* 'всю ночь': *Тен ката ᵒжазып утырма, ᵒжатыгын* 'Не пиши всю ночь, ложись'; *әпәй* — *ипи* 'хлеб': *Әпәй кисеп куйдым эстәлгә* 'Нарезала и поставила на стол хлеб'; *кыж-жаннары* — подруги невесты, которые участвуют на свадьбе: *Кыж-жаннарысы жырлап тыра инде туйда* 'Подруги невесты поют на свадьбе'; *иташар кен* — первый день после поста (когда едят мясо); *серү* — *куу* 'гнать'; *Кету сергән багытта шулай баш бәйләп сергән инде кетүне* 'Раньше, когда гнали стадо, вот так повязывали голову'.

Названия дней недели: *баш кен* — литер. *дүшәмбе* 'понедельник', *буш кен* — *сишәмбе* 'вторник', *кан кен* — *чәршәмбе* 'среда', *кичатна* — *пәнҗешәмбе* 'четверг', *татар атнасы* — *жомга* 'пятница', *атна кич* — *шимбә* 'суббота', *атна кен* — *якшәмбе* 'воскресенье'.

Как видно из примеров, лексика чистопольских крышен во многом совпадает с лексикой мишарского диалекта. Наиболее древние слоги лексикки, такие как термины родства, названия одежды, обрядов, почти не отличаются от соответствующих слоев лексикки других крышен.

Подытоживая изложенное, можно сказать, что чистопольский говор крышен представляет собой отдельный говор с преобладанием особенностей, присущих мишарским говорам.

Очень интересной в языковом и этнографическом отношении группой являются подберезинские кряшены, которые живут в восьми деревнях: Молькеево (Мэлки), Старый Курбаш (Иске Кырбаш), Хозесаново (Куясан), Старое Тябердино (Ырым Тэрбит), Бол. Тябердино (Зур Тэрбит), Баймурзино (Баймырза), Старая Бува (Иске Буа) и Янсурино (Сыр авылы) Апастовского р-на (бывший Подберезинский р-н, отсюда и название говора) ТАССР.

О происхождении этой небольшой группы населения среди исследователей нет единого мнения. Одни называют их крещеными татарами из чувашей (Золотницкий, 1870, 224—225; Коблов, 1910, 23; Воробьев, 1928, 103; Комиссаров, 1912, 7), другие причисляют их к мишарям (Риттих, 1870, 40; Магницкий, 1896; Филиппов, 1915). Говор подберезинских кряшен рассматривается в составе группы нагорных говоров. Он был изучен Дж. Валиди (1927), Л. Заляем (Жэлэй, 1947), Н.Б. Бургановой (МД, 1956, 28—66), Л.Ш. Арслановым (ТТЭ, 1965, 5—26). В 1979 г. нами была организована экспедиция с целью сравнительного изучения говора подберезинских кряшен с другими кряшенскими говорами.

Деревни подберезинских кряшен расположены на самой границе с Чувашской АССР. Поэтому татары и чувашаи соседних сел с давних пор общаются между собой, поддерживают культурно-экономические и семейные отношения. В результате произошла ассимиляция значительного числа чувашей (ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 2977, 2988, 3005; Износков, 1880, 30). Почти в каждой татарской семье этих деревень или бабушка, или мать, или сноха по происхождению является чувашкой. Интересно, что чувашская сноха, как только оказывается в семье кряшена, старается разговаривать на татарском языке, и не проходит даже года, как ее речь уже не отличается от других. В то же время почти все кряшены этих деревень хорошо понимают и знают чувашский язык, хотя дома, в семье, по-чувашски не разговаривают.

Как рассказывают представители говора, кряшены и чувашаи из соседних сел принимают участие в совместных гуляниях, поют чувашские и татарские песни. У кряшен очень богатый музыкальный фольклор, обрядовая поэзия. Многие знают и охотно исполняют свадебные, хороводные и трудовые песни (*жанаси кейе, этекэм жылату, тулак басу, урак жыры, уйын айту* и др.).

Названия деревень подберезинских кряшен связаны с именами основателей деревень, которые сохранились в народных преданиях легендах, на надгробных камнях. Например, д. Куясан, — восходит в имени *Хужа Хэсэн*, Мал'ки — *Мауликей*, Иске Кырбаш — *Корбангали*, Иске Тэрбит — *Тэңребирде* (это имя сохранилось в надписи на надгробном камне, датированной 1550 годом).

Некоторые топонимические названия: *Кыр кизләве* 'Родник поля', *Суык кизләу* 'Холодный родник', *Кушкул* тавы 'Гора парного озера', *Ташлык былымы* 'Каменный луг', *Бетмесле жату* 'Нескончаемое поле', *Түмгәксәр* 'Кочковатое место', *Комнаксар* 'Место, где растет хмель', *Ташбилге* — название улицы, букв. 'Каменный знак'.

По своим языковым особенностям говор подберезинских крещеных татар значительно отличается от остальных говоров татарского языка.

Фонетика. Гласные звуки. Звук *a* — гласный заднего ряда нижнего подъема, в говоре ни в какой позиции не приобретает огубления: *алдыр* — литер. *агач чүмеч* 'деревянный ковш'; *алма* — *бәрәңге* 'картошка'; *шалай* — *шулай* 'так'.

Звук *ʏ* по своей артикуляции более переднего образования и более узкий, чем в литературном языке: *күп* 'много', *күпер* 'мост', *түшәк* 'перица', *күзлек* 'очки'.

Остальные гласные звуки по характеру артикуляции не отличаются от гласных звуков татарского литературного языка.

Соответствия гласных *y~a*: *шалай* — литер. *шулай* 'так'; *шандай* — *шундый* 'такой'; *шанчак* — *шулчак* 'тогда'; *анчак* — *ул чак* 'тогда';

y~e отмечено в словах: *беген* — литер. *бүген* 'сегодня'; *тегел* — *түгел* 'не так'.

э~и, и~э наблюдается в словах: *энде* — литер. *инде* 'уже'; *ире* — *эре* 'крупный'; *инэ* — *энэ* 'иголка'.

a~и наблюдается в деепричастных формах: *баргинчы* — литер. *барганчы* 'до того как идти'; *баргис* — *баргач* 'после того, как пришел'.

о-е-ы-е — делабиализация губных гласных является характерной особенностью говора подберезинских кряшен: *эченче* — литер. *өченче* 'третий'; *кету* — *көту* 'стадо', *былыт* — *болыт* 'облако'.

Особенности в употреблении дифтонгов. Дифтонг *-өй*, сужаясь, образует монофтонг *-ʏ*: *ʏ* — литер. *ей* 'дом'; *тчу* — *чөй* 'клин'; *түмә* — *төймә* 'бусы'; *үрәнү* — *өйрәнү* 'научиться'. В положении перед гласными появляется губно-губной *w*: *сүвәк* — литер. *сөйәк* (графич. *сөяк*) 'кость'; *гүвәндә*⁹ — литер. *көйәнтә* (графич. *көянтә*) 'коромысло'; *сүвәлу* — *сөйәлу* (графич. *сөялу*) 'прислоняться'.

Дифтонг *-өй* может монофтонгизироваться и в *-ө*: *өрәнгән* — *өйрәнгән* 'научился'.

Дифтонги *-ай/-эй* в некоторых именах и местоимениях переходят в *ый/-ий*: *алый* — литер. *алай* 'такой'; *былый* — *болай* 'такой'; *картыйа* — *картайа* 'старееет'; *бабий* — *бабай* 'дедушка'; *бийатый* — *биятай* 'свекровь'; *биягый* — *биягай* 'старший брат мужа', *сукурыя* — *сукурая* 'ослепнет'.

В глаголах настоящего времени изъявительного наклонения и в некоторых местоимениях, дифтонгу *ый/-ий* литературного языка соответствует *-ай/-эй*: *жылай* — литер. *ельй* 'плачет'; *бармай* — *бармый* 'не идет'; *шандай/шундый* — *шундый* 'такой'; *ниндэй* — *нинди* 'такой'.

Вместо литер. *-ау/-әу* иногда употребляются формы *-оу/-уу/-еу, -у/-ү*: *бозоу* — литер. *бозау* 'теленки'; *тоу* — *тау* 'гора'; *соубул* — *саубул* 'до свидания'; *Ожылыучы* — *елаучы* 'тот, кто плачет'; *кыңгыроу* — *кыңгырау* 'колокол'; *тоушы* — *тавышы* 'его голос'; *чиркеу* — *чиркәу* 'церковь'. Эта особенность наблюдается в говорах сел Молькеево, Ст. Курбаш, Янсурино. Аналогичное явление отмечено в говорах

⁹ Однако встречается и *гийәндә*.

карино-глазовских (Бурганова, 1962, 32—33) и пермских (Рамазанова, 1976, 134) татар.

Согласные звуки. Вместо глубокозаднеязычных звуков *к, ҕ, х* литературного языка в этом говоре употребляются заднеязычные звуки *к, г, х*: *каты* — литер. *қатық* 'кислое молоко'; *агач* — *агач* 'дерево'; *камыр* — *қамыр* 'тесто' и др. Употребление звуков *к, г, х* имеет следующие особенности:

а) в конце некоторых слов и слогов звуку *к* соответствует гор-таный смычный ('): *ни* — литер. *ник* 'почему'; *чи'мән* — *чикмән* 'чикмень'; *ба'чи* — *бакчи* (литер. *кара*) 'смотри'; *ту'ма* — *тукмак* 'колотушка';

б) заднеязычному *к* соответствует *х* литературного языка как в заимствованных словах, так и в словах татарского происхождения: *кәл* — литер. *хәл* 'состояние'; *Куйасан* 'Хозесаново'; *катын* — *хатын* 'женщина'; *кутыр* 'хутор'; *акык* — *ахак* 'агат';

в) в начале слова и в интервокальной позиции звук *к* в некоторых словах озвончается: *гуйәндә* — литер. *көйәнтә* 'коромысло'; *тыгырык* — *тыкрык* 'переулок'; *чыгыр* — *чокрыр* 'яма'; *бүргәнчек* — *бөркәнчек* 'покрывало'; *гүргән* — *күргән* 'видел'; *суга* — *сука* 'соха'; *уга* — *ука* 'позумент'; *чагыра* — *чакыра* 'зовет'.

Аффриката *ч* произносится в говоре с ослабленным взрывным элементом: *мчалгы* 'коса'; *мчебен* 'муха'; *мчәмчәк* 'цветок'.

Для говора подберезинских крышен характерно начальное *ж*. Звук *ж* в говоре — аффриката с ослабленным взрывным элементом, употребляется вместо начального *й*: *Ожәнәшәр* — литер. *йәнәшә* (графич. *янәшә*) 'рядом'; *Ожана* — *йәңә* (графич. *яңә*) 'новый'; *Ожебәк* — *йефәк* (графич. *ефәк*) 'шелк'.

Заднеязычный носовой *ң* заменяется переднеязычным *н*. Примеры: *жанақ* — литер. *йәңәк* (графич. *яңәк*) 'щека'; *сина* — *сиңә* 'тебе'; *сын* — *соң* 'поздно, после'; *түндәш* — *тиңдәш* 'сверстник, ровесник'; *мыңгайа* — *моңая* 'грустит, скучает'.

В некоторых словах литер. *н-м*: *үләм* — литер. *үлән* 'трава'; *тетем* — *тетен* 'дым'; *балам* — *балан* 'калина'; *былым* — *болын* 'луг'; *буным* — *буын* 'поколение'; *жәшем* — *йәшен* (графич. *яшен*) 'молния'.

н-л, л-м, н-м: *жындыз* — литер. *йолдыз* 'звезда'; *кымнак* — *колмак* 'хмель'; *кымнақсар* — *колмаклық* 'место, где растет хмель'.

т-д: *дән* — литер. *тән* 'тело'; *дургай* — *тургай* 'жаворонок'.

ч-т (явление диссимиляции): *тиш* — литер. *чиш* 'развяжи'; *тишен* — *чишен* 'раздевайся'; *тушы* — *шушы* 'этот'.

М о р ф о л о г и я. Местоимения *минем* 'мой', *синең* 'твой', *безнен* 'наш' произносятся как *минн*, *синн*, *безнн* (с удвоенным *н*): *Минн жырларың җазамсын?* 'Мои песни записываешь?'; *Синн җанга утырмалымы?* 'Можно сесть с тобой рядом?'

Местоимения и существительные с аффиксами принадлежности *-ныкы/-неке* выражают определение: *Безнеке казлар кайтты* 'Вернулись наши гуси'; *Куйасанныкы кызлары килдейе* 'Пришли девушки из Хозесанова'.

Прошедшее категорическое время изъявительного наклонения передается формой на *-ган/-гән*, *-кан/-кән*, а в литературном языке —

формой на *-ды/-де, -ты/-те*, например: *Качындырып куйган энде мин майны тенә 'Я вчера спрятала масло'; Мына мин дә ыныткан эле май күләрен 'Я тоже забыла мелодии масленицы'.*

Давнопрошедшее время изъявительного наклонения выражается сочетанием форм на *-ды/-де, -ты/-те* со словом *ийе/иде*: *Печән чапма бардым ий урманга 'Ходил в лес сено косить'; Бабый сын кайттыы тенә 'Вчера дедушка пришел поздно'.*

В говоре активно употребляется форма на *-маллы/-мәлле* со значением инфинитива (*жылга кичмәлле — елга кичәргә 'перейти через реку'*), определения (*шаккатмаллы эшләр — шаккатарлык эшләр 'удивительные дела'*), обстоятельства цели (*чәй эчмәлле килдем ий — чәй эчәргә килдем 'пришла чай пить'*), сказуемого (*машина китмәлле — машина китә 'машина уезжает'*).

Форма на *-ма/-мә* употребляется в значении инфинитива на *-ырга/-ергә*: *Сийыр саума киткән 'Пошла доить корову'.*

Форма на *-асы/-әсе* в говоре произносится усеченно, т.е. конечные гласные *-ы/-е* отпадают: *-ас/-әс*.

Форма на *-ас/-әс* употребляется: а) в роли причастия: *Кайтас сарылар кат'ты энде 'Овцы, которые должны вернуться, уже вернулись'*; б) в роли инфинитива: *Баздан алма алып бирәс сина 'Нужно достать тебе картошку из погреба'*; в) в сочетании со словом *килү*, выражая значение желания, намерения: *Минеке зәнгәр чәчәле күлмә кийәс килә 'Я хочу носить платье с синими цветочками'.*

Деепричастия на *-гач/-гәч, -гачтын/-гәчтен* в говоре употребляются в форме *-гис, -гистан*: *Сине күргис (литер. күргәч) Анукны күргәндей булдым 'Когда тебя увидела, показалось, что я увидела Анну'.*

Л е к с и к а. Основной лексический фонд подберезинских крышен составляют общетатарские слова и корни: *алма — литер. бәрәңге 'картофель'; багу — карау 'смотреть'; багалма — алма 'яблоко'; кучат — этәч 'петух'; кизләү — чишмә 'родник'; жәйдәк — жайдак 'всадник'; абакай — әрекмән 'лопух'; жекертмә — тәгәрмәч 'колесо'; кечтигән — кычыткан 'крапива'; жапрак — кәбестә 'капуста'; чәчәк — яфрак 'лист'; шәнчек — сандык 'сундучок'; беггәч — кич белән 'вечером'; кырка — күркә 'индюк'. Большинство этих слов является общим с западным диалектом татарского языка.*

Наряду со словами, общими с другими говорами, в говоре подберезинских крышен имеются и такие, которые употребляются только в этом говоре или не встречаются в остальных говорах в данном значении, например: *мчә'мчәк 'лист' — 'цветок': Урман жакта карама, ничек мчә'мчәк жарала 'Около леса — вяз, смотри, как распускает листья'; Кисрәнү — тетрәнү 'дрожать, трястись': Лапи-лапи басмагыз, ⁰жир кисрәнә дийерләр 'Не ступайте ногой шлеп-шлеп, скажут, земля трясется'; барнаска — уймак 'наперсток'; асу — файда, игелек 'польза, выгода': Асрай белгән кешегә асу итәр кешидем 'Тем, кто смог бы меня содержать, я бы была человеком, приносящим пользу'; тулак — тула 'домотканое сукно'; ⁰жатка киту 'уйти на вечерние хороводы других соседних деревень', досл. 'уйти к чужим'; мынгый — моңлы 'грустный': ⁰жырыулары бик мынгый жыру быларныкы 'У них песня очень грустная' и др.*

Отличительной особенностью этого говора является наличие в нем чувашских заимствований, относящихся, в основном, к хозяйственно-бытовой лексике, а также к словам, обозначающим отвлеченные понятия: *ожекрэс* — литер. *игез* 'двойняшки', *кукша* — *пелэш* 'плешь', *алдыр* — *агач чумеч* 'деревянный ковш', *кэкэй* — *ит* 'мясо', *тэнкэл* 'скамейка', *тинас* 'подвязки', *чылай* 'давно', *жасман* 'намазанная медом, тонкая лепешка', *тетерэ* 'туман', *чапле* 'хороший, славный', *тэкенү* 'спотыкаться', *тунди кен* 'понедельник', *утлари кен* 'вторник' и др.

Женская одежда и украшения подберезинских кряшен по форме сходны с чувашской, однако сохранились древние татарские названия, например: *такийа* 'девичий головной убор'; *кылбу* 'бусы'; *нуграт* 'мелкие монеты'; *кашбу/кашбау* 'головной убор с монетами'; *касита* — литер. *хэситэ* 'лента, украшенная монетами и жемчугами, носимая через плечо'; *тастар* 'головной убор в виде вышитого, длинного полотенца'.

Термины родства: *эйноу/ан'н'у* 'мама', *эчоу/ат'т'у* 'папа', *тичоу/титу* 'тетя', *кукки* 'брат матери', *дад'у/дейдоу* 'брат', *бийатый* 'отец мужа', *бийанам* 'мать мужа', *сары кыз* 'младшая сестра мужа', *сарул* 'младший брат мужа', *кан'агач* 'старшая сестра жены', *кан'ым* 'отец жены', *бикэ* 'мать жены' и др.

ГОВОРЫ КРЯШЕН В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

По своему звуковому составу говоры крещеных татар в основном не отличаются от татарского литературного языка. Особенности же говоров кряшен, сводятся, прежде всего к различного рода звуковым соответствиям как гласных, так и согласных, выпадению и вставке звуков, к явлениям ассимиляции и диссимиляции, а также сохранению древних фонетических форм.

ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ

В фонетической системе говоров крещеных татар, как и в литературном языке, десять гласных звуков: гласные переднего ряда — *э/ә, э(е), ө, ү, и*; гласные заднего ряда — *а, ы, о, у, ый*.

Основными отличительными особенностями говоров крещеных татар в системе гласных являются следующие.

Звук *а* имеет три варианта: открытый (*а*), огубленный (*а^о*), и сильно огубленный (*о^а*). Для звука *а* характерно начало с приступом, особенно тогда, когда произносится он открыто (Современный, 1969, 83). Открытый, неогубленный звук *а* характерен для говоров подберезинских (ТТӘ, 1965, 14), нагайбакских (МТД, 1974, 76) и чистопольских кряшен, а также для отдельных групп заказанского говора (ТТӘ, 1977, 83). В других татарских говорах открытый, неогубленный звук *а* наблюдается в касимовском (МД, 1955, 151), карино-глазовском (МТД, 1962, 10), говорах среднего диалекта, говоре пермских татар (ТТӘ, 1976, 129) и мишарских говорах татарского языка (Махмутова, 1978, 32). В говоре крещеных татар Нижнего Прикамья и в большинстве подговоров заказанских кряшен, как и в литературном языке, употребляется огубленный (*а^о*) вариант этого гласного: *қа^ор* 'снег', *қа^ора^о* 'смотри'; *ба^оза^ор* 'рынок'; *ба^ола^ола^ор* 'дети'; *ба^олда^оқ* 'кольцо' и др.

Звук *а* имеет изменения позиционного характера; например, после губных гласных он сильно огубляется, в некоторых случаях слышится даже звук, близкий к *о*. Сильное огубление звука *а* после губных гласных наблюдается в отдельных подговорах (например, в мешинском, пакшинском) заказанских кряшен. Степень огубления особенно значительна в пакшинском подговоре Мамадышского р-на, где *а* в начале слова — открытый, а после губных звуков — ближе к *о*: *кодогой* — литер. *кодагы* 'сваха', *коймоклор* — *коймаklar* 'блины', *озок* — *озак* 'долго', *койош* — *кояш* 'солнце', *тузон* — *тузан* 'пыль', *озотолор* — *озаталар* 'провожают'.

Звук *ә* — негубной гласный переднего ряда, нижнего подъема.

В говорах кряшен звук *ә* имеет два варианта: широкий (как в литературном языке) *ә* и более закрытый полуузкий *ә̣*.

В говорах кряшен употребление варианта *ә̣* фонетически обусловлено. Он встречается после слогов, где имеются узкие гласные *и, э(е), ү*, например: *пешерә* — литер. *пешерә* 'варит'; *килэләр* — *килэләр* 'идут'; *беткән* — *беткән* 'кончился'; *шикәр* — *шикәр* 'сахар', *чибәр* — *чибәр* 'красивый'; *бистәр* — *бистәр* 'полотенце'; *бүләк* — *бүләк* 'подарок'; *кирәк* — *кирәк* 'надо'. Полуузкий вариант звука *ә̣* представлен в говоре нагайбакских, чистопольских кряшен, в примешинском, прикамском подговорах заказанского говора.

По употреблению *ә̣* подговор деревни Крещ. Пакшин Мамадышского р-на Заказанья занимает особое место среди кряшенских говоров. Если в начальной позиции и в первом слоге имеется звук *ә*, то и в последующих слогах сохраняется литературный *ә*, например: *әнә* 'вот', *тәрәзә/тәдәрә* 'окно', *чәркә* 'рюмка', *әрәнә* 'поминки'. После слогов, где имеются узкие гласные *и, э(е), ө, ү*, звук *ә̣* почти полностью ассимилируется, например:

ә̣-и: *жирги* — литер. *жиргә* 'к земле'; *миннин* — *миннән* 'от меня'; *кисирги* — *кисәргә* 'резать'; *шикир* — *шикәр* 'сахар';

ә̣-ө: *өмөдө* — литер. *өмәдә* 'в сборище'; *сөйлөрөм* — *сөйләрмен* 'расскажу'; *өйдө* — *өйдә* 'дома', *жөрмө* — *йөрмә* 'не ходи', *төшөрө* — *төшерә* 'опускает', *өстөлдө* — *өстәлдә* 'на столе';

ә̣-е: *эшкә* — литер. *эшкә* 'на работу', *эшлерлер* — *эшләрләр* 'будут работать', *пешере* — *пешерә* 'варит', *белем* — *беләм* 'знаю'.

Сужение широкого *ә̣* наблюдается в говоре каринских и глазовских татар (во всех позициях — Бурганова, 1962, 23), мордвы-каратаев (Арсланов, 1965, 120) и касимовском говоре под влиянием узких гласных начального слога (Махмутова, 1955, 150), в говоре пермских татар в основном в закрытом конечном слоге слова (Рамазанова, 1976, 130).

Звук *ү* — гласный переднего ряда, верхнего подъема, губной. В говоре подберезинских и чистопольских кряшен *ү* характеризуется более передней, чем в литературном языке, артикуляцией. Его качество, как и в говорах мишарского диалекта, может оказать палатализирующее влияние на предшествующий согласный, например: *бүлмә* — литер. *бүлмә* 'комната', *күп* — *күп* 'много', *күз* — *күз* 'глаз', *күмер* — *күмер* 'уголь' и т.д. Во всех других говорах кряшен употребляется вариант *ү*, соответствующий *ү* литературного языка.

Остальные гласные звуки по своим артикуляционным и акустическим особенностям не отличаются от соответствующих звуков татарского литературного языка.

Звуковые соответствия

К соответствиям в области вокализма относятся следующие. *ы, е-а, ә*. В отдельных словах отмечено употребление узких гласных *ы, е* вместо литер. *а, ә* в безударных и ударных позициях: *алжады* — литер. *алжыды* 'устал'; *уңдару* — *уңдыру* 'способствовать поднятию урожайности'; *капқан* — *капкын* 'западня'; *қылыну* — *кылану*

'кривляться, изображать'; *жасмақ* — *йасмык* (графич. *ясмык*) 'чечевица'; *дгержэ* — *дгержэ* (назв. города). Эти примеры записаны нами у кряшен Нижн. Прикамья.

В бакалинском подговоре, наоборот, в отдельных словах вместо широкого гласного *a* употребляется узкий гласный *ы*: *аныра* — литер. *апара* 'забродившее тесто'; *йаңы* — *йаңа* (графич. *яңа*) 'новый'; *бабықай* — *бабақай* 'дедуля', *буйынчы* — *буенча* 'по', *ақық-ахак* 'агат'; *барғылау* — *баргалау* 'иногда бывать, иногда ходить', *килгеләу* — *килгәләу* 'иногда приходиться'.

В говорах крещеных татар *a~ы*, *ә~е* наблюдается в окончаниях деепричастных форм *-ғынчы/-генче* (литер. *-ганчы/-гәнче*): *торғынчы* — литер. *торганчы* 'до того, пока не встал'; *жыйылынчы* — *жыелганчы* 'до того, пока не собрались'; *күргенче* — *күргәнче* 'до того, пока не видели'; *белгенче* — *белгәнче* 'до тех пор, пока не узнал'.

В говоре подберезинских кряшен в окончаниях деепричастной формы наблюдается *a~и*: *баргинтчы* — литер. *барганчы* 'до того как идти', *баргис* — *баргач* 'после того, как придут'.

o~y. В говорах кряшен Нижн. Прикамья и нагайбаков в следующих словах литературному губно-губному краткому *o* соответствует губно-губной *y*: *туқмач* — литер. *токмач* 'лапша'; *булғата* — *болғата* 'размешивает'; *бутқа* — *ботқа* 'каша'; *ғумер* — *гомер* 'жизнь'; *сурашу* — *сорашу* 'спрашивать', *суң* — *соң* 'поздно'. В говоре подберезинских кряшен отмечены следующие слова, где *o~y*: *куйы* — литер. *кое* 'колодец', *куйрык* — *койрык* 'хвост', *куймак* — *коймак* 'олады'.

y~a. Соответствие гласному *y* литературного языка звука *a* имеется также в говоре подберезинских кряшен: *шалай* — литер. *шулай* 'так', *шандай* — *шундый* 'такой', *шал* — *шул* 'тот', *шанчак* — *шул чак* 'тогда', *анчак* — *ул чак* 'тогда'. Аналогичное явление характерно и для мишарских говоров татарского языка (МТД, 1974, 95, 135).

ә~и: *бипкә* — литер. *бәпкә* 'гусенок', *күчтинәч* — *күчтәнәч* 'гостинец', *тирәзә* — *тәрәзә* 'окно', *инәй/ инәкәй* — *әни* 'мать'.

и~ә: *белмәм* — литер. *белмим* 'не знаю', *кәмеде* — *кимеде* 'уменьшился', *кәтмән* — *китмән* 'кирка', *кәмә* — *көймә* 'лодка', *бәк* — *бик* 'очень', *кәштә* — *киштә* 'перекладина для вещей'.

Соответствия *ә~и*, *и~ә* наиболее характерны для говора бакалинских кряшен, что является влиянием мензелинского говора. Однако эта особенность спорадически встречается и в других говорах татарского языка (МТД, 1962, 23—24, 135; МД, 1955, 41; ТТӘ, 1976, 130; Тумашева, 1977, 187).

и~э, *э~и* отмечено в словах *энде* — литер. *инде* 'уже', *ире* — *зре* 'крупный', *инә* — *энә* 'иголка' (в подберезинском говоре).

и~a. Данное соответствие наблюдается в говоре подберезинских кряшен и ограничивается грамматическими формами: *баргин^mчы* — литер. *барганчы* 'до того как идти'; *баргис* — *баргач* 'когда пришел'.

Фонетические изменения в заимствованных из русского языка словах

Заемствование русских слов и освоение их, как и в других диалектах и говорах татарского языка, сопровождается целым рядом фонетических изменений, обусловленных внутренними законами развития заимствующего языка, особенностями его фонетической системы. Особенно сильным фонетическим изменениям подвергались заимствования дооктябрьского периода, когда русизмы проникали в татарский язык в основном через разговорную речь, из русских диалектов в процессе устного общения татар с окружающим их русским населением. В послеоктябрьский период подавляющее большинство русских слов заимствовались, не подвергаясь каким-либо фонетическим деформациям. По закону небной гармонии русские заимствования принимают или целиком переднерядную, или заднерядную огласовку.

а~э. Гласный *а*, как ударный, так и безударный, переходит в *э* в сочетании с мягкими согласными в начале, середине и конце слова: *кәнсәләр* 'канцелярия'; *әрмия* 'армия'; *әдерис* 'адрес'; *күрчәгә* 'корчага'; *сәтин* 'сатин'; *кәрниз* 'карниз'; *сәмәлүт* 'самолет'; *әртист* 'артист'; *әптек* 'аптека'; гласный *а* переходит в *э* и в тех случаях, когда русский гласный *а* употребляется в сочетании с согласным *к*: *кәбестә* 'капуста'; *кәтлит* 'котлета'; *эскәтер* 'скатерть'; *музикән* 'музыкант'; *кәртчкә* 'карточка'; *чәркә* 'чарка'.

о~у. Под ударением звук *о* русского языка, как и в остальных говорах татарского языка, переходит в *у*: *тучны* 'точно'; *ахуты* 'охота'; *гарбун* 'гармонь'; *лимун* 'лимон'; *багун* 'вагон'; *ыраскут* 'расход'; *пучты* 'почта'; *тупыл* 'тополь'; *гурыт* 'город'; *пуп* 'поп'; *кантур* 'контора'; *сутник* 'сотник'; *дастуйын* 'достоин'; *талун* 'талон'; *лум* 'лом'. И, наоборот, есть случаи замены звука *у* русского языка звуком *о*, например: *сослон* 'суслон'; *сохари* 'сухари'. Взаимопереход *о~у* необходимо объяснить артикуляционной и акустической близостью этих звуков (Богородицкий, 1953, 40).

о~а. В неударных слогах звук *о* русского языка переходит в *а*: *каластуй* 'холостой'; *сабранжа* 'собрание'; *затихник* 'зоотехник'; *калакул* 'колокол'; *самавыр* 'самовар'; *патнус* 'поднос' и др.

Для акающих говоров русского языка замена звука *о* звуком *а* в неударных слогах является фонетической нормой. Значит, эта норма сохранилась и в словах, заимствованных татарским языком.

о~(а)~э. Когда в слове имеются мягкие гласные, звук *о*, который перешел в *а*, заменяется звуком *э* нижнего подъема, переднего ряда: *корзина* > *карзина* > *кәржин*; *керосин* > *кирасин* > *крәчин*, *офицер* > *афицер* > *әфисәр*, *концерт* > *кансирт* > *кәнсирт* и др.

е~и. Русский ударный звук *е* в положении между согласными переходит в *и*: *иликтер* 'электр'; *билит* 'билет'; *нифет* 'нефть'; *бичыр* 'вечер'; *силсәвит* 'сельсовет'; *маладис* 'молодец'; *зимләмир* 'землемер'; *губирна* 'губерна' и др.

Сингармонизм

Гласные фонемы являются основой сингармонизма и его различных видов. Что касается согласных, то они полностью находятся под воздействием гласных. Таким образом, по закону сингармонизма последний из соседних слогов уподобляется предыдущему.

Небная гармония гласных заключается в уподоблении гласных звуков по небному притяжению, т.е. если первый гласный корня (или основы) является гласным заднего ряда (т.е. твердым), то и в дальнейших слогах слова, т.е. в словообразовательных и словоизменительных аффиксах, употребляются только гласные заднего ряда (*а, у, о, ы, ый*). Если же первый гласный корня (или основы) переднего ряда (т.е. мягкий), то и в дальнейших слогах этого слова употребляются только мягкие гласные (*э, ү, ө, э/е/, и*).

Небная гармония гласных — очень древнее явление. Она прослеживается во всех тюркских языках, кроме караимского и узбекского (Щербак, 1970, 71). Небная гармония гласных в говорах кряшен, как и в литературном языке, является последовательной, например: *Мин кигән көн бэйрәм эйе, шунныктан өй кужасы да, анын жамагалары да өйдә эйе* (Тулабаев) 'В день моего приезда был праздник, поэтому хозяин и его семья были дома'; *Иртәгесен иртүк тордом да агам белән күрешмейчен қалаға киттем* (Кр. Шуран) 'На другой день я встал рано утром и, не попрощавшись с дядей, уехал в город'.

Однако в речи людей старшего поколения в некоторых словах с твердыми согласными гласные переднего ряда заменяются гласными заднего ряда: *алла қачан* — литер. *әллә кайчан* 'так давно'; *сағат/саат* — *сәгать* 'часы'; *мағана* — *мәгнә* 'значение, смысл'; *жамағат* — *жәмәгать* 'общество'; *томбойық* — *төнбойық* (графич. *төнбоек*) 'водяная лилия'; *сиқыр* — *сихер* 'колдовство', *она* — *әнә* 'вон', *мына* — *менә* 'вот'. В отдельных словах, под влиянием согласных *ж, ч* гласные заднего ряда заменяются переднерядными: *жәйдәк* — литер. *жайдак* 'всадник'; *жөн* — *йон* 'шерсть'; *бөрчә* — *борча* 'блоха'; *нәчәрлек* — *начарлык* 'скверность'; *жәбешә* — *ябыша* 'прилипает'; *чәк* — *чак* 'еле-еле'; *чат* — *чат* 'весь'; *дөнжә* — *дөнья* 'мир, вселенная'; *мөржә* — *моржа* 'печь'; *жәрт* — *йорт* 'дом'; *жәр* — *яр* 'возлюбленная'; *кечтегән* — *кычтыкан* 'крапива'; *чепчек* — *чыпчык* 'воробей'. Большинство из вышеуказанных слов зафиксировано нами в подберезинском говоре кряшен. В речи школьников и молодежи эти явления встречаются редко. В некоторых заимствованиях из арабского, персидского и русского (или через русский) языков нарушается закон сингармонизма, например *эракмәт* — литер. *рәхмәт* 'спасибо'.

В чистопольском и подберезинском говорах кряшен наблюдается употребление палатализованных согласных в соседстве с гласными заднего ряда, что является одной из специфических особенностей мишарского диалекта, например: *касәрәт* — литер. *хәсрәт* 'горе; печаль'; *кал'ә* — *хәйлә* 'хитрость'; *кан'иш* — *кайниш* 'родственники

мужа'; *бат'ак* — *байтак* 'довольно много'; *бар'ам* — *бэйрэм* 'праздник'; *кур'ик* — *койрык* 'хвост'; *бакилле* — *бэхиллек* 'благословение'.

Губная гармония гласных, т.е. подчинение гласных второго и последующих слогов в слове губному гласному первого слога, в основном сходна с аналогичной гармонией татарского литературного языка, т.е. огублению подвергаются негубные гласные *ы, е* после губных гласных *о, ө*. В проявлении губного сингармонизма в говорах кряшен имеются следующие особенности.

1. Губные гласные теряют свое качество и становятся негубными, например: *о, ө* ~ *ы, е*. Делабиялизация губных *о, ө* является характерной особенностью говоров подберезинских и чистопольских кряшен; например, ср. в подберезинском говоре: *сылы* — литер. *солы* 'овес'; *былым* — *болын* 'луг'; *тетем* — *төтен* 'дым'; *телке* — *төлке* 'лиса'; *бырынгы* — *борынгы* 'древний'; в чистопольском говоре: *кемешче* — литер. *көмешче* 'ювелир'; *йерэк* — *йөрэк* 'сердце'; *змет* — *өмет* 'надежда, мечта'; *быдай* — *бодай* 'пшеница' и др.

В этих же говорах в словах *беген* — литер. *бүген* 'сегодня'; *тегел* — *тугел* 'не'; *бөтәнчәлей* — *бүтәнчә* 'по-другому' отмечено соответствие *у~е, ө*. Такое явление наблюдается в дрожжановском, чистопольском (ТТЭ, 1959, 185) говорах мишарского диалекта, а также в дубьязском (Бурганова, 1978, 79), карино-глазовском (МТД, 1962, 24) говорах среднего диалекта.

у(о)~ы: *Ырымбур* — литер. *Оренбург*, *сымала* — *сумала* 'смола', *ыңғай/оңғай/уңғай* — *уңай* 'удобно', *ыклау* — *уклау* 'скалка', *быйау* — *буяу* 'красить, краска'. Эти примеры зафиксированы в говоре кряшен Нижн. Прикамья.

В говоре подберезинских кряшен губные долгие гласные *у, ү* первого слога заменяются губными краткими гласными *о, ө*. А гласные *о, ө* на основе закона делабиялизации могут перейти в гласные *ы, е*, т.е.: *у, ү* ~ *о, ө* ~ *ы, е*. Варианты с гласными *о, ө* и *ы, е* могут употребляться параллельно, например: *орлау/ырлау* — литер. *урлау* 'украсть', *көнөл-ле/кенелле* — *күңелле* 'весело', *осак* — *усак* 'осина', *корчак* — *курчак* 'кукла', *нырлы* — *нурлы* 'лучистый'. А в ряде случаев наблюдается обратное соответствие: литер. *о, ө* заменяются гласными *у, ү*: *будау* — литер. *бодау* 'пшеница', *бүргәнчек* — *бөркәнчек* 'головное покрывало', *бутка* — *ботка* 'каша'. Явление делабиялизации в той или иной степени встречается и в других говорах кряшен, например: *бытак* — литер. *ботак* 'ветка', *кийәнтә* — *көйәнтә* (графич. *көянтә*) 'коромысло'.

2. В большинстве говоров кряшен под влиянием губно-губных кратких *о, ө* происходит огубление негубных кратких *ы, е* последующих слогов: *қот чоққоч* — литер. *кот чыккыч* 'ужасно, страшно', *қош қоно* — *кыш көне* 'зимой', *орчоқ* — *орчык* 'веретено'; *тозло* — *тозлы* 'солёный'. Явление огубления особенно характерно для говоров среднего диалекта и считается орфоэпической нормой для разговорного литературного языка (Жәләй, 1954, 43).

В заказанском говоре кряшен (особенно в примешинском и пакшинском подговорах) губные гласные *о, ө, ү* оказывают огубляющее влияние и на широкие гласные *а, э* непервых слогов, например:

бара тоюн — литер. *бара торган* 'тот, который идет'; *қодоғый* — *кодағый* 'сваха'; *коймо* — *коймак* 'блин'; *өстөлде* — *өстәлдә* 'на столе'; *көйөнтө* — *көйәнтә* (графич. *көянтә*) 'кормысло'; *күберек* — *күбрәк* 'многовато'; *түгерек* — *түгәрәк* 'круглый'; *тушек* — *түшәк* 'перина'; *сөйлө* — *сөйлә* 'расскажи'; *өйрөтө* — *өйрәтә* 'учит'.

Элизия гласных

На стыке слов с конечным гласным и начальным гласным второго слова происходит стяжение и выпадение одного из гласных. При произношении таких пар слов обычно первое слово теряет свой конечный гласный и сливается с последующим словом в одно целое, т.е. происходит элизия. Примеры: *ышкаптыйы* — литер. *шкафта иде* 'был в шкафу'; *бақчадыйы* — *бакчада иде* 'был в саду'; *шундыйы* — *шунда иде* 'был там'; *балыйы* — *бала иде* 'был ребенком'; *тазыйым* — *таза идем* 'был здоровым'; *қарыйпей* — *кара ипи* 'черный хлеб'; *балитәк* — *бала итәк* 'оборки у платья'; *табисе* — *таба исе* 'запах от сковородки'.

Протеза

Протеза, или прибавление, звука встречается в заимствованных словах в начале слова при стечении согласных, т.е. прибавляется добавочный гласный, облегчающий произношение. Явление протезы считается характерной особенностью тюркских языков. По мнению Н.К. Дмитриева, оно характерно для дореволюционного периода тюркских языков и в настоящее время уже исчезает (ИСГТЯ, 1955, 281—282). М. Ряснен (1955, 48) объясняет, что явление протезы проявляется из-за неупотребления определенных звуков в начале слова и из-за несовместимости двух рядом стоящих согласных в заимствованных словах.

В заимствованных словах при стечении двух согласных в одном слоге перед или после этих согласных, или даже между ними появляются гласные *ы*, *е* (*э*), реже *ө*, *а*.

Протеза в словах, заимствованных из русского языка:

ы: *ышкап* 'шкаф'; *ышкул* 'школа'; *ылапкы* 'лавка'; *ыспырапкы* 'справка'; *ыштурвал* 'штурвал'; *ышнур* 'шнур'; *ыстакан* 'стакан'; *ыстапанида* 'Степанида'; *ыскылат* 'склад'; *ысбыруй* 'сбруй'; *ырайун* 'район'; *ыраскут* 'расход'; *ыстансы* 'станция'; *ырабучи* 'рабочий'; *ыштап* 'штаб';

э: *эрадем* 'рядом'; *эрибизийә* 'ревизия'; *эчтинә* 'стена'; *эсвит* 'свет'; *эскерт* 'скирд'; *эскәтер* 'скатерть'; *эскәмбия* 'скамья'; *эшләпә* 'шляпа'; *элинижә* 'линия'; *эчәй* 'чай';

ө: *өтөрмән* — литер. *төрмә* 'тюрьма'; *өлгөт* 'льгота';

а: *арматизым* 'ревматизм'.

Протеза в арабских и персидских заимствованиях:

э: *эрақәт/эрақәт* — литер. *рахәт* 'удовольствие', *эра'мат/эракмат* — *рахмәт* 'спасибо', *эшәл* — *шәл* 'шаль', *эшәм* — *шәм* 'свеча';

ы: *ырызых/ырызых* — *ризык* 'пища', *ырысқал/ырысқал* — *рысқал* 'счастье'.

Эпентеза

Эпентеза, или вставка звука внутри слова, часто употребляется как средство разрядки скопления согласных, т.е. между двумя согласными появляется добавочный гласный звук. Эпентеза в говорах кряшен встречается чаще, чем в других говорах татарского языка;

а) в словах, заимствованных из русского языка: *гыруп/гыруп* 'троб', *гыруз* 'груз'; *митыр* 'метр'; *пылақ/пылак* 'флаг'; *шыпыр* 'шифр'; *Ибан Гырузный* 'Иван Грозный', *келәшишә* 'клевши', *гөрбийан/гырбийан* 'грубиян', *қырушка/кырушка* 'кружка', *шарып* 'шарф', *пылан* 'план', *тырақтыр* 'трактор', *кыран* 'кран';

б) в татарских словах: *күрешә* — литер. *күрше* 'сосед'; *қарышы/карышы* — *карышы* 'напротив'; *жөрөмей* — *йөрми* 'не ходит'.

Много примеров такого рода в говоре бакалинских кряшен: *қәтипә/кәтипә* — литер. *хәтфә* 'бархатный'; *биренә* — *бирнә* 'приданое'; *керегән* — *кергән* 'вошел'; *череки* — *черки* 'комар', *күрешә* — *күрше* 'сосед'; *қарышы/карышы* — *карышы* 'напротив'.

Апокопа

Апокопа, или выпадение звука в конце слова, приводящее к сокращению слова, встречается только в нескольких словах, заимствованных из русского языка: *ради* 'радио', *гажит/гажит* 'газета', *ышкул* 'школа', *ыстансы* 'станция', *анкит* 'анкета', *карап* 'корабль', *эскәтер* 'скатерть'.

Особенности в употреблении дифтонгов

В употреблении дифтонгов в говорах крещеных татар можно указать следующие особенности. Кроме дифтонгов, которые имеются в литературном языке, употребляются дифтонги *-ыw*, *-ew*, *-ей*.

Дифтонг *-ей*, хотя и не систематически, употребляется вместо звука *и* открытого слога или в конце слова. Примеры: *ней* — литер. *ни* 'что'; *бейем* — *бием* 'моя свекровь'; *кечтей* — *кечкенә* 'маленький'; *үгей* — *үги* 'не родной'; *телей* — *тели* 'желает'; *эшләмей* — *эшләми* 'не работает'; *кейем* — *кием* 'одежда'; *тейеш* — *тиеш* 'должен'. Употребление дифтонга *-ей* особенно характерно для говоров заказанских кряшен, Нижн. Прикамья, нагайбаков.

Аналогичное явление имеется в говорах пермских (Рамазанова, 1976, 134) и сибирских татар (Тумашева, 1961, 58, 70). В башкирском языке употребление дифтонга *-ей* считается литературной нормой (Дмитриев, 1948, 16).

В конце слогов и слов звукам *у*, *ү* соответствуют дифтонги *-ыw/-ew*, например: *уқыw* — литер. *уку* 'учеба'; *тыwган* — *туган* 'родной, родственник'; *сыw* — *су* 'вода'; *китew* — *киту* 'уйти'; *ыwтырма* — *утырма* 'не садись'; *жыw* — *йу* (графич. ю) 'мой'; *қыwақ* — *куақ* 'кустарник'; *сылыw* — *сылу* 'стройный, красивый'.

По употреблению дифтонгов *-ыw/-ew* говоры крещеных татар близки

к говору пермских татар (Рамазанова, 1976, 133), касимовскому говору (Махмутова, 1955, 54) и учалинских тептярей (Юлдашев, 1953, 336—339). Эти дифтонги отмечены и в диалекте сибирских татар (Тумашева, 1977, 47, 48). Употребление дифтонгов *-ыw/-ew* свойственно и башкирскому литературному языку (Киекбаев, 1958, 74—75). В.В. Радлов (Radloff, 1882, 19—20) указывает на их употребление в киргизском языке. Дифтонги *-ыw/-ew* исторически восходят к древнетюркским *-og, -ug, -ыг, -ег, -гы, -ге* (Баскаков, 1952, 416).

В говорах подберезинских и чистопольских кряшен нисходящие дифтонги *-ой, -ый, -өй, -уй, -эй, -ау*, как и в мишарских говорах, переходят в монофтонги или в дифтонгоиды.

-ой > -ый, -ий, -и^u: *койалар* (графич. *коялар*) > *кыйалар* 'льют'; *койаш* (графич. *кояш*) > *кыйаш/кийаш* 'солнце'; *бойыктым* (графич. *боектым*) > *бийыктым/бийыктым* 'загрустил'; *койо* (графич. *кое*) > *кыйы/кийы* 'колодец'; *коймак* > *кимак/кыймак* 'оладьи'; в слове *койрык* 'хвост' *-оу > -у*: *койрык* > *курук*.

-ый > -уй/-и^u: *жыйыла* — (графич. *жыела*) *жыйыла* 'собирается', *укий* > *уки^u* 'читает'; в слове *кыйна* 'бить' *-ый > ы*: *кыйна* > *кына* 'бить, избивать'.

-өй > -ей/-и^u: *көйе* (графич. *көе*) > *кейе/кийе* 'мелодия', *төйәп* (графич. *төяп*) > *тейәп/тийәп* 'загружая', *көймә* > *кеймә/кимә* 'лодка', *төймә* > *теймә/тиймә* 'пуговица', *сөйәк* (графич. *сөяк*) > *сейәк/сийәк* 'кость', *өйдә* > *эйдә/ийдә* 'дома'.

Монофтонгизация дифтонга *өй > у* наблюдается в следующих словах: *өйрәнү* > *үрәнү* 'изучать', *өйрә* > *үрә* 'суп из крупы'; *сөйрәү* > *сүрәү* 'волочить'; *көйрәү* > *күрәү* 'загореться, тлеть' (в говорах бакалинских и нагайбакских кряшен); в говоре подберезинских кряшен: *сөйәк* (графич. *сөяк*) > *сүwәк* 'кость', *көйәнтә* (графич. *көянтә*) *гүwәндә* 'коромысло', *сөйәлү* (графич. *сөялү*) > *сүwәлү* 'опираться', *сөйәл* (графич. *сөял*) > *сүwәл* 'мозоль', *Зөйә* (графич. *Зөя*) > *Зүwә* 'название реки', *төймә* > *түмә* 'пуговица'.

Монофтонгизация дифтонга *өй > у* — характерная особенность мишарского диалекта (МТД, 1962, 11). Это явление зафиксировано и в говорах среднего диалекта (мензелинском, бирском, нагорном, нукратском, ичкинском и в говоре пермских татар), хотя степень распространения его различная. Оно отмечено также в диалекте западносибирских татар (Тумашева, 1961, 58).

В говоре подберезинских кряшен вместо литературного *-ау/-әу* иногда употребляются формы *-өү/-уу/-еү, -у/-ү*: *бозоу/бызыу/быз^oу* 'теленок', *тоу/т^oу* — *тау* 'гора', *соубул/с^oубул* — *саубул* 'до свиданья', *жылыучы/жыл^oучы* — *елаучы* 'тот, кто плачет', *кынгыроу/кынгыр^oу* — *кыңгырау* 'колокольчик', *тоушы/т^oушы* — *тавышы* 'его голос', *чиркеү/чирк^eү* — *чиркәү* 'церковь', *кыроу/кыр^oу* — *кырау* 'заморозки', *кийеү/кий^eү* — *кийәү* 'зять', *шаршоу/шарш^oу* — *чаршау* 'занавеска', *икеү/ик^eү* — *икәү* 'двое', *кашбоу/кашп^oу* — *кашбау* 'название головного убора'.

Аналогичное явление наблюдается и в других изолированных говорах, которые сохранили древние фонетические особенности,

например в говоре причепецких (Бурганова, 1962, 32—33) и пермских (Рамазанова, 1976, 134) татар.

-уй > -у, при этом согласные *л*, *н* палатализуются: *уйна* > *ун'а* 'играть', *муйын* (графич. *муен*) > *мун'шея*, *куйын* (графич. *куен*) > *кун'пазуха*'.

В некоторых случаях дифтонг *-ай/-эй* в позиции перед переднеязычным *д*, *л*, *р*, *н*, *с*, *т*, *ч* (*ц*) переходит в *-а*, *-э*, а сами согласные палатализуются: *кайта* > *кат'а* 'вернется', *кайна* > *кан'а* 'кипеть', *хэйлә* > *кал'э* 'хитрость', *байтак* > *бат'ак* 'довольно много', *эйтэ* > *этэ* 'говорит', *кайнана* > *кан'ана* 'свекровь', *кайсы* > *кас'ы* 'который' и т.д.

В говоре бакалинских крышен наблюдается выпадение звука *й* в дифтонгах *-ай*, *-эй*, *-уй*: *қайчы* > *қачы/қачы* 'ножницы', *қайчан* > *қачан/қачан* 'когда', *ярыймы* > *жарымы* 'ладно что-ли', *көчәйде* > *көчәде* 'усилился'.

СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ

Согласные *к*, *г* в говорах употребляются в двух вариантах: глубокозаднеязычные *қ*, *ғ* и заднеязычные *к*, *г*.

Глубокозаднеязычные *қ*, *ғ* характерны, в основном, для говоров заказанских крышен и Нижн. Прикамья. В примешинском и прикамском подговорах заказанских крышен (где *а* очень открытый) звук *к* имеет наиболее заднюю артикуляцию, напоминая соответствующий звук ногайского, казахского и каракалпакского языков.

В говорах чистопольских и подберезинских крышен, а также в речи жителей отдельных крещено-татарских населенных пунктов Заказанья и Нижн. Прикамья глубокозаднеязычные *қ*, *ғ*, характерные для татарского литературного языка, отсутствуют. Им соответствуют заднеязычные звуки *к*, *г*, которые по месту образования близки к аналогичным звукам русского языка.

В речи жителей сел Крещ. Пакшин Мамадышского р-на и Ошторма-Юмья (в последнем живут крещеные татары и удмурты), Урясбаш (большинство невест взято из д. Ошторма-Юмья) Кукморского р-на Заказанья употребляются и заднеязычные *к*, *г* и глубокозаднеязычные *қ*, *ғ*. Это явление, вероятно, объясняется историей формирования этих деревень. Так, по рассказам старожилов, в деревню Урясбаш население переехало из деревень Апазово и Азяково (Эзэк иле) Арской дороги. Здесь они смешались с отатаренными удмуртами и крещеными татарами деревни Ошторма-Юмья. Произношение звуков *к*, *г* с разной артикуляцией, видимо, результат этого явления.

В селах Янцева, Ковали, Кибячи, Альведино и Крещ. Серда Пестречинского р-на, в селах Дурга, Биктяшево, Старая Ципья Балтасинского р-на Заказанья и у чистопольских и подберезинских крышен в речи представителей старшего поколения в конце некоторых слов и слогов вместо *қ* и *к* слышится специфичный звук 'хамза', который образуется путем полного смыкания голосовых связок, например: *күлмә* — литер. *күлмәк* 'платье, рубашка', *тавы* — *тавык* 'курица', *бүлә* — *бүләк* 'подарок', *қуналар* — *куналар* 'гости', *чымаған* — *чыкмаған* 'не вышел', *жапыра* — *яфрак* 'лист', *өчпочма* —

өчпочмак 'треугольник', *чүлмә* — *чүлмәк* 'горшок', *ту'ма* — *тукмак* 'колотушка', *та'ма* — *такмак* 'чапушка', *чүперә* — *чүпрәк* 'тряпка', *эрәмәт* — *рәхмәт* 'спасибо', *чәчә'ле* — *чәчәкле* 'цветастый'.

В речи старшего поколения гортанный смычный (хамза) может заменить и переднеязычные смычные *д*, *т* перед сонорными *л*, *н*, *м*, например: *а'лар* — литер. *атлар* 'лошади', *за'лы* — *затлы* 'раскошный', *а'лас* — *атлас* 'атласный', *қы'яма'лы*/'*кийама'лы* 'посаженная мать', *а'на* — *атна* 'неделя', *рә'ле* — *рәтле* 'порядочный', *жәге'ләр* — *егетләр* 'парни', *эйбә'ләп* — *эйбәтләп* 'по-хорошему', *боло'лар* — *болытлар* 'тучи, облака', *э'морно* — *эт борыны* 'шиповник', *у'мурт* — *удмурт* и др.

Хамза характерна для касимовского говора татарского языка (Махмутова, 1955, 147—148). В последнее время стало известно и о наличии ее в ряде других татарских говоров: в говоре мордвы-каратаев (Арсланов, 1965, 124), мишарских говорах (Махмутова, 1978, 67), говоре каринских и глазовских татар (Бурганова, 1978, 84). Она сохранилась и в говоре татарской слободки под Новочеркасском (Милых, 1940, 35—55).

Гортанно-смычные звуки отмечены и в диалектах удмуртского и марийского языков (Тепляшина, 1972, 39—40).

Возникновение смычного ' на месте к В.А. Гордлевский (1928, 13, 21) связывает с финским субстратом, сыгравшим определенную роль в формировании касимовского говора. По мнению Л.Ш. Арсланова (1976, 65), его возникновение относится к более ранней эпохе — ко времени древних контактов тюркоязычных народов с иберийско-кавказскими народами. Действительно, наличие гортанного звука ' в заказанском говоре крещеных татар, по-видимому, явление очень древнее. Эта фонема, возможно, имела место в языке отдельных тюркских племен (Махмутова, 1978, 67), а также в языках угрофинских народов Поволжья, с давних времен живших в тесном контакте с тюрками.

Звук *ч* в исследуемых говорах кряшен представлен в двух вариантах: переднеязычный щелевой *ч* и аффриката *т^ч*.

В большинстве говоров крещеных татар переднеязычный *ч* представляет собой, как и в литературном языке (Шараф, 1927, 82—83), простой щелевой звук. Только в говорах подберезинских и чистопольских кряшен, а также в отдельных подговорах (например, в примешинском) заказанского говора согласный *ч* является аффрикатой с ослабленным взрывным элементом, например в примешинском подговоре Заказянь: *т^{чи}т^чиқай* — литер. *чынаяк* 'чашка'; *т^чалгы* — *чалгы* 'коса'; *т^чыбырқы* — *чыбырқы* 'кнут'; *т^че* — частица 'же, ведь'; в подберезинском говоре: *т^чепт^чек* — *чыпчык* 'воробей'; *т^чылан* — *чолан* 'чулан'; *т^чэй* — *чэй* 'чай'; *т^чиркәү*/'*т^чиркәү* — *чиркәү* 'церковь'.

Аффриката *т^ч* может выступать и в середине слова: *т^чәт^чәк* — *чәчәк* 'цветок'; *баргинт^ч* — *барганчы* 'до того как идти'; *пеп^чән*—*печән* 'сено'. Однако в говорах подберезинских и чистопольских кряшен в середине слова употребляется и переднеязычный щелевой *ч*, причем последнее преобладает над аффрикатой. В употреблении *т^ч* и *ч* в середине слова не удастся установить какую-нибудь закономерность.

В одном и том же слове может выступать и аффриката $m^ч$ и щелевой ч: у $m^ч$ ак/у $ч$ ак — очаг и др.

Что касается ч конца слова, то здесь в указанных выше говорах в большинстве случаев выступает щелевой ч со слабым взрывным элементом, как и в литературном языке: гүчтинәч — күчтәнәч 'гостиница', агач 'дерево'.

Звук ж, в говорах кряшен употребляется также в двух вариантах: переднеязычный щелевой ж и аффриката $o^ж$.

В большинстве говоров Заказанья и Нижн. Прикамья звук ж, как и в литературном языке, простой щелевой звук.

Аффриката $o^ж$ употребляется в примешинском подговоре Заказанья, в чистопольском и подберезинском говорах, например: $o^ж$ әпей 'Ефим'; $o^ж$ иләк — жиләк 'ягоды'; $o^ж$ итен — житен 'лен'; $o^ж$ ил — жил 'ветер'. Аффриката $o^ж$ выступает и в середине слова на месте литературного ж и й: эн $o^ж$ е — энже 'жемчуг'; ден $o^ж$ ә — дөнья 'мир, вселенная'; мыр $o^ж$ ә — моржа 'труба', мәр $o^ж$ ән — мәржән 'бисер'; барин $o^ж$ ә 'варенье'.

Звук т — в говорах кряшен в основном произносится, как и в литературном языке, в твердом варианте. Однако в говоре чистопольских кряшен в речи некоторых представителей старшего поколения в ограниченном количестве слов отмечается и палатализованный вариант звука т. На слух он напоминает русский палатализованный т'. Но он более аффрицирован и воспринимается как сочетание звуков т + й: зунт'ик 'зонтик', бут'инкы 'ботинка'; инт'ирнат 'интернат'; Тат'и 'Татьяна'; Мут'и 'Матрена'; мат'ериал 'материал'; мант'ур 'монтер'; Ут'аганов 'Утәганов'.

Палатализованный вариант звука т имеется в мишарском диалекте и в говорах нукратских и пермских татар среднего диалекта.

В говоре подберезинских кряшен (в речи крещеных татар д. Хозе-саново, Молькеево, Ст. Тябердино) в некоторых случаях согласный т очень сильно палатализуется и слышится как аффриката $m^ч$, например: т $m^ч$ у — тәтә 'тетя'; к $m^ч$ ам — кайтам 'возвращаюсь'; ә $m^ч$ әм — әйтәм 'скажу'; к $m^ч$ әм — китәм 'ухожу'; $m^ч$ урма — төрмә 'тюрьма'; $m^ч$ урка — кыргыч 'терка' и др.

Звук d — переднеязычный межзубной спирант, наблюдается в группе деревень, расположенных около р. Вятки Мамадышского р-на Заказанья. Примеры: қәдер — литер. хәзер 'сейчас'; бодау — литер. бозау 'теленка'; дәңгәр — зәңгәр 'синий'; жәдәк — йөзек 'перстень'; әдерәк — әзрәк 'меньше'; үдем — үзем 'я сам'; дурлап — зурлап 'величать'; дабут — завод; тудан — тузан 'пыль'. Как видно из примеров, межзубный спирант d заменяет переднеязычный свистящий з литературного языка.

Изогlossа употребления интердентального d вместо литер. з в отдельных словах (например: қәдер — литер. хәзер 'сейчас'; жәдәк — йөзек 'перстень'; жәдә — йөзә 'плавает') проходит по деревням Никифорово (Чиябаш), Албашо (Албай), Владимир (Кече Берсут), Кулуци (Кылыччы), Шеморбаш (Шомортбаш) Мамадышского р-на.

Интердентальный звук d характерен для мензелинского говора среднего диалекта (Махмутова, 1962, 60—61; Баязитова, 1973, 18),

встречается он также в говорах нагорной стороны (Бурганова, 1955, 47) и в мамадышском говоре Заказанья (Бурганова, 1978, 83). Употребление его в татарских говорах считается древним (Жэләй, 1947, 38) и субстратным явлением (Махмутова, 1962, 61). Из других тюркских языков *d* сохранился в современном башкирском (Дмитриев, 1950, 26—29) и туркменском (Дмитриев, 1955, 249—253) языках.

Звуковые соответствия

ф~п. Губно-губному глухому согласному *ф* татарского литературного языка и губно-зубному *ф* русского языка систематически соответствует губно-губной *п*. Эта особенность является закономерным историческим явлением и в татарских, и в заимствованных словах, например:

в татарских и арабо-персидских словах: *торпа* — литер. *дорфа* 'грубый'; *пикер* — *фикер* 'мысль, дума'; *сәпәр* — *сәфәр* 'путешествие'; *кәпәрлек/кеперлек* — *көферлек* 'безбожие, неверие'; *пирештә* — *фәрештә* 'ангел'; *жапа/о жапа* — *жәфа* 'мука, мучение'; *кәлтә* — *хәлтә* 'учитель'; *тупырақ/тупырак* — *туфрак* 'земля'; *тупырақса/тупыракса* 'подволока'; *керпек* — *керфек* 'ресница'; *кәләмпер/кәләмпер* — *канәфер* 'гвоздика'; *жәпәк* — *ефәк* 'шелк'; *жапырақ/жапырак* — *яфрак* 'лист'; *таупик* — *тәуфыйк* 'благодетель, воспитанность'; *нәпес* — *нәфес* 'жадность'; *кәтипә/кәтипә* — *хәтфә* 'бархат';

в вошедших из русского или через русский язык словах: *шыпыр* 'шифер', *пурмы* 'форма', *кампаркы* 'конфорка', *панирный* 'фанерный', *пурашкы* 'фуражка', *пураж* 'фураж', *пиршыл* 'фельдшер', *Упа* 'Уфа', *панар* 'фонарь', *шапир* 'шофер', *тилипун* 'телефон', *пылак* 'флаг', *пырансуз* 'француз', *пасун* 'фасон', *кампит/кампит* 'конфета', *ышкап* 'шкаф' и др.; в именах собственных: *Пилип* 'Филипп', *Жәпей* 'Ефим', *Пидыр* 'Федор', *Ғапый/Үгәп/Үгәпей* 'Агафья', *Пыкыл* 'Фекла', *Пидура* 'Федора', *Қупый/Купый* 'Прокофий', *Апанас* 'Афанас', *Темәпей* 'Тимофей' и другие.

В настоящее время явление *ф~п* в основном характерно для речи старшего поколения.

В говорах подберезинских и чистопольских крышен наблюдается соответствие *ф~б* в словах: *жәбәк* литер. *ефәк* 'шелк', *зиба* — *зифа* 'стройный, статный', *жилбердәү* — *жилфбердәү* 'реять, развеваться'.

й~ж, о ж. В говорах крещеных татар устойчиво явление жоканья, т.е. в большинстве случаев литературному *й* в начале и середине слова соответствует придумной звонкий *ж*, например: *жәшел* — литер. *яшел* 'зеленый', *жул* — *юл* 'дорога', *журган/журган* — *юрган* 'стеганое одеяло', *жәпәк* — *ефәк* 'шелк', *жәш* — *яшь* 'молодой', *жәқо/жәқо/о жәқо* — *йоқы* 'сон', *жәмне/о жәмне* — *ямле* 'красивый', *денжә* — *дөнъя* 'вселенная', *жәгет/о жәгет* — *егет* 'парень', *жәман* — *яман* 'плохой, дурной', *жидегән жәндоз* 'семиззвездие'.

Соответствие *й~ж* отражается и в песнях:

Киң ди урамнарны без үтийек,

Жәшел жәпәкәйләр сүтийек.

Жәшел жәпәк, жәшләр жәрәк,

Жырлашмыйча ничек түзийек (Ср. Пинячи)

‘Пройдем мы по широким улицам,
Распустим зеленый шелк.
Зеленый шелк, молодое сердце,
Как же жить, друзья, без песен’.

В словах, заимствованных из русского языка, *й ~ ж* наблюдается даже в последнем слоге слова, например: *субранжа* ‘собрание’, *иминжа* ‘имение’, *баринжа* ‘варенье’, *правлинжа* ‘правление’, *памилжа* ‘фамилия’, *палажчинжа* ‘положение’, *жалунжа* ‘жалованье’, *кампанжа* ‘компания’, *зайаулинжа* ‘заявление’, *пинже* ‘пенсия’. Эта особенность активно проявляется и в собственных именах: *Маржа*/ *Маржый* ‘Мария’, *Даржа*/ *Даржый* ‘Дарья’, *Эмэлжэн* ‘Емельян’, *Упинжа* Офелия’, *Илжа* ‘Илья’, *Лакиржа* ‘Лукерья’, *Наталжа* ‘Наталья’, *Маланжа* ‘Маланья’, *Жэкэу* ‘Яков’, *Киржа* ‘Кирья’, *Герпинжа* ‘Агриппина’, *Укчинжа* ‘Аксинья’, *Жәулич* ‘Евгения’ и др.

Явление жоканья в начале слова считается характерной фонетической особенностью среднего диалекта (МТД, 1962, 11). Оно наблюдается в таких говорах, как мензелинский, касимовский, заказанский, нагорный. Жоканье в татарском языке представляет собой древнее явление и, по мнению исследователей, уходит своими корнями в диалекты волжско-булгарского языка (Хакимзянов, 1976, 6—11; Бурганова, 1978, 88).

Соответствие *ж ~ й* отмечено и в диалектах киргизского, каракалпакского, уйгурского языков (Гаджиева, 1975, 268—269).

ж й ~ з. Соответствие это более часто встречается в речи жителей сел Савалеево, Светлое Озеро, Тюгеево, Сарапала Альметьевского р-на (заинский подговор) и в подговоре бакалинских кряшен БАССР, например: *кәзә* — литер. *кәжә* ‘коза’, *зир* — *жир* ‘земля’, *зизни* — *жизни* ‘зять’, *заный* — *жаный* ‘милый’, *заникай* — *жаникай* ‘миленький’, *зоко* — *йоко* ‘сон’, *засый* — *ясий* ‘делает’, *зөзә* — *йөзә* ‘плавает’, *заза* — *йаза* (графич. *язз*) ‘пишет’, *зыр зырлый* — *жыр жырлый* ‘песню поет’, *энзе* — *энже* ‘бисер’, *зөз* — *йөз* ‘сто’, *бозора* — *божра* ‘кольцо’, *зайлы* — *жайлы* ‘удобный’, *зөзөм* — *йөзөм* ‘изюм’, *зыйылыш* — *жылыш* ‘сбор, собрание’, *зилләу* — *жилләу* ‘ветрит, ветрено’, *зилән* — *жилән* ‘верхняя одежда’.

й ~ ж, ʒ ~ з, ʒ, з’. Замена *ʒ* (~ *й*) переднеязычным свистящим *з* является характерной особенностью примешинского подговора Заказанья. В этом подговоре употребляется аффриката *ʒ*, соответственно этому литер. *з* тоже имеет аффрицированный вариант *ʒ*: *ʒыра* ‘эбей’ — литер. *йырак* (графич. *ерак*) ‘эби ‘мать матери’ (букв. ‘далекая бабушка’); *ʒегерме*/ *ʒегерме* — *йегерме* (графич. *егерме*) ‘двадцать’; *ʒурган* — *йурган* (графич. *юрган*) ‘стеганное одеяло’; *ʒарамый* — *йарамый* (графич. *ярамый*) ‘нельзя’; *ʒөзөк*/ *ʒөзөк* — *йөзөк* ‘перстень’; *ʒыйылыш*/ *ʒыйылыш-жылыш* ‘собрание’; *ʒанагай*/ *ʒанагай* ‘младший брат мужа’.

В этом же подговоре иногда наблюдается *й ~ ʒ ~ з ~ д*: *ʒжук* ~ *ʒук* ~ *дук* — литер. *йук* (графич. *юк*) ‘нет’; *ʒжарый* ~ *ʒжарый* ~ *дарый* — *йарый* (графич. *ярый*) ‘ладно, сойдет’; *ʒжүвеш* ~ *ʒжүвеш* ~ *дүвеш* (графич. *юеш*) ‘мокрый’; *ʒжугары* ~ *ʒжугары* ~ *дугары* — *йугары* (графич. *югары*) ‘высокий’.

Соответствие $ж \sim з$ характерно для мишарских говоров татарского языка, оно наблюдается и в говоре мордвы-каратаев (Арсланов, 1966, 20), $ж \sim з$, $д$ имеет место и в диалектах некоторых тюркских языков (Гаджиева, 1975, 268); $й \sim д$ отмечено в каракалпакском, балкарском, казахском и других языках (Рясянен, 1955, 162—163).

$д \sim з$. В вятском подговоре Заказанья и елабужском подговоре Нижн. Прикамья в значительной группе слов встречается замещение смычно-взрывного $д$ щелевым $з$: *назан* — литер. *надан* 'невежа, неграмотный'; *бозай* — *бодай* 'пшеница'; *изэн* — *идэн* 'пол'; *казак* — *кадак* 'гвоздь'; *Агизел* — *Агидел*: *Ак балыклар уйныйдыр, Агизелнен жәмне жарында* (Старое Гришкино) 'Играют белые рыбы около красивого берега Агидел'. Переход $д \sim з$ наблюдается и в русских заимствованиях: *узийал* 'одеяло', *зиләңке* 'делянка'.

Как указывает Н.Б. Бурганова (Источниковедение, 1978, 90), явление $д \sim з$ распространено довольно широко — по всей восточной части Заказанья (территория бывших Мамадышского и Малмыжского уездов). В определенной группе слов $д \sim з$ сохранилось также в говорах параньгинских и причепецких (Бурганова, 1955, 108; 1962, 27—28) татар; $д \sim з$ характерно для мензелинского говора, который является самым большим говором среднего диалекта (Жэлэй, 1947, 38). Все это дает основание считать явление $д \sim з$ древней диалектной особенностью языка казанских татар.

$з \sim ж$ наблюдается во всех говорах кряшен в словах: *жаман* — литер. *заман* 'время'; *гажит* — газета; *мужый* — музей; *жирек* — *зирек* 'ольха'; *кырмажин* 'кармазин' (название материи); *мәгәжин* 'магазин'; *эржин* 'резина'; *пыражник* 'праздник'; *кәржин* 'корзинка'; *кажыр* — *хәзер* 'сейчас'; *кажунный* 'казенный'.

Фарингальный звук h в говорах кряшен вообще не употребляется. В начале слова этот звук опускается: *әр* — литер. *һәр* 'каждый'; *аман/эмән* — *һаман* 'всегда, все время'; *әрбер* — *һәрбер* 'каждый'; *ава* — *һава* 'небо, воздух'; *өнәр/энәр* — *һөнәр* 'ремесло'; *уш* — *һуш* (= гимол. *һуш*) 'сознание'; *ич* — *һич* 'нисколько, ничуть, никак'; *ичкем* — *һичкем* 'никто'; *әвәс* — *һәвәс* 'пристрастный, склонный'.

В середине слова, в интервокальной позиции звук h заменяется звуком $ɣ$ (z) или совсем выпадает: *Әҗиғаз/җиғаз* — литер. *җиһаз* 'мебель'; *бәгә/бәгә* — *бәһа* 'цена'; *қәғәр/кәгәр* — *каһәр* 'проклятие'; *Ғонағы/ғонагы* — *гәһаһы* 'грех'; *зағар* — *зәһәр* 'злой, едкий'; *зиғынлы/зиғынлы* — *зиһенле* 'умный'; *әғәмийәт/әгәмият* 'внимание'; *шәғәр/шәәр* — *шәһәр* 'город'; *сағат/саат/сәәт* — *сәгәт* 'часы'; *жәғәннәм/жәәннәм* — *жәһәннәм* 'ад'; *жәт* — *жәһәт* 'быстро' и др.

Звук h и в других тюркских языках, кроме башкирского (Дмитриев, 1948, 23—25) и якутского (Харитонов, 1947, 65—70), встречается только в заимствованных словах и междометиях. В карачаево-балкарском, кумыкском и караимском языках в интервокальной позиции звук h заменяется звуком g : *бәгә* — *бәһа* 'цена' (Рясянен, 1955, 48).

$ç, x \sim қ, к$. Эта фонетическая особенность в говорах крещеных татар сохранилась больше, чем в других говорах татарского языка, и, по мнению Л. Залая (Жэлэй, 1954, 36), является очень древней

особенностью. Соответствие $x \sim k$ наблюдается и в словах тюркского корня, и в заимствованных из других языков словах, например: *қатын/катын* — литер. *хатын* 'жена, женщина'; *қалық/калык* — *халык* 'народ'; *қабәр/кәбәр* — *хәбәр* 'весть'; *қат/кат* — *хат* 'письмо'; *қак/как* — *хак* 'цена'; *қақына/хакына* — *хакына* 'ради, для, во имя'; *қурлау/курлау* — *хурлау* 'опозорить'; *қужайын/кәжәин* — *хужа* 'хозяин'; *мақырым/макырым* — *мәхрүм* 'обездоленный'; *ақық/акык* — *ахак* 'агат'; *қалат/калат* 'халат'; *жөмақ* — *оҗмах* 'рай'; *қирурық* — *хирург*; *паскы* 'пасха'; *акирәт* — *ахирәт* 'загробный мир'; *көкәмәт* — *хөкүмәт* 'государство'; *қурмәт/курмәт* — *хөрмәт* 'почет, уважение'; *нақақ/накак* — *нахак* 'несправедливый'; *ақмақ/акмак* — *ахмак* 'глупый'; *қәреп/кәреп* — *хәреф* 'буква'; *китырый* 'хитрый'; *қәл/кәл* — *хәл* 'положение, сила, мощь'; *Куйасан* 'Хозесаново' (назв. деревни), *каластуй* 'холостой'; *укуват* 'ухват'; *кет* 'хоть' и другие. В именах собственных: *Пукуш* 'Проход', *Тикын* 'Тихон', *Керисә* 'Христина', *Критун* 'Харитон'.

Соответствие $x \sim k$ в разной степени распространено во всех говорах татарского языка. Наиболее систематично оно наблюдается в кряшенских говорах и в говоре пермских татар (ТТЭ, 1975, 136; МТД, 1962, 30).

$q, k \sim \chi, x$ особенно характерно для говора бакалинских кряшен БАССР, например: *қырау* — литер. *кырау* 'заморозки', *хәбер* — *кабер* 'могила', *хәдерле* — *кадерле* 'дорогой', *хазақ* — *казак*, *хыҗымат* — *хөкүмәт* 'государство', *хампит* — *конфет* 'конфета', *хәдәр* — *кадәр* 'до': *Хырау қуғанда иске чабата жандыралар* (Старые Маты) 'Когда прогоняют заморозки, сжигают старые лапти'; *Хәберләремә кемнәр жәрөр инде дил қайғырамын да қайғырамын* (Утар) 'Все горюю и горюю, кто же будет ходить к моей могиле'.

Как видно из примеров, явление $q, k \sim \chi, x$ наблюдается, главным образом, в заимствованных словах и в начале слова.

Спирантизация q, k в той или иной степени наблюдается во всех диалектах татарского языка. Спирантизация смычного k имеется и в других тюркских языках, например в чувашском (Ашмарин, 1898, 51), кумыкском (Дмитриев, 1940, 17—18) и др.; $k \sim x$ является также характерной особенностью армяно-кыпчакских рукописей XVI—XVII вв. (Абдуллин, 1974, 174); $k \sim h, x \sim k$ наблюдается в древнетюркских письменных памятниках (Насилов, 1974, 19).

$t \sim k$ — встречается в словах: *кенәген/төнәген* — литер. *кичә* 'вчера'; *келәү (итү)* — *теләк итү* 'моление'; *келәнче* — *теләнче* 'попрошайка'; *келәнү* — *теләнү* 'попрошайничать'; *кискәре (як)* — *тискәре (як)* 'обратная сторона'; *уқмурт* — *удмурт* (здесь $d \sim t \sim k$). Обратное явление — $k \sim t$: *читләшек* — литер. *чикләшек* 'орех'.

Явление $t \sim k$ в отдельных словах характерно для мишарских говоров (Махмутова, 1978, 78), оно наблюдается также в караимском (Мусаев, 1964, 84—85), чувашском (Ашмарин, 1898, 99—100) и якутском (Барашков, 1953, 40) языках.

$b \sim m$ — встречается в кряшенских говорах в следующих словах: *муқча* — литер. *букча* 'сумка, ранец'; *мәндә* — литер. *бәндә* 'человек'; *мадийан* — *бадийан* 'бадьян'; *қорман* — *корбан* 'жертва'; *метнек* —

бөтнек 'мята'; қорман балық — қорбан балык 'лещ'; чымылдык — чыбылдык 'полог'; майтақ, — байтак 'довольно много'; мәке — бәке 'прорубь'.

м ~ б: биләш — литер. миләш 'рябина'; бич — мич 'печь', ғарбун/ғарбун — гармонь.

в ~ м: нирмы — нерв, минават — виноват, митамин — витамин, мирмишил — вермишель.

Отдельные случаи соответствия *б ~ м* и *в ~ м* объясняются как результат регрессивной ассимиляции, т.е. под влиянием носового *н* в словах возникло явление *б ~ м* и *в ~ м*.

Подобные случаи *м ~ б* зафиксированы в мишарских говорах, а также в говорах среднего диалекта. Оно имеет место в современных тюркских языках и в памятниках древнетюркской письменности (Батманов, 1959, 35).

в ~ б, ш. Во всех говорах кряшен в заимствованных из русского языка словах губно-зубному звуку *в* соответствуют близкие по артикуляции губно-губной *б* или *ш*, так как в самом татарском языке нет губно-зубного звука *в*, например: *в ~ б*: багун 'вагон', буранка 'воронка', бырач 'врач'; Бира 'Вера'; Ибан 'Иван', Бладимир 'Владимир', камбирт 'конверт', искабатыр 'экскаватор', бур 'вор', зәйәблинжә 'заявление', тирбый 'первый', эрбизийә 'ревизия', кабир 'ковер';

в ~ ш: чилсәшит 'сельсовет'; инвәлит 'инвалид', вәйәнни 'военный', питрау 'петров (день)', пыкырау 'покров (день)', чиркәш 'церковь', раштууа/раштыуа 'рождество', Жәкәш 'Яков'. Кылау 'Клава'.

В говорах заказанских и нагайбакских кряшен (МТД, 1974, 79) в словах кебек, табын, чабын, кабын звук *б* заменяется звуком *ш*, и эти слова звучат как кешек, ташын, чашын, кашын,

ш ~ б в словах: чобар — литер чуар 'пестрый'; чобан — чуван (графич. чуан) 'фурункул, чирей'; чобалту — чуалту 'спутаться (о нитках)'; жобану — йувану (графич. юану) 'утешаться'; кайбан — хайван 'скотина' (в говоре подберезинских и бакалинских крещеных татар).

Употребление *б* вместо *ш* в вышеприведенных словах наблюдается также в мензелинском говоре и говоре пермских татар, в сергачском, мордва-каратаевском говорах мишарского диалекта.

н, ң ~ ң — наблюдается в ряде слов в интервокальной позиции в говорах заказанских кряшен, а также в челнинском подговоре Нижн. Прикамья: қызғаңғыч — литер. қызганыч 'жалко'; аңғыша/аңыша — аңлы 'понимает'; уңғайсыз — уңайсыз 'неудобно'; қурқыңғыч — куркыныч 'страшно'; между двумя словами: иңгелек — литер. иң элек 'сначала, в первую очередь'; иңгәшәл — иң әшәл 'сперва, в начале'; в именах и местоимениях в дательном падеже: миңға — литер. миңа 'мне'; сиңға — литер. сиңа 'тебе'; аңғар — аңа 'ему'; қужанықыңғар хужаныкына 'хозяйскому'.

ң ~ й: мийа/мыйа — литер. миңа 'мне'; сийа/сыйа — сиңа 'тебе'. Эта особенность характерна для говора заказанских кряшен (особенно активно она проявляется в пришошминском подговоре), наблюдается также в челнинском подговоре Нижн. Прикамья. В говоре нагайбаков: мыйа 'мне', сыйа/сыйә 'тебе'.

В говоре кряшен Нижн. Прикамья в именах, местоимениях и числительных с аффиксом принадлежности 3-го лица в дательном падеже наблюдается $n \sim \eta$: *моносыңа* — литер. *монысына* 'этому'; *тегесеңә* — *тегесенә* 'тому'; *кыркыңа* — *кыркыңа* 'сорока'; *икесеңә* — *икесенә* 'двум (из них)'; *аныкыңа* — *аныкына* 'тому'; *баласыңар* — *баласына* 'ребенку'.

Во всех говорах кряшен в глаголах изъявительного наклонения 2-го лица ед. числа, в аффиксах родительного падежа вместо заднеязычного η употребляется переднеязычный носовой n : *барасын* — литер. *барасың* 'идешь'; *куйасын* — *куйасың* 'поставишь'; *безнен* — *безнең* 'наш'; *сезнен* — *сезнең* 'ваш' и др.

Употребление переднеязычного n вместо η весьма широко распространено в других татарских говорах. Эта особенность наблюдается в параньгинском (Известия, 1955, 106), касимовском (МД, 1955, 141), а также в карино-глазовском (МТД, 1962, 31) говорах.

В говоре подберезинских и нагайбакских кряшен, как и в касимовском говоре (МТД, 1962, 29), явление $\eta \sim n$ наблюдается в любой позиции, например в подберезинском говоре: *мина* — литер. *миңа* 'мне'; *сина* — *сиңа* 'тебе'; *безен* — *безнең* 'наш'; *жаңак* — *яңак* 'щека'; *жаңа* — *яңа* 'новый'; *жаңаси* — *яңа сый* 'новое угощение'; *тун* — *туң* 'мерзлый'; *тәнкә* — *тәңкә* 'монета, чешуя'; *жаңрап* — *яңгырап* 'звучать, прогреметь'; *тундәш* — *тиңдәш* 'сверстница, ровесница'; *кенел булу* — *күңел булу* 'удовлетворяться, быть довольным, получать удовольствие' и др.

В этом же говоре — $n \sim n\eta$: *мынгайа* — литер. *моңая* 'унывает, смотрит печально'; *ңл* — *нн*: *тыннау* — литер. *тыңлау* 'слушать'; *чыннау* — *чыңлау* 'звенеть'.

Соответствие $n \sim \eta$ в отдельных словах и грамматических формах отмечено и в других диалектах и говорах татарского языка, в мишарско-мишарском же диалекте оно наблюдается систематически. Например, употребление переднеязычного n вместо заднеязычного η наблюдается в казанском ($-ның/-нең > -нын/-нен$), нагорном ($-сың/-сең > -сын/-сен$), параньгинском (в конце слов и различных грамматических показателей), в говоре причепецких татар ($-сың/-сең > -син$), в касимовском говоре среднего диалекта (где η совсем не употребляется), а также в говоре пензенских мишарей и мишарей Мордовской АССР ($-ның/-нең > -нын/-нен$, $-сың/-сең > -сын/-сен$) (МД, 1955, 43, 141; МТД, 1962, 31, 102; Махмутова, 1978, 111).

$ч \sim с/с'$. В деепричастных формах на $-гач/-гәч$ звуку $ч$ соответствует сильно палатализованный свистящий спирант $с$ или даже звонкий $з$ (Примешинский подговор Заказанья): *баргач/баргаз* — литер. *баргач* 'когда пришел', *алгас'* / *алгас'тын* — *алгач* 'когда взял'; $ч \sim с/с'$ наблюдается и в других словах: *ис'маса* — литер. *ичмаса* 'хотя бы'; *акс'а* — *акча* 'деньги'; *пыс'рак* — *пычрак* 'грязь'; *ис'/ич* 'ведь'; *кас'ма* — *качма* 'не убегай'. Спорадически наблюдается $ч \sim с(ц)$, где $ц$ — аффриката с ослабленным взрывным элементом: *кулын м'сапты* — литер. *кулын чапты* 'руку разрубил'; *сә'мсәк/чәчәк* 'цветок'; *насар/на'сар* — *начар* 'плохой'.

Переход конечной аффрикаты $ч$ в спирант $с$ в конце деепричастий

на -гач/-гәч, в конце именных и глагольных корней и отглагольного имени на -кыч/кеч наблюдается в касимовском говоре (МД, 1955, 143), а также в дубъязском (ч ~ с/с'), но более активно (Источниково-ведение, 1978, 89—90). Соответствие ч ~ с свойственно отдельным говорам мишарского диалекта (Махмутова, 1978, 84), а также многим тюркским языкам, например башкирскому, чувашскому, якутскому и некоторым говорам хакасского языка (Дмитриев, 1948, 28—29; Катанов, 1903, 45).

В заимствованных словах происходит замена свистящего спиранта с звуком ч, например: *чүченкә* 'чесанки'; *чәпчим* 'совсем'; *бич* 'весь'; *начылый* 'насилу'; *чимийә* 'семья'; *Чирги* 'Сергей'; *Бәчкә* 'Васька'; *Упрыч* 'Евфросинья'; *чимек* 'семика'; *эчтинә* 'стена' и др.

ц ~ с, ч: *балнис* 'больница'; *гарчис* 'горчица'; *милисе* 'милиция'; *симит* 'цемент'; *сырык* 'цирк'; *труйсы/тричын/тройчын* 'троицын'. Подобные примеры можно встретить и в трудах по татарской диалектологии (МД, 1955, 37; МТД, 1962, 64, 79; ТТӘ, 1959, 166).

Редко встречающиеся звуковые соответствия:

л ~ н: *үренә* — литер. *үрелә* 'тянется'; *тешни* — *тешли* 'кусают'; *жәндоз/жындыз* — *йолдыз* 'звезда'; *андалый* — *алдалый* 'обманывает';

л ~ м: *кымнак* — литер. *колмак* 'хмель'; *кымнаксар* — *колмаклык* 'место, где растет хмель' (подберезинский говор);

н ~ р: *үткер* — литер. *үткен* 'острый' — в говоре бакалинских крышен, ср. баш. *үткер*;

н ~ м, м ~ н: *чормый* — литер. *чорный* 'обматывает'; *үләм* — *үлән* 'трава'; *Нарпа* — *Марфа*; *Микипар* — *Никифор*; *микулын* — *николин* (день); *Микита* — *Микуш* 'Никита'; *Нитранан* — *Митрофан*; в говоре подберезинских крышен: *тетем* — литер. *төтен* 'дым'; *балам* — *балан* 'калина'; *бувым* — *буын* 'состав'; аналогичное соответствие встречается и в других говорах татарского языка, например в нурлато-кайбицком, в говоре каринских и глазовских татар (МТД, 1962, 27);

д ~ ж: *жәшми* — литер. *дәшми* 'молчит'; *быргажир* — *бригадир*; *сужийа* — *судья*; *ражйу* — *радио*; *ужийал/ажийал* 'одеяло';

л ~ ж: *жәтчә* — литер. *ләтчә* 'ласка';

с ~ т: *эсте* — литер. *эссе* 'жаркий, горячий'; *жасты* — *яссы* 'плоский';

й ~ р: *дирер* — литер. *дияр* 'скажет'.

Указанные выше особенности наблюдаются во всех говорах крышен. Большинство приведенных слов в таких же фонетических вариантах характерны и для других татарских говоров.

Озвончение и оглушение согласных

1. Озвончение согласных.

к ~ г — в говоре подберезинских крышен в начале слова и в интервокальной позиции: *гәрәз*—литер. *кәрәз* 'соты'; *гомбагыш* — *көнбагыш* 'подсолнух'; *гарниз-кәрниз* 'карниз'; *мәшәгәтле/машагатлы* — *мәшәкәтле* 'хлопотный'; *гөдөрә* — *көдрә* 'кудрявый'; *багыр* — *бакыр*

'медь'; *тыгырык* — *тыкырык* 'переулок'; *багыт* — *вакыт* 'время'; *чугындырган* — *чукындырган* 'крестил'; *гийәндә* — *көянтә* 'коромысло'; *чыгыр* — *чоқыр* 'яма'; *гүргән* — *күргән* 'видел'; *суга* — *сука* 'соха'; *уга* — *ука* 'позумент'; *чагыра* — *чақыра* 'зовет'; *чагырым* — *чакрым* 'верста'; *чигер(т)кә* — *чикерткә* 'кузнечик'; *гөпшә* — *көпшә* 'трубчатый стебель'; *кен гүрәм* — *көн күрәм* 'проживаю'; в заказанском говоре крышен (ташкирменский подговор): *жағалық* — литер. *яка* 'воротник, шейное украшение'; в говоре крышен Нижн. Прикамья; *гәрәз* — литер. *кәрәз* 'соты'; *гүчтинәч* — *күчтәнәч* 'гостинец'; *мәшәт* — *мәшәкәт* 'хлопоты'; *гөдөрә* — *көдрә* 'кудрявый'; *бағыр* — *бакыр* 'медь'.

п ~ б: *кирбеч* — литер. *кирпеч* 'кирпич'; *бытбул* 'подвал'

т ~ д: *дары* — литер. *тары* 'просо'; *даган* — *таган* 'качель'; *абдырау* — *аптырау* 'удивляться'; *дигәнәк* — *тигәнәк* 'репейник'; *дургай* — *тургай* 'жаворонок'; *дабут* — *табут* (чистопольский говор крышен).

2. Оглушение согласных (в говорах заказанских крышен и Нижн. Прикамья).

г ~ к: *чикерү* — литер. *чигерү* 'вычитывать'; *тустыкан* — *тустыган* 'стакан'; *кикач* — *кыйгач* 'косой, наискосок'; *тәлкәш* — *тәлгәш* 'кисть, гроздь'; *сеңкер* — *сеңгер* 'жила'; *сулақай* — *сулагай* 'левша'.

з ~ с: *төсәп* — литер. *төзәп* 'прицеливаясь'.

д ~ т: *тулкын* — литер. *дулкын* 'волна'; *әртәнә* — *әрдәнә* 'штабель, поленница'; *Маматыш* — *Мамадыш*, название нас. пункта; *шығыртау* — *шыгырдау* 'скрип'; *дерелти* — *дерелди* 'дрожит'; *торпа* — *дорфа* 'грубый'.

Выпадение согласных

Характерной особенностью говоров крещеных татар является неустойчивость сонорных *л, р, а* также *һ, з, й*.

Сонорный *л* выпадает в глагольных формах:

в глаголах прошедшего результативного (или неочевидного) времени: *кигән* — литер. *килгән* 'пришел'; *тыуған/туған-тулган* 'наполнился'; *иткән* — *илткән* 'отнес'; *чирэгән* — *чирлэгән* 'заболел';

в деепричастиях на *-ганчы/-гәнче* (в говорах крышен — *-гынчы/-генче*): *буғынчы/бугынчы* — литер. *булганчы* 'пока не был'; *кигенче* — *килгәнче* 'пока не пришел';

в глаголах условного наклонения: *буса* — литер. *булса* 'если будет'; *кисә* — *килсә* 'если придет'; *итсә* — *илтсә* 'если отнесет'; *айса* — *алайса* (*алай булса*) 'если так';

в вопросительных формах: *нишисен* — литер. *ни эшлисән* 'что делаешь'; *нишәтә* — *ни эшләтә* 'что делать заставляет'; *нишәп* — *ни эшләп* 'почему';

в отрицательной форме глаголов настоящего времени: *бумый* — литер. *булмый* 'не бывает'; *итмей* — *илтми* 'не несет'.

Примеры: *Айса мин сыңа сөйләп күрсәтийем әле, тыннап тораңмы; Мына берсе буған ақ чәчәк, берсе буған күк чәчәк; Безнен улларға қабық бишек буғанда, сезнен қызларға алтын бишек буғанда*

дип жыру жырлаганнар (Ташкирмень) 'Если так, я тебе расскажу, послушаешь что ли. Один из них был белый цветок, другой был голубой цветок. Нашим сыновьям была лубяная колыбель, вашим девочкам была золотая колыбель, так пели песни'.

Сонорный *л* выпадает в существительных: *күмәк* — литер. *күлмәк* 'платье, рубашка'; *чүмәк* — *чүлмәк* 'горшок'; *бүмә* — *бүлмә* 'комната'.

Как видно из примеров, звук *л* в большинстве случаев выпадает в положении перед сонорным *м*. Выпадение *л* в основах глагола наблюдается во всех говорах крещеных татар. В ряде слов в соседстве с сонорными систематически выпадает сонант *л* в говорах пермских татар (Рамазанова, 1976, 142), а также в некоторых других тюркских языках, например в башкирском языке: в южном диалекте сонант *л* систематически выпадает в основах глагола *ал-* 'взять'; *һал-* 'положить'; *кал-* 'остаться' и спорадически в глаголах *бул-* 'быть'; *кил-* 'прийти' в формах прошедшего и настоящего времени и причастиях прошедшего времени на *-ган/-гән* (Миржанова, 1979, 112). Последовательное выпадение сонанта *л* в указанных глаголах наблюдается в кубалыкском, айском, аргаяшском, сальютском говорах восточного диалекта (Максютова, 1976, 44—45). Это явление характерно также для других тюркских языков кыпчакской группы; например, в ногайском (Грамматика, 1973, 49), каракалпакском (Баскаков, 1952, 65) языках звук *л* выпадает перед согласными звуками. Ср. *к.-калп. боса* — *болса* 'если он будет', *кьаса* — *кьалса* 'если он останется'. Наиболее последовательный характер это явление носит в уйгурском языке (Талипов, 1963, 143—145; Гаджиева, 1975, 138).

Неустойчивость сонорного *л* в тюркских языках Н.К. Дмитриев считает древним фонетическим явлением (ИСГТЯ, 1955, 279).

Выпадение носового *н* в середине слова: *нидей* — литер. *нинди* 'какой'; *асат* — *ансат* 'легкий, удобный'; *Мизэлә* — *Минзэлә* 'Мензелинск'; *муча* — *мунча* 'баня'; *муйса* — *муенса* 'бусы'; *мосо* — *моньысы* 'этот'; *жамасылы* — *йамансулы* 'скушает'; *тәликә* — *тәлинкә* 'тарелка'; *курқыч* — *куркыныч* 'страшно, опасно'. В конце слова: *белә* — *белән* 'с'; *тагы/тагы* — *тагын* 'еще'; *ажаға* — *ажаган* 'зарница'.

Выпадение *г* (в арабских словах): *айып* — литер. *гаеп* 'вина'; *саат/сә-эт* — *сәгать* 'часы'; *мәнесез* — *мәгнәсез* 'бессмысленный, бестолковый'; *заиб* — *зәгыйфь* 'калека'; *үмер* — *гомер* 'жизнь'; *азап* — *газап* 'мучение'; *әрәпә* — *гарәфә* 'предпраздничный день'.

В говоре сел, расположенных около р. Шошмы Балтасинского р-на (Дурга, Биктяшево, Ст. Ципья и др.), шумный звонкий согласный *г* выпадает иногда и в интервокальной позиции: *та(ғ)ын* — литер. *тагын* 'еще'; *нийә* — *нигә* 'почему'; *әйдә(г)ез-әйдәгез* 'давайте'; *те(г)е* — *теге* 'тот'; *тирмән* — *тегермән* 'мельница'; *дийа* — *дога* 'молитва'; *жәерләу* — *жәгерләу* 'прясть'.

Выпадение среднеязычного звонкого согласного *й* наблюдается в следующих словах: *қачан* — литер. *кайчан* 'когда'; *сыпат* — *сыйфат* 'качество'; *қаа* — *кая* 'куда'.

В говоре бакалинских кряшен в глаголах изъявительного наклонения будущего времени выпадает восходящий дифтонг *-йа*: *бармачақ* — литер. *бармаячақ* 'не будет ходить'; *уқымачақ* — *укумаячақ* 'не будет читать'.

Сонорный *p* выпадает в следующих случаях: в показателе инфинитива *-ырга/-ергә*: *барыга/барыга* литер. *барырга* 'идти', *күрегә* — *күрергә* 'видеть'; в глаголах 1 и 2-го лица изъявительного наклонения: *барым/барымын* — литер. *барырымн* 'пойду', *барысын* — литер. *барырысн* 'пойдешь', *барыбыз* — литер. *барырыбыз* 'пойдем', *барысыз* — литер. *барырысыз* 'пойдете'; в примешинском подговоре в глагольных формах: *бара тоған ыйы* — литер. *бара торган иде* 'бывало ходила': *Сыра пешерә тоған ыйы Бәчүкә түтей туйларға* 'Тетя Василиса бывало пиво варила для свадеб'.

Выпадение звука *p* наблюдается в мишарских говорах, нагорном, параньгинском говорах среднего диалекта, в говоре татар юго-западной БАССР и в диалекте сибирских татар.

Выпадение губно-губного глухого *p* и переднеязычного *t* в словах *кутару* — литер. *куптару* 'вырвать, содрать', *тапау* — *таптау* 'мять, давить' встречается в говоре кряшен-нагайбаков.

Вставка звуков и звукосочетаний

В заказанском говоре: *пышқылдап* — литер. *пышылдап* 'шепотом', *кутырлыг* — *кутырлы* 'покрытый коростой', *кәшәмбир* — *кашемир*; *қортлау* — *котлау* 'поздравить', *күптәртмәле* — *күпертмәле* 'выпуклый', *жемгелдей* — *жемелди* 'мерцает'.

В чистопольском говоре: *кыстымбий* — *кыстыбий* — разновидность пирога, *келкенечле* — *көлкеле* 'смешной', *пырзуминт* 'позумент'.

В подберезинском говоре: *шырпык* — *шырпы* 'спички', *тулдыр-тутыр* 'наполняй, тулак — тула 'сукно', *тыгырлык* — *тыкрык* 'переулок', *Әжелмә* — *элмә* 'клен', *ичмасам* — *ичмаса* 'хотя бы'.

Ассимиляция

В говорах кряшен наблюдается два вида ассимиляции — регрессивная и прогрессивная.

Регрессивная ассимиляция представляет собой уподобление звуков в обратном направлении, т.е. от конца слова к началу.

з ~ жс: *каз* + *жуқ* > *қажжжуқ* 'нет гуся', *қыз* + *жорто* > *қыжжжорто* 'дом девушки', *үз* + *жағы* > *үжжжағы* 'своя сторона', *жөз* + *йыл* > *жөжжжыл* 'сто лет', *боз* + *жауған* > *божжжауған* 'шел град'.

н ~ б. Переднеязычный носовой сонант *n* в позиции перед губно-губными согласными *m, b* переходит в губной сонант *m*: *жан* + *башы* > *жамбашы* 'бедро', *жон* + *белә* > *жомбелә* 'с шерстью', *жуван* + *була* > *жувамбула* 'бывает толстым', *қан* + *мәчете* > *қаммәчете* 'мечеть хана', *он* + *бирә* > *омбирә* 'дает муку', *мин* + *барам* > *мимбарам* 'я иду', *чын* + *мәржән* > *чыммәржән* 'подлинный коралл'.

Эти особенности отражены в орфоэпической норме татарского литературного языка.

л, н ~ ң в позиции перед согласными *к, г, қ, ғ* подвергаются частичной регрессивной ассимиляции, уподобляясь по месту образования: *жаңгыш* — литер. *йалгыш* (графич. *ялгыш*) 'нечаянно, ошибка', *жаңгыз* — *йалгыз* (графич. *ялгыз*) 'одинокий', *жәреңгә* > *жәрен* + *гә* —

киләсе елга 'в будущий год', килеңгә — киленгә 'снохе', утыңга (бара) — утынга (бара) 'за дровами (идет)', килең кеше — килен кеше 'невеста', салкыңга — салкынга 'в мороз'.

с, з ~ ч: без + чықтық > беччықтық 'мы выходили', қыз + чақ > қыч-чақ 'девичья пора', без + чә > беччә 'по-нашему', сез + чә > сеччә 'по-вашему', үз + чә > үччә 'по своему', урыс + ча > урычча 'по-русски'.

с ~ ш: шиләшә — литер. сөйләшә 'разговаривает', шишәмбе — сишәмбе 'вторник', шыйыршык/шыйырчы' — сьерчык 'скворец', шаша — Саша, шугыша — сугыша 'дерется', шибешә — сибешә 'поливает', шийертмә — сиртмә 'шест, на котором подвешена детская люлька', шаташа — саташа 'бредит'.

ч ~ ш: шишмә — литер. чишмә 'родник', шаршау — чаршау 'занавеска, полог', шушыгу — сугышу 'драться', шыршы — чыршы 'ель', шебеш — чебеш 'цыпленок', шишен — чишен 'раздевайся', шалбар — чалбар 'брюки', шуwash — чуwash, шәршәмбе — чәршәмбе 'среда', пушты — почта.

ч ~ с: систа — литер. чиста 'чистый', систый — чистый (рус.).

с ~ ч: бачкыч — литер. баскыч 'лестница'.

Прогрессивная ассимиляция: если корень (или основа) слова оканчивается на глухой согласный, то и присоединяемый аффикс может начинаться только с глухого согласного, и, наоборот, после звонкого согласного (а также гласного) основы присоединяемый аффикс может начинаться только со звонкого согласного. Примеров на прогрессивную ассимиляцию немного: алтмыш + сум > алтмышшум 'шестьдесят рублей'; аш + йаулык > ашшаулык 'скатерть', биш + йыллык > бишшыллык 'пятилетний', эш + чән > эшшән 'тру-долюбивый'; и др.

В рассмотренных говорах, как и в татарском литературном языке, прогрессивной ассимиляции подвергается переднеязычный сонант л после сонорных м, н, например:

а) в аффе. -лы/-ле, -лык/-лек, -ла/-лә, -лап/-ләп: жәннек — литер. жәнлек 'дичь', печәннек — печәнлек 'сеновал', урманнык — урманлык 'лес', утыннык — утынлык 'дровяник', чыннап — чынлап 'серьезно', жавымны — явымлы 'дождливо', жәмне — ямьле 'красиво', тәмне — тәмле 'вкусный', төннә — төнлә 'ночью', имәннек — имәнлек 'дубняк', уннап — унлап 'по десять' и др.; однако начальный согласный аффикса исходного падежа после основ, оканчивающихся на носовые сонорные согласные, часто не подвергается ассимиляции, например: артындан — литер. артыннан 'за ним', урмандан — урманнан 'из леса', андан — аннан 'оттуда', Казандан — Казаннан 'из Казани', саламдан — саламнан 'из соломы' и т.д.; б) в аффиксах мн. числа -лар/-ләр: кийемнәр 'одежды', сабыннар 'мыла', болоннар/былыннар 'луга', қолоннар/қылыннар 'жеребята'; этот тип ассимиляции получил отражение в татарском литературном языке и письме.

Диссимиляция

ш > ч: *шашты* — литер. *шашты* 'с ума сошел', *чеш* — *шеш* 'опухоль', *чешә* — *шешә* 'бутылка', *чөшлө* — *шөшлө* 'кочедык', *чушындый* — *шушындый* 'такой'. Здесь наблюдается случай частичной диссимиляции. Это явление наблюдается в бакалинском подговоре кряшен в речи представителей старшего поколения.

ш > т: *тушы* — литер. *шушы* 'этот', *тушындый* — *шушындый* 'такой'.

ч > т: *тиш* — литер. *чиш* 'развяжи', *тишен* — *чишен* 'раздвайся', *тишмә* — *чиммә* 'родник'. *ч > т* и *ш > т* характерны для подговора кряшен Примесья на территории Заказанья.

Метатеза

Метатеза, т.е. перестановка отдельных звуков или слогов, в говорах кряшен занимает незначительное место. Явление метатезы нами зафиксировано в следующих словах: *күгәлә* — литер. *күләгә* 'тень' (*Жөзләреңдә қойаш уйный, Гәудәңдә күгәләсе*/из песни/'На лице твоём играют лучи солнца, А на туловище их тень'), *Тәдәрә* — литер. *тарәзә* 'окно', *қыхумат* — *хөкүмәт* 'государство', *нәзләтле* — *ләззәтле* 'вкусный, приятный', *әндәрә* — *әрдәнә* 'поленница', *күзгәрмә* — *күргәзмә* 'выставка' (заказан. говор), *бүркә* — *бүрек* 'шапка', *күреш* — *күрше* 'сосед', *чырыш* — *чыршы* 'елка', *күсәрт* — *күрсәт* 'покажи' (подб. говор), *азбар* — *абзар* 'хлев', *чипкән* — *чикмән* 'чекмень', *чәчкә* — *чәчәк* 'цветок', *марана* — *манара* 'минарет' (говор Нижн. Прикамья).

В некоторых русских заимствованиях также наблюдается метатеза (как и в других диалектах татарского языка): *пилтә* 'фитиль', *пырансит* 'процент', *лачиңка* 'носилки', *ләчәнник* 'начальник', *пиришыл* 'фельдшер', *самырау/самарау* 'самовар', *чәйгүн* 'чайник' и др.

УДАРЕНИЕ

Словесное ударение в говорах кряшен, как и в татарском литературном языке, экспираторное и, как правило, падает на последний слог не только в собственно татарских, но и в заимствованных словах: *урман*, 'лес', *жапырак* 'лист', *алма* 'яблоко', *мама* — рус. *мама*, *папа* — рус. *папа*, *чәйгүн* — рус. *чайник*, *эскәтәр* — рус. *скатерть*, *Даржә* — рус. *Дарья*, *Гөрпинә* — *Агриппина*, *Саңка* — *Санька*.

В некоторых сложных словах, которые образуются путем стяжения и выпадения одного из гласных, ударение падает на первый слог. Например: *табисе* — литер. *таба исе* 'запах сковородки', *балитәк* — 'оборки', *қарөйдә* — *кара өйдә* 'в черном доме', *қарүгез* — *кара үгез* 'черный бык', *сарат* — *сары ат* 'желтая лошадь'; в подб. говоре: *сарул* 'младший брат мужа', *саркыз* 'младшая сестра мужа'.

В речи молодого поколения в заимствованиях последних десятилетий сохраняется ударение языка-источника.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

По морфологической структуре говоры крещеных татар близки к литературному языку. Но все же имеются некоторые отклонения. Большинство морфологических особенностей присуще говорам среднего диалекта, в то же время есть черты, общие с мишарскими говорами (особенно в говорах подберезинских и чистопольских кряшен). Основные грамматические особенности говоров кряшен, отличающие их от литературного языка, наблюдаются в именах существительных, глаголах, наречиях и т.д.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

В системе частей речи имена существительные в татарском языке, наряду с глаголом, наиболее богаты по своему словарному составу, сложны и разнообразны по грамматическим категориям.

Категория принадлежности

Категория принадлежности выражает отношение одного лица, предмета или явления к другому лицу, предмету или явлению. Принадлежность в говорах крещеных татар выражается теми же способами и средствами, что и в татарском литературном языке. Морфологическими показателями принадлежности являются личные местоимения и аффиксы, исторически восходящие к личным местоимениям.

Ед. число	Мн. число
1 л. -ым/-ем, -м	-ыбыз/-ебез, -быз/-без
2 л. -ың/-ең, -ң	-ыгыз/-егез, -гыз/-гез
3 л. -ы/-е, -сы/-се	-лары/-ләре

Примеры: *Тиндәшләрем, дусларым, чыктым сезне күрергә* (Старое Тябердино) 'Ровесницы, друзья мои, я вышла потому, что захотела увидеть вас'; *Қызымнын қызы қалада уқый* (Старое Гришкино) 'Дочь моей дочери учится в городе'; *Атасы кевек таза буласы бу малай* (Айталан) 'Этот мальчик будет таким же здоровым, как отец'.

В говорах кряшен аффиксы 3-го лица ед. числа иногда удваиваются — *-ы/-е+/-сы/-се*, например: *Өч атнадан чың тауық чебийесе* (литер. *чебие*) (Дюсьметево) 'Через три недели цыплята вылупятся'; *Каз майысы* (литер. *мае*) *беле пешерелер каз коймога* (Крещ. Пакшин) 'На гусином жире пекут блины'; *Бөтөн ишегалдысы* (литер. *ишегалды*) *тақта белән жапқан, қойаш та төшмей* (Крещ. Шуран) 'Весь его двор закрыт досками, даже солнышко не попадает'; *Қайсысын* (литер. *кайсын*) *бирийем аңарға сүрәкәне?* (Старое Утяганово) 'Какую сороку (название головного убора) дать ей?'; *Кейем ышкабысына* (литер. *шкафына*) *бер күмәгем сыймады* (Никифорово) 'В плательный шкаф не уместилось одно мое платье'; *Карауат астысында* (литер. *астында*) *жанағасының малайы жатқан* (Кибячи) 'Под ее кроватью лежал сын младшего брата мужа'; *Айағ астысына* (литер. *астына*) *бәрмәчтеки алып сындырып салғаннар* (Ковали) 'Под ноги ему бросали ветки вербы'; *Быйык тоу, тоу башысы* (литер.

башы) тагы да быйык (Молькеево) 'Высока гора, вершина горы еще выше'; *Әдәм үзесенә* (литер. *үзенә*) *тел тапкан сүләргә* (Старое Тябердино) 'Человек нашел себе язык, чтоб говорить'.

Афф. *-сы/-се* может присоединяться и к словам с временным значением, например: *жәйгесе баһытта* (литер. *жәен, жәй көне*) *жырлана бу жыру* (Старое Утяганово) 'Эту песню поют летом'; *Бүгенгесе (бүгенге) көндә без алдан барабыз йарышта* (Крещ. Шуран) 'На сегодняшний день мы идем впереди в соревновании'.

В винительном падеже афф. *-сы/-се* может выпадать, потому что в афф. *-гы/-ге* сохраняется значение принадлежности: *Караваттагын* (литер. *кроватьтагысын*) *танымыйсыңмы әллә?* (Старое Азмеево) 'Не узнаешь, кто в кровати?'; *Үзезбездәген (үзезбездәгесен) әйтәм әле лисникны* (Албаево) 'Говорю о леснике, который находится у нас'; *Өйдәген (өйдәгесен) чыгар әле чәйгүнне* (Ишалкино) 'Вынеси (тот) чайник, который в доме'.

Удвоение аффикса принадлежности 3-го лица часто встречается в диалектах татарского языка — в карино-глазовском, мензелинском (МТД, 1962, 43, 67), нагорном говорах (МТД, 1955, 40), в говорах, распространенных в северо-западных районах БАССР (МТД, 1962, 67), и в мишарских говорах на территории Мордовии и Пензенской обл. (Махмутова, 1978, 108).

Категория числа

Категория числа имен существительных в говорах крещеных татар выражается так же, как и в татарском литературном языке: ед. число выражается нулевой формой, а множественное — аффиксом *-лар/-ләр*: *ат* 'лошадь' — *атлар* 'лошади'. После носовых согласных этот аффикс произносится и пишется в форме *-нар/-нәр*: *урман* 'лес' — *урманнар* 'леса'. Однако в употреблении аффикса мн. числа *-лар/-ләр* имеется следующая особенность: присоединяясь к числительным, депричастиям и другим частям речи, он придает форме оттенок усиления: *Керем әле, тағын берләр жырларбыз* (Мелекес) 'Зайду-ка еще, разок споем'; *Жәгүр әле сапсим малайлар ыйы ул чақта* (Бол. Шурняк) 'Егор еще был тогда совсем мальчишкой'; *Нардуганда жасанылар чыгып китәсен инде* (Мунайкино) 'Во время святок наряжаешься и уходишь'; *Сағынмыйм түгел лә бикләв сағынам, белгертмийем үзем сабырға* (Тулабаево) 'Не то что не скучаю, а очень скучаю, но не даю знать, так как я терпеливая'; *Жәш гүмерне жырлаплар-уйнаплар үткәздек* (Старое Гришкино) 'Провели молодость в песнях и играх'; *Мине күргәчен жылаплар жибәрде* (Крещ. Шуран) 'Увидев меня, заплакал'.

Эта особенность отмечена в говорах кряшен Нижн. Прикамья и нагайбаков (Юсупов, 1979, 50), а также в говорах татар, проживающих на территории БАССР (Әфләтунов, 1960, 153). Она характерна для общеразговорного татарского языка (Сафиуллина, 1978, 179).

Категория падежа

Как и в татарском литературном языке, в говорах крышен шесть падежей: основной, или именительный, родительный, или притяжательный, направительный, или дательный, винительный, исходный, или творительный, местно-временной. В системе склонения в говорах крещеных татар имеются и некоторые отличия от литературного языка.

Основной падеж. Как и в татарском литературном языке, этот падеж не имеет формальных показателей (аффиксов), т.е. выступает в нулевой форме, например: *Күлмә'ләр санды' та, қәзер чыгыб аласы, кирә' бугачын* (Кылбагыш) 'Платья в сундуке, сейчас надо принести, раз они нужны'; *Мына монда борон заманда қаннар суғышқан* (Ташкирмень) 'Вот здесь в древности воевали ханы'; *Шом тота* (Сарапала) 'Лихорадит'.

Родительный (или притяжательный) падеж. Аффиксы этого падежа *-ның/-нең* (в говорах крышен *-нын/-нен*) выражают принадлежность предмета или явления другому предмету или явлению, например: *Ибан жырағайнын малайы әрмийәдән қунаққа қайтқан* (Старая Ципья) 'Сын дяди Ивана приехал из армии в гости'.

В некоторых случаях аффиксом родительного падежа *-нын/-нен* может передаваться предикативное отношение, т.е. *-нын/-нен* употребляется вместо *-ныкы/-неке*, например: *Сез үзегез асыл жиренеңме?* (литер. *жиренекеме?*) (Албаево) 'Вы сами деревенские что ли?'; *Бу көзге сезнең (сезнеке) ул* (Бол. Машляк) 'Это зеркало ваше'; *Тышқөйалдында сүмкәгез бар, сезнеңме (сезнекеме) ул? — Жук, боларның (боларныкы) түгел, Шәшәнең (Сашаныкы) ул* (Нусла) 'В наружных сенях есть сумка, ваша что ли? — Нет, не ихняя, Сашина'.

Взаимная замена аффиксов принадлежности *-ныкы/-неке* и родительного падежа *-ның/-нең* зафиксирована в говоре пермских татар, в нукратком говоре среднего диалекта и в диалекте сибирских татар. Ср. также в турецком (Кононов, 1956, 77) и караимском (Мусаев, 1964, 138) языках.

В говоре подберезинских крышен местоимения и существительные с аффиксом принадлежности *-ныкы/-неке* выражают определения, заменяя собой форму родительного падежа на *-ның/-нең* в составе изафетной конструкции. Примеры: *Уйынныкы* (литер. *уенның*) *жырын ынытып жибәргән әле мин* (Хозесаново) 'Я что-то забыла хоропроводные песни'; *Тәрбиттә Линаныкы (Ленаның) туйына ләктем* (Янсурино) 'В Тябердине я попала на свадьбу Лены';

И Зевәдер, Зевәдер,

Зевә буйы кевәдер.

Ырымныкы (литер. *Ырымның*)
кызлары

Кичкуйынны севәдер

'Их Зезя, Зезя

Высыхает побережье Зеи.

Ырымские (назв. деревни)
девушки

Любят вечерние хоропроводы'.

Аналогичная особенность зафиксирована в говоре пермских татар (Рамазанова, 1970, 22), а также в говорах причепецких татар (Бурганова, 1962, 37—38) и пензенских мишарей (Махмутова, 1962, 147).

Афф. *-ныкы/-неке* по своему происхождению восходит к двум элементам — к падежному афф. *-ның/-нен*, и к словообразовательному афф. *-кы/-ке*, т.е. *-ның + -кы > -ныкы/-нең + -ке > -неке*. Это подтверждается также материалами отдельных диалектов, где аффикс бытует и в настоящее время в форме *-ныңке/-неңке*, например: *киленемнеңке энесе* 'братишка снохи', *пакцаныңкы цитәне* 'плетень огорода' (Тумашева, 1961, 38). Особенностью употребления данной формы является то, что присутствие объекта обладания во всех случаях обязательно (Современный, 1969, 136).

В говоре подберезинских крышен в аффиксах притяжательного падежа в местоимениях гласные *ы, е* часто выпадают, поэтому в конце этих местоимений слышится удвоенное *нн*: *синн малай* — литер. *синең малай* 'твой мальчик', *минн кыз* — *минем кыз* 'моя дочь', *мынн белән* — *моның белән* 'с этим'; *Минн катта* (*минем янда*) *жәшәде, минн малай* (Янсурино) 'Около меня жил, мой мальчик'.

*Туган гына Аудаким,
Кил утыр минн жанга,
Минн кәйем синн жанга
Сагыз булып жабышмас,
Синн матурын минн жанга
Баламыз булып жабышмас
(Свадебная песня)*

Родной мой Евдоким,
Иди присядь около меня.
Мои нехорошие черты не прилипнут, как смола,
К твоей душе.
Твоя красота не прилипнет к моей душе,
Как воск'.

Направительный падеж в литературном языке оформляется аффиксами *-га/-гә, -ка/-кә, -на/-нә -а/-ә*. Имя в направительном падеже выступает в предложении как косвенное дополнение или обстоятельство места, времени, причины, цели, обозначает главным образом направление предмета к кому или чему-нибудь. Аффиксы направительного падежа в говорах крышен Нижн. Прикамья (Бакалинский подговор) и нагайбаков во многих случаях выпадают, например: *Сатабыз Туймазы китеп* (литер. *Туймазыга илтеп*) *бәрәңгене* (Ахманово) 'Картошку отвозим в Туймазы и продаем'; *Утар киймәсәм* (литер. *Утарга китмәсәм*) *белмәс ийем әле бу көйне* (Утарово) 'Если бы не приехал в Утарово, не узнал бы эту мелодию'; *Алар әле Бақалы барып* (литер. *Бакалыга барып*) *картычкы төштөләр* (Новоиликово) 'Они ездили в Бакалы и сфотографировались'; *Персидәтел әле генә урман китте* (*урманга китте*), *тәжәл йөрөп қайтмас ул* (Усы) 'Председатель только что уехал в лес, он не скоро вернется'.

В говоре крышен-нагайбаков: *Ызлатамыс* (литер. *Златоустка*) *барасызмы, Мийәс* (*Мийаска*) *китәсезме?* 'Поедете в Златоуст или поедете в Миасс?'; *Сез Қазан* (*Казанга*) *қайтасызмы инде?* 'Вы уже вернетесь в Казань?' (МТД, 1974, 88).

В случаях выпадения аффикса направительный падеж обозначает направление движения к объекту. А в случаях обозначения цели аффикс направительного падежа не выпадает, например: *Урманға печанга китте* 'Поехал в лес за сеном'.

Безаффиксное употребление направительного падежа, когда логическое ударение падает на сказуемое, наблюдается в ногайском языке (Баскаков, 1940, 68), в диалектах башкирского языка (Ишбулатов, 1968, 37), а также в древнетюркском языке (Кондратьев, 1970, 11; Щербак, 1961, 79).

В литературном языке имена в посессивном склонении в направительном падеже присоединяют афф. *-на/-нә*, а в говорах кряшен — афф. *-ңа/-ңә*, *-ңар/-ңәр*, *-ңгар/-ңгәр*:

-ңа/-ңә: *Ансы тегесеңә* (литер. *тегесенә*) *қарағанда искергән күлмәк* (Ляки) 'Это платье старее, чем то'; *Тегесеңә (тегесенә) кермә, моносыңа (монысына) кер өйгә* (Сред. Баграж) 'В тот дом не заходи, зайди вот в этот'; *Аныкыңа (аныкына) минем қызмәт қақы қушылды* (Кабан Бастрык) 'К его зарплате прибавилась моя'; *Қыркыңа (кырыгына) сарық суйасың (Бурды)* 'К сороковому дню режут барана'; *Икесеңә (икесенә) дүрт жыру жырладылар* (Сред. Пинячи) 'Вдвоем спели четыре песни';

-ңар/-ңәр: *Августың уналтысыңар* (литер. *уналтысына*) *тикле шундый пағуда булачак* (Светлое Озеро) 'До шестнадцатого (числа) августа будет такая погода'; *Барысыңар (барысына) да күп кирәг инде тәрбийә: дуңгызға да, сарыққа да* (Крещ. Шуран) 'Всем нужно много ухода: и свиньям, и овцам'; *Анысыңар (анысына) бер нәстә дә килештереп бумый, бик сопо* (Савалеево) 'Ему никак не угодишь, очень разборчивый';

-нар/-нәр: *Алжапқычыңар* (литер. *альяпкычына*), *камзулыңар (камзулына) ақча бирделәр* (Сред. Пинячи) 'На фартук и жилет дали деньги';

-ңгар/-ңгәр: *Әлмәтнекеңгәр* (литер. *Әлмәтнекенә*) *утырсаң, барасың Жакты Күлгә аптабуз белән* (Сред. Пинячи) 'Если сядешь на Альметьевский автобус, поедешь в д. Светлое Озеро'; *Қужаныкыңгар (хужаныкына) әйтәсен кызына* (Мунайкино) 'Скажешь хозяйской дочери'.

Окончания *-ар/-әр*, *-нар/-нәр* в направительном падеже присоединяются в камско-устыинском, нурлато-кайбицком, заказанском говорах среднего диалекта и в чистопольском говоре мишарского диалекта.

Форма *-гар/-гәр* в личных местоимениях направительного падежа наблюдается в кумыкском языке: *огар (аңар)* 'ему' (ИСГТЯ, 1956, 281).

В древнетюркском языке направительный падеж образовался аффиксами *-гару/-гәрү*, *-ңару/-ңәрү* (Батманов, 1959, 109; Кононов, 1980, 160). Падеж на *-ра*, *-ру*, *-ри* является древним направительным падежом (Räsänen, 1957, 65), он встречается во всех алтайских языках (Рамstedт, 1957, 44—46). Очевидно, сокращенный вариант (*-га + -ру > -гар*) этого аффикса сохранился и в диалектах татарского языка.

Винительный падеж выражает объект действия. В говорах крещеных татар, как и в литературном языке, в основном употребляется кыпчакский вариант аффикса винительного падежа *-ны/-не*.

Однако в говоре чистопольских крышен и в зайнском подговоре Нижн. Прикамья зафиксированы случаи, когда винительный падеж существительных с аффиксом принадлежности 1 и 2-го лица оформляется по огузскому типу (Кононов, 1956, 78—83; Покровская, 1964, 113—121), т.е. присоединяется окончание *-ы/-е*, вместо литературного *-ны/-не*: *чэчеңе* (литер. *чэчеңне*) *катык белән жуварсың* (Васильевка) 'Волосы будешь мыть кислым молоком'; *Сүрәкәме* (*сүрәкәмне*) *қызыма бирдем дей Үкчей* (Ильтен-Бута) 'Оксана говорит, что мою сороку она отдала дочери'; *Кыйарларымы* (*кыярларымны*), *тавыклар тырмаган* (Федотовка) 'Мои огурцы куры копошили'; *Ий артына гел утырттым, багытымы* (литер. *бәхетемне*) *сынарга* (Ишалькино) 'За домом я посадила цветок, чтоб попытать свое счастье'; *Печкәчәме* (*печкәчәмне*) *дә, джанагамы да үзем караб үстердем* (Чура Батыр) 'И зловку, и младшего брата мужа я сама вырастила'; *Татуй әбей миңа жаулыгыңы каты гына бәйләп жат та тишмә маләчегеңе дидерийе, бызылмый ул дидерийе* (Ишалькино) 'Бабушка Татьяна мне говорила: крепко завяжи платок, когда ложишься, не развязывай свой чепчик, не испортится'. Эта форма винительного падежа считается очень древней. Как и дательный, винительный падеж может быть неоформленным, например: *Аликсандыр да килгәсейе, малларым карасы бар* (литер. *малларымны карыйсы бар*) (Порымово) 'Должен был приходиться и Александр, нужно присмотреть за скотиной'; *Тықырық менгәндә* (*тықырыкны менгәндә*) *тырактырның уты сүнгән* (Тулабаево) 'Когда поднимался по переулку, погас огонь трактора'.

Безаффиксальное употребление винительного падежа наблюдается в древнетюркских письменных источниках (Кондратьев, 1970, 11). Такие факты зафиксированы и в куманском языке (Курышжанов, 1956, 13; 1957, 47). Безаффиксальный творительный падеж имеется также в современных тюркских языках, например в уйгурском (Насилов, 1940, 43), якутском (Убрятова, 1950, 122) и др.

Исходный падеж выражает точку, от которой начинается действие, место отрыва предмета от чего-либо. Исходный падеж, как и в литературном языке, оформляется аффиксами *-дан/-дән* (после гласных и звонких согласных), *-тан/-тән* (после глухих согласных), *-нан/-нән* (после носовых согласных). В предложении слово, стоящее в исходном падеже, выполняет функцию косвенного дополнения или обстоятельства: *Пирәмәчнә элек жөзөм жыләгеннән пешерә тоғаннар ыйы, ипейдән қамыр алып гердә пешерә тоғаннар ыйы* (Бол. Машляк) 'Перемячи раньше пекли с изюмом, из хлебного теста пекли маленькые-маленькие булочки'.

Особенностью этого падежа является употребление древней формы аффикса исходного падежа *-дыйн/-дин*, *-тыйн/-тин*, которая наблюдается только в песнях, например: *Карурманнан телке тешә, кылдин нәзек эз белән* (Старое Тябердино) 'Идет лиса из черного леса следом, тоньше, чем волосок'; *Урамдыйн узып бара, қашындин күзе қара, керпегендин гөлләр тама...* (Урясбаш) 'Проходит по улице, глаза чернее, чем брови, с ресниц капают цветы...'; *Нечкәкәй, нечкә, ай иләктин, оннар иләп керттем, келәттин. Кигән кунакларнын*

асылланы, *жырлап сыйлау кирәк эрәттин* (Новый Балыклы) 'Через тонкое, тонкое сито просеяла и принесла муку из клетки. Пришли драгоценные гости, нужно угощать по порядку, с песнями'; *Тиндәш кенә Кәтернә, сары чәчәктин син матур* (Янсурино) 'Сверстница Екатерина, ты красивее желтого цветка'.

Также в песнях зарегистрировано употребление этой формы и в мишарском диалекте. Она свойственна главным образом древне-уйгурскому языку, но сохранилась и в современном уйгурском (Наджип, 1960, 59; Махмутова, 1978, 112).

Местно-временной падеж употребляется при указании на местонахождение предмета или время совершения действия. Как и в литературном языке, он оформляется афф. *-да/-дә* после гласных и звонких согласных и *-та/-тә* после глухих согласных: *Пар-пар үрдәк парлап жәзә эрәмдә күлләрдә* (Новый Балыклы) '(Парные) утки плавают парами в уреме, в озерах'.

В говорах кряшен бывают случаи смешения функций падежных форм: вместо падежа, употребляемого в литературном языке, могут выступать другие падежные формы. Например, глагол *утыру*, в отличие от литературного языка, вместо направительного падежа требует исходного: *Әнә тегеннән* (литер. *тегендә*) *утырып тор* (Бузюрово) 'Садись туда'; *Әнә караваттан* (*кроватька*) *кереп утыр* (Утарово) 'Садись на кровать'; *Утыр, утыр, Аләкси дәдәй, менә моннан* (*монда*) *утыр* (Новый Балыклы) 'Садись, садись, дядя Алексей, вот сюда садись'; *Микулай, тегеннән* (*тегендә*) *утыр* (Новый Маты) 'Николай, туда садись'. Глагол *көлү* 'смеяться' в литературном языке требует исходного падежа, а в говоре кряшен Нижн. Прикамья — винительного, например: *Шуны* (литер. *шуннан*) *көлдерийе қодагый аман да* (Мелекес) 'Над ним сваха всегда смеялась'; *Картларны* (*картлардан*), *көлсәң дә жарый ди бит ул* (Федотовка) 'Говорит, что можно смеяться над стариками'.

В говоре подберезинских кряшен отмечены единичные случаи употребления исходного падежа в значении дательного: *Безни малай күздән кәй* (литер. *күзгә начар*), *уки шалай буса да* (Молькеево) 'У нашего мальчика плохие глаза, несмотря на это, он учится'; *Ызба тулы тиндәшләр, бар да күздән карилар* (литер. *күзгә карыйлар*) 'Полный дом сверстниц, все смотрят в глаза' (Свад. песня).

В говоре кряшен Нижн. Прикамья глаголы *чагу* 'ужалить', *ачулану* 'ругать' вместо винительного падежа требуют направительного, например: *Миңа* (литер. *мине*) *чаққан ыйы қорт* 'Меня ужалила пчела'; *миңа* (*мине*) *ачуланалар күршеләр кайсы* 'Меня ругают некоторые соседи'.

Такие особенности отмечены и в других диалектах и говорах татарского языка. Например, в карино-глазовском говоре глаголы *уйлау* 'думать', *йабыгу* 'худеть, скучать' вместо винительного требуют исходного падежа (Бурганова, 1962, 49). В говоре чистопольских мишарей отдельные глаголы (*орышу*, *ачулану* 'ругать, сердиться'; *тыңлау* 'слушать') требуют направительного падежа вместо винительного (Шәмгунова, 1962, 115).

Как указывает Н.А. Баскаков (1968, 78—80), смешение функций

падежных форм характерно также для северных диалектов алтайского языка. Подобные случаи обнаружены и в древнетюркском языке. Например, глагол *адырылу* 'разлучаться' требует правильного падежа, а татарский литературный *аерылу* — исходного (Малов, 1952, 12).

Словообразование имен существительных

Кроме аффиксов, образующих лексические единицы с новым значением, в говорах кряшен, как и в татарском литературном языке, имеются аффиксы, которые придают корню или основе те или иные смысловые оттенки, сохраняя при этом их основное значение.

Аффикс ласкательности *-кай/-кэй*. В говоре крещеных татар Нижнего Прикамья этот аффикс употребляется шире, чем в литературном языке, причем оттенок ласкательности, передаваемый им, слабее, например: *Теге иркэйлэр* (литер. *ирлэр*) *бүген эшиллэр* (Утарово) 'Те мужички сегодня работают'; *Кийәү балақай ашағандыр бит* (Новоилково) 'Зятек кушал, наверно'; *Бәбекәйем, алты әрмис озаттым* (Новый Гардали) 'Дитя мое, провожал я шестерых воинов'; *Бабықай белән бер йәшлек* (Усы) 'Одного возраста с дедулей'.

Афф. *-кай/-кэй* в отличие от литературного языка может присоединяться не только к словам, обозначающим одушевленные предметы, но и к словам, обозначающим неодушевленные предметы, а также к другим частям речи, например к вопросительному местоимению *нәмә* (литер. *нәрсә*) 'что', наречиям и т.д. Примеры: *Тилекэй* (литер. *тиле*) *дийерләр инде мине* (Ахманово) 'Меня будет звать дурочкой'; *Исән чакайлар (чақлар) бар ыйы бит минем* (Старое Азмеево) 'Ведь были времена, когда я был здоровым'; *Өсләремә кигән күмәгем, вакай-вакай бизәкэй (вак-вак бизәк)* (Новый Балыклы) 'На платье, которое я надела, мелкие-мелкие узоры (песня)'; *Нәмәкэй (нәрсә)* дип сорады ул? (Старое Гришкино) 'О чем он спрашивал?'

В некоторых случаях употребляется краткий вариант формы *нәмәкэй* 'что' — *нәмкә*, например: *Бездә андый нәмкәләр* (литер. *нәрсәләр*) *жук та инде* (Бузюрово) 'У нас уже нет таких вещей'.

Особо активное употребление афф. *-кай/-кэй* наблюдается в фольклорных жанрах бакалинского и елабужского подговоров, где афф. *-кай/-кэй* может присоединиться к любой части речи, например: *Сөнөкэй буйкайлары кевекэй асыллар жир жәнәшәдә тирәдә кайда бар* (Новый Балыклы) 'Где еще имеются такие красивые места, как побережье реки Сунь'; *Икекэй жирән атыгыз, Анын берсен безгә сатыгыз* (Ахманово) 'Два рыжих коня у вас, одного из них продайте нам; *Чәжекэй буйкайларынын бурасын, Без бурамый кемнәр бурасын* (Маты) 'Кто же будет ставить сруб около р. Чажи, если не мы'; *Жөгөрөпкэй сусарлар тотар ыйым, Ай-гай сукайларнын тирәне* (Ахманово) 'Побежала и поймала бы куницу, ай-вай глубока вода'; *Чәчәкэйләр ийем илемдә, Чәчерәпкэй төштөм жат жиргә* (Мелекес) 'Была цветочком в своем краю, внезапно оказалась на чужбине'.

Такое же активное употребление афф. *-кай/-кэй* в фольклоре отмечено в мишарском диалекте (Махмутова, 1978, 117).

В бакалинском подговоре кроме ласкательно-уменьшительного афф. *-кай/-кэй* в некоторых случаях употребляются афф. *-качай (>кач + -ай)*, *-кэчэй (>кэч + -эй)*, *-качкай (>кач + -кай)*, *-кэчкэй (>кэч + -кэй)*: *қызықачқайларым* 'девчонки мои'; *балақачайым* 'деточка моя', *құлқачайым* 'рученька моя' и т.д. Это явление мы рассматриваем как влияние мензелинского говора татарского языка. Оно характерно также для татарских говоров, распространённых на территории БАССР.

Афф. *-рак/-рэк*. Этот аффикс в литературном языке, присоединяясь к прилагательным и наречиям, образует сравнительную степень. А в подговорах елабужских и бакалинских кряшен он присоединяется и к другим частям речи, например к именам существительным. Примеры: *Қәйерне эткәрәк* (литер. *ешрак эткә*) *бирәләр бездә* (Айталан) 'Подаяния у нас в большинстве случаев дают собакам'; *Қартларырақ (кубрәк картлар) бу көйне жырлылар* (Утарово) 'Чаще старики поют эту мелодию'. Присоединение афф. *-рак/-рэк* к именам существительным и другим частям речи характерно для мензелинского говора и говоров татар западных районов БАССР (Әфләтунов, 1962, 214).

Афф. *-ча/-чә* выполняет функцию уменьшительности. Он рассматривается как фонетический вариант афф. *-чык/-чек* (Современный, 1969, 152). Присоединяясь к именам существительным и прилагательным, этот аффикс образует имена, обозначающие родство и названия различных предметов: *чигәчә* (*чигә* 'висок' + *-чә*) — деталь головного убора; *печкәчә* (*печкә* 'свекровь' + *-чә*) 'младшая сестра мужа'; *көлчә* (*көл* 'зола' + *-чә*) 'лепешка'; *алача* (*ала* 'пестрый' + *-ча*) 'пестрядь' и др.

Афф. *-чы/-че* в сочетании с именными, а также отглагольно-именными основами обозначает наименование лица по роду его деятельности, профессии, специальности, например: *чүннеке* — литер. *умартачы* 'пчеловод', *нардуғанчы* 'ряженный', *кейекче* — *аучы* 'охотник', *күремче* — *күрәзәче* 'знахарка, ворожея', *келәнче* — *теләнче* 'попрошайка', *кийемче* — *тегүче* 'швея': *Кийемчеләр кийем кисәдер, қала микән анын почқагы* (Утарово) 'Швеи кроят одежду, останутся ли у них обрезки'; *уйынчы/кубызчы* — *гармоньчы* 'гармонист': *Әй уйынчы, уйынчы, утырсана сәке буйынчы* 'Эй, гармонист, гармонист, садись-ка на нары'; *Быраматчы* — *биләмче* 'любящий ходить без дела'; *калтакчы* 'мастер или мастерица по вышиванию и вязанию калпаков'.

В говоре подберезинских кряшен зафиксировано употребление афф. *-сар/-сәр* в следующих словах: *комнаксар*, от слова *комнак* — литер. *колмак* 'хмель, место где растет хмель': *Комнаксарда кетү жерей, ала сийрлар катышмый* (Старое Тябердино) 'На месте, где растет хмель, ходит стадо, пестрые коровы ходят в стороне'; *түмгәксәр* — *түмгәклек* 'кочковатое место'.

Афф. *-лык/-лек*, *-нык/-нек*, как и в литературном языке, являются наиболее продуктивными. Приведем следующие диалектные слова, образованные этими аффиксами: *жағалық* 'женское, шейное украшение из монет', *түшлек* 'нагрудное украшение', *шыйлық* 'полевое моление', *кыйаматлық* 'посаженная мать', *қорманнық* 'жертвенное животное', *тамызлық* — *чыра* 'лучинка', *бистәрлек* — *сөлгелек* 'отрез материи, предназначенная для полотенца', *шаршаулық* — *чаршаулық* 'материя, предназначенная для занавески'.

В говорах кряшен, как и в других говорах татарского языка, функционируют парные слова с собирательным значением, компоненты которых являются синонимами или близкими по своему значению словами. Вторые компоненты парных слов давно потеряли самостоятельное значение и в современном языке отдельно не употребляются: *тәңкә* - *төңкә* 'всякие монеты', *зыйан-заурәт* 'всякий вред', *нәсел-жәптә/нәсел-зәпте* 'родословная', *туган-игәч* 'родственники (женщины)', *жәтим-жилле* 'сироты', *жимеш-жилле* 'фрукты', *әби-шәби* 'старушка', *күрше-күкерт* 'всякие соседи', *ат-тун* 'лошади', *жәннек-жәннек* 'животные', *зат-зәшер* 'родня, род' и др.

Личные имена

У крещеных татар распространены русские собственные имена, принятые ими после христианизации. При освоении русских имен произошло приспособление их к татарскому произношению, т.е. они претерпели значительные фонетические изменения. В кряшенских говорах наблюдаются значительные сокращения и искажения имен: *Атна* — Анастасия, *Әркей* — Аркадий, *Пикла* — Фекла, *Үкей* — Акулина, *Жаудый* — Евдокия, *Татый/Тимей* — Тимофей и др., особенно в подберезинском говоре, например: *Чанки* — Александр, *Ал'дус//Адич* — Евдокия, *Таба* — Трофим, *Бача* — Вася, *Чарги* — Сергей, *Тән-кәч* — Таня, *Бабук* — Варвара, *Искали* — Степанида, *Үксинә* — Аксинья, *Мытуч* — Митя, *Тати* — Тимофей, *Тари* — Дарья, *Бабич* — Федосья, *Жебрач* — Евфросинья, *Качы* — Катя.

В говорах кряшен одно и то же имя может произноситься по-разному: *Микай* — *Микайлә* — *Микуш* — *Мишә* — *Микәй* — Михаил; *Наталҗа* — *Натый* — *Натуш* — *Натка* — *Натуша* — Наталья; *Гурапый* — *Гурый* — *Гөрпей* — *Гөрпинә* — *Гуруш* — Агриппина и др.

К неполным именам собственным часто присоединяются следующие аффиксы.

-*ау/-әү* (в говоре кряшен-нагайбаков) — женские имена: *Бирау* — Вера, *Нинау* — Нина, *Кылау* — Клавдия, *Аннау* — Анна, *Мәрәу* — Мария, *Кәтәу* — Катя, *Лизәу* — Лиза, *Начтау* — Настя; мужские имена: *Мишәу* — Миша, *Геришәу* — Гриша, *Бачәу* — Вася.

Аналогичное явление наблюдается также в некоторых терминах родства: *нәнәү/мамау* — *әни* 'мама', *тәтәү/папау* — *әти* 'папа', *бабау* — *бабай* 'дедушка'.

-*ый/-ей* — мужские имена: *Ибый* — Иван, *Гөрей* — Григорий, *Пантый* — Пантелеймон, *Үртәмей* — Артемий, *Даный* — Данила, *Пилей* — Филипп, *Учый* — Осип, *Жәрәмәй* — Еремий, *Купый* — Прокофий, *Бәчлей* — Василий, *Әркей* — Аркадий, *Кирей* — Кирилл, *Сабый* — Савелий, *Микей* — Никифор; женские имена: *Татый* — Татьяна, *Марҗый* — Мария, *Дарҗый* — Дарья, *Праскый* — Прасковья, *Укылей* — Окулина, *Палый* — Пелагея, *Угапый* — Агафья, *Улей* — Ульяна, *Урый* — Ирина, *Надый* — Надежда, *Кәтей* — Катерина, *Гөрпей* — Агриппина, *Начтый* — Настасья, *Бирей* — Вера, *Грапый* — Агафья, *Дарый* — Дарья. Ср. в удмуртском: *Иви* — Иван, *Васи* — Василий, *Ани* — Анка, *Оли* — Ольга, *Гири* — Григорий, *Пиди* — Федор, *Пети* — Петя,

Петр. В древних воршудных и собственных именах: *Амзи, Баки, Бони, Зели, Пики* и т.д. (Борисов, 1932, 386; Вопросы, 1976, 38).

В заказанском говоре кряшен афф. *-ей/-ый* присоединяется также к некоторым нарицательным именам, например: *дурчий* — в других диалектах *дурочмак* 'ватрушка', *кузей* — литер. *кузикмак* 'тонкая лепешка', *бутый* — литер. *ботка* 'каша', *кечтей* — литер. *кечкенә* 'маленький'; в нагайбакском говоре: *чыный* — литер. *чыпчык* 'воробей', *күгәрей* — *күгәрчен* 'голубь', *бутый* — *ботка* 'каша'.

-ук/-үк — Мужские имена: *Әрчук* — Арсений, *Микук* — Михаил, *Питүк* — Петя, *Илүк* — Илья, *Кечтүк* — Костя, *Ибук/Ибай/Ибашай* — Иван, *Бәчүк* — Василий, *Шашук* — Саша, *Ычтук* — Степан, *Гәрәчүк* — Герасим, *Инук* — Иннокентий; женские имена: *Мәтүк* — Матрена, *Барук* — Варвара, *Аудук* — Авдотья, *Пращук* — Прасковья, *Кәтүк* — Катя, Екатерина, *Начтук* — Настя, *Анук* — Анна, *Манук* — Маня, Маланья, *Палук* — Пелагея, *Марук* — Маруся, *Татук* — Татьяна, *Бирук* — Вера, *Лизук* — Лиза, Елизавета.

-уш/-үш — Мужские имена: *Әлүш* — Алексей, *Иртүш* — Артемий, *Микуш* — Михаил, *Герүш* — Григорий, *Никуш* — Никита, *Чилүш* — Сельвистор, *Мәтүш* — Матвей, *Пукуш* — Прохор, *Тикуш* — Тихон, *Митүш* — Дмитрий, *Ибуш* — Иван; женские имена: *Даруш* — Дарья, *Кәтүш* — Екатерина, *Ануш* — Анна, *Баруш* — Варвара, *Сануш* — Александра.

-уч/-үч, -ич: Жәүлич — Евгения, *Бибич/Пидуч* — Федосья, *Упруч* — Афросинья, *Анич* — Анисья, *Марич* — Мария.

-ка/-кә, -кай/-кәй: Бәчкә — Василий, *Питкә* — Петя, *Ибука* — Иван, *Лизкә* — Лиза, *Ычтупка* — Степанида, *Саңка* — Саня, *Былудка* — Володя, *Жәңкә* — Елена, *Уничка* — Анисья, *Жүлкә* — Юлия, *Аука* — Авдотья, *Үлкәй* — Ульяна, *Пидукай* — Федора, *Палукай* — Пелагея, *Аудыкай* — Авдотья, *Үркәй* — Ирина.

Указанные выше особенности личных имен наблюдаются и в других диалектах и говорах татарского языка, например в говоре причепецких татар (Бурганова, 1962, 37), пермских татар (Рамазанова, 1976, 143), в говорах мишарского диалекта (Махмутова, 1978, 116—117), в диалектах сибирских татар (Тумашева, 1961, 41). Перечисленные аффиксы собственных имен встречаются и в других тюркских языках (Баскаков, 1971, 96). Исследователи отмечают большую типологическую общность имен крещеных татар с древними булгаро-татарскими именами (Юсупов, 1960, 110).

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Имя прилагательное обозначает качество, свойство или признак предмета, явления. По своему лексико-грамматическому значению прилагательные разделяются на качественные и относительные.

К качественным прилагательным относятся все прилагательные, которые обозначают признак предмета своей семантикой, без дополнительного грамматического оформления: *дәмәк сүз* (Сред. Баграж) — *кызык сүз* 'интересное слово', *кәй жыру* (Старое Тябердино) — *начар жыр* 'плохая песня'; *сыпкы урам* (Калейкино) — *пычрак урам* 'грязная

улица', *тәбәшәк әрем* (Никифорово) — *тәбәнәк әрем* 'низкая полынь', *алама кием* (Бузюрово) — *ямьсез кием* 'некрасивая одежда', *қуша сыйыр* (Старый Карабаян) — *жирән сыер* 'рыжая корова', *кари карга* (Янсурино) — *кара карга* 'черная ворона'. Качественные имена прилагательные имеют степени сравнения, формы которых являются общими с литературным языком.

Относительные прилагательные выражают отношения одного предмета к другому по принадлежности, местонахождению, содержанию чего-либо и т.п., например: *Аклы жаулык затлы жаулык, жәйге көнне бәйлимен* (Ишалкино) 'Белый платок, драгоценный платок завязываю летом'; *Жәйге уйыннарнын йәмнәрә қыз белән генә* (Старый Карабаян) 'Хороши летние хороводы только с девушкой'.

Большинство относительных прилагательных является производными и образуется при помощи следующих аффиксов.

-лы/-ле — наиболее продуктивный аффикс. С его помощью образуются прилагательные со значением обладания, наличия, принадлежности, например: в закамском говоре — *чуптарлы ашшаулық* — *бизәкле ашьяулык* 'скатерть с узорами', *ошаулы кеше* — *ошаган кеше* 'похожий человек', *салмақлы тәңкә* — *авыр тәңкә* 'тяжелая, увесистая, массивная монета'; *ардақлы қыз* — *хөрмәтле, дәрәжәле қыз* 'девушка в почете и уважении', *киҗеле шаршау* 'хлопчато-бумажная домотканная занавеска'; в подберезинском говоре — *сетәкле аш* — *туқлыклы аш* 'питательный, колорийный суп', *күзле утын* — *утлы утын* 'горящие, непотухшие дрова', *каслыклы әдәм* — *зарарлы, зыянлы кеше* 'вредный, плохой человек', *каратулы* (*каратутлы*) *қыз* — *сипкелле қыз* 'веснушчатая девушка', *бозыралы шаршау* — *боҗралы чаршау* 'занавеска с кольцами'.

-лык/-лек: *қутырдығ ат* — *кутырлы ат* 'покрытая коростой лошадь', *тулық сыу* — *тулы су* 'полная вода'. Этот суффикс является малопродуктивным и зафиксирован только в вышеуказанных словах в говоре закамских крышен. Он исторически является полной формой афф. *-лы/-ле*, встречается также в древнетюркской письменности (Малов, 1951, 31).

-ма, -малы: *сызмалы калпак* 'калпак с полоской', *ачылмалы тәрәзә* 'окно, которое открывается', *уш китмәле* — *ис киткеч* 'поразительный, удивительный'.

Как и в говорах мишарского (Махмутова, 1978, 120-121) и среднего диалектов, от некоторых имен действия на *-гы/-ге* путем присоединения афф. *-сыз/-сез* образуются прилагательные с семантикой отрицания значения, выраженного в исходной основе. Эта форма соответствует литер. *-лык/-лек, түгел*, например: *Нардуганны бер дә әйтеп бетергесез* (*әйтеп бетерерлек түгел*) *инде* (Кибячи). 'Невозможно все рассказать (нерассказуемый) про святки'; *Эмәчеләргә эстәл тулы әзерлиләр, буткасы, ите, ашы эстәл күтәргесез ырызак була инде* (Верх Кондрата) 'Участникам коллективной помощи готовят полный стол: кашу, мясо, суп, пищу, которую даже стол не выдерживает'.

-кы/-ке, -ыңкы/-еңке: *қалдыққы* — *соңғы, актыккы* 'последний', *көйеңке* — *куе-кызыл* 'бордовый', *сыптырыңқы* — *тыйнак* 'скромный, ийеңке — *яғымлы* 'приветливый, ласковый'.

МЕСТОИМЕНЕНИЯ

По употреблению местоимений, по их лексическому составу исследуемые говоры крышен не отличаются от татарского литературного языка. Вместе с тем в говорах крещеных татар наряду с литературными формами местоимений употребляются некоторые фонетические и лексические диалектальные варианты.

Указательные местоимения: *шул/шу* 'тот', *шушы/тушы* 'этот', *шушындый/тушындый* 'такой', *шушылай/тушылай* 'такой', *ул/у/мы* 'он, она', *әнә/она/ана* 'там', *теге/тее* 'тот'. Примеры: *Ана тее* (литер. *әнә теге*) *өй аларнықы* (Старый Маты) 'Вон тот дом ихний'; *У* (литер. *ул*) *кызны күрмей калдым мин* (Ахманово) 'Я не видела ту девочку'; *Тушы* (литер. *шушы*) *өйне Начтук салды инде* (Кибячи) 'Этот дом построила Настя'; *Ана шу (әнә шул) жепәк жаулықны бәйләген* (Ковали) 'Завяжи вот этот шелковый платок'; *Мона у* (литер. *менә ул*) *қарчық бик қәтәр жырларға дирерләп инде* (Шеморбаш) 'Скажут, вот эта старушка очень увлеченно поет'; *Биг ақыллы маа шу (менә шул) малайым* (Айталан) 'Вот этот мой сын очень умен'.

Местоимения *у* (*мы, шу*), *шы* употребляются и в говорах пермских и сибирских татар. Ср. варианты из других тюркских языков: *со* — казах., *шу* — кум., туркм., уйг., кир., узб. (Исхаков, 1956, 243 Кононов, 1960, 1974; Гаджиева, 1975, 157). Форма *у* местоимения 3-го лица встречается во многих тюркских языках — в современном узбекском (Кононов, 1960, 172; Насыров, 1965, 17), уйгурском (Наджип, 1960, 76). Существует мнение, что *у* является архаичной формой местоимения *ул* (Исламов, 1972, 18). В древнетюркском языке употреблялись местоимения *уш, ош* (Батманов, 1969, 74).

В говорах крышен имеются и сложные формы указательных местоимений — *әнә терә/ана тыра* (литер. *әнә*) 'вон', *менә терә / мына тыра* (литер. *менә*) 'вот', которые исторически восходят к формам *әнә тора* 'вон стоит', *менә тора* 'вот стоит', например: *Ана тыра қаңқа тепләрендә матасикел тора* (Ст. Гришкино) 'Вон у их калитки стоит мотоцикл'; *Әнә терә бақчада ничек жата, киптерәсе әле талны* (Мунайкино) 'Вон как лежит в саду ива, нужно подсушить'; *Мына тыра бу қарт сүләр сезгә* (Кр. Шуран) 'Вот этот старик расскажет вам'; *Ана тыра қазан сезгә, үзегез пешерегез дә ашағыз* (Мелекес) 'Вот вам котел, сварите сами и кушайте'.

В отдельных селах Заказанья употребляются указательные местоимения *анау* (литер. *ул*) 'тот', *монау* (литер. *бу*) 'этот', например: *Монау тауны "Қала башы" дибез* (Ташкирмень) 'Эту гору называем "Кала башы"'; *Анау өйдә жәши Начтук түти* (Ташкирмень) 'В том доме живет тетя Настя'; *Монау ағачны Ибан жырағай утыртқан ыйы* (Альведино) 'Это дерево посадил дядя Иван'.

Указательные местоимения *анау, монау* употребляются в нагорном, ичкинском говорах, в мишарском диалекте (мелекесский подговор), а также в тоболо-иртышском говоре восточного диалекта (Юсупов, 1979, 120; ТТДС, 1969, 628; Тумашева, 1961, 120). Они имеются и в других тюркских языках и характерны, в основном, для кыпчакских языков. Формы *анау, мынау* зафиксированы в айском, казмашевском говорах башкирского языка (БДС, 1959, 33, 101). Исторически они восходят к

местоимениям *ана*, *мына* и *ул*: *анану* > *ана* + *у* > *ана* + *ул*; *монау* > *мына* + *у* > *мына* + *ул*. Указательные местоимения *анану*, *монау* имеются и в диалектах ногайского языка (Баскаков, 1940, 79), в казахском, каракалпакском, узбекском языках (Исхаков, 1956, 247).

В говоре подберезинских крышен в отличие от других говоров употребляются следующие местоимения: *шал* — литер. *шул* 'этот, он', *шалый* — *шулай* 'так', *шанда* — *шунда* 'там', *шалый шал* — *шулай шул* 'именно так', *анчак* — *ул чакта* 'тогда', *андай* — *андый* 'такой', *тушы* — *шушы* 'этот': *Анчак жэш бугандыры син, искэрмисен аны* 'Тогда ты, наверное, была молодой, не помнишь этого'; *Мына шанын жырын жырлап бирим эле* 'Вот спою я вам эти песни'; *Шалай тастар саргис жылыйс була энде киленгэ* 'После того как завязывают вот так тастар (головное полотенце), следует плакать (невесте)'.

В бакалинском подговоре вместо вопросительного местоимения *нэрсэ* употребляются местоимения *нэмэ*, *нэмэкэй*, *нэмкэ*, например: *Нэмэкэй дип кергэн безгэ Бэчүкэ?* 'Зачем к нам заходила Василиса?'; *Нэмкэлэр кийеп чыгарсыз урамға, сынқы* (литер. *пычрак*), *жаңғыр жава* 'В чем завтра выйдете на улицу, грязно, идет дождь'; *Нэмэ сүләмәле инде сезгә?* 'Что же рассказать вам?' Вопросительное местоимение *нэмэ* употребляется и в говоре пермских татар (Рамазанова, 1968, 142), а в башкирском языке оно считается литературной нормой (Дмитриев, 1950, 105).

Характерной особенностью нагайбакского говора крышен считается употребление вопросительно-относительного местоимения *қандай* вместо литер. *нинди* 'какой': *Қандай жырулар турысында килдегез?* 'По поводу каких песен вы приехали?'; *Қандай озон күлмәкләр кийеп жерей?* 'В каких длинных платьях ходит?' Это местоимение в других говорах татарского языка не зафиксировано. Однако в фольклоре крышен Заказанья (д. Зюри Мамадышского р-на) оно употреблялось, например:

Жырлый ғына жырлый туннар тектем
Қандый ғына қызыл дарайдан (ТХИ, 1980, 135)
'Напевая песни, шила я шубу,
Из какой красной материи...'

Возможно, в древности это местоимение употреблялось более активно, так как оно широко распространено во многих тюркских языках. Ср. каз., к.-калп., кирг., узб. ног. *қандай*, алт. *қандый*, *уйгур*, *қандыг*, якут. *ханлык* (ИСГТЯ, II, 238—239; Юсупов, 1972, 13).

Склонение местоимений

Система склонения местоимений в говоре крышен сохранила архаические черты, отсутствующие в современном литературном языке. Особенно это относится к родительному и дательному падежам.

В говоре крышен Пестречинского р-на Заказанья (примешинский подговор) в родительном падеже параллельно с *-нын/-нен* (литер. *-ның/-нең*) употребляется усеченная форма *-ын/-ен*. Это явление особенно характерно для речи старшего поколения, например: *Сезен дә* (литер. *сезнең дә*) *бар икән қуйан* (Янцевары) 'И у вас, оказывается, есть заяц'; *Безен* (литер. *безнең*) *сары қара сары ақ бэрәнне* (Крещ. Серда) 'Наша

овца черная, с белым бараном'; *Безен* (литер. *безнең*) *малай* (Ковали) 'Наш мальчик'.

Афф. *-in/-en* во многих тюркских языках, например в туркменском, кумыкском, башкирском, киргизском, казахском, является литературной нормой (Исламов, 1972, 20). Форма с афф. *-in* была широко употребительна и в древнетюркских памятниках (ДТС, 341).

Местоимения *ул, бу, шул* в родительном падеже принимают окончания *-ны/-не* вместо литер. *-ның/-нең*: *Аны* (литер. *анын*) *анасы туйда қыйама'лы'* буды (Никифорово) 'Ее мать на свадьбе была посаженной матерью'; *Моно* (*монын*) *күмәге бездә санды'та жата* (Бол. Машляк) 'Его рубашка лежит у нас в сундуке'.

В говоре крещеных татар Нижн. Прикамья, когда рядом с местоимениями *бу, шул, ул, мин* употребляются послелогои *белән* || *белә, ише*, звуки *ң, м* в окончаниях родительного падежа выпадают. Примеры: *Моно ише* (литер. *моның кебек, мондый*) *өйдә мин торасы түгел* (Кабан-Бастрык) 'В таком доме я не буду жить'; *Аны ише* (*аның кебек, андый*) *матур кыз жук бездә* (Кадряково) 'Такой красивой девушки, как она, у нас нет'; *Моно белә* (*моның белән*) *сүгешеп жөрмә син* (Тюгеевка) 'Ты с ним не ругайся'; *Әйдә мине белә* (*минем белән*) *суға барысын, жырақ түгел* (Айталан) 'Пойдем со мной за водой, тут недалеко'.

В говоре подберезинских кряшен в окончаниях родительного падежа звуки *-ы, -е* выпадают, поэтому в конце слышится два *нн*: *синн малай* (литер. *синең малай*) 'твой мальчик', *минн кыз* (*минем кыз*) 'моя дочь', *мынн белән* (*моның белән*) 'с ним'.

Усеченная форма родительного падежа зафиксирована в мордово-карацарайском говоре мишарского диалекта (Арсланов, 1965, 129), в говоре мишарей южной части Мордовии и в Кадомском р-не Рязанской области и в бастанском говоре (Махмутова, 1974, 36; 1978, 124) татарского языка. Эта форма наблюдается также в некоторых языках кыпчакской группы: кумыкском (Дмитриев, 1940, 78), карачаево-балкарском (Филоненко, 1940, 28), узбекском (Кононов, 1960, 21), а также в тюркских текстах X—XIII вв. Восточного Туркестана (Шербак, 1961, 80).

В куманском языке в местоимениях *минем, моның* с послелогом *белән* звуки *н, м* также выпадали: *meni bilä* 'со мной', *mini bilä* 'с ним' (Курышжанов, 1956, 13).

Личные и указательные местоимения в направительном падеже употребляются в следующих формах.

1. В говоре кряшен Пестречинского р-на Заказанья: *миңа* | *мәңа* | *мыңа* | *маңа* | *маа* (*маға*) 'мне', *сиңа* | *сәңа* | *сыңа* | *саңа* | *саа* (*саға*) 'тебе'. Примеры: *Менә миңа шундый жыру чықты бит әле диб әйттеб әйттем* (Утарово) 'Вот ведь мне такая песня выпала, сказала я'; *Саңа бирми ис ул кәртечкәләрне* (Крещ. Серда) 'Она тебе не дает же эти фотокарточки'; *Чәй буса маңа ашау да кирә'мей* (Ковали) 'Если есть чай, мне и еда не нужна'; *Сыңа* (*сиңа*) *тее жа'та әйбәт булыр* (Альведино) 'Тебе на той половине (дома будет хорошо). *Ул маа начар сүз әйтмәде* (Кибячи) 'Он не говорил мне плохого слова'; *Жақшысын бирсәм мыңа* (*миңа*) *көч, начарын бирсән саңа* (*сиңа*) *көч* (Крещ. Сердца) 'Если тебе хорошую отдать — мне плохо, а если плохую тебе отдать — тебе плохо'.

В касимовском говоре татарского языка употребляются формы *маа, саа*, в бастанском — *маға, саға* 'мне, тебе' (МТД, 1974, 36); в диалектах сибирских татар — несколько параллельных вариантов: *мин — миңа, маңа, мага, маа* 'мне'; *син—сиңа, саңа, сага, саа* 'тебе'; *ул — аңа* 'ему' (Тумашева, 1977, 140); в других тюркских языках, например ногайском, киргизском, шорском, — *мага, сага*, в кумыкском — *магъа, сагъа*, хакасском, в языке желтых уйгуров — *мага, сага* (Малов, 1967, 7), азербайджанском (Исламов, 1972, 23), орхоно-енисейских памятниках, куманском, современном уйгурском, киргизском, туркменском — *маңа, саңа* (Аширалиев, 1966, 48); *маа, саа* встречаются также в алтайском, тувинском, шорском (Исхаков, 1956, 218—227).

Формы *мага, сага* принято считать древнейшими формами дательного падежа личных местоимений. Они встречаются и в древних тюркских письменных памятниках (Курышжанов, 1958, 71).

2. В говоре кряшен-нагайбаков и в отдельных группах Заказанья и Нижн. Прикамья активны *мийа/ мыйа/ миңга, сийа/ сыйа/ сиңга*. Примеры: *Жаңа чәнэшкә алган дәдәң, искесе сийа қалыр* (Шеморбаш) 'Твой дядя купил новые санки, старые тебе останутся'; *Сыйа (сиңа) нидей жыр кирәк?* (Дюсьметево) 'Какая тебе нужна песня?'; *Бир сиңга да бир миңга* (Биктяшево) 'Возьми себе и дай мне'; *Әллә у кеше сыйа да барып життеме* (Варламово) 'Тот человек и до тебя дошел что ли?'

Эти формы известны в говорах среднего диалекта татарского языка. В дубъязо-атнинском говоре заказанской группы говоров — *мийа, сийа* (Жэлэй, 1949, 20—21), в говоре пермских татар — *миңә/ мийә* и др. (Рамазанова, 1974, 200). Зафиксированы они и в азербайджанском (Исламов, 1972, 26) и караимском языках, однако здесь есть и варианты с заднеязычным гласным: *майа, сайа* (Мусаев, 1954, 216);

3. Личные и указательные местоимения в направительном падеже употребляются также в следующих формах: *аңа/ аңга/ аңгар, моңа/ моңга/ моңгар, тегеңә/ тегеңгә/ тегеңгәр*. Примеры: *Бу қыз моңгар әйбер китергән, күчтинәч* (Верх. Юшады) 'Эта девушка принесла ему одну вещь, гостинец'; *Аңгар печәнчеләр керә әбәткә* (Кадряково) 'К ней зайдут косцы на обед'; *Тегеңгәр әйтеймме жырларға* (Крещ. Шуран) 'Ей сказать, чтоб она пела'.

Как было сказано выше, падежные окончания *-ңар/ -ңәр, -гар/ -гәр* употреблялись и в древнетюркском языке. Например, в орхоно-енисейских памятниках и куманском языке известны формы *мыңар, шуңар* (ИСГТЯ, II, 49), *аңару* (*аң + га + ру*) — Кондратьев, 1940, 23), в старотюркском памятнике "Кутадгу Билик" — *анъар, мунъар, санъар* (Малов, 1951, 300, 349).

Такие формы употребляются и в других тюркских языках: например в карачаево-балкарском *анга* (Суюнчев, 1968, 177), в узбекском *уңга, бунга* (Решетов, 1961, 119, 123), караногайском диалекте ногайского языка *магъар, сагъар, огъар* (Калмыкова, 1968, 127).

В говоре бакалинских кряшен некоторые личные и указательные местоимения в дательном-направительном, местном и исходном падежах принимают сложные аффиксы, ср. личное местоимение *мин — миңәр-гә* (литер. *миңа*) 'мне', *миңәрдә* (*миндә*) 'у меня', *миңәрдән* (*миннән*) 'с меня'.

Наличием этой особенности данный говор сближается с бирским говором среднего диалекта.

Указательные местоимения *бу, шул: моноңар* (литер. *моңа*) 'этому', *шуныңар (шуңа)* 'тому', *моноңарда* (монда) 'у этого', *шуныңарда (шунда)* 'у того', *моноңардан (моннан)* 'с этого', *шуныңардан (шуннан)* 'с того'. Эти особенности склонения сближают говор бакалинских кряшен с говором пермских татар, говором татар БАССР, с диалектами башкирского языка, с лобнорским и уйгурским языками (Малов, 1957, 173—174). И в старотюркском языке (например, в "Кутадгу билик", XI в.) употреблялись удвоенные формы падежных аффиксов: *сәниндин — синнән* 'от тебя', *анындин — аннан* 'от него' (Абдурахманов, 1967, 38—39).

НАРЕЧИЕ

В разделе наречий говоры кряшен характеризуются следующими особенностями.

1. В речи кряшен Елабужского р-на и нагайбаков афф. *-ча/-чә* в отличие от литературного языка присоединяются к местоимениям *мин, син, ул, без, сез, үз* и образуют наречия сравнения-уподобления. Например, у елабужских кряшен: *Қызлары беччә* (литер. *безнеңчә*) *керәшен пурмысы белән кийенеп кигәннәр* (Айталан) 'Девушки пришли, одевшись по нашей кряшенской форме'; *Сеччә (сезнеңчә) бәйрәмнәрне без белмибез, беччә (безнеңчә) бәйрәм көм бүген* (Старое Гришкино) 'Ваших праздников мы не знаем, по-нашему сегодня праздник'; *Без үччә (үзезбеччә) генә эшләп қуйдық бүген* (Порымово) 'Мы сегодня делали по-своему'.

Как видим, в наречиях *беччә* (литер. *безнеңчә*) 'по-нашему', *сеччә* (*сезнеңчә*) 'по-вашему', *үччә (үзезбеччә)* 'по-своему' звук *з* под влиянием *ч* ассимилируется, переходит в *ч*, например в говоре нагайбаков: *Синчә* (литер. *синеңчә*) *ничек әйтергә кирәк?* 'По-твоему, как нужно сказать?'; *Минчә болай жырлау дәрәс түгел* 'По-моему, так петь неправильно'; *Беччә алай тәберсен итәләр* 'По-нашему так молятся'; *Синчә аш тәмне буғанмы?* 'По-твоему суп вкусным получился?'

Сравнительный афф. *-ча/-чә* встречается в памятниках в честь Кюль-Тегина: *Каның субча йугурти, сонукуң тагча йадты* 'Твоя кровь бежала, как вода, твои кости лежали, словно гора' (Малов, 1951, 31);

2. Афф. *-лай/-ләй, -луй/-ли* активно участвуют в образовании наречий, присоединяясь к именам существительным, числительным, прилагательным, например: *Күкәй пешердеңме? — жуқ бит, пешермәдем, чиләй генә алып барам* (Калейкино) 'Яички сварила? — Нет, не сварила, беру с собой сырыми'; *Икенчелей керем сезгә жырларға* (Мелекес) 'В другой раз зайду к вам петь'; *Ийүл азақлай була ул симет, жылына бер генә була* (Васильевка) 'Праздник симет бывает в конце мая, только один раз в год'; *Мин жәш кийенчәли кийәүгә бардым* (Федотовка) 'Я молодой вышла замуж'; *Үз аралай гына сүләшә алар* (Савалеево) 'Они разговаривают только между собой'; *Ач карынның ашаган* (Тюгеевка) 'Съел натошак'; *Үз аралай килештеләр болар қәзер* (Крещ. Шуран) 'Между собой они сейчас согласились'; *Акчалай бирегез* (Ишалкино) 'Дайте деньгами'; *Көн буйынчылыый өйгә қайтмый* (Утарово) 'Целый

день не приходит домой»; *Нардуғанда бик дәмәк булыр ыйы, өй бырынчый бунақ булыр ыйы* (Сред. Баграж) 'В дни святок было очень весело, в каждом доме были гости'.

Эти аффиксы присоединяются и к слову *буенча* 'по', например: *Әле мин кешедән эшиткән буйынчый (ишеткән буенча)ғына әйттем моно* (Кабан-Быстрык) 'Я это сказал только со слов людей (понаслышке)'; *Урман буйынчый (урманда, урман буенча) жыләк бар* (Ляки) 'Ягоды имеются по всему лесу'.

Афф. *-лай* в разных вариантах употребляется в мишарском диалекте татарского языка (Махмутова, 1978, 206—207), в диалектах сибирских татар (Тумашева, 1977, 137), а также в других тюркских языках; ср.: каз. *акчалай* 'деньгами', узб. *тириклай* 'живьем';

3. Наречные образования с древним падежным афф. *-ру -ры, -ре: тышкары* (литер. *тыш*) 'кроме', *чәре* 'до', например: *Әйберләрдән, буләрләрдән тышкары а'ча да салалар бәбейгә* (Кибячи) 'Кроме вещей и подарков ребенку приносят и деньги'; *Питрауға чәре кичкуйынға чығарлар ыйы қызлар* (Ташкирмень) 'До петрова дня девушки выходили на вечерние хороводы'.

В наречных образованиях реликты афф. *-ру* сохранились в ряде языков. Падеж на *-ра, -ру, -ри* является древним направительным падежом. Ср. еще: *ары, бире, кире* (Гаджиева, 1973, 136);

4. В говорах кряшен больше форм наречий времени, чем в литературном языке. Наречия времени образуются при помощи аффиксов, послелогов.

Наречия времени образуются по модели "основа + афф. *-кы/-ке, -гы/-ге, -лык/-лек* + афф. дательного падежа" — *кышкылыкка* 'на зиму', *жәйгелеккә* 'на лето', *кичкелеккә* 'на вечер', *төнгелеккә* 'на ночь', например: *Кипкән балық қышқылыққа қалды* (Старый Маты) 'Сушеная рыба осталась на зиму'; *Жәйгелеккә бақчада өй бар* (Бузюрово) 'На лето в саду имеется дом'; *Иртәңгелеккә сәт кирәк була* (Кадряково) 'К утру надо будет молока'; *Төнгелеккә салқын була қәзер* (Сред. Мелькен) 'Ночью сейчас бывает холодно'; *Кичкелеккә аш пешерер бағыт та жітәр* (Тулабаево) 'Приближается время готовить к вечеру ужин'.

К именам, обозначающим время, присоединяются афф. *-кы/-ке, -гы/-ге* + *-лык/-лек* + афф. *-та/-тә: кышкылыкта* (литер. *кышын*) 'зимой', *жәйгелектә* (литер. *жәен*) 'летом', *төңгелектә* (*тенен*) 'ночью', *кичкелектә* (*кичен*) 'вечером'. Примеры: *Қышқылықта* (литер. *кышын, кыш көне*) *су жырақ безгә, қойолар жуқ* (Мунайкино) 'Зимой у нас вода далеко, колодца нет'; *Жәйгелектә* (*жәен, жәй көне*) *пиларам жанды* (Сред. Баграж) 'Летом сгорела пилорама'; *Төнгелектә* (*төнен, төнлә белән*) *эшләп кайттым* (Урясьбаш) 'Ночью работал'; *Маллар жәйгелектә* (*жәен, жәй көне*) *аман жаланда жәри* (Сред. Пинячи) 'Скотина летом все время ходит в поле'.

В говоре нагайбаков имеют активное употребление наречия типа *көннөккә, кышлыкка*, соответствующие литературному *көне буге* 'весь день', *кыш буге* 'всю зиму', а также типа *кышылықта, жәйгелектә*, соответствующие наречиям *кышын* 'зимой', *жәен* 'летом' литературного языка, например: *Қышылықта итне күп пешерәбез* 'Зимой много варим

мяса»; *Көннөккә эшкә чыгып китәсен жәйгелектә* 'Летом на весь день ходишь на работу'.

Образование наречий времени при помощи сложного афф. -лыкта характерно и для других говоров как среднего (ТТДС, 630, ТТЭ, 1959, 100), так и мишарского диалектов (МДТ, 1962, 119).

Для обозначения продолжительности времени употребляются формы с послелогом *белән*: *төнө белән* (литер. *төне буе*) 'всю ночь', *көнө белән* (*көне буе*) 'весь день', например: *Кенәген утлар сүнде, төнө белән* (литер. *төне буе*) *қапқалар шақылтады* (Порымово) 'Вчера огни гасли, всю ночь стучали ворота'; *Шу көннө көнө белән* (*көн буе*) *жыладым* (Федотовка) 'Я весь тот день плакал'; *Төнө белән* (*төн буе*) *уйныйлар да жоқлылар* (Тулабаево) 'Всю ночь играют, а потом спят'. В говоре нагайбаков продолжительность обозначается также словами *көн озақ* (литер. *көн озын*) 'весь день', *төн озақ* (*төн озын*) 'всю ночь': *Бу бала көн озақ жаза да жаза* 'Этот ребенок целый день пишет и пишет'; *Төн озақ жоқладым* 'Всю ночь спал'.

В говорах очень широк круг лексический наречий, выражающих время, пространственные отношения, качество и количество. Вот некоторые из них: *тәҗел*, *тәҗел-тәҗел*, *тәҗелләп* — литер. *ашыгыч*, *ашыгып* 'торопливо', *чак* — *начар* 'плохо', *дәмәк* — *кызык* 'интересно', *куркыч* — *куркыныч* 'страшно', *кечтей* — *кечкенә* 'маленький', *бер тын* — *берез* 'немножко', *начылый* — рус. *насила*, литер. *көчкә*, *сәттә* — *әле генә* 'только что', *зерә* — *бик* 'очень', *жәренгә* — *киләсе елга* 'к будущему году' (ср. *жәренгә с јагип* в памятнике XIII в. "Кысса-и Юсуф Али" (Наджиб, 1976, 85), а также в языках сарыг-югурском (Тенишев, 1976, 183), крымско-татарском и турецком — *йарын*, казахском — *жарын*, чувашском — *сурам* 'рассвет, заря'. Это слово возводят к древней форме *йаргын* 'рассвет' (алт. *йаркын* 'заря, на заре') от общетюркского глагола *йар* 'светать, стать светлым' (Ахметьянов, 1970, 14—15).

ГЛАГОЛ

Как и в других диалектах татарского языка, морфологические особенности говоров кряшен в основном проявляются в области глагола. Большинство диалектных особенностей относится к образованию и употреблению глагольных форм. Встречаются характерные грамматические формы в глаголах изъявительного наклонения, деепричастиях, причастиях, в глагольных формах, выражающих значение желания, в формах, обозначающих многократность действия, и залогах. В говорах крещеных татар, как и в татарском литературном языке, имеются следующие наклонения: изъявительное, повелительное, желательное, условное.

Изъявительное наклонение

Изъявительное наклонение обладает наибольшим количеством форм в плане настоящего, будущего и прошедшего времени.

Настоящее время глаголов изъявительного наклонения, образованное от деепричастий на *-ый/-й*, в 1-м лице ед. числа имеет форму *-ыйым/-ийем*. Эта особенность характерна для говоров крышен Нижн. Прикамья, Заказанья и нагайбаков, она устойчиво сохраняется также в говоре чистопольских крышен, например: *Мин әчегән қатық ашамыйым* (Шеморбаш) 'Я не ем кислого молока'; *Жоқламыйым мин, әз жоқлыыйм, күршеләр орошалар қайсы* (Старое Гришкино) 'Не сплю я, мало сплю, некоторые соседи ругают меня'; *Ашыйым да, эшлийем дә, кеше күзенә қарап утырмыйым* (Крещ. Шуран) 'И ем, и работаю, в чужой помощи не нуждаюсь'; *Мин Мәтүк (Матрена) жанына ғына барып килийем әле* (Сред. Баграж) 'Схожу как я быстренько к Матрене'; *Жырла дисән, утырам да жырлыыйм қәзер мин сийа* (Крещ. Серда) 'Раз ты говоришь—пой, я сяду и спою тебе'; *Бабай чакыра мине, барыйык дей мучаға* (Ишалькино) 'Дедушка зовет меня, пойдем, говорит, в баню'.

В говоре подберезинских крышен формам *-ый/-и* литературного языка соответствуют афф. *-ай/-эй*. Примеры: *Без аттуны кочаклап жылайбыз* 'Мы плачем, обняв отца'; *Анчак күздән төртсән дә күренмәй* 'Тогда хоть глаз выколи — не видно'; *Кичкуйыннан кайтканда жегетләр кызлар жырлайлар энде* 'Когда возвращаются из вечерних хороводов, парни и девушки поют'.

Образование глагола при помощи афф. *-айым* характерно для мензелинского говора среднего диалекта. В мишарском диалекте глаголы такой формы ед. и мн. числа употребляются только в значении повеления-пожелания (Махмутова, 1978, 160).

Личные аффиксы 1-го лица ед. числа имеют два варианта: полный вариант *-мын/-мен* (*аламын* 'возьму, беру') и усеченный *-м* (*алам*). Наиболее употребительной формой 1-го лица ед. числа для современного татарского языка является *алам*; форма *-аламын* встречается реже (Современный, 1969, 220).

В говорах крышен активно употребляется полная форма аффикса лица *-мин/-мен*, например: *Урманнан қайтып киләмен дей* (Албаево) 'Говорит, что возвращается из леса'; *Чэй эчәргә керәмен қәзер сезгә* (Крещ. Серда) 'Сейчас зайду к вам чай пить'; *Мин қазы тумасы буламын* (Альведино) 'Я уроченка деревни Казы'; *Мин чабынмыймын, минем эсседән башым әйләнә, мин тик эссе сыу белән жуынамын ғына* (Ляки) 'Я не парюсь, у меня голова кружится от жары, я только моюсь горячей водой'; *Әнейгә биг эрәқмәт әйтәмен* (Бол. Аты) 'Я очень благодарна маме'.

Полная форма аффикса лица *-мын/-мен* характерна для многих тюркских языков, например для языков Алтая и языков Средней Азии (Дыренкова, 1949, 80; Современный, 1962, 336—337; Дмитриев, 1940, 99; Кононов, 1960, 208—209).

Во 2-м лице ед. числа сохраняется более древняя форма аффикса лица *-сын/-сен*. Данная форма характерна, в основном, для речи старшего поколения, а в речи молодежи все активнее употребляется литературный вариант с носовым *ң*: *Чэй эчәргә келисенме?* (Мунайкино) 'Хочешь чай пить?' *Урамнан барасын дағын тыгырық башындағы өйгә керәсен* (Дюсьметево) 'Пойдешь по улице и зайдешь в дом у переулка'.

Аффиксы сказуемости могут присоединяться не только к глаголам, но и к другим частям речи, например: *Без өйдәбез, керегез* (Новое Иликово) 'Мы дома, заходите'; *Мин қартмын инде, онотқан қәзер* (Балчиклы) 'Я уже старый, забыл теперь'.

3-е лицо ед. числа настоящего времени, как и в большинстве татарских говоров (в отличие от мишарского), употребляется без древнего показателя *-дыр/-дер*, что совпадает с современной литературной нормой, например: *Кыз жагы үзенекен мактый, жегет жагы — үзенекен, ике жақтан жырыллар инде қара-қаршы* (Ишаль ино) 'Сторона невесты хвалит свою (невесту), сторона жениха — своего (жениха), обе стороны поют друг против друга'; *Жырағ әби урман жулыннан қайтып килә* (Старое Гришкино) 'Бабушка (букв.: далекая бабушка) возвращается по лесной дорожке'.

Однако в говорах кряшен в фольклорных произведениях (песнях), как и в других говорах татарского языка, часто аффикс сказуемости *-дыр/-дер* присоединяется к глаголам 3-го лица ед. числа настоящего времени изъявительного наклонения, например в говоре кряшен Заказанья: *Сыуда балык жөзәдер лә Сыу салқынын сизәдер, ай сизәдер* (Янцевары) 'Плавают рыбка в воде Чувствует (наверное) прохладность воды, ой чувствует'.

В тюркологии существует мнение, что афф. *-дыр/-дер* восходит к основе глагола *тур-/ дур-/ тор-* 'стоять' (МТД, 1962, 138, 210), т.е. происходит от древнего причастия *турур*, у которого в последующем развитии постепенно отпали сначала конечный *р*, а потом предшествующий ему *у* (Рассадин, 1978, 190). Это подтверждается и тем, что в древнетюркском языке действительно существовала аналитическая конструкция 3-го лица ед. числа, образованная от деепричастия на *-а/-ә, -й/-й* плюс глагол *турур*, которая выражала то же значение, что и глагол 3-го лица ед. числа с элементом *-дыр/-дер*. Ср., например, в приведенной М. Кашгарским четверостишии:

<i>Итиль суы ака турур,</i>	'Воды Итиля текут, ударяясь
<i>Кыя төби кака турур,</i>	О твердыню скалы (берегов),
<i>Балык тэлим бака турур,</i>	Лягушек, рыб стада живут,
<i>Күлэн тэпи күтэреп</i>	Ими полон озерный разлив'.

В говорах отдельных сел¹ употребляется усеченный вариант афф. 2-го лица ед. числа *-ң*, например: *Боролып қайтаң (қайтасың) илеңә* 'Вернешься на родину'; *Төшөрә дә беләңме (беләсеңме?)* 'Умеешь фотографировать?'; *Менә шулай бәйләп керәң (керәсең) инде кәбеннән қайтқач* 'Вот так завязываешь после венчания'; *Син дә беләң (беләсең) инде аны* 'И ты знаешь об этом'; *Әллә мине қуна'дип беләңме? (беләсеңме)* 'Ты меня принимаешь за гостя что-ли?'; *Менә терә қачан қайтаң (қайтасың) инде илеңә?* 'Вот когда ты вернешься на свою Родину?'; *Қодағый, китәң (китәсең) инде, бер жыру жырылым әле* 'Сваха, уходишь ведь, спою-ка я тебе одну песенку'; *Әллә син мине танийңмы? (таныйсыңмы)* 'Ты меня узнаешь что ли?'

Приведем в качестве примера образец спряжения глагола *бар-* 'идти'.

¹ Например, в д. Ташкирмень Лаишевского р-на и в д. Мелекес Тукаевского р-на.

Положительная форма

Ед. число		Мн. число
<i>мир барам</i> <i>барамын</i> 'я иду'		<i>без барабыз</i> 'мы идем'
<i>син бараң</i> <i>барасың</i> 'ты идешь'		<i>сез барасыз</i> 'вы идете'
<i>ул бара</i> 'он идет'		<i>алар баралар</i> 'они идут'

Отрицательная форма

Ед. число		Мн. число
<i>мин бармыйым</i> <i>бармыймын</i> 'я не иду'		
<i>син бармыйың</i> <i>бармыйсың</i> 'ты не идешь'		
<i>ул бармый</i> 'он не идет'		
<i>без бармыйбыз</i> 'мы не идем'		
<i>сез бармыйсыз</i> 'вы не идете'		
<i>алар бармыйлар</i> 'они не идут'		

Форма 2-го лица с афф. -*ң* широко употребительна в татарских говорах, распространенных на территории Башкирии (Юлдашев, 1953, 388; Әфләтунов, 1959, 121) и в Западной Сибири (Тумашева, 1977, 89). Усеченный аффикс 2-го лица ед. числа имеет место также в некоторых говорах башкирского языка (Максютова, 1976, 54, 193; БДС, 1959, 36; БД, 1963, 50, 170), встречается в хакасском и алтайском языках (ИСГТЯ П, 13—14, 22).

В пришошминском и вятском подговорах заказанской группы прослеживается употребление 2-го лица мн. числа с афф. -*сыз* / -*сез* и -*сыгыз* / -*сегез*: *барасыгыз* (литер. *барасыз*) 'идете', *киләсегез* (литер. *киләсез*) 'придете', например: *Туварларға ашамаға бирәсегез (бирәсез) дә безгә керәсегез (көрәсез)* (Дурга) 'Дадите корм скотине и зайдите к нам'; *Күрәсегезме (күрәсезме) бийек тауны, шунда буған зират безнең* (Нусла) 'Видите высокую гору, там было наше кладбище'; *Нийә көләсегез (көләсез)* (Биктяшево) 'Зачем смеетесь?'; *Ти'шерә алмыйсыгызмы (алмыйсызмы?)* (Дюсьметево) 'Не можете проверить?'

Такая особенность зарегистрирована в заказанском и параньгинском говорах среднего диалекта (Жәләй, 1947, 31; 1954, 306, 374; ТТДС, 637). Формы на -*сыгыз* / -*сегез* характерны в основном для кыпчакских языков (Современный, 1962, 328). В других тюркских языках имеются следующие варианты аффиксы -*сыгыз* / -*сегез*: -*һыгыз* / -*һегез* башкирского языка (Дмитриев, 1948, 53), -*сыңыз* ногайских диалектов (Калмыкова, 1968, 179) и др.

В акногайском диалекте ногайского языка во 2-м лице употребляется афф. -*сыныз*, который представляет собой сочетание -*сын* + -*ыз*, где -*сын* — аффикс 2-го лица, а -*ыз* — архаичный показатель множественности. Отмечая наличие этого сложного аффикса 2-го лица мн. числа в башкирском языке, Н.К. Дмитриев указывает, что он встречается и в южных тюркских языках огузского типа (ИСГТЯ, 1956, 14).

В говоре кряшен-нагайбаков Чибаркульского р-на для обозначения настоящего времени данного момента употребляется конструкция, образованная из деепричастия на -*н* и вспомогательных глаголов *утыра* 'сидит' и, реже, *жата* 'лежит':

Ед. число	
<i>мин эшлэп утырам (жатам)</i>	‘я работаю’
<i>син эшлэп утырасың (жатасың)</i>	‘ты работаешь’
<i>ул эшлэп утыра (жата)</i>	‘он работает’
Мн. число	
<i>без эшлэп утырабыз (жатабыз)</i>	‘мы работаем’
<i>сез эшлэп утырасыз (жатасыз)</i>	‘вы работаете’
<i>алар эшлэп утыралар (жаталар)</i>	‘они работают’

Примеры: *Ана Аннау килеп жата* ‘Вон идет Анна’; *Урамда жаңгыр жауып утыра* ‘На улице идет дождь’; *Қазандан килеп утырасыңмы?* ‘Из Казани приехала?’

Описанная выше конструкция характерна для диалектов сибирских татар (Тумашева, 1977, 202) и для ряда тюркских языков: башкирского, казахского, ногайского, киргизского, каракалпакского, тувинского, хакасского и др. (Юлдашев, 1955, 59).

Будущее время

Основой настояще-будущего времени является причастие будущего времени на *-р/-ар/-эр/-ыр/-ер*, как в татарском литературном языке и во многих других тюркских языках. Эта форма спрягается при помощи личных афф. *-мын/-мен, -сың/-сең, -быз/-без, -сыз/-сез*.

В говорах кряшен глаголы в 1 и 2-м лице настояще-будущего времени имеют два формы: полную (литературную *-мын/-мен*) и усеченную, где вместо афф. *-мын/-мен* присоединяется афф. *-ым/-ем*. Если корень или основа глагола оканчивается на *-р*, то в 1 и 2-м лице *-р* причастного аффикса выпадает, например: *Мин барым/барымын* (литер. *барымын*) ‘я пойду’; *син барысың* (литер. *барысың*) ‘ты пойдешь’; *без барыбыз* (литер. *барыбыз*) ‘мы пойдём’; *сез барысыз* (литер. *барысыз*) ‘вы пойдете’; *Кич күрем (күрермен) әле сезне* (Новый Балыклы) ‘Вечером я еще увижу вас’; *Дзерәк утырымын (утырырмын) чықан суына* (Сред. Баграж) ‘Посижу немножко в настое крапивы’; *Чүлмәгенә тутырым (тутырырмын) кисә-кисә балны* (Старый Маты) ‘Нарезав соты меда, положу его в горшок’; *Жаратсағыз торосыз (торырсыз) бездә* (Старое Гришкино) ‘Если вам понравится, будете жить у нас’; *Бер қавым жоқлағачын тороп жазарым диде қунағым* (Старая Ципья) ‘Посплю немного, потом встану и напишу, говорила моя гостья’; *Жарар, үзем керем (керермен) әле сезгә кичен* (Бузюрово) ‘Ладно, как-нибудь сама найду к вам вечером’.

Аналогичные формы изъявительного наклонения имеют место и в других диалектах и говорах татарского языка. Например, случаи выпадения *-р* в глаголах изъявительного наклонения отмечены в мишарских говорах (МТД, 1962, 134; МД, 1955, 127; Махмутова, 1978, 144), говорах среднего диалекта (МД, 1955, 56; Рамазанова, 1970, 17; Хайрутдинова, 1980, 14). Такое явление имеется и в некоторых тюркских языках (Дыренкова, 1940, 177).

Будущее категорическое время имеет своей основой причастие будущего времени на *-ачак/-әчәк* (после согласных), *-йачак/-йәчәк*

(графич. *-ячак/-ячэк* — после гласных основ). Эта форма выражает действие, которое непременно осуществится в будущем. В употреблении этой формы имеются следующие особенности:

а) *-ачак/-эчэк + бул* обозначает предупреждение, условие: *Кыначак* (литер. *кыйнаячак*) *бумагыз баланы* (Старое Азмеево) 'Не смейте бить ребенка'; *Бэрэңге пешэчэк буса, мин көтэм* (Верх. Юшады) 'Если сварится картошка, я подожду';

б) категорическое отрицание может выражаться также отрицанием *түгел*, т.е. *-ачак/-эчэк + түгел*: *Ул бик жырақ жир булачак түгел* (Кадряково) 'Это должно быть не очень далекое место'; *Мин бу чайне эчэчэк түгел* (Бурды) 'Я не буду пить этот чай';

в) может употребляться без личных аффиксов: *Шулар кирэкмей, сүрәкәләр кирәкмей, ай эрәкмәт, мин аларның бөтөнөсен күрсәтеп бетерәчәк* (Старое Гришкино) 'Эти вещи нужны, сороки нужны; вот спасибо, все это я вам буду показывать'; *Савытлар жууылып беткәнче мин эби бэрэңге ашачак* (Утарово) 'Пока не перемоется вся посуда, я, бабушка, буду есть картошку'. Эта особенность характерна, в основном, для бакалинских и елабужских крышен.

Форма будущего категорического времени на *-(а)-жак* есть в узбекском, туркменском и сопредельных с ними диалектах казахского языка (Гаджиева, 1975, 185).

Прошедшее время

Прошедшее категорическое (или очевидное). Основа прошедшего категорического времени образуется, как и в литературном языке, при помощи афф. *-ды/-де, -ты/-те* и при спряжении принимает личные аффиксы, например: *Киткән қызларыма барысына өшәнчекне үзем сұқтым мин* (Мунайкино) 'Всем вышедшим (замуж) дочерям я сама наткала приданое'; *Чат көйләрен жырламаға чытылар қызлар, барығын сез дә шунда* (Ташкирмень) 'Девушки вышли, чтобы спеть хороводные песни, идите и вы туда же'.

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>алдым</i> 'я взял (брал)'	<i>алдык</i> 'мы взяли'
2 л. <i>алдың</i> 'ты взял'	<i>алдыгыз</i> 'вы взяли'
3 л. <i>алды</i> 'он взял'	<i>алды(лар)</i> 'они взяли'

Прошедшее категорическое употребляется для передачи совершившегося в прошлом действия, в достоверности которого говорящий не сомневается.

Прошедшее результативное (или неочевидное). Основой прошедшего результативного времени является причастие прошедшего времени на *-ган/-гән, -кан/-кән*. В литературном языке спряжение осуществляется при помощи личных аффиксов 1-й группы, т.е. *-мын/-мен, -сың/-сең, -быз/-без, -сыз/-сез*.

В говорах крышен прослеживается оформление 1 и 2-го лица ед. и мн. числа прошедшего результативного (неочевидного) аффиксами *-ым/-ем, -ыбыз/-ебез*, например: *Син урманда урын жулға кергәнең* (Кабан-Бастрык) 'Ты в лесу вышла на глухую дорогу'; *Мин жатып жоқлаганым, син күрмэгәнең, жиралма изелеп киткән* (Нусла) 'Я легла и

уснула; ты не видела — картошка разварилась'; Ул анда барган, мин монда килгәнем (Сред. Пинячи) 'Он туда пошел, а я сюда пришла'.

Ед. число		Мн. число	
<i>мин барганым</i>	'я ходил'	<i>без барганыбыз</i>	'мы ходили'
<i>син барганың</i>	'ты ходил'	<i>сез барганыгыз</i>	'вы ходили'
<i>ул барган</i>	'он ходил'	<i>алар барганнар</i>	'они ходили'

Это явление устойчиво сохраняется в говоре крышен Нижн. Прикамья, заказанской группе говоров крышен, оно наблюдается и в соседних с ним говорах татарского языка. Такая морфологическая особенность характерна для параньгинского (Бурганова, 1955, 116), заказанского (Жэлэй, 1954, 390) говоров среднего диалекта, для говора пермских татар (МТД, 1974, 102), для говора татар Куйбышевской области (МТД, 1962, 212) и для говоров сибирских татар (Тумашева, 1961, 86).

Указанная особенность имеется и в других тюркских языках, например алтайских (Баскаков, 1966, 80; Исхаков, Пальмбах, 1967, 371).

Глагольная форма на *-ган/-гән* без аффиксов лица употребляется в значении прошедшего категорического времени. Показателем лица служат личные местоимения:

Ед. число	Мн. число
<i>мин барган</i>	<i>без барган</i>
<i>син барган</i>	<i>сез барган</i>
<i>ул барган</i>	<i>алар барган (нар)</i>

Примеры: *Кенәгәне сыраб алырга ыныткан мин* (Чув. Елтань) 'Я забыла спросить книгу'; *Ун кен бер нәстә белмәгән, бер нәстә капмаган мин* (Верх. Кондрата) 'Я десять дней ничего не ела, ничего не пила'; *Ир-рәк тәңкәләр була, инде ыныткан да мин аны* (Кыр Баран) 'Бывают монеты покрупнее, я уже забыла про это'; *Мин саташып жатқан, бер нәстә дә белмәгән* (Урясьбаш) 'Я лежала в бреду, ничего не знала'; *Син әле бит йумаған икән* (Мелекес) 'Ты оказывается, еще не умылся'; *Кенәген син сыу да китермәгән* (Старый Карабаян) 'Вчера ты даже воды не принесла'; *Жырлый алмыйым, мин қартайған инде* (Бол. Машляк) 'Не могу петь, я состарилась уже'; *Мин үземә қалақ алған, қунаққа жуқ* (Янцева) 'Я себе ложку взяла, гостье — нет'; *Қарт мине әрли, син мыржәларны тықмаган ди* (Бахта) 'Старик меня ругает, говорит, ты не закрыла трубу'; *Әтү багытында сукалап жәргән бит сез* (Старое Тябердино) 'Во время отцов вы же пахали'.

Глаголы на *-ган/-гән* в сочетании со словами *бар* 'есть', *йүк* 'нет' также часто употребляются без аффикса лица: *Әле мин быларны күргән дә, эшиткән дә жуқ* (Чура Батыр) 'Я эти вещи не видала и не слышала вообще'; *Андый жаулыкны эшиткән дә жуғ әле мин* (Федотовка) 'О таком платке я даже не слышала'; *Кетү сергәнне күргән бар мин кечти багытта* (Крещ. Ялтань) 'Когда был маленьким, я видел, как гоняли стадо'.

Безаффиксное употребление прошедшего на *-ган/-гән* считается более древним явлением (Серебрянников, 1963, 28—29).

В говоре подберезинских крышен в некоторых случаях прошедшее категорическое время обозначается формой *-ган/-гән* с присоединением

аффикса сказуемости *-дыр*, например: *Үзем тудыргандыр, үзем карагандыр мин ул малайны, үзем катка катты* (Янсурино) 'Сама родила, сама воспитала сына, он вернулся ко мне'.

Безаффиксное спряжение наблюдается в говорах мишарского диалекта (Махмутова, 1978, 151), сибирских татар (Тумашева, 1960, 47) и в языке желтых уйгуров (Тенишев, Тодаева, 1966, 28). Известно оно и в истории тюркских языков (Щербак, 1961, 156).

В фольклорных произведениях встречаются глаголы на *-ган/-гән* с аффиксом местного падежа *-да/-дә* в роли сказуемого, тогда как в литературном языке глаголы на *-ган/-гән*, стоящие в местном падеже, обычно выражают обстоятельство времени, например:

<i>Безнең қызлар туғанда²,</i>	'Когда родились наши девушки,
<i>Ақ арғамақ суйғанда,</i>	Зарезали белого аргамака,
<i>Атык бишек асқанда,</i>	Повесили золотую колыбель,
<i>Бүз беркәнчек жапқанда.</i>	Расстелили бязевое покрывало.
<i>Сезнен уллар туғанда,</i>	Когда родились ваши сыновья,
<i>Қутырлығ ат суйғанда,</i>	Зарезали покрытую коростой лошадь,
<i>Кабық бишек элгәндә,</i>	Повесили лубяную колыбель,
<i>Ат жабууы жапқанда</i>	Расстелили лошадиное покрывало'.

Как видно, здесь в каждой строке повторяется форма на *-ганда*. В синтаксисе такие повторы называются периодом (Закиев, 1963, 430—433). Применение периода связано определенными видами речи, в большинстве случаев, с языком поэзии. Период используется и в прозаических произведениях.

Употребление глаголов на *-ганда* в роли сказуемого в татарском языке впервые зафиксировано Н.Б. Бургановой в говоре причепецких татар (МТД, 1962, 44—45), представители которого живут изолированно от основной массы татар Поволжья примерно с XIV в., среди неродственных в языковом отношении народов. Правда, в этом говоре данная форма проявляется яснее и употребляется в разговорной речи, например: *Ике улы сугышта йуғалғанда* 'Два сына его без вести пропали на войне'; *Мында балалар кечкенәдәнтен арча ирәнгәндә* 'Здесь дети с малых лет изучили удмуртский язык'; *Киленнен әйләнәсе тулғанда* 'Сноха наша округлилась (т.е. собирается рожать)'; *Син асыл кейләрен йырлаганда* 'Ты пела деревенские мелодии'³.

Употребление формы на *-ганда* в роли сказуемого хотя бы в фольклоре и в редких случаях в разговорной речи дает нам возможность подумать, не является ли она реликтом когда-то активно употребляемой глагольной формы.

Прошедшее незаконченное время имеет в основе деепричастные формы на *-а/-ә, -ый/-и* (служащие также основой настоящего времени), к которым присоединяется *-(ы)йы/-(и)йе* — литер. *иде-* (форма прошедшего категорического времени от глагола *и*, изменяющаяся по лицам):

² После каждой строфы повторяется припев *ай, чей камыш* 'Ай, сырой камыш'.

³ Примеры записаны нами во время экспедиции в 1981 г. в д. Ахмаево (Әхмәди) Балезинского р-на Удмуртской АССР.

Ед. число

мин ала + йым (литер. *ала идем*)
син ала + йың (*ала идең*)
ул ала + йы (*ала иде*)

'я брал (тогда)'
 'ты брал (тогда)'
 'он брал (тогда)'

Мн. число

без ала + йык (*ала идек*)
сез ала + йыгыз (*ала идегез*)
алар ала (лар) + ыйы (*алалар иде*)

'мы брали (тогда)'
 'вы брали (тогда)'
 'они брали (тогда)'

Прошедшее незаконченное выражает, как и в литературном языке, действие незавершенное, длительное или повторявшееся в прошлом, например: *Ибан жырағай жырлап утырайы, этэс қычқырып жибарде* (Сред. Баграж) 'Когда пел дядя Иван, вдруг закричал петух'; *Нэчта кер жувайы, қазер килэм диде* (Калейкино) 'Настасья стирала, сказала, что сейчас придет'; *Утырмаға күрше асыллардан қызлар киләйе* (Крещ. Серда) 'На посиделки приезжали девушки из соседних деревень'; *Уйынға жепәк жаулық бәйләп чығалар ыйы қызлар* (Кибячи) 'Девушки выходили на вечерние игры в шелковых платках'.

Прошедшее многократное время глаголов изъявительного наклонения, как и в большинстве говоров среднего диалекта (ТТДС 636), имеет три формы. Эти формы обозначают действие, систематически повторявшееся в прошлом.

1. *-а/-ә, -й + -дыр/-дер + иде (-ыйы/-ийе)*: *Тройсында урманға барып қайын аңқайтадырыйық* (Крещ. Шуран) 'В троицын день ездили в лес и привозили березу'; *Шыйлыққа жаз көнө чығадырыйық* (Ср. Баграж) 'На полевое моление выходили весной'.

Парадигма спряжения

Положительная форма

Ед. число	Мн. число
<i>Мин барадыр + ыйым</i>	<i>без барадыр + ыйык</i>
<i>Син барадыр + ыйың</i>	<i>сез барадыр + ыйыгыз</i>
<i>Ул барадыр + ыйы</i>	<i>алар барадыр + ыйы/ баралар ыйы</i>

Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
<i>Мин бармыйдыр + ыйым</i>	<i>без бармыйдыр + ыйык</i>
<i>Син бармыйдыр + ыйың</i>	<i>сез бармыйдыр + ыйыгыз</i>
<i>Ул бармыйдыр + ыйы</i>	<i>алар бармыйдыр + ыйы/ бармыйлар ыйы</i>

Форма на *-адыр + ыйы (иде)* для выражения прошедшего действия активно употребляется в заказанских говорах (Бурганова, 1974, 24). Синонимами его в литературном языке являются: прошедшее время на *-а + иде* и прошедшее на *-а + торган + иде*.

2. *-а/-ә, -й + торган (тоган + -ыйы/-ийе) иде* в спрягаемой форме употребляется в примешинском подговоре Заказанья: *Без анда озон көй жырлаша тоғон ыйық, кич утыра тоғон ыйық* (Ковали) 'Мы там распевали длинные песни, сидели вечерами'; *Үзебез дә бара тоғон ыйық қунаққа* (Старый Карабаян) 'Бывало, сами ходили в гости'.

Парадигма спряжения

Положительная форма

Ед. число		Мн. число
<i>Мин баратоған + ыйым</i>	<i>без баратоған + ыйық</i>	
<i>Син баратоған + ыйың</i>	<i>сез баратоған + ыйығыз</i>	
<i>Ул баратоған + ыйы</i>	<i>алар баратоған + ыйы / баратоғаннар + ыйы</i>	

Отрицательная форма

Ед. число		Мн. число
<i>Мин бармыйтоған + ыйым</i>	<i>без бармыйтоған + ыйық</i>	
<i>Син бармыйтоған + ыйың</i>	<i>сез бармыйтоған + ыйығыз</i>	
<i>Ул бармыйтоған + ыйы</i>	<i>алар бармыйтоған + ыйы / баратоғаннар + ыйы</i>	

Основное значение этой разновидности прошедшего сложного времени в говорах, как и в литературном языке (Современный 1969, 230—232), заключается в выражении обычных, постоянных, регулярно (многократно) повторявшихся действий в прошлом (МТД, 1974, 25).

3. *-ыр/-ер + иде (-ыйы/-ийе)*: *Мин Кибэчкэ утырмаға төшкәстен ишегалдында соло суғарға тотонырлар ыйы* (Крещ. Серда) 'Когда я приехала в Кибячи на посиделки, начинали во дворе молотить овес'; *Арча жулыннан килдек дип сөйләрләр ийе қартлар* (Старое Азмеево) 'Старики рассказывали, что приехали с Арской дороги'; *Жор ыйы Пидуч, уйын-көлкө сөйләшер ийе* (Ахманово) 'Веселой была Федосья, говорила всегда шуточные слова'.

Парадигма спряжения

Положительная форма

Ед. число		Мн. число
<i>мин барыр + ыйым</i>	<i>без барыр + ыйық</i>	
<i>син бырыр + ыйың</i>	<i>сез барыр + ыйығыз</i>	
<i>ул барыр + ыйы</i>	<i>алар барырлар + ыйы</i>	

Отрицательная форма

Ед. число		Мн. число
<i>мин бармас + ыйым</i>	<i>без бармас + ыйық</i>	
<i>син бармас + ыйың</i>	<i>сез бармас + ыйығыз</i>	
<i>ул бармас + ыйы</i>	<i>алар бармаслар + ыйы</i>	

Прошедшее на *-ыр/-р + ыйы (>иде)* как форма давнопрошедшего многократного времени довольно активно сохранилась во многих говорах среднего диалекта, например заказанских, параньгинском (Бурганова, 1955, 112; 1974, 26), мензелинском (Баязитова, 1973, 23).

Указанные выше формы прошедшего времени имеются также во многих тюркских языках, например азербайджанском, туркменском, турецком, уйгурском, узбекском, киргизском, якутском, каракалпакском (Юлдашев, 1965, 251).

Давнопрошедшее время представляет собой сочетание основного глагола в форме прошедшего времени на *-ган/-гән, -кан/-кән* и спрягаемых форм вспомогательного глагола *ийе/ыйы ~ литер. иде*:

	Ед. число
<i>мин жазган ыйым</i>	'я писал (написал) было, я писал (написал) когда-то'
<i>син жазган ыйың</i>	'ты писал (написал) было, ты писал (написал) когда-то'
<i>ул жазган ыйы</i>	'он писал (написал) было, он писал (написал) когда-то'
	Мн. число
<i>без жазган ыйык</i>	'мы писали (написали) было, мы писали (написали) когда-то'
<i>сез жазган ыйыгыз</i>	'вы писали (написали) было, 'вы писали (написали) когда-то'
<i>алар жазганнар ыйы</i>	'они писали (написали) было, они писали (написали) когда-то'

Глагол в давнопрошедшем времени выражает действие законченное, давно совершившееся с точки зрения говорящего. Например: *Начтыйға кереп айткән ийем, бүген эшкә барасы түгел дип* (Сред. Баграж) 'Я зашла и сказала Насте, что сегодня не надо идти на работу'.

Давнопрошедшее время изъявительного наклонения образуется путем присоединения к глаголам категорического прошедшего времени на *-ды/-де, -ты/-те* аффиксов лица плюс вспомогательный глагол *иде (ийе)*, который в зависимости от темпа речи принимает формы *ийе/ий/ий/ый/й*. Эта особенность характерна для говора подберезинских кряшен, например: *Эченче кен пешердем ий аш, тенә пешермәдем*. (Старое Тябердино) 'Позавчера сварила суп, вчера не варила'; *Тетем тесле мачы акайттым ыйы* (Янсурино) 'Привезла кошку дымчатого цвета'; *Мыны күрше бирдейе суган, үзөбез суган жуг эле, сын утырттык бит* (Хозесаново) 'Этот лук дала соседка, своего еще нет, поздно ведь посадили'.

Парадигма спряжения

Ед. число	Мн. число
<i>Мин бардым + ый/ыйы</i>	<i>без бардыг + ый/ыйы</i>
<i>син бардың + ый/ыйы</i>	<i>сез бардыгыз + ый/ыйы</i>
<i>ул барды + ый</i>	<i>алар бардылар + ый/ыйы</i>

Как известно, указанная особенность является характерной чертой нагорных говоров среднего диалекта (Жәләй, 1947, 51, 62; МД, 1965, 54—64; Арсланов, 1966, 74, 120, 177). Эта форма употребляется в мишарских говорах татарского языка (Махмутова, 1978, 157—158).

Это одна из древних форм прошедшего времени, зафиксированная во многих письменных памятниках татарского языка, например в "Кысса-и Юсуф" (XIII в.):

*Сакый айдуур: "Бән зинданә вардым иде,
Зиндан ичрә бер гәжәп дүш күрдем иде,
Тәгъбирени ул угландан сурдым иде, —
Аның ләфъзы бәңа кутлу кәлди имди"*

‘Виночерпий сказал: когда находился в тюрьме
Там видел странный сон
Просил того юношу дать толкование
И он сделал для меня счастливое толкование’.

Аналогичная форма (-ды + иде) имеется в ряде тюркских языков (Юлдашев, 1965, 198).

Повелительное наклонение

Повелительное наклонение, как в татарском литературном языке и других тюркских языках, выражает повеление, приказание, просьбу и т.д. Основа повелительного наклонения совпадает с основой глагола и одновременно со 2-м лицом ед. числа этого наклонения: *эшлә* ‘работай’, *эшлә* — основа глагола ‘работать’; *ал* ‘возьми’, *ал* — основа глагола ‘взять’ (Современный, 1969, 237). В подберезинском говоре: *Тиндәш кенә Кула, авыр-авыр сүз әтмә, кенелем жымшак түзәлмим* ‘Сверстник мой Коля, не говори мне тяжелых слов, не стерплю, сердце мое мягкое’. В говоре Нижн. Прикамья: *Шишенегез инде, қодачалар, куҗаиннары шушылай бойора* ‘Раздевайтесь уж, свахи, так велит их хозяин’.

Только в говорах некоторых сел Заказанья ТАССР и Удмуртской АССР⁴ и в говоре чистопольских кряшен в речи старшего поколения сохранилась более древняя форма 2-го лица. Здесь мы имеем в виду образование повелительного наклонения 2-го лица ед. числа с помощью афф. -гын/-ген, -кын/-кен, например: *Ыстақанны өстәлгә қуйғын* (Тулабаево) ‘Поставь стакан на стол’; *Қала урамында безне күргәндә танымый китмә, жәшеген!* (Альведино) ‘Когда увидишь нас на улице города, не проходи мимо, оклихни!’; *Теге өйгә кереп йазығын!* (Ишалькино) ‘Идите в тот дом и пишите там’; *Эчеген чэй, жасыыйм* (Кибячи) ‘Попейте еще чаю, налью’; *Өйөмне айып итмәген* (Янцевары) ‘Не осуждай мой дом’; *Акны чыгарғын мин әйтәмен туйда* (Кыр. Баран) ‘Приподнеси белого, я говорю, на свадьбе’.

Как объясняют сами представители говора, эта диалектная форма придает приказанию оттенок большей категоричности, настойчивости, например: *Мин қайтқынчы өйдән чығып китмәген, чэй эчәрбез* (Ковали) ‘Не уходите из дома пока я не приду, чаю попьем’; *Чақырып жаз мамаңы, килеген диген* (Крещ. Серда) ‘Напиши маме письмо, пригласи, скажи приезжай’; *Бар, өйөгезгә қайтығын* (Чув. Ялтаны) ‘Иди, езжай домой’; *Сет эчкен жәтрәк, салкын сет китердем баздан!* (Бахта) ‘Скорее пей молоко, принесла холодного молока из погреба’; *Әйтеген, қайтқачын үз райуныбыз*

⁴ Например, в примешинском подговоре Заказанья и в речи кряшен Граховского р-на Удм. АССР.

ға килеп жырласынар жыруларымы (Альведино) 'Когда возвратитесь (к себе), скажите, пусть приезжают и исполняют мои песни по нашему радио'.

Оформление глаголов повелительного наклонения 2-го лица ед. числа при помощи афф. *-гын/-ген* встречается и в других диалектах и говорах татарского языка. Например, эта форма зарегистрирована у мишарей на территории Мордовии и Пензенской, реже Горьковской, областей. У них во 2-ом лице обоих чисел повелительного наклонения употребляется форма на *-ы(гын)-е(ген)*, *-кын/-кен* (Махмутова, 1978, 162). Эта форма сохранилась также в касимовском говоре среднего диалекта (Махмутова, 1955, 83) и в диалектах сибирских татар (Тумашева, 1977, 108).

Афф. *-гын/-ген* и его фонетический вариант *-гыл/-гел* во многих тюркских языках, особенно в языках кыпчакской группы, сохраняются как диалектные или разговорные формы, например в узбекском (Кононов, 1960, 206; Щербак, 1962, 155), ойротском (Дыренкова, 1960, 155—156), кумыкской (Дмитриев, 1940, 120), каракалпакском (Баскаков, 1952, 399-400), караимском (Мусаев, 1964, 145), карачаево-балкарском (Урусбиев, 1963, 193), тувинском (Исхаков, Пальмбах, 1961, 199) и в диалектах алтайского языка (Грамматика, 1869, 62, 160).

Форма повелительного наклонения на *-гын/-ген* имела активное употребление в древнетюркском языке, например, в знаменитом слове М.Кашгари: *атка от биргел* 'дай лошади сена' (Кашгарый 1960, 71), в орхоно-енисейских памятниках: *Сабымын түкети эшидгел* 'слушай целиком мое слово' (Насилов, 1960, 60). Она также встречается в древне-уйгурских письменных памятниках (Насилов, 1963, 68), "Огуз-наме" и "Мухаббат-наме" (Щербак, 1953, 41). Форма на *-гыл/-гел* активно употреблялась в татарских произведениях "Кысса-и Юсуф" (XIII в.), "Дастан Бабахан" (XIV в.), в произведениях поэтов Мухамедьяра (XVI в.), Мавля Куल्या (XVII в.), Утыз Имяни (XVIII в.) — (Борынгы 1963, 339, 491, 578), Г. Кандаляя (XIX в.), например у Мухамедьяра (1966, 58): *Ятма, торгыл, үтте, күргел, кафилә, Бирмәгәйләр хийсә һәргиз гафилә...* 'Не лежи же, встань и гляди: прошел караван, Никогда не дадут долю беспечному...'

Как видно из примеров, форма повеления на *-гын/-ген* была характерна для разговорного языка, а в письменных произведениях употреблялась форма на *-гыл/-гел*.

Исследователи форму на *-гыл* возводят к глаголу *кыл* - 'делать' (Котвич, 1962, 259) и происхождение форм *-гыл*, *-гын*, *-гыр*, употребляемых в тюркских языках и древних письменных памятниках, считают общим, т.е. в различии ауслатных звуков видят общетюркское $л \sim н \sim р$ (Кононов, 1960, 208).

В говоре некоторых сел Альметьевского р-на 2-е лицо мн. числа глаголов повелительного наклонения образуется с помощью афф. *-ың/-ең/-ң*; иногда этой формой выражается и 2-е лицо ед. числа (в основном, при обращении с уважением и почтением или к мало-знакомому человеку): *Барың, жөрөп қайтың, аылыбыз матур, қарап қайтың* (Калейкино) 'Идите, прогуляйтесь, наша деревня

красивая, посмотрите'; *Өстәлгә жақынырақ утырың, жазарыңа жайлы булыр* (Ильтен-Бута) 'Садись ближе к столу, писать тебе будет удобнее; *Жә, әйтеп караң минем исемемне* (Сарапала) 'Ну-ка, попробуй произнести мое имя'.

Повелительная форма на *-ың/-ең/-ң* особенно характерна для татарских говоров, распространенных в Среднем Прикамье и Приуралье (мензелинского, бирского, байкибашевского говоров, говора пермских татар — МТД, 1962, 65, 68, 75; Рамазанова, 1970, 20), а также для говоров сибирских татар (Тумашева, 1968, 34).

Глагольная форма на *-ың/-ең/-ң* имеет место и в других тюркских языках, в частности в диалектах башкирского языка (Киекбаев, 1958, 56; БДС, 1959, 36), в турецком, туркменском, якутском, уйгурском (Исхаков, Пальмбах, 1961, 395), узбекском (Кононов, 1965, 205—208).

Эти аффиксы употребляются также в памятниках древней тюркской письменности (Батманов, 1959, 87; Щербак, 1961, 143).

Желательное наклонение

В татарском языке желательное наклонение сохранило лишь форму первого лица: ал-ый-м 'возьму-ка я, дай-ка я возьму', *ал-ый-к* 'давайте возьмем'.

В говорах крещеных татар глаголы 1-го лица ед. и мн. числа желательного наклонения имеют форму *-ыйым/-ийем*, *-ыйык/-ийек*, т.е. одинаковую с изъявительным наклонением:

Ед. число	Мн. число
<i>бар-ый-ым</i> 'пойду-ка я'	<i>бар-ый-ык</i> 'давайте-ка пойдем'
<i>бир-ий-ем</i> 'дам-ка я'	<i>бир-ий-ек</i> 'давайте дадим'

Примеры: *Шуларның зырларын зырлыйым (жырлыйым) мин қазер сезгә* (Кибячи) 'Сейчас я спою-ка вам их песни'; *Китейемнар (китим) дисәң озатыйық (озатыйм), чана артларына жабышып* (Бол. Машляк) 'Если хочешь уехать, мы проводим, держась за санки'; *Утырыйық, қодағый, берләр жыру жырларбыз* (Мелекес) 'Посидика-ка, сваха, споем одну-две песни'.

В говорах подберезинских и бакалинских крышен зарегистрированы также варианты *барайым/барайык*. У подберезинских крышен: *Мына бу май күве энде, тушы күне йырлайык кәжсер* (Молькеево) 'Вот это мелодия масленицы, сейчас споем эту мелодию'; *Азбарны ачайым дигәндә башым бәрелде* (Янсурино) 'Когда хотела открыть сарай, ударилась головой'. У бакалинских крышен: *Қан қызы, ач ишегең, керәйем, синең жөзөң нурлы диләр, күрәйем* (Утарово) 'Ханская дочь, открывай дверь, войду, твое личико, говорят, лучистое увижу'.

Глаголы желательного наклонения употребляются в диалектах и говорах татарского языка в разных фонетических вариантах: в отдельных говорах среднего диалекта — *барайым, барайык*, в мишарском — *барыйым, барыйык* (МД, 1955, 152—153; МТД, 1962, 32). В диалектах сибирских татар параллельно с формой *-айым (барайым)* употребляется древнетюркская форма *-айын/-әйен* (Тумашева, 1961, 35).

В древнетюркских письменных памятниках для обозначения желани-
ния также употреблялись формы *-айын/-эйен* (Кондратьев, 1970, 30),
например в орхоно-енисейских памятниках: *аны атайын, — дип сүле-*
дим (Насилов, 1960, 59). Ср. также в письменных литературных па-
мятниках:

*Йусеф эйдүр: "Иляһи, бэн нэ кыйлайын,
бу михнэтдэн имде нитэ куртулайын,
бу залымден куртулмага нэ кыйлайын? —
Ходавэндэ, фазлең берлэ куртар имди!"*
(Кысса-и Йусуф, XIII в.)

‘Йусуф сказал: "О боже, что мне делать,
Как избавлюсь я от этих мучений,
Что мне делать, чтобы избавиться от этого злодея,
О боже, окажи милость, спаси от него";

*Нэ булсам булайын дәрья эчендә
Нэ күрсәм күрәйен дәрья эчендә*
(“Дастан Бабахан”, XIV в.)

‘Что будет, то будет в воде
Что увижу, то увижу в воде’;

Мән барайын, тәкый аны имтихан кылайын (“Нәһж-эл-фәрадис”) ‘Я
пойду-ка, его проверю’.

Как видно из примеров, в древнем литературном языке употреб-
лялись афф. *-ын/-ен (-айын/-эйен)*. А с середины XVI в. в письменной
литературе наряду с афф. *-ын/-ен* употребляются и афф. *-ым/-ем*. На-
пример, в произведениях поэта XVI в. Мухамедьяра формы *-айын/-эйен*
и *-айым/-эйем* употреблялись параллельно:

*Куй мәне, үз халем илә булайын,
Мөддәгыйлар сүзедин кортылайын*
(“Төхфәи Мәрдан”)

‘Оставь меня, хочу быть самим собой
Хочу избавиться от слов сутяжников’;

*Кызга әйде: мән сәне никах берлә алайым
Сәнең өчен жаным нисар кылайым*
(“Хикәят”)

‘Сказал девушке, я тебя беру
Совершив обряд бракосочетания, для тебя я не
жалею своей души’.

Известно, что форма на *-айым* в старотатарском литературном
языке бытовала до начала XX столетия. В настоящее время эта
форма встречается в произведениях отдельных писателей и воспри-
нимается как диалектная, например: *Әйтәйем инде сезгә тугры сү-*
зем... (М. Гафури) ‘Скажу я вам истинное слово’.

Глаголы с афф. *-ай/-эй* употребляются в разных тюркских языках,
например, в азербайджанском, карачаево-балкарском, кумыкском, но-
гайском, уйгурском, хакасском, якутском, турецком и других (Гад-

жива, 1973, 187). В говоре желтых уйгуров употребляется афф. *-гый* (вариант аффикса *-гай* — Тенишев, Годаева, 1966, 32). В памятниках древнетюркской письменности также встречаются глаголы с афф. *-гай* (Малов, 1951, 1951, 301).

В тюркологической литературе имеется мнение, что аффиксы *-ай/-гай* образуют единое этимологическое гнездо (Дмитриев, 1940, 121—123).

Древний афф. *-гай/-гэй* в говорах крышен так же, как и в литературном языке, образует желательное наклонение лишь от отрицательных глаголов с афф. *-ма/-мэ*. Эта форма может изменяться по всем лицам, принимая личные аффиксы. Форма на *-гай/-гэй* выражает два значения.

1. Предосторожность, опасение в совершении того или иного процесса: *Кунақлар килмэгэйе, мөндәр алып төштө караваттан* (Сред. Пинячи) 'Как бы гости не пришли, подушка с кровати упала'; *Жил бик қаты исэ, жанғыр жаумағайы* (Айталан) 'Ветер сильно дует, как бы дождь не пошел'; *Ите пешеп житмәде, аталары қайтып килмэгэйе* (Старое Гришкино) 'Мясо не совсем сварилось, как бы отец не вернулся (к обеду)'; *Иртәгә сабан туйы, қунақлар килмэгэйе* (Янцева) 'Завтра сабантуй, как бы гости не приехали'. Употреблением этой формы в значении предостережения исследуемые говоры сближаются с заказанским и мензелинским говорами среднего диалекта.

2. В ответе говорящего выражается равнодушное отношение к тому или другому процессу: *Қәзер машина килеп житмәсә әртисләр жийәу китәбез диләр. — Китмәгәйләре! Китә бирсеннәр, жырақ жир төгөл Сәвәләй белән Сәрәпәле арасы* (Савалеев) 'Если сейчас не подойдет машина, артисты говорят, что пешком уйдут. — Подумаешь, уйдут! Пускай идут, недалеко от Савалеево до Сарапалова'.

В мишарском диалекте эта форма также выражает безразличие говорящего к действию (МТД, 1962, 146). В татарском языке форма *-мағайы* рассматривается как общеразговорная модель, характерная как для всех диалектов татарского языка, так и для литературного языка (Сафиуллина, 1978, 178—179).

В говорах крышен наряду с литературными формами желательного наклонения имеются следующие диалектальные варианты.

-ырга/-ергә + кели вместо литературного *-макчы + була* обозначает намерение совершить какое-либо действие. Примеры: *Мин былай дип жырларға келәгән ийем* (Старый Карабаян) 'Я вот так хотела петь'; *Өйгә қайтырға кели (қайтмакчы була) бозау* (Мунайкино) 'Теленок хочет вернуться домой'; *Сөт эчәргә келим (эчмәкче булам)* (Новый Гардали) 'Хочу пить молоко'; *Жырларға келим, кийеме жаңгышам* (Верх. Кондрата) 'Хочу петь песню, но путаю мелодию'; *Мин иртәгә барыга келим Чистайга* (Ишалькино) 'Я завтра хочу съездить в Чистополь'; *Бер қазны алып қалырға кели үзәнә* (Новый Маты) 'Одного гуся хочет оставить себе'.

Кроме этих конструкций, в говорах крышен употребляется и более архаичная форма на *-мак/-мәк*: *Бүген без урманға бармақ булабыз* (Ляки) 'Мы сегодня хотим в лес съездить'; *Син бу ашны ничек ашамақ буласың?* (Утарово) 'Как ты хочешь есть этот суп?'; *Ничек тормақ*

буласың бу усал қатын белән? (Новое Иликово) 'Как ты думаешь жить с такой злой женой?'

Глагольная форма на *-мак/-мәк булу*, выражающая цель и намерение, имеет место и в других говорах татарского языка.

В отличие от литературного языка, где форма на *-макчы* употребляется главным образом в сочетании с вспомогательными глаголами *бул, иде, иде*, в нагайбакском говоре крышен форма на *-макчы/-мәкче* имеет самостоятельное употребление, без вспомогательных глаголов. Основное значение заключается в выражении намерения говорящего совершить действие: *Мин Бирауға барып килмәкчәм* 'Я намереваюсь сходить к Вере'; *Аудый бүген кич утырмаға кермәкче* 'Авдотья хочет сегодня зайти на вечерние посиделки'.

Пожелание-совет выражается при помощи глагола в повелительном наклонении и вспомогательного глагола *иде*: *Монда кереп утырый син (утыр идең), алдағы өйгә* (Альведино) 'Ты бы сюда прошла, в переднюю избу'; *Ашайың (аша идең), эчийең (эч идең) инде* (Бол. Машляк) 'Покушал, попил бы'; *Жатып жоклайың (йокла идең) бүген* (Старый Карабаян) 'Поспал бы сегодня'; *Иралма салыйың, Әүди* (Нусла) 'Положила бы крупную картошку, Авдотья'; *Жал итийең эле, күп жаздыгыз ич инде* (Калейкино) 'Отдыхала бы пока, ведь много уже писала'.

Пожелание-совет выражается также при помощи глагола изъявительного наклонения будущего времени и вспомогательного глагола *иде*: *Баллап чэй эчеп китәр ийең* (Верх. Чура) 'Попила бы чаю с медом'; *Өстөңә жылырақ кийәр ийең* (Крещ. Шуран) 'Оделась бы потеплее'.

К глаголам изъявительного наклонения будущего времени присоединяется аффикс мн. числа *-лар*, таким образом обозначается пожелание, совет по отношению ко 2-му лицу, например: *Сүмкәгезне өйгә кертеп қуйарлар сез* (Нусла) 'Вам бы сумку домой отнести'; *Жылы чэй эчәрләр син* (Биктяшево) 'Попил бы ты теплого чаю'; *Ипи белә сөт ашарлар син* (Айталан) 'Ты бы поела хлеба с молоком'; *Мәтүк әбиләргә кереп чыгарлар син* (Новый Балыкклы) 'Ты бы зашла к бабушке Матрене', Такая форма пожелания присуща казанскому говору среднего диалекта.

Для обозначения желания-намерения употребляется также конструкция на *-ырга/-ергә + итә*: *Ишекне ачып керергә итә (кермәкче була)* (Кыр. Баран) 'Хочет открыть дверь и войти'; *Жүлкә ашқа май салырга итә (салмакчы була)* (Бол. Шурняк) 'Елена хочет положить масла в суп'; *Безне жазып аңкитәргә итә (алып китмәкче була)* (Старое Утяганово) 'Хочет нас записать и увести с собой'; *Мин ылапкага барырга итәм* (Савалеево) 'Я хочу пойти в магазин'; *Памидурлар, қийарлар үстерегә итә қызыбыз* (Сред. Пинячи) 'Наша дочь хочет вырастить помидоры, огурцы'; *Кийаш чыгарга итә* (Ишалькино) 'Солнце собирается взойти'; *Қыйар тозларға итәм* (Айталан) 'Собираюсь (намереваюсь) солить огурцы'; *Жиләк өзеп алырғ итә* (Дурга) 'Хочет сорвать ягоды'.

Такая особенность широко распространена и в других говорах татарского языка, например, в среднем диалекте — в говорах Заказанья, в касимовском говоре, в говоре пермских татар, в мишарском диалекте — в говоре пензенских мишарей и в восточном диалекте.

Форма *барырга итәм* употребляется в башкирском литературном языке и в отдельных его говорах (Дмитриев, 1948, 172; Максютлова, 1963, 106).

Желание-побуждение выражается формой на *-са/-сә + ыйы, ийе* (литер. *иде*), например: *Атнаның үсеп җиткәннен күрсәм ийе димен* (Кулуши) 'Говорю, что увидеть бы, как выросла Анюта'; *Болонга печән чапқан җиргә барсағыз ыйы сез* (Айталан) 'Вы бы сходили на луг на место сенокоса'.

Значение желания-намерения передается также формой на *-асы/-әсе* и вспомогательными глаголами.

-асы/-әсе + була вм. литер. *-макчы/-мәкче + була*: *Нардуған бағытта ирем кийенеп чығасы буды, қазер пирбый тун инде, тун өстөннән толоп киде* (Сред. Пинячи) 'В дни святок мой муж захотел наряжаться, сперва надел шубу, сверх шубы надел тулуп'; *Ибан керә дә мине күтәрә, уйнасы була икән* (Мунайкино) 'Иван заходит и меня поднимает, хочет поиграть'; *Бу керәсе була ларукка, ларугы җуқ* (Крещ. Шуран) 'Он хочет зайти в магазин, нет магазина'; *Балерийан кенәген Нижнекамскига барасы булды* (Сред. Баграж) 'Валериан вчера хотел съездить в Нижнекамск'.

При выражении модального значения намерения (решения) произвести действие, аффиксы лица и времени присоединяются к вспомогательному глаголу, форма на *-асы* остается без изменений, действующее лицо выражается именем или местоимением в основном падеже:

<i>мин барасы бу(л)дым</i>	'я решил пойти'
<i>син барасы бу(л)дың</i>	'ты решил пойти'
<i>ул барасы бу(л)ды</i>	'он решил пойти'

Пример: *Бербағыт нардуғанда Аудый белә утырмаға барасы будық* (Крещ. Серда) 'Однажды во время святок вместе с Авдотьей решили поехать на посиделки'.

Форма на *-асы ит-* выражает значение намерения, решения совершить действие. Она изменяется по лицам и по всем временам, по которым изменяется вспомогательный глагол *ит-*. Эта форма употребляется главным образом в прошедшем категорическом времени, например: *Урманда минем күземә чыбық суқты, әбейгә барасы иттек* (Кадряково) 'В лесу меня по глазам ударил сучок, решили сходить к бабушке'; *Тручында кичкуйында керәшен кийемнәрен кийенеп чығасы итте Бәчүкә* (Ляки) 'В троицын день Василиса решила выйти на вечерние хороводы, одевшись в кряшенскую одежду'. Эта диалектная форма стала в последнее время встречаться и в произведениях некоторых татарских писателей (Современный, 1969, 266).

-асы/-әсе + иде вм. литер. *-макчы/-мәкче + иде*: *Әни белән қарлығанға барасыйык, икәү генә қурықтық* (Атиаз) 'Хотели с мамой съездить за смородиной, (но) вдвоем побоялись'; *Бүген төш турында алып төшәсийем сөтнә* (Никифорово) 'Сегодня во время обеда хотела принести молока'; *Мин қазер җатып җоқласыйым да, бумый бит әле* (Ляки) 'Я сейчас хотела лечь спать, да вот не получается'; *Ут тамыза-сыйым ылампына* (Калейкино) 'Хотела лампу зажечь'.

Кроме этих конструкций активно употребляется характерная для литературного языка форма на *-асы/-әсе + калу*, выражающая значение сожаления по поводу необходимого, но не осуществленного действия. Аффиксы лица присоединяются к форме на *-асы*: *барасым калган* 'Мне надо было сходить (напрасно я не сходил)'; *барасың калган* 'тебе надо было сходить (напрасно ты не сходил)'; *барасы калган* 'ему надо было сходить (напрасно он не сходил)'; *Барып қайтасы қалды Аннаға, килер ийе микән* (Старое Гришкино) 'Нужно было сходить за Анной, может пришла бы'; *Кенәген тағын бер жыру жырласым қалған икән сезгә, беген китеп барасызмый инде* (Бол. Шурняк) 'Вчера надо было мне спеть вам еще одну песенку, сегодня вы уезжаете что ли?'

Форма на *-асы кил-* выражает желание, не осложненное никакими другими дополнительными оттенками модальных значений. Она способна изменяться по лицам, выражать время, аспект и условное наклонение, например: *Минем Алабоғада торасым кимәде* (Мунай-кино) 'Я не хотела жить в Елабуге'.

Конструкция произвольного желания *-асы кил-* в говоре подберезинских крышен в отличие от литературного языка образуется без притяжательных афф. *-ы, -е*. В этом отношении говор подберезинских крышен обнаруживает сходство с причастием будущего времени на *-ас/-әс* (*пулас* 'будущий', *килес* 'тот, который придет') чувашского языка (Ашмарин, 1898, 310; Арсланов, 1966, 77), например: *Кичкуйынга чыгас килә кызлар булып үсеп житкис* (Молькеево) 'Хочется ходить на вечерние хорыводы, когда становишься взрослой девушкой'; *Алма ашис килә, алма пешерәс әле казан асып* (Старое Тябердино) 'Хочется поесть картошки, нужно повесить котел и сварить картошку'; *Туй күләрен тыннис килә* (Янсурино) 'Хочется послушать свадебные мелодии'; *Тынныйс килеп тыра картлар күнен* (Хозесаново) 'Всегда хочется слушать песни стариков'; *Ашыыйс килсә кер, чай кан'атырбыз, ашақлап алырбыз* (Молькеево) 'Если хочешь кушать, заходи, чай скипятим, покушаем'; *Диничне күрәс килеп бетте* (Бол. Тябердино) 'Очень захотел увидеть Дениса';

*Чиләк-чиләк жир жыләк,
Эздем ашис килгәнгә.
Тиндәшләрем жаннарым шул,
Чыктым күрәс килгәнгә*
(Старое Тябердино)

'Ведами-ведами клубнику
Рвала, потому что хотела есть.
Ровесницы, подружки дорогие,
Вышла я к вам, потому что хотела
вас видеть.'

Вместо конструкций *барырга телим* 'хочу идти', *бармакчы булам* 'намереваюсь идти, думаю идти', *барырга иде* 'сходить бы' татарского литературного языка, выражающих намерение, желание сделать что-либо, в говоре подберезинских крышен употребляется конструкция инфинитива на *-ас/-әс + вспомогательный глагол иде, диде, дидем* с аффиксом сказуемости, например: *Урамга чыгас дигән идем дә жаңгыр жава башлады* (Янсурино) 'Хотел выйти на улицу, да начал дождь моросить'; *Кызына, кунакка барас дип тә жери у* (Баймурзино) 'Он намеревается ездить к дочери в гости'; *Мин дә киләс дидем ий дә алма чүбе утадык бит* (Старый Курбаш) 'Я тоже хотел приехать,

да вот пололи картошку'; *Кәттә әбейне апкалас дигән ийем әле сезгә, ул ыста сүләшә* (Хозесаново) 'Хотела привести с собой бабушку Екатерину, она хорошо разговаривает'.

Наряду с данной формой в речи крышен деревень Янсурино, Хозесаново встречается и конструкция "инфинитив на -ма/-мә + вспомогательный глагол *кели* 'хочет'", например: *Син бездә мунча кермә келисенме?* 'Ты хочешь помыться у нас в бане?'; *Иске Тәрбиткә качан барма келисен?* 'Когда хочешь поехать в Ст. Тябердино?'; *Май күләрен җырлама келим* 'Хочу петь песни масленицы'; *Дуңгыз кәкәйе пешереп ашама келәдек* 'Хотели сварить и поесть свиного мяса'.

В говорах крышен, как и в литературном языке, употребляются также глагольные формы желательного наклонения, которые образуются архаическими афф. -қыры/-кере, -гыре/-гере. Эти формы употребляются для выражения "зложеланий" (проклятий), например: *Кагар сукқыры!* 'Будь проклят!' В редких случаях такое сочетание выражает доброе пожелание, например: *Эрәқмәт төшкере!* 'Да снизойдет к тебе милосердие!'

Условное наклонение

Условное наклонение по своему значению и образованию не отличается от соответствующего наклонения татарского литературного языка, т.е. образуется, как и в литературном языке, путем присоединения к основе глагола афф. -са/-сә и аффиксов лица, например: *алса* 'если брать'; *алмаса* 'если не брать'.

Ед. число

Мн. число

<i>Мин барса-м</i> 'если я пойду'	<i>без барса-к</i> 'если мы пойдем'
<i>Син барса-ң</i> 'если ты пойдешь'	<i>сез барса-гыз</i> 'если вы пойдете'
<i>Ул барса</i> 'если он пойдет'	<i>алар барса-лар</i> 'если они пойдут'

Ишалдына (литер. *ишегалдына*) *казлар керсә,*

Куwасың да килер, әнекәй.

Минем кевек кызны күрсәң,

Жыласың да килер, әнекәй

(Свад. песня, чист. крш.)

'Если гуси зайдут во двор,

Захочется тебе выгнать их, матушка.

Когда увидишь девушку, как я,

Захочется тебе плакать, матушка';

Тауларға чықсам, таулар бийек, жулларға чықсам, жул қыйық (Крещ. Шуран) 'Если выйду в горы, горы высокие, если выйду на дорогу, дорога кривая'.

Глагол в форме условного наклонения со вспомогательным глаголом *иде* или *икән* (-м, -ң) выражает сильное желание или просьбу. Спрягаемой частью является основной глагол: *Белсәң иде балам калемне* (Крещ. Ялтаны) 'Знал бы ты, дитя мое, мое состояние!'

Причастие

Причастие, как особая глагольная производная форма, обладает признаками глагола и прилагательного. Обозначая признак предмета, причастия сохраняют значение процесса действия и состояния. Образуются причастия от глагольной основы путем прибавления специальных аффиксов. Принимая личные окончания, причастия употребляются в качестве сказуемого и характеризуются категорией времени.

В говорах крещеных татар активно употребляется аналитическая форма причастия настоящего времени, которая образуется от деепричастия на *-а/-ә* или *-ый/-и* и причастия прошедшего времени *торган/тоған* (от вспомогательного глагола *тор*), например: *Мамадышка бара тоған аптабузға утырдым* (Ковали) 'Села на автобус, едущий в Мамадыш'; *Ашый тоған ашыңы ашап бетермәгәнең* (Дюсьмет) 'Суп, который кушала, ты не до конца съела'; *Кылупта эшли торған қыз* (Никифорово) 'Девушка, работающая в клубе'.

Простая форма причастия настоящего времени, как и в литературном языке, образуется от корня (или основы) глагола посредством прибавления к нему формообразовательного афф. *-учы/-үче*, например: *Сыйыр савучы кызларны алырга машина килә, шунарға утырысыз* (Светлое Озеро) 'Придет машина за доярками, на нее сядете'; *Алма сатучы карт килә* (Старое Утяганово) 'Идет старик, продающий яблоки'.

В бакалинской группе крышен в роли причастия на *-а торган* употребляется форма на *-малы/-мәле*, например: *Авылға үзе урмалы* (литер. *үзе ура торган*) *машина қайтты* 'В деревню привезли машину, которая сама жнет'; *Шулай итеп шаққатмалы* (*шакката торган*) *эш буды* 'Таким образом, случилось удивительное дело'.

Афф. *-малы/-мәле* со словом *түгел* ('не') или *булу* ('быть') соответствуют литературному *-арлык/-әрлек*, *-а алырлык/-ә алырлык + булу* или *+ түгел/төгөл*, например: *Анын авылын тучны ғына санап житкермәле төгөл* (*житкерерлек түгел*) 'Точно не сосчитать число их деревень'; *Урамнан ике жаклап жөрмәле буды* (*йөрөрлек булды*) 'По улице стало возможным ходить по обеим сторонам'; *Чықмалы төгөл* (*чыгырлык түгел*) *ишегалдына* 'Невозможно выходить во двор'; *Ат белән дә бармалы төгөл* (*барырлык түгел*), *машина белән дә* 'Невозможно поехать ни на лошади, ни на машине'.

Аффикс причастия *-малы* сложен по образованию. Он состоит из аффикса отглагольного имени *-ма* и аффикса словообразования *-лы* (Кононов, 1956, 244). Глаголы с афф. *-малы/-мәле* употребляются в мензелинском (Махмутова, 1962, 66), нагорном (Арсланов, 1966, 67, 205) говорах среднего диалекта, а также в других тюркских языках. Основной зоной распространения этой формы являются тюркские языки огузской группы (турецкий, гагаузский, азербайджанский, туркменский) и чувашский (Гаджиева, 1975, 146).

Причастие прошедшего времени, как и в литературном языке, образуется при помощи афф. *-ган/-гән*, если основа оканчивается на гласный или звонкий согласный, *-кан/-кән*, если основа оканчивается

на глухой согласный (в положительном аспекте) и *-маган/-мәгән* (в отрицательном аспекте): *барган кеше* 'ходивший, шедший человек, человек, который ходил', *кайтмаган кеше* 'не вернувшийся человек'. В предложении данное причастие выступает в роли определения (Современный, 1969, 247).

Причастие будущего времени имеет те же формы, что и в литературном языке: форма, образованная при помощи афф. *-р/-ар/-эр, -ыр/-ер, -ачак/-эчәк, -асы/-әсе* (после согласных основ); *-ыйсы/-исе* — сочетание гласной основы с аффиксом.

Форма, образованная при помощи афф. *-р/-ар/-эр, -ыр/-ер* в положительном аспекте и афф. *-ма(с)-мә(с)* — в отрицательном, например: *Атқа салыр солом жуқ, иргә бирер қызым жуқ* (Ташкирмень) 'Нет у меня овса, который можно было бы дать лошади, нет у меня дочери, которую можно выдать замуж'. Глагольная форма на *-р* в говорах кряшен употребляется редко, ей предпочитают формы на *-а/-ә + торган/тоған*.

В говорах кряшен более активна форма на *-асы/-әсе*, например: *Өйдә бер өйләнәсе малыйым бар* (Дурга) 'Дома есть один сын, который должен жениться', *Китәсе кеше бирнә жасый инде* (Старое Утяганово) 'Девушка, которая собирается замуж, готовит приданое'; *Қарап қайтасы жүрләр қала бит димен* (Кабан-Бастрык) 'Говорю ведь, что остаются такие места, которые я должна посмотреть'; *Күрәсе әбиләрегеzne күрөп бетердегезме инде?* (Ильтен-Бута) 'Всех бабушек увидели, кого должны были увидеть?'

В говоре подберезинских кряшен этот аффикс имеет усеченную форму, т.е. конечные гласные *-ы/-е* выпадают:

<i>Жир жыләге жийа-жийа,</i>	'Собираю клубнику,
<i>саытларым тулдинде.</i>	наполнилась моя посуда.
<i>чыгас' кызлар чыктинде,</i>	Девушки, которые должны были выйти,
<i>кайтас' багыт життинде</i>	(на вечерние хороводы) уже вышли,
(Старое Тябердино)	Пришло время возвращаться (домой)';

Бәрәннис сары'ларны карис кыйын 'За овцами, которые должны ягниться, трудно ухаживать'; *Мин утырас'урынга куйма мамык мөндәрне* 'На место, на которое я должна сесть, не клади пуховую подушку'.

Отрицательная форма в говоре подберезинских кряшен выступает также в усеченной форме: *-ас'/-әс + йук* 'нет'. Эта форма выражает либо категорическое отрицание будущего действия, либо отрицание необходимости совершения действия, например: *Тал эстендә ак йаулык, ал дисән дә алас' йук.* *Мыннан уйын узгистан, чык дисән дә чыгас' йук, жатып жыкы киләс йук* 'Над ивой белый платок, ни за что не возьму, если даже скажешь — возьми. Когда пройдут игры (хороводы), ни за что не выйду, если даже скажешь — выйди, если ляжешь спать, то ни за что не уснешь'.

В елабужском подговоре форма на *-асы/-әсе* со словом *түгел* совпадает с конструкцией на *-ырлык/-ерлек + түгел* литературного языка: *Тәңкәне әйтәсе түгел (әйтерлек түгел) күб ул* 'Даже не надо вести разговор о монетах, у нас их очень много'; *Бик тәмне ул, ашан*

туйасы түгел ашны (ашап туярлык) түгел 'Очень вкусный суп, не наестся'; *Бездә жырлар бетәсе түгел, көм буйына житарлек* 'У нас песни нескончаемы, на весь день хватит'.

Причастие на *-асы/-әсе* характерно для говоров среднего диалекта (МТД, 1962, 21). Форма на *-асы/-әсе* активно употребляется и в литературном языке, выполняет разные функции (Хисамова, 1969, 50). В роли причастия она довольно широко распространялась во многих тюркских языках, например азербайджанском, турецком, туркменском, каракалпакском, чувашском.

В говорах кряшен зафиксирована также форма будущего времени причастия на *-ачак/-әчәк*; она выполняет те же функции, что и в литературном языке, например: *Өйгә қайтачақ жылны қат жазды* (Новый Маты) 'В том году, когда должен был приехать, написал письмо'; *Син инәйгә пакуй бирәчәк кеше түгел* (Утарово) 'Ты не такой человек, чтобы дать покой матери'; *Сез барачак асылга бара диләр бу машинаны* (Ахманово) 'Говорят, эта машина едет в деревню, в которую вы должны поехать'.

Форма на *-ачак/-әчәк* является характерной в огузской и кыпчакской группах тюркских языков, например в языках кыпчакской группы: узбекском, уйгурском, ногайском, кумыкском и каракалпакском. В казахском, киргизском и чувашском языках этой формы нет (Гаджиева, 1973, 314).

В говоре чистопольских кряшен в редких случаях формам на *-ачак/-әчәк* и *-ган/-гән* соответствует форма на *-дакчы/-дәкче*: *Кайнана булдакчыга (кайнана булачак кешегә) бирәсе килә бу күлмәкне* 'Это платье хочется отдать той, которая будет свекровью'; *Теге кийәү булдакчы кеше (кияү булачак кеше) эштән чыккан* 'Тот, который должен стать зятем, уволился с работы'; *Килен булдакчыбыз (килен булачак кешебез) түрдә утыра* 'Та, которая будет снохой, сидит на переднем месте'. Как видно из примеров, слово *булдакчы*, как и в говорах мишарского диалекта (слово *булдач*), обычно употребляется в сочетании со словами, обозначающими кровно- и, чаще, брачно-родственные отношения (Махмутова, 1978, 180). К причастию *булдакчы* иногда присоединяются аффиксы принадлежности: *Кийәү булдакчысы әйткән инде, килмә әбей дин* 'Тот, который приходится зятем, сказал: не приходи бабушка'.

В редких случаях употребляется и форма на *-макчы/-мәкче*: *Килен булмакчы (килен булган) кеше карчыкларны каршы алып тора* 'Та, которая приходится снохой, встречает старушек'; *Моның инәсе минем кайнана булмакчым (кайнана булган кеше)* 'Ее мать мне приходится свекровью'.

Форма *-дачы/-дәче* употребляется в мишарских говорах татарского языка (Шәмгунова, 1962, 168—169). У чистопольских, куйбышевских и оренбургских мишарей параллельно с *булдач* зафиксирована форма *булдакчы* (Махмутова, 1978, 179—180). Она встречается также в памятниках древнетюркской письменности, главным образом со значением будущего времени, часто с оттенком долженствования или возможности (Батманов, 1958, 97, 189; Насилов, 1960, 56; Боровков, 1963, 208), например в поэме "Кысса-и Юсуф" (XIII в.):

*Ул колай учуз сатун алдачи сэн,
Аны сатыб, үкүш нигъмэт булдачи сэн,
Мөлек вә дәүләт ийгәси булдачи сэн*

‘Ты купишь этого раба за бесценюк
Продав его, получишь много богатства,
Станешь владельцем большого состояния’.

Форма на *-дачы*, хотя и употреблялась в древнетюркских памятниках, не получила развития в современных тюркских языках (Жондратьев, 1970, 35; Гаджева, 1973, 99), но отмечено ее употребление в караимском и алтайском языках (Тенишев, 1966, 213).

В говорах кряшен Заказанья и Нижн. Прикамья от именной формы глагола на *-у/-ү* путем присоединения афф. *-лы/-ле* образуется форма пассивного причастия. Она употребляется лишь в функции сказуемого и соответствует результативному прошедшему времени на *-ган* литературного языка, например: *Урын бирмәсәгез без китәбез, безнең атларыбыз жигүле* (Савалеево) ‘Если не дадите места, мы уедем, наши лошади запряжены’; *Килен өйгә килеп кергәчен дә элп қуйа бистәр, анын ике башы чигүле инде* (Сред. Баграж) ‘Невеста, как только заходит в дом, вешает полотенце, два конца у него вышиты’; *Кәтернәгә ошаулы икән бу кызлары* (Ишалькино) ‘Эта дочь, оказывается, похожа на Екатерину’; *Кунак киләсеме әллә, аш әзер, идән-сәке жуулы* (Старый Мелькен) ‘Гости что ли должны прийти, суп готовый, полы и нары вымыты’.

Как известно, форма на *-улл/-үле* употребляется в качестве прилагательного и в литературном языке (Современный, 1969, 164). Она довольно широко распространена в говорах среднего диалекта и в некоторых тюркских языках кыпчакской группы (Баскаков, 1952, 444; Вопросы, 1958, 10—15).

Форма причастия, образованная от инфинитива на *-у/-ү* путем присоединения фф. *-чан/-чән*, в некоторых случаях употребляется в функции определения и сказуемого, выражает постоянное свойство, склонность к чему-либо, обыкновение делать что-либо, например: *Башым да, жөрәгем дә авыртучан минем димен* (Старое Азмеево) ‘Говорю, обычно у меня и голова и сердце болит’; *Бу катын бик загар жыручан* (Старое Гришкино) ‘Эта женщина обычно азартно поет’; *Мыйықчан жегет мыйықчан, мыйықчан жегет қыйучан. Мыйықчан жегет кигәчен, қызлар чыгар ойқочан* (Биктяшево) ‘Усатый парень, усатый, усатый парень смелый. Когда приходит усатый парень, девушки выбегают в чулках’; *Тау итүчән бездә калык* (Янсурино) ‘Благодарный у нас народ’. В татарской диалектологии употребление причастия на *-учан/-үчән* зафиксировано в байкибашевском говоре мишарского диалекта (МТД, 1962, 75).

В говоре кряшен Нижн. Прикамья, как и в соседнем мензелинском говоре, употребляются причастные формы на *-ышлы* (<*-ыш* + *-лы*), *-ешле* (<*-еш* + *-ле*): *Безгә жырақ түгел, жәйәү генә барышлы (барырлык) Ләкегә* (Ср. Баграж) ‘Нам не далеко, пешком можно дойти до Ляки’. Причастие на *-ышлы/-ешле* употребляется также в Заказанье и в говорах Оренбургской обл.

В говорах кряшен в редких случаях употребляется древняя форма причастий на *-мыш/-меш*: *Кылмышына тикле ошаган Сандырға* (Старое Утяганово) 'Даже всеми действиями похож на Александра'; *Бу эле көй айтмеше сенэ булыр* (Новое Иликово) 'Это будет пока только припев песни'. Причастия на *-мыш/-меш* характерны для огузской группы тюркских языков (Котвич, 1962, 312; Кононов, 1956, 218, 467, 512). Эта форма глагола зафиксирована и в памятниках древнетюркской письменности (Малов, 1954, 65; Абдурахманов, 1967; 52—53).

Деепричастие

Деепричастие в татарском языке, как и в других тюркских языках, представляет собой величную форму глагола, выражающую добавочное, второстепенное действие, сопровождающее главное, или образ, способ его совершения. Деепричастия отличаются от глаголов тем, что не принимают аффиксов лица, не выражают времени действия (время выражается основным глаголом, к которому относятся деепричастия).

Деепричастию на *-гач/-гәч, -кач/-кәч* литературного языка, которое выражает дополнительное действие, предшествующее основному, и чаще всего характеризует его во временном отношении, в говорах кряшен соответствуют различные фонетические варианты. Деепричастные формы на *-гачын/-гәчен, -гачыннан/-гәченнән*, характерные для говоров среднего диалекта татарского языка, активно употребляются в говорах кряшен Заказанья, Нижн. Прикамья, чистопольских кряшен и нагайбаков, например:

в говоре кряшен Заказанья: *Умбер тулгачыннан* (литер. *тулгач*) *көтү қайта* 'Стадо вернется после одиннадцати часов'; *Айткәченнән* (*айткәч*) *тыңнамайынчы бумый* 'Раз сказали, нельзя не слушаться'; *Олайгачыннан* (*олайгайгач*) *искә төшә ул* 'Когда повзрослешь, опомнишься';

в говоре кряшен Нижн. Прикамья: *Бер тәлинкә аш та эчмәгәчен* (эчмәгәч)... 'Если уж не съест и одной тарелки супа...'; *Қазақлар киткәченнән* (*киткәч*) *утырған безнең асыл* 'Наше село основано после ухода казаков'; *Кеше айагы сәл буғачын су алып қайта инде ошом тотқан кешегә сибәргә* 'Когда человек перестает ходить, приносят воду, чтобы облить этого человека, который заболел малярией';

в говоре нагайбаков: *Тәберсенгә барғачын бич өстәл жанында жөрөп келәү итәбез* 'Когда придем на поминки, ходим вокруг стола и молимся'; *Урманға кергәчен дә қаты итеп сызғырып жибердек* 'Как только вошли в лес, громко свистнули'; *Аш пешкәчен бер малайны ат атландырып чығаралар* 'Когда суп сварится, одного мальчика пускают верхом на лошади'; *Жыйыла инде хәрәндәш-ыру, жыйылғачын аш эчәргә утыралар* 'Собирается вся родня; когда собирается, садятся кушать суп';

в говоре чистопольских кряшен: *Ишектән чыккачыннан да тайып жыгылган* 'Как только вышел из двери, поскользнулся и упал'; *Узләренә айырым ий бугачын йамансылый тыргандыр* 'Она, наверное, скучает, раз они живут отдельным домом'; *Каз бумагачын библиәрне*

кырис алган 'Так как нет гусыни, гусят унесла крыса'; *Күпергә житкәчен чеңнәгән дәдәсенә* 'Когда доехали до моста, она стала петь песни своему дяде'.

Указанные диалектные варианты деепричастий на *-гач/-гәч* имеются и в других говорах татарского языка. Например, форма *-гачыннан* зафиксирована в говоре параньгинских татар (Бурганова, 1955, 113; Шамгунова, 1961, 360), казанских говорах, форма на *-гачын* — в диалектах сибирских татар (Тумашева, 1977, 199).

В отдельных подговорах Заказанья, например в подговоре кряшен Пестречинского р-на (примешинский подговор), зафиксированы нами следующие диалектные варианты деепричастий на *-гач/-гәч*:

-гас'/-гәс, -гас'тын/-гәстен: Тырактырын меңгезеп куйгас' өйгә қайта (Ковали) 'Когда отвезет трактор, вернется домой'; *Туйны қаршы алғас'тын, қуна'лар кереп утырғас'тын, кемдә туй, шул жырлый башлый* (Кибячи) 'Встретив свадьбу, гости занимают свои места; начинается петь песни тот, у кого свадьба';

-газ/-гәз, -газдан/-гәздән, -газын/-гәзен: Әммәсе дә қартайғаз кем эшләр (Кибячи) 'Кто будет работать, когда все состарятся'; *Кич уйыннан таралғаздын кич утыра тоған ыйың урамда* (Крещ. Серда) 'Разойдясь с вечерних игр, обычно сидели на улице'; *Сез киткәздән әбийеңә кем қала?* (Альведино) 'Если вы уедете, кто останется с бабушкой'; *Алты күкәй сытқаз тәмне қойма* (Ковали) 'Положила шесть яиц (в тесто), поэтому блины вкусные'.

Форма *-гас'/-гәс* записана нами и в деревне Ташкирмень Лаишевского р-на: *Әней үлгәс салдық бу өйне* 'Этот дом построили после смерти мамы'; *Ки(л)гәс мине адаштырды* 'Когда пришел, ввел меня в заблуждение'; *Жыру жырлағас' жаңғыр жава башлый жәй көнө* 'После того как исполним песни, начинается летом дождь'.

В говоре подберезинских кряшен вместо литературных форм деепричастий на *-гач/-гәч* выступают деепричастные формы на *-гис, -гистан: баргис* 'идя', *килгис* 'придя', *баргистан* 'идя', *килгистан* 'придя'. Примеры: *Балалар авыргистан балниска бармаллы* 'Когда болеют дети, следует идти в больницу'; *Ынны иләгис сысылы кала* 'После просеивания муки остаются отруби'; *Зур үскис бийербез әле* 'Попляшем еще, когда вырастим большими'; *Бергәнчеген ачкистан болай жырлай энде* 'Когда открывают головное покрывало, вот так поет'; *Матур кызлар билен бугис ничег атлап барала* 'Как шагают красивые девушки, затянув талию'; *Чимек киче бугистан уйын әтәләр* 'Вечером в день семик поют хороводные песни';

*Челтәр күпер бу(л)магис,
Күпердән дә кичмибез.
Уйнамагис, келмәгис,
Кыз булып та үсмибез*

'Раз нет решетчатого моста,
Не будем переходить через мост
Раз не играем, не смеемся
Какие же мы девушки'.

Деепричастная форма на *-гас/-гәс* характерна для нурлато-кайбицкого (Жәләй, 1947, 47; Арсланов, 1966, 204) говора, дубъязского говора Заказанья (Бурганова, 1978, 94) и касимовского говора среднего диалекта (Махмутова, 1955, 142).

Деепричастию на *-ганчы/-гәнче, -канчы/-кәнче* литературного языка, который выражает предел во времени совершения основного действия, в говорах кряшен Заказанья, Нижн. Прикамья, чистопольских кряшен и нагайбаков соответствует деепричастие, образуемое путем прибавления к основе глагола афф. *-гынчы/-генче, -кынчы/-кенче*, например: *туйғынчы* (литер. *туйганчы*) *ашағыз* (Шеморбаш) 'Ешьте досыта'; *Эшкә киткенче* (*киткәнче*) *тишмәгә суға барып қайтам* (Кибячи) 'Пока не ушла на работу, схожу к роднику за водой'; *Жөз тәңкә ақчаң буғынчы* (*булганчы*), *жөз дусың кирәк* (Старое Гришкино) 'Чем иметь сто рублей, лучше иметь сто друзей'; *Жоқолары туйғынчы жоқлййлар ыйы, су чумынырға баралар ыйы* (Ташкирмень) 'Сначала выпалились, потом ходили купаться'; *Таң атқынчы* (*атканчы*) *уйлап жаттым* (Никифорово) 'Думал до утренней зари'; *Килеп житкенче* (*житкәнче*) *исемә төшмәде* (Ишалькино) 'Не мог вспомнить, пока не пришел'; *Тау астыннан кигенче* (*килгәнче*), *тау эстенән кисәңче* (из песни) (Верх. Кондрата) 'Чем идти сюда по подножью горы, шла бы по горе'.

В говоре подберезинских кряшен деепричастию на *-ганчы/-гәнче* соответствуют деепричастия с афф. *-гинча/-гинчә*: *Туйгинча ашағыз, кәкәй күп пешердем* 'Ешьте досыта, много сварила мяса'; *Үзе күргинчә шаммады* 'Не поверил, пока сам не увидел'; *Жаныр жава башлагинча үгә кат'ып життек* 'Вернулись домой до того, как начался дождь'; *Сине күргинчә куркып тырдым, кемне кертәләр икән дип патирга* 'Пока тебя не увидела, боялась, думаю, кого же к нам на квартиру пускают'; *Аш пешкинчә чәй эчкәкләп ал* 'Пока суп не сварился, попей чаю'; *Пырдавис кат'кинча лафка ачылмас* 'Пока не вернется продавец, магазин открывать не будут'.

В говоре подберезинских кряшен сохранился также более древний вариант деепричастия на *-ганчы* с конечным *-к* — *-гинчык/-гынчык/-ганчак*⁵, например: *Авылга кат'ып житкенчек машина чырамады* 'Пока не доехали до деревни, машину не встретили'; *Жөн үлчәгинчек жанымда басып тордо* 'Пока я не взвесила шерсть, он стоял рядом со мной'; *Урман чыкканчык жегердем* 'Бежала до тех пор, пока не миновала лес'.

В составных глаголах, вторая часть которых выражает движение, первая часть ставится в форме деепричастия на *-а/-ә* вм. литер. *-ап/-еп*, выражая одновременность действия. Такая форма прослеживается во всех говорах кряшен, а также в контактирующих с ними других соседних говорах: *Қомда уйный (уйнап) қалды* (Биктяшево) 'Остался играть на песке'; *Қайсы қыз күзли (күзләп) керә, қайсы әйбер сата (сатып) керә, қайсы орчы' эрли (эрләп) керәләр, қабалар белә керәләр нардуғанда, туған-ырушына керәләр* (Ковали) 'В дни святок кто-то высматривает девушку, кто-то что-нибудь продает, некоторые пряжу прядут на прядке, заходят к своим родным и близким; *Нәнә сары'лар эзли китте урманга* (Бахта) 'Мама ушла в лес искать овец'.

Эта форма деепричастий характерна и для мишарского диалекта

⁵ По мнению исследователей, *-чык* восходит к самостоятельному слову *чак* (Кононов, 1960, 224; Махмутова, 1978, 185).

татарского языка (Махмутова, 1978, 183). Она, как и деепричастие на *-ып/-еп/-п*, достаточно широко распространена во всех тюркских языках (Джанмавов, 1967, 76), является одной из древних деепричастных форм и зарегистрирована в памятниках древнетюркской письменности (Насилов, 1960, 46; Батманов, 1959, 89—90; Щербак, 1961, 158 и др.).

Отрицательная форма деепричастия на *-ып/-еп* (*барып, килеп*) в литературном языке передается посредством афф. *-мый(ча)/-ми(чә)*, а в исследованных нами говорах крышен — с помощью афф. *-мыйчын/-мичен, -мыйчан/-мичән, -мыйынча/-миёнче*, например: *Ашарға пешмәсә ашамыйчан* (литер. *ашамыйча*) *да китәм* (Нусла) 'Если не сварилась еда, уйду не поев'; *Башуқ күрмичен* (*күрмичә*) *йазасығызмы?* (Старая Ципья) 'Пойдите вы совсем не видя?'; *Эшләмичен* (*эшләмиче*) *утыргачыннан көн озон була* (Старый Мелькен) 'Когда сидишь ничего не делая, день бывает длинным'; *Кыз битен күрсәтмиёнче* (*күрсәтмичә*) *утыра жабынын* (Кабан-Бастрык) 'Девушка сидит, закрываясь, не показывая лица'; *Сыуга ийәләшмичән* (*иәләшмичә*) *тилмерәм* (Чув. Ялтань) 'Мучаюсь, не привыкая к воде'; *Эшкә ашамыйчан* (*ашамыйча*) *да китәм тәжелләп* (Кыр Баран) 'Торопясь, ухожу на работу, даже не поев'; *Керәсе кешеләргә кермеёнче* (*көрмичә*) *қайттым* (Альведино) 'Вернулась домой, не зайдя к тем, к кому должна была зайти'.

В говоре нагайбаков зафиксировано деепричастие на *-мастан/-мәстән, -мас/-мәс* — отрицательная форма деепричастия на *-р* + аффикс исходного падежа *-тан*. Эта форма употребляется в качестве отрицательной формы деепричастия на *-ып*, например: *Күрмәстән жазамсыз?* 'Пишите не видя?'; *Чәйгә салмастан...* 'Не положив в чай...'; *Сездән сорамастан күфәйкенне кийеп қарады Аннау* 'Не спрашивая вас, Анна примерила вашу фуфайку'; *Ақчасын түләмәстән генә май алып қайттым* 'Не заплатив деньги, принесла масла'. Употреблением деепричастия на *-мастан* этот говор обнаруживает сходство с мишарским (Махмутова, 1978, 189) и восточным (Тумашева, 1968, 85) диалектами татарского языка.

В говоре подберезинских крышен в отличие от литературного языка отрицательная форма деепричастия на *-ып/-еп* выражается при помощи афф. *-мача/-мәчә* и *-мачыр/-мәчер*. Последняя форма характерна лишь для речи жителей д. Хозесаново. Во всех остальных деревнях, относящихся к этому говору, употребляются афф. *-мача/-мәчә*, например: *Бер дә күрмәчер* (*күрмиче*) *кызны ырлап кат'тылар Дарук титчуларга* 'Ни разу не видя, девушку украли и привезли к тете Дарье'; *Караңгыда күрмәчер* (*күрмиче*) *жазасынмы?* 'В темноте пишешь, не видя?'; *Духтырга бармача* (*бармыйчы*) *булмас, эшкә жәрмәлле бит* 'Нельзя будет обойтись без доктора, ведь на работу надо ходить'; *Анчак үдән чыкмача* (*чыкмыйча*) *утырдым* 'Тогда сидела, не выходя из дома'.

По мнению Л.Ш. Арсланова (1966, 10), афф. *-мачыр/-мәчер* состоит из двух самостоятельных аффиксов, относящихся к разным языкам. Первая часть (*-ма/-мә*) — общетюркская, вторая — аффикс лишительного падежа *-сар/-сәр* чувашского языка.

Инфинитив

В говорах кряшен зафиксированы несколько форм инфинитива. Активно употребляется форма инфинитива на *-ырга/-ергә*, характерная как для татарского литературного языка, так и для многих его говоров, например: *Чэй эчәргә тор дип әйтсәләр тором дей* (Биктяшево) 'Если скажут, вставай чай пить, встану, говорит'; *Кәбең қойдороғи алып баралар* (Кибячи) 'Ведут на венчание'; *Кәзер бик тәҗсел, күп җазарға бағытым да җуқ, сүзем дә башқа кимей* (Никифорово) 'Сейчас очень тороплюсь и времени нет много написать, и слова не приходят в голову'; *Әй, Микәйлә, сым чумынырға барып қайтыыйғ әле* (Сред. Баграж) 'Эй, Михаил, пойдем-ка купаться'.

Форма на *-ырга/-ергә* иногда употребляется вместо имени действия на *-у/-ү* в дательном падеже, например: *Мин қайтырға (кайтуга) идән-нәрне җуып қуйганығыз икән* (Айталан) 'К моему приходу вы, оказывается, полы вымыли'; *Бәрәңге пешәргә (пешүгә) самавыр да қайнап чықты* (Кибячи) 'Как только картошка сварилась, и самовар вскипел'; *Иртән торорға аш пешереп тә қуйған бу* (Мунайка) 'К утру, как только проснулись, он уже и суп сварил'; *Син килергә самавыр куйганда кулымы пешердем* (Ишалькино) 'Когда ставила самовар к твоему приходу, обожгла руку'.

В говоре нагайбаков зафиксировано обратное явление, т.е. вместо формы на *-ырга/-ергә* употребляется имя действия на *-у/-ү* в дательном падеже, например: *Минем әтей тийәтер қарауға (карарга) барған* 'Мой отец ходил смотреть театр; *Нинаулар, Бираулар җырлауға (җырларга) кичен килербез диб әйткәннәр* 'Нина, Вера сказали, что вечером придут песни петь'.

В речи старшего поколения кряшен Заказанья и Нижн. Прикамья употребляется форма на *-мак/-мәк* в сочетании с *кирәк*: *Бу сиез итне ничек итеп ашамақ кирәк?* (Бузюрово) 'Как можно есть это жирное мясо?'; *Марҗыйнын туйы буласы бер айдан, сыра пешермәк кирәк бит* (Федотовка) 'Через месяц должна быть свадьба Маруси, ведь нужно домашнее пиво варить'; *Ничек җатып җоқламақ кирәк бу урынға* (Старое Гришкино) 'Как можно лечь спать на это место'. Эта древняя форма инфинитива, также в сочетании с *кирәк* 'надо, нужно' или глаголом *булу* 'быть', сохранилась еще в некоторых говорах, в частности нагорных, касимовском, а также говорах куйбышевских и сибирских татар.

Древняя форма инфинитива на *-мага/-мәгә* со словом *алу* употребляется во всех группах говоров кряшен: *Ларукка тоз алмаға (алырга) барамын* (Нусла) 'Иду в ларек покупать соль'; *Кыз алмаға килгәч, кызнын атасына җырлылар инде моносын* (Крещ. Серда) 'Когда едут за девушкой, вот эту песню поют отцу девушки'; *Наруш кердем сезне алмаға* (Ляки) 'Зашла специально за вами'. Наиболее активное употребление формы *-мага/-мәгә* (с любым глаголом) наблюдается в говоре кряшен северной части Заказанья (пришошминский подговор), например: *Туварларға бер қат ашамаға (ашарга) бирәләр* (Нусла) 'Скотине один раз дают корм'; *Қарт чэй җанартмаға (яңартырга) қушса, сәт қалдырыйым әле* (Дурга) 'Если старик попросит еще раз чай скипятить,'

оставлю молока'; *Муча жа'мага китте* (Биктяшево) 'Пошел баню топить'; *Борча' чэчмэгэ жабыштылар кенэген* (Старая Ципья) 'Вчера взялись за сев гороха'.

В некоторых случаях форма *-мага* произносится как *маа*: *Ашамаа пешерэсе бар, эшкэ барасы бар* (Дурга) 'Нужно обед сварить, нужно на работу идти'; *Аудыйны алмаа жуғарычқа китте* (Сред. Баграж) 'Ушла за Авдотьей в верхний конец улицы'; *Чүлмә' сатмаа базарға барып қайттым* 'Чтобы продать горшки, съездила на рынок'.

В подберезинском говоре инфинитив на *-мага/-мэгэ* бытует лишь в речи кряшен дер. Ст. Тябердино, например: *Печән чапмага барганда жырлыйбыз ый бу күләрне* 'Эти песни мы пели, когда ходили косить сено'; *Утын тийәмэгэ кеше кирәк, Никичка тырактыр жаңына килергә диделәр* 'Нужен человек погрузить дрова, Никите велели, чтобы он подошел к трактору'; *Жир жыләге жимага барганда кызларныкы кәржинен апкалды* 'Когда ходили собирать клубнику, он отнял у девушки корзину'; *Идән жумага башлады Марыч* 'Маруся начала мыть полы'; *Калага укымага барас дип жәри* 'Хочет поехать учиться в город'.

Инфинитив на *-мага/-мэгэ* не является морфологической особенностью только говоров кряшен: он имеет место в касимовском (*-ма'а/-ми'и*), параньгинском (Известия, 1955, 79—80, 114), заказанском (Жәдәй, 1947, 26), карино-глазовском (Валиди, 1930, 139; МТД, 1962, 39—40) говорах среднего диалекта и в говоре пермских татар (МТД, 1974, 101).

-Мага/-мэгэ представляет собой сложный аффикс, исторически образованный от *-ма/-мэ*, грамматического синонима *-мак/-мәк* (Кононов, 1956, 455) + аффикс дательного падежа *-га*. Форма на *-мага/-мэгэ* употреблялась в письменных памятниках до начала XX в.

В говоре подберезинских кряшен встречаются еще некоторые формы инфинитива. Одна из них — инфинитив на *-ма/-мэ*, по значению соответствующая инфинитиву на *-ырга/-ергэ* в литературном языке, например: *Сыра пешермә жабышканнар туй булас' булса* 'Если быть свадьбе, взялись варить домашнее пиво'; *Чэй эчмә утыр* 'Садись чай пить'; *Гәрги бабай көтү кума китте йе* 'Дедушка Григорий пошел гнать скотину'; *Безни ат'т'ю кат'т'а итек сырлама киләләр ийе* 'К нашему отцу приходили красить валенки'; *Сине күрмә кергәннәр бу катыннар* 'Эти женщины зашли, чтоб тебя увидеть'.

Форма на *-ма/-мэ* по своим значениям и функциям соответствует не только инфинитиву, но и различным другим частям речи литературного языка. Например, в соединении с глаголом *келәү* (литер. *теләү*) 'хотеть' форма на *-ма/-мэ* обозначает намерение, желание и соответствует в литературном языке сочетаниям инфинитива на *-ырга/-ергэ* + *тели* или форме на *-макчы/-мәкче* + *булу* 'быть'; *Эшкә барма келисенме? 'Хочешь идти на работу?'; Нишләмә келисен? 'Что хочешь делать?'; Алма ашама келим 'Хочу есть картошку'; Пичкә жакма келәдем 'Хотела печку топить'.*

Данная форма в значении инфинитива на *-ырга/-ергэ* употребляется в мишарском диалекте (Махмутова, 1978, 195—196), весьма широко распространена в говоре каринских и глазовских татар (МТД, 1962,

41—42), она имеет место также в касимовском и бастанском говорах (МТД, 1974, 39). Глагольная форма на *-ма/-ме* употребляется и в чувашском языке: *пулма* 'стать', *килма* 'прийти' (Ашмарин, 1898, 312). Наличие инфинитива на *-ма/-мә* в говоре подберезинских крышен объясняется, видимо, влиянием чувашского языка, так как среди представителей этого говора значительное место занимают и чуваша.

Форма на *-маллы/-мәлле* (*бармаллы, килмәлле*) также характерна для подберезинских крышен. Она выражает значения: а) инфинитива: *Кыш кичмәлле (кичәргә) бит инде, утын кирәк* 'Ведь зимовать придется, дров надо'; *Элек шалай жирне чәчтермәлле (чәчәргә кирәк), ат жук, нишләмәлле (нишләргә), жыламаллымы (еларгамы)?* 'Раньше как нужно сеять, так нет лошади, что делать, плакать что-ли?'; б) определения: *Шаккатмаллы (шаккатарлык) эшләр булды элгәре* 'Раньше были удивительные дела'; *Жырламаллы (жырларлык) күв былды бу, жинел жырламаллы* 'Эту песню можно петь, легко поется'; в) обстоятельства цели: *Жырламаллы (жырларга дип) килдем ий, Урик үдәме?* 'Пришла петь песню, Ирина дома?'; *Чәй эчмәлле (эчәргә дип) кердем, чәйен кан'аклап тырамы?* 'Зашла чай пить, чай кипит у тебя?'; г) сказуемого: *Безни дад'у казыр китмәлле* 'Наш брат сейчас уезжает'; *Балнискә бармаллы эле мин* 'Я иду в больницу'; *Самашыр казыр кан'ап чыкмаллы* 'Сейчас скипит самовар'; д) причастия настоящего времени: *Сийләштермәлле (сөйләштерә торган) катын бу, күпне күргән* 'С этой женщиной можно разговаривать, многое пережила'; *Бер күзен күрмәлле (күрә торган) жасаган* 'Один глаз сделал зрячим'.

Глагольной формы на *-маллы/-мәлле* в других диалектах и говорах татарского языка не существует. В чувашском языке она употребляется в значении причастия долженствования (Ашмарин, 1898, 295).

Форма на *-малы/-мәле* (с одним *-л*) употребляется в мензелинском и бирском говорах (Махмутова, 1962, 67), где она выступает как причастие. В бакалинском подговоре форма на *-малы/-мәле* употребляется в роли инфинитива. Примеры: *Бакалга машинага утырып бармалы* (литер. *утырып барырга*) 'В Бакалы нужно ездить на машине'; *Сыу өйдә, кыранттан алмалы (краннан алырга)* 'Вода дома, из крана берем'; *Бу күмәкне баштан салмалы (баштан салырга)* 'Это платье нужно снимать через голову'.

В говорах крещеных татар, как и во многих говорах среднего диалекта (Бурганова, 1955, 64; МТД, 1962, 40, 43, 64, 65), широко распространена глагольная форма на *-асы/-әсе*. Эта форма является одной из ярких особенностей среднего диалекта, отличающих его от других диалектов татарского языка (МТД, 1962, 43).

Подобно заказанскому, нагорному, параньгинскому говорам среднего диалекта, глагольная форма на *-асы/-әсе*, кроме причастия будущего времени выступает в роли инфинитива с разными оттенками значений. Употребляясь в позиции сказуемого без каких-либо дополнительных грамматических показателей, она выражает: а) долженствование, относящееся к будущему и настоящему временам: *Өстәлле тиз-тиз генә жыйып аласы, куйкыга менеп жатасы, соратан сүзләргә тик жауап биреп жатасы* (Атиаз) 'Быстро убрать со стола, лечь на кровать и отвечать на вопросы'; *Күмәкне иртәгә теген бетерәсе миңа* (Фе-

дотовка) 'Платье мне нужно дошивать завтра'; б) сомнение, нерешительность: *Ипи иртәгә изәсе булырмы, шебешләр ипийе, бүген изәсеме, ипиләре бетә* (Альведино) 'Завтра что-ли замесить хлебное тесто для цыплят, или сегодня, у них хлеб кончается'; *Жылгада сүу қатмаган әле, ничек чығып китәсе* (Новый Гардали) 'Вода на реке еще не замерзла, как же нам пройти'; *Қуна' чақырасы бар, бүген чақырасымы, иртәгәме* (Сред. Баграж) 'Надо позвать гостей, сегодня что ли позвать, или завтра'; в) необходимость: *Жаңғыр да жаумый, бакчаларны сүуласы инде* (Сарапала) 'И дождя нет, нужно сад поливать'; *Чебиләргә ылақша пешерәсе әле, ылақшалары беткән* (Крещ. Серда) 'Нужно сварить лапшу цыплятам, у них лапша кончилась'; *Көтү дә қайтыр инде, қарап торасы әле* (Старое Утяганово) 'И стадо скоро вернется, нужно присмотреть'; в этом значении она соответствует инфинитиву на *-ырга/-ергә* или сочетанию на *-ырга/-ергә + кирәк* литературного языка.

В говоре подберезинских крышен форма на *-асы/-әсе* произносится в усеченной форме: *-ас/-әс* (*барас, киләс*), которая заменяет инфинитив на *ырга/-ергә* литературного языка, например: *Нәрсә бирәс сиңә?* 'Что тебе дать?'; *Ызба алдын жууас диләр* 'Хотят мыть сени'; *Иргә чыгас' бугач бар да кирәк* 'Раз собирается выйти замуж, все надо'; *Симун дәдуга тушы жулдан барас'* 'К дяде Семену нужно идти по этой дороге'; *Бу ыланны балнискә илтәс* 'Этого ребенка нужно отвезти в больницу'; *Ырым суыныкы күпер бар, күперне кичәс сезгә* 'У реки Урум есть мост, вам нужно пройти через мост'.

В этом же говоре в некоторых случаях форма на *-ас/-әс, -ис* говора соответствует отглагольному имени на *-у/-ү* литературного языка и так же принимает различные окончания, например: *Минем күрмисне белгән син* 'Ты знала, что я не вижу'; *Жулга чыгас'тан куркамсын?* 'Боишься выйти на дорогу?'; *Безни уйын уйнислар питрау житкис туктидыр* 'Наши игры-хороводы заканчиваются в петров день'; *Безни ничек жырлисны эшиткәнән бармы?* 'Ты слышала когда-нибудь, как мы пели?'

Употребление формы *-асы/-әсе* в роли инфинитива и причастия является характерной особенностью среднего диалекта (МТД, 1962, 12). Она распространяется, в основном, на заканский, нагорный, карино-глазовский, мензелинский и параньгинские говоры. Форма на *-асы* в татарском языке считается исторически древней, она имела активное употребление в народно-разговорном языке казанских татар XV—XVI вв. (МТД, 1974, 18).

Имя действия

Имя действия является неличной формой глагола, которая называет процесс действия или состояния. Наряду с литературными формами имени действия на *-у/-ү* в исследуемых говорах употребляются следующие диалектные варианты.

1. Имя действия на *-ыш/-еш*, например: *Мин өйгә керешкә бу чығып качты* (Крещ. Шуран) 'Как только я вошла в дом, он выбежал'; *Минем әле эштән қайтыш ыйы* (Айталан) 'Только что иду с работы (букв.: только что мой приход с работы)'; *Бу үтеп барышы ғына, атлар-*

ны су эчертә (Атиаз) 'Это он проездом, напоит лошадей'; *Сыу буйына төшөш буған элеке бағытта кичке уйыннарда* (Мелекес) 'Раньше к речке ходили на вечерние хороводы'.

Имя действия на *-ыш/-еш* встречается во всех трех диалектах татарского языка, но особенно активно оно в говорах среднего диалекта, например в карино-глазовском, параньгинском, заказанском, мензелинском, нурлато-кайбицком говорах (ТТДС, 1969, 635). В мишарском диалекте оно выступает в таких говорах, которые формировались в контакте со средним диалектом (МТД, 1962, 174—175; Махмутова, 1978, 199).

Форма имени действия на *-ыш/-еш/-ш* сохранилась и в других тюркских языках, например ногайском, балкарском, турецком (Баскаков, 1950, 89; Филоненко, 1940, 76; Гордлевский, 1928, 58), встречается она и в памятниках древнетюркской письменности (Батманов, 1959, 96). Имя действия на *-ыш* отмечено в поэме "Төхфәи Мәрдан" поэта XVI в. Мухамедьяра, который создавал свои произведения в то время, когда разговорный язык казанских татар уже сложился (Исследование, 1980, 72).

2. Имя действия на *-ыш/-еш*, принимая афф. *-лы/-ле*, употребляется в роли причастий на *-ырлык/-ерлек + түгел* и *-а торган*, например: *Дйтеп бетерешле түгел (бетерә торган түгел) бездәге жырларның күплеген* (Бол. Машляк) 'Даже не выскажешь, как у нас много песен'; *Маматышка аптабурда барышлы (бара торган) түгел бездә* (Крещ. Пакшин) 'В Мамадыш нельзя поехать автобусом'; *Эшләп бетерешле (бетерә торган) бумады эшне* (Старый Карабаян) 'Никак нельзя было закончить работу'; *Әвәлге заманда утырмаға барышлы (бара торган) буған қызлар* (Старый Мелькен) 'Раньше девушки обычно ходили на посиделки'.

Форма на *-ышлы/-ешле* характерна для сабинско-мамадышского подговора Заказанья, мензелинского говора среднего диалекта.

3. Форма на *-мыш/-меш* — употребляется редко, в значении имени действия или отглагольного существительного например: *Көй дйтмешен мона болай жырлар ыйық* (Янцевары) 'Припев (песни) вот так мы пели'; *Сезнен тумыш қайсы жақнықы* (Крещ. Ерыкса) 'Вы откуда родом'; *Әбейләрдән ишетмештән генә беләбез без шыйлықны* (Шеморбаш) 'Мы шыйлык (весеннее полевое моление) знаем только понаслышке, от бабушек'; *Үткән жыл күрмешне күреп қайттық бер бағыт Мизәләгә барып* (Верх. Юшады) 'Как-то в прошлом году всего повидали, когда ездили в Мензелинск'; *Уқымыш кеше теләсә қайда тора* (Мелекес) 'Ученый человек где угодно живет'.

Особенности в образовании и употреблении залогов

В образовании залогов и их употреблении больших расхождений с литературным языком нет. Однако в описываемых говорах сохранились некоторые архаичные аффиксы залоговых форм. Нужно отметить более активное употребление аффиксов понудительного залога *-кыр/-кер*, *-гыр/-гер* вм. литер. *-дыр/-дер*, *-тыр/-тер*, например:

Чөлкәләрен үзем кигерәм, үзем салгырам (Кулуши) 'Сама надеваю, сама снимаю его чулки'; *Сырганы салгыр әле* (Бол. Машляк) 'Сними-ка мои серьги'; *Шәрә жәри, бер дә күмәк кигереп бумый* (Мелекес) 'Ходит голый, никак не можем надеть рубашку'; *Эне белгертте қар* (Утарово) 'Снег показал наши следы'; *Син малай, сызғырт моннан* (Айталан) 'Ты, мальчик, убирайся отсюда'.

Слово *уздыру* 'превосходить; пропустить' употребляется в форме *узгару*: *Чиратны узгарып жибердем, төнгә қаравылма чықтым* (Верх. Чура) 'Я пропустила свою очередь, ночью вышла на охрану'; *Мине узғара бу жыруда* (Албаево) 'Он поет лучше меня'; *Нәнәй синнән узарды Жәгүр ағай, син жырлап күрсәтмәден* (Старое Утяганово) 'Мама превзошла тебя, дядя Егор, ты не исполнял песни'.

Эта форма встречается в говорах пермских и сибирских татар — *ускару*, в башкирском — *узгарыу*, каракалпакском, караимском, казахском — *узгару* (МТД, 1974, 106). Афф. *-гар/-гәр, -кар/-кәр* были довольно продуктивными в памятниках древнеуйгурской письменности и преимущественно образовывали от имен переходные глаголы (Аманжолов, 1969, 60).

В говоре кряшен Нижн. Прикамья понудительный залог в большинстве случаев образуется аффиксами *-гыз/-гез, -кыз/-кез*, например: *Өйгә қайтқызмадылар (кайттармадылар)* (Крещ. Шуран) 'Домой не пустили'; *Бийәләйләремә хәдәре салгызып (салдырып) бетерде* (Сред. Баграж) 'Даже мои vareжки снял'; *Салқын тигездем* (тидердем) (Ляки) 'Простудилась'; *Трубаправат үткәзелгән (үткәрелгән)* (Верх. Юшады) 'Проведен трубопровод'; *Айбағарны силуска ташып житкезәлмиләр* (Старое Гришкино) 'Подсолнух не успевают возить на силос'; *Жәш ғүмерне жырлап-бийеп үткәзгәнебез* (Старое Утяганово) 'Молодую жизнь провели с песнями и плясками'.

Вышеуказанные аффиксы довольно активно употребляются также в говоре подберезинских кряшен: *Бу печәнне кибезергә (киптерергә) куймаллы* 'Это сено нужно оставить сушить'; *Куркызып (куркытып) урманга алып китте малайны* 'Напугал мальчика и увел в лес'; *Ызбалдына итек салгызып кертә Марыч* 'Мария пускает в сени сняв сапоги'; *Кәкәйгә тызны күп тигезмә, тәмне булмый* 'Мясо много не соли, невкусно бывает'; *Идәнгә йаткызма баланы, сывык тимәлле* 'Не укладывай ребенка на пол, простудится' и др.

Образование глаголов понудительного залога с афф. *-гыз/-гез, -кыз/-кез* особенно характерно для мишарских говоров, а глаголы с афф. *-гыр/-гер, -кыр/-кер* характерны для говоров среднего диалекта и литературного языка.

В говоре нагайбаков вместо глагола понудительного залога *бетерү* 'закончить' употребляется основной залог *бетү* 'кончиться', например: *Кер жывып та беткән, муча кереп тә беткән икән син* 'Ты, оказывается, и стирала, и в бане вымылась'; *Бираулар, Нинаулар бақча қазып беттеләр* 'Вера, Нина кончили копать сад'; *Минем қыз Қазанда институт бетте* 'Моя дочь окончила институт в Казани'. Это явление наблюдается также в говоре татар, проживающих на территории Башкирии (Әфләтунов, 1960, 200—201) и в говоре уча-линских тептярей (Юлдашев, 1953, 333).

Формы передачи характера протекания действия

В исследуемых говорах характер протекания действия, в основном, как и в литературном языке, обозначается при помощи афф. *гала/-гәлә, -кала/-кәлә, -ыштыр/-ештер, -штыр/-штер* и др. Только в говорах подберезинских и нагайбакских крышен есть отличия от литературного языка. Например, в подберезинском говоре для выражения многократности, продолжительности с редким повторением действия наряду с литературными формами употребляются и формы на *-гакла/-гәклә, -акла/-әклә*. Примеры: *Караклап тырам мин ашны, син йазыб утыр шанда* 'Я присмотрю за супом, ты сядь и пиши там'; *Үзе араба йасаклаган, кәй анн арабасы* 'Он сам делал телегу, плохая у него телега'; *Мәскәүгә йерекләдем электә, кәзер үдә утырмаллы энде картайгис* 'Раньше ездила в Москву, теперь уже положено дома сидеть, состарилась'; *Бу катын укыклап йерде Казанда* 'Эта женщина училась в Казани'; *Ашаклап кара ашын* 'Попробуй ее суп'.

Основное значение этих аффиксов — указание на периодическую повторяемость действия или неполноту его. Рассматриваемый аффикс характерен и для мишарского диалекта (Махмутова, 1978, 136—137).

В нагайбакском говоре по сравнению с литературным языком более употребительна глагольная форма на *-ыңқыра/-еңкерә*, которая придает глаголам оттенок неполноты действия, например: *Мин беленкерәмим* 'Я недостаточно знаю его'; *Алырға ақчам житенкерәмәде* 'Не хватило денег, чтобы купить'; *Пирукнын ите пешеп житенкерәмәгән* 'Мясо в пироге не совсем готово'; *Тәрәзә ачылып житеңкерәми* 'Окно открывается не полностью'; *Безнекеләр жаратыңқырамый аны* 'Наши не совсем его любят'; *Жаулықлар кибеп житенкерәмәгән* 'Платки не совсем высохли'.

Аналогичное явление наблюдается в татарских говорах, распространенных в западных районах Башкирской АССР (Афлетунов, 1961, 13), а также в отдельных говорах башкирского языка (БД, 1963, 108).

ПОСЛЕЛОГИ И ПОСЛЕЛОЖНЫЕ СЛОВА

В исследуемых говорах послелог и послеложные слова, в основном, не отличаются от таковых литературного языка. Большинство из них является фоно-лексическими вариантами литературных форм. Для говоров крышен характерны следующие послелог и послеложные слова.

Кевек/күк, төсле, шикелле, сыман/сымақ (литер. *кебек*) 'как, словно, подобно', например: *И алмасы, Начтый түти, сырга күг инде* (Айта-лан) 'Но и яблоки, тетя Настя, словно серьги'; *Жаңгыш миңга килеп бәрелде, чүкәтә кевек* (Тулабаево) 'Нечаянно ударился об меня, как будто мячик'; *Әтәч қыңқыра икән, бала-чага қыңқырган сыман тойолды* (Старый Мелькен) 'Оказывается, петух кричит, а казалось, как-будто кричат дети'; *Ул сезнен сыман гына жегет* (Старое Гришкино) 'Он такой же парень, как и вы'.

Чаклы/чикле/тәкле/чәре/қадары/кәдәре/қәтле (литер. чаклы, тикле, кадәр, хәтле) 'до', например: *Урманға қадары туры барығын* (Ковали) 'Идите прямо до леса'; *Су буйына чикле бақча* (Утарово) 'До ручейка сад'; *Ашка чикле чәй эчәбез* (Старое Азмеево) 'Перед супом чаю попьем'; *Кырык көнгә чикле вак-төйәк гүчтинәч өләшәләр* (Савалеево) 'До сорока дней раздают мелкие гостинцы'; *Безнен монда сизезгә тәкле генә кылас* (Калейкино) 'У нас здесь только до восьми классов'; *Иртәгә қәтле кибәр әле* (Старый Карабаян) 'Высохнет до завтра'; *Тезгә қәдәре сызлый* (Никифорово) 'Ноет до колена'; *Тушы көнгә чәре алар керәшен булып жерде* (Ташкирмень) 'До этого дня они считались кряшенами'.

Арлық/арлақ/айрақ (литер. кадәр, хәтле) 'до' употребляется в говорах кряшен Нижн. Прикамья и Заказанья, например: *Ике тезеннән арлық өшөгән* (Айталан) 'Замерз до колен'; *Менә моннан арлық изу-муйсайы, чәчқабийы, сүрәкәйе* (Верх. Шурняк) 'Вот до сих пор были бусы, накосники, сурака'; *Моннан айрақ минем қул тирестә* (Албаево) 'Вот до этого места мои руки в навозе'; *Моннан айрақ ачып куйған қапқаны* (Старый Карабаян) 'Вот до этого места открыл ворота'.

В говоре подберезинских кряшен употребляется послелог *тәрән*, также со значением 'до', например: *Питырауга тәрән уйын әтәләр* (Янсурино) 'До петров день выходят на вечерние хороводы'; *Авылга тәрәнме жәйәу килдегез?* 'До самой деревни что ли пешком пришли?'

Уңгай/ыңгай (литер. як) 'сторона': *Теге Туймазы ыңгайларыннан машина жәри* (Бузурово) 'Со стороны Туймазы ходят машины'; *Бер уңгайы жуван, бер уңгайы нәзек* (Старый Мелькен) 'Одна сторона толстая, другая сторона мягкая'.

Қырда/қырына (литер. янда, янына) 'у, к': *Жылга қырына ике оло қазан көйләде* (Верх. Юшады) 'У реки устроили два больших котла'; *Симез ит қырына...* (Новый Маты) 'К жирному мясу...'; *Алтыны үстердек, берсе дә қырда жуқ* (Крещ. Шуран) 'Шестерых вырастили, ни одного нет около нас'.

Қатында (литер. янында) 'у, около': *Ишек қатында эленеп тора бистәр* (Дурга) 'Около двери висит полотенце'.

Таба 'в сторону'. В литературном языке этот послелог управляет направительным падежом, а в говорах кряшен основным: *бу таба* (литер. *бу якка таба*), *шул таба* (*шул якка таба*), *кайсылай таба* (*кайсы якка таба*), например: *Қайт балақайым бу таба* (Крещ. Шуран) 'Возвращайся, дитя мое, в эту сторону'; *Бу таба тартыйг әле өстәлне* (Сарапала) 'Передвинем стол в этом направлении'. Такое употребление послелога *таба* особенно характерно для говора кряшен Нижн. Прикамья. В памятниках древнетюркской письменности послелог *таба* также управляет основным падежом (Малов, 1951, 226; Айдаров, 1971, 235).

В говоре кряшен Нижн. Прикамья, как и в мензелинском (МТД 1962, 67) и нагорном (Жәләй, 1947, 64) говорах татарского языка, зафиксировано употребление послелога *өчен* 'чтобы' в форме *өчөнгә*, например: *Сине күрер өчөнгә кергән бу катын* (Ахманово) 'Эта женщина зашла, чтобы увидеть тебя'; *Таза булып үссен өчөнгә Минәй исеме қуштылар* (Мелекес) 'Чтобы выросла здоровой, дали имя Ми-

ней'; *Жылы бусын өчөнгә пичкә жактым* (Ст. Утяганово) 'Чтобы тепло было, затопила печку'; *Сырасы тәмне бусын өчөнгә азырақ зимнәп қуйдылар* (Ляки) 'Чтобы домашнее пиво было вкусным, положили немного песку'.

СОЮЗЫ

В говорах крещеных татар употребляются те же союзы, что и в литературном языке. Но некоторые из них, например заимствованные из арабского языка (*ләкин, әмма, фәкать, мәгәр, гәрчә* и др.), в данном говоре отсутствуют.

В отличие от литературного языка союзы *да/ дә* иногда выступают в форме *дагын/ дәген*, например: *Ишекне ачабыз дагын чыгып китәбез* (Урясьбаш) 'Открываем дверь и уходим'; *Тушы күмәкне кийәрем дәген китәрем* (Альведино) 'Надену это платье и уйду'; *Үзем дәген исемә төшөрәм әле* (Биктяшево) 'И сама вспоминаю'; *Мин үзем моржачы йым дагын қәзер тузып киттем* (Поршур) 'Сам я был печником, но состарился'; *Алар дагын булышмағач кем булыша* (Нусла) 'Раз они не помогают, кто же будет помогать'; *Алма алды' тағын үзбездә қайнатты* (Старая Ципья) 'Купили яблок и сами сварили (варенье)'. Это явление особенно характерно для заказанского говора крещеных татар.

ЧАСТИЦЫ

Вопросительные: *-мы/-ме, -мыни/-мени*. Как и в литературном языке, они относятся к отдельному слову или целому предложению, образуя их вопросительную форму, например: *Әле Праскый каа китте, мынчагамы? Үзе генә чабынамы, Маржа кумалар беләмме?* (Федотовка) 'Куда еще ушла Прасковья, в баню что ли? Одна парится или с кумушкой Марией?'; *Килен аш пешергән дуңгыз кәкәйе салып; тоз салдынмы дигән кан'анасы* (Старое Тябердино) 'Сноха сварила суп со свиной; соли положила? — спросила свекровь'.

В употреблении вопросительных частиц *-мы/-ме, -мыни/-мени* имеются следующие особенности.

1. В литературном языке вопросительная частица всегда присоединяется к концу сказуемого-глагола (*күрәсезме?* 'видите ли?'), а в говорах крещен это правило не всегда выдерживается: если сказуемое выражено глаголом 2-го лица ед. и мн. числа настоящего времени изъявительного наклонения, то вопросительная частица может присоединяться непосредственно к основе глагола, при этом звуки *ы, е* редуцируются. Данный способ употребляется редко и преимущественно в речи старшего поколения, например: *Син әллә чыгып китәмсең?* (Савалеево) 'Ты уходишь что ли?'; *Теге кызы уйатамсың?* (Ильтен-Бута) 'Ты девушку разбудишь?'; *Авыл сайын жөрүмсең?* (Дюсьметев) 'Вы ездите в каждую деревню?'; *Арыу торамсың?* (Варламово) 'Здорово живешь?'; *Әллә тиндәш курланамсын, безни белән ун'арга?* (Янсурино) 'Ты, сверстница, считаешь что ли для себя позором поиграть с нами?'

Эта особенность характерна для мишарских говоров (Махмутова, 1978, 248), она известна также в нагорных говорах татарского языка

(Жәләй, 1974, 63; МД, 1955, 57, 64) и в говоре пермских татар (МТД, 1974, 107). Размещение *-мы/-ме* перед личными окончаниями наблюдается и в памятниках древней татарской литературы, например:

*Әй, дәригә, гәзиз анам, йатурмусән:
Бу халь эчрә бәнүм халем белдүрмүсән,
Бакып, бәни бу халь үзрә күрәрмүсән?
("Кысса-и Юсуф")*

'О горе, дорогая мать, ты лежишь в могиле,
Видишь ли, каково мое положение?
Можешь ли, открыв глаза, взглянуть на мое состояние?';

*Әйди: и мәрд, балыкың сатгаймусән?
Балык биреп, бу йепне алгаймусән?
(Мөхәммәдъяр, "Төхфәи Мәрдан")
'Сказал: эй парень, продаешь ли ты рыбу?
Отдав рыбу, возьмешь ли эту нитку?'*

Присоединение частицы вопроса непосредственно к основе глагола наблюдается и в других тюркских языках, например гагаузском (Покровская, 1964, 164) и турецком (Кононов, 1956, 346).

2. В вопросительных частицах *-мыни/-мени* звук *н* может выпадать: *-мый/-мей*. Это явление характерно в основном для елабужского и бакалинского подговоров, например: *Тугаммый* (литер. *туганмыни*) *ул?* 'Разве он родственник?'; *Минем сумкы тыштамый* (*тыштамыни*) *әле?* 'Разве моя сумка на улице?'; *Эшкә бармадыңмый* (*бармадыңмыни*) *бөгөн?* 'Ты разве не ходил сегодня на работу?'; *Сүрәкәләр кирәкмей* (*кирәкмени*), *ай эрәкмәт, мин аларның бөтөнәсен күрсәтеп бетерәчәк* 'Разве вам нужны сороки, вот спасибо, я вам все буду показывать'; *Сез икәү генәмей* (*икәү генә мени*) 'Вас разве только двое?'

Эти же частицы могут обозначать и сравнение: *Әнекәйем, Кылаудийа белән Микәйлә катынын кийендереп чыгардым, курчакмый* (*курчакмыни*) *инде, бигерәк килешә керәшен кийемнәре* 'Маменьки! Наряжала я Клавдию и жену Михаила в кряшенскую одежду, как куколки, очень уж идет им кряшенская одежда!'; *Жир өстендә чәчкәмей* (*чәчкәмени*) *инде, урамны иңнәттереп жалык-жолык жырлап төшәрләр ийе жәшләр-кызлар* 'Как-будто цветы на земле, по всей улице блестили, ходили с песнями парни-девушки'.

В диалоге: — *Бәрәңге алып карамадыңмы, Миней?* — *Әле алдым, Сандра кенәген алган, үскән, түлке бер дә эченә керерлек төгөл, үскән сап, үскән сап инде, урманмый.* — *Жир жүгөш төгөл, қоро, күптәнме жауды әле менә, бәрәңгесе дә тәмне, күкәймәй инде* '— Ты еще не пробовала выкапывать картошку, Миней? — Только что выкопала, Александра вчера выкопала, выросла, только невозможно туда пройти, росла ботва, росла ботва, как лес. — Земля не влажная, сухая, давно ли был дождь, и картошка вкусная, как яички'.

Как видно из примеров, по значению эти частицы от литературного языка не отличаются.

Частица *че*. В речи жителей населенного пункта Альведино Пестречинского р-на Заказанья зафиксирована частица *че*, которая

употребляется в контексте для передачи значения удивления или утверждения. Она соответствует частицам *ич, бит* 'же, ведь' татарского литературного языка, например: *Көлкө түгел ул, че!* 'Это ведь не смешно'; *Че, ишекне дә ачып бумый* 'Ведь и дверь нельзя открывать'; *Че, калхуз ысырапкы биреп жибәрде эшкә киткәндә* 'Ведь колхоз дал справку, когда мы уходили на работу'.

Употребление частицы *че* зафиксировано в агрызском подговоре мензелинского говора (Рамазанова, 1970, 40) и в татарских говорах Ставропольского края, где она считается результатом ногайского влияния (Арсланов, 1972, 29).

Отглагольная частица *исә* употребляется в сочетании с глаголами прошедшего категорического времени и выражает условно-причинные или временные отношения между действиями, процессами, например: *Алдан куйдисәң, сувындисә, бәрәңге тәмне бумый* 'Если сварить прежде времени, остынет, картошка становится невкусной'; *Мин сарықларны кудыйсәм, эт өрөр дим* 'Если я прогоню овец, боюсь, что залает собака'; *Жаратыб әйттисә, агәби ди* 'Если говорит любя, говорит агәби (досл.: белая бабушка)'; *Шушында қалдисәң, уқырсың, диләр* 'Если останешься здесь, говорят, будешь учиться'.

В некоторых случаях личные окончания могут присоединяться к *исә* и глаголу: *Жайлабырак бардың исәң, була барып* 'Если пойдешь потихоньку, можно идти'; *Урманны чыктың исәң, асыл күренә* 'Как только выйдешь из лесу, видна деревня'.

Такое же употребление отглагольной частицы *исә* наблюдается в других диалектах татарского языка и письменных памятниках татарской литературы (Борынгы, 1963, 102, 227, 380).

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Лексика исследуемых говоров в основном совпадает с общетатарской лексикой, однако есть специфические особенности, отличающие эти говоры от татарского литературного языка и его диалектов. Наличие этих особенностей обусловлено относительно изолированным развитием говоров крещеных татар от остальных этнографических групп татарского народа.

ЛЕКСИКА, ОБЩАЯ С ГОВОРАМИ СРЕДНЕГО ДИАЛЕКТА

Большая часть диалектной лексики говоров кряшен наблюдается и в соседних, контактирующих с ними говорах татарского языка, особенно много общего с говорами среднего диалекта, ср., например:

а) говор кряшен Нижнего Прикамья с мензелинским: *инәй/нәнәй* — литер. *әни* 'мать', *бақырач* — *чумеч* 'половник', *умбы* 'торф', *бәллү* — *бишек* 'колыбель', *алчақ* — *ачык йөзле*, *ягымлы* 'приветливый, любезный', *болагай* — *шапшак*, *жыйнаксыз* 'неаккуратный, неряшливый', *дурочмақ* 'мучное блюдо, подобие шанги, ватрушки', *тустаган* — *чынаяк* *яки стакан* 'чашка или стакан', *сыңқа* — *пычрак*, *шапшак* 'грязь', *шулы* —

жилтуч 'ночвы', чыжым баганасы — телеграф баганасы 'телеграфный столб', уша 'узкая дощечка вдоль печи, приступок';

б) заказанский говор кряшен с другими заказанскими говорами: *адарыну* — литер. *нәзер әйтү*, *багышлау* 'дать обет, обещать', *ардақлау* — *чистарту*, *арындыру*, *чүптән аеру* 'очистить, расчистить, выбирать, сортировать', *төс* — *сурәт*, *рәсем* 'рисунок, картинка', *пужум/пужым* — *йорт урыны* 'усадыба, место, занятое двором, постройками и домом', *чем* — *тәлгәш* 'кисть, гроздь', *суйлақ* — *ялкау*, *эшләмичә тик ятучы* 'лентяй, ленивый', *пила чүбе* — *пычки чүбе* 'опилки', *кеччи* — *кечкенә* 'маленький', *журамалый* — *юри*, *шаяртып* 'нарочно, в шутку', *чытқан* — *кычытқан* 'крапива', *борлогу* — *борчылу*, *хәсрәтләну* 'беспокоиться, волноваться', *тамызлық* — *чыра* 'лучинка', *алжыган/ажгаган* 'зарница';

в) подберезинский говор кряшен с нагорными говорами: *гомбакты* — литер. *көнбагыш* 'подсолнух', *киртләч* — *басма*, *баскыч тактасы* 'ступенька лестницы', *кәйлек* — *начарлык* 'скверность', *чыңкый* — *чын* 'истинный, настоящий', *чәй түбере* — *чәй чүбе* 'остатки заваренного чая', *әнчек* — *эт* 'собака', *жәга* — *чит*, *кырый*, *ян-як* 'край, боковая сторона чего-л.', *чапчак-кисмәк* 'бочка';

г) нагайбакский говор имеет общую лексику с говорами среднего диалекта, прежде всего с говорами заказанских и бакалинских кряшен; эта общность наблюдается во всех тематических группах: в терминах родства — *уртагым* — форма обращения родственников жениха и невесты и посаженной матери друг к другу; *аргыш қода* — *төп қода* 'главный сват', т.е. отец жениха или невесты; *ақ бийем* 'сестра мужа', *печкәчәм* 'младшая сестра мужа', *жанагай* 'младший брат мужа', *бийем* 'свекровь' и т.д.; в обрядовой лексике — *тәберсен* 'поминки', *гүр тәберсене* 'поминки на кладбище'; *табақ жасау* 'делать блюдо (для поминок)', *бәрмәнчек* 'вербный праздник', *оло көн* 'пасха', *нардуган* 'святки' и т.д.;

д) почти во всех говорах кряшен наблюдается общность с говорами пермских татар: *аргыш* 'глава свадьбы, дружка жениха', *алчүпрәк* — литер. *альяккыч* 'фартук', *артылу* — *тулып ташу* 'переливаться, литься через край', *аңгару* — *аңлау*, *төшенү* 'понять', *басмақ* — *басма*, *баскыч тактасы* 'ступенька лестницы', *бертын* — *азрак*, *бераз* 'немного', *калдық* — *соңгы*, *актык* 'последний', *қауын* — *кабак* 'тыква', *қойто* — *начар*, *әйбәт түгел* 'плохой, нехороший', *сону* — *сузу* 'протянуть, вытянуть', *чара табақ* — *зур агач табак* 'большая деревянная чаша' и др.

ЛЕКСИКА, ОБЩАЯ С ГОВОРАМИ МИШАРСКОГО ДИАЛЕКТА

В говорах кряшен (особенно чистопольском и подберезинском) часть лексики совпадает с лексикой говоров мишарского диалекта: *сатбакча* — литер. *жилләк-жимеш бакчасы* 'фруктовый сад', *кенәген* — *кичә* 'вчера, вчерашний день', *тәләй* — *бәхет* 'счастье', *самарау* — *самовар*, *урынтын/ырынтын* 'скрытно, исподтишка', *пырзумит* — *ука* 'позумент', *иләмле* — *матур*, *ямьле* 'красивый', *гүчтинәч* — *күчтәнәч* 'гостинец', *багалма* — *алма* 'яблоко', *матиклау* — *китмәнләү* 'моты-

жить', *тенката* — *төне буге* 'всю ночь', *кырка* — *күркә* 'индюк', *басма* — *ситсы* 'ситец', *ил* — *авыл* 'село', *сырга* — *алка* 'серьги'. Особенно много общего с мишарским диалектом наблюдается в названиях одежды и украшений.

ДРЕВНИЙ ПЛАСТ ЛЕКСИКИ ГОВОРОВ КРЯШЕН

В говорах кряшен довольно большое место занимают слова, которые встречаются в древнетюркских памятниках и в ряде современных тюркских (прежде всего кыпчакских и угро-финских языках.

Арыу/ару 'хороший, чистый, святой'. Это древнетюркское слово (Севортян, 1974, 184—185) зафиксировано в словаре М. Кашгари и в армяно-кыпчакских текстах (Абдуллин, 1971, 123). Слово *арыу* обозначало понятие "святой, безгрешный": *Арыу кыз Мария* 'Святая Мария' (Ногман, 1969, 106). В дальнейшем оно стало употребляться в значении "здоровый, хороший, чистый", например: *Алар арыу сүзләр сөйләшеп утыралар, қартлар сүзләре* (Никифорово) 'Они говорят хорошие слова, слова стариков'. Слово *арыу* употребляется также для приветствия друг друга: *Арыумысыз, Сандраттай* 'Здравствуйте, тетя Александра'; *Арыу әле, биг арыу гына* 'Хорошо пока, очень хорошо'.

Ардақлау 'уважать, дорожить, ухаживать'.

Ардақлы 'уважаемый, почитаемый': *Ардақлы қунақларым сез минем* (Крещ. Серда) 'Вы мои уважаемые гости'.

Слово *ардаклы, ардаклау* в значении 'уважать, почитать' наиболее активно употребляется в говорах мишарского диалекта; оно встречается в говорах пермских, ичкинских и златоустовских татар и в форме *арда'* (*арда'лы*) — в касимовском говоре татарского языка. В говорах крещеных татар, а также в заказанских и нагорных слово *ардақлау* значит 'уважать, почитать' и 'перебирать, очищать', например: *Бәрәңгене баздан ардақлап чыгарасы* (заказан. говор) 'Картошку из погреба нужно вынести и перебрать'.

В уйгурском и киргизском языках слова *ардак, ардаклау* употребляются в значении 'уважать, дорожить', к.-калп- *ардаклау* — 'оказывание почестей, проявление уважения, ухаживание, заботливое отношение к кому-либо'.

Ичегу/эчегу 'сердечно, от всей души разговаривать, петь и т.д.': *Қодасына эчегеп жырлыи инде бу жыруны* (Кибячи) 'Эту песню он от всей души поет своему свату'. Ср. др.-тюрк. *ичегу* 'внутренность, кишка' (Радлов, 1893, 1515), *ичик* — подчиняться, направляться внутрь (Айдаров, 1971, 358).

Күз 'горячий уголь' и *күзле* — литер. *утлы* 'горящий, непотухший' употребляется в заинском подговоре: *Күмерең күзле була күрмәсен* 'Уголь твой как бы не оказался непотухшим'. То же самое зафиксировано в мензелинском говоре (*қуд/қуды*), бирском, а также в говорах пермских, красноуфимских и златоустовских татар (*күз*). В литературном языке употребляется в составе сложного собирательного слова -*ут-күз*. Это слово есть в диалекте западносибирских татар (*кус*) и других тюркских языках: в башкирском — *күз*, каракалпакском — *коз*, алтайских — *кос*.

Печу/пычу 'резать, кроить'. Это слово наблюдается во всех говорах кряшен, например в заказанском: *Кумәк печеп тегә беләме?* (Ташкирмень) 'Ты умеешь кроить и шить платья?' В говоре нагайбаков: *утын пычу* 'пилить дрова'.

Это древнетюркское слово (ДТС, 1969, 104) сохранилось также в говорах мишарского диалекта (ТТДС, 337) и в диалекте сибирских татар (Тумашева, 1961, 185), в разных фонетических вариантах оно широко распространено также в других тюркских языках: тув. *быш*, якут. *быс*, башк. *бес*, чув. *пач* и др. От корня *пыч* 'резать' образованы татар. литер. *пычы* 'пила', *пычак* 'нож'.

В говорах кряшен употребляется слово *почкак* 'отрезок, остаток, обрезки', образованное от этого же корня *поч* древний афф. -как:

Кийемчеләр кийем кисәдер

Қала микән аның почқағы (заказан. говор)

'Швеи кроят одежду,

Останутся ли у нее обрезки'.

Почкак журган — литер. *корама юрган* 'ватное одеяло, сшитое из маленьких кусков ткани'; *Почкак тун* 'шуба, сшитая из кусков шкурки':

Быйыл ғына теккән туннарымның

Тиреләре булды почқақтан (Нижн. Прикамье)

'У шубы, которую сшили в этом году;

Шкурки оказались из отрезков (остатков)'

Ср. в диалекте сибирских татар: *поцкак тун* 'шуба из шкурок', снятых с лапок лисиц и других зверьков' (Тумашева, 1961, 182)

Тау итү 'после званого обеда или вечеринки отблагодарить хозяев, сказать спасибо'. В настоящее время это словосочетание в говорах кряшен сохранилось в основном только в песнях. После обеда, вечеринки гости поют песни *тау итү*, в которых восхваляют приготовленные хозяевами кушанья, выражают благодарность:

Ындыр артқайлары тигәнәк

'За гумном репейник,

Жаңғырлар да килә сибәләп.

Временами дождь моросит.

Ашадықай эчтек, көрмәт күрдек

Покушали, попили, угощались,

Тау итәргә кирәк бергәләп

Нужно совместно отблагодарить'.

В говоре подберезинских кряшен слово *тау* употребляется иногда и в разговорной речи: *Мекетә, тау сәна* 'Никита, спасибо тебе' — так говорит гость, когда хозяин дает ему чашку чая или чарку вина; хозяин в ответ говорит: *Тау эч* 'Пей (букв') благодарность, спасибо'; *Өйрәтеүчегә тау ит* 'Поблагодари своего учителя'; *тау итеүчән* 'благодарный'; *тау итмей торган* 'неблагодарный'.

В лямбирском говоре мишарского диалекта употребляется выражение *тау атергә* 'поблагодарить':

Йорт уртасында кийыгыз

'Среди двора ваш колодец

Тарта-тарта беләгем талдырдым.

Устали мои руки тянуть (воду).

Күб эшегезне эшләдем.

Много ваших дел я исполняла,

Тау атергә ишмәдем

Но не слышала благодарности'.

В диалектологическом словаре татарского языка зафиксированы выражения из кузнецкого подговора мишарского диалекта: *квас тавы, таулар бирешү* 'обычай угощения квасом друг друга на свадьбе'. В темниковской группе мишарей во время свадьбы существует обычай *тау итәргә чыгу*, т.е. показ народу невесты и жениха, которые предлагают гостям свадебные угощения. Гости в их честь пьют вино — это называется *тау эчү*.

Слово *тау* есть и в мензелинском говоре татарского языка: *Авыз итсәң — тау ит* 'Если попробовал еду, угощение — скажи спасибо'. В чувашском языке *тав*, у удмуртов и бесермян *тау* — 'благодарность, спасибо' (Егоров, 1964, 289).

По исследованиям Р. Ахметьянова (1981, 92), это слово древне-кыпчакское. В караимском — *табу* 'благодарность'. Из древне-кыпчакских диалектов его заимствовали языки северного Кавказа, например: абаз. *табу* 'благодарность', лезг. *тав, тау* 'музыкальный вечер в доме жениха'.

Итак, *тау иту* — древнетюркское слово, в последующий период оно заменялось арабским словом *рәхмәт әйтү* 'сказать спасибо' (Ногман, 1969, 106).

Сәл булу 'утихнуть, успокоиться': *Кеше айагы сәл буғачын мәкедән сыу алып қайталар* (Старое Гришкино) 'Когда людские шаги утихнут, из проруби приносят воду'; *Дару кешеләргә сәл бирә* (Ковали) 'Лекарство дает людям успокоение'. Ср. башк. *кеше айагы һия булғас* (Ишбулатов, 1967, 102) 'Когда люди перестанут ходить, успокоятся'; удм. *чол, коми чол, чел* 'тихо, тишь'.

К древнему пласту лексики относятся также термины родства, названия обычаев, обрядов, одежды и др. Каждая из этих тематических групп будет рассмотрена и проанализирована ниже.

ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА

Основное лексическое богатство говоров крещеных татар составляют общетатарские слова. Наряду с ними представлены заимствования из других языков: русского, арабского, персидского, чувашского и угро-финских.

Заимствования из русского языка

Заимствование слов из русского языка происходит с давних времен. Дооктябрьские заимствования подчинены фонетическим особенностям татарского языка, например: *кәләй* 'клеенка', *чәйгүн* 'чайник', *пырчинка* 'поросенок', *подаука* 'пудовка', *пеләшкә* 'плошка', *дусаккы* 'усадыба', *бинис* 'венец', *гарбун* 'гармонь', *кырыса* 'крыльцо', *гадук* 'годок (одногодки)', *никрут* 'рекрут', *бинек* 'венок', *Исус Кристиус* 'Исус Христос', *ышкап* 'шкаф', *начылый* 'насилу', *бичкә* 'бочка', *кенәгә* 'книга', *пичинжә* 'печенье', *күвәшнә* 'квашня', *гүчтәнәч* 'гостинец', *баринжә* 'варенье', *геренде* 'веранда', *пеләмә* 'племя', *тугарук* 'творог', *келиндер* 'крендель', *калакул* 'колокол', *эрәшәткә* 'решетка', *күрчәгә* 'корчага', *шарып* 'шарф' и др.

Из заимствований этого типа в говорах крышен довольно большое место занимают слова, обозначающие реалии, относящиеся к христианскому культу: *пуминкы* 'поминки', *гыруп* 'гроб', *керис/ крус* 'крест', *пуп* 'поп', *паскы* 'пасха', *пыкырау* 'покров день', *питырау* 'петров день', *илжин (көн)* 'ильин день', *раштыва* 'рождество', *чиркәу* 'церковь', *чәчәүник* 'часовник', *пысаламшик* 'псаломщик', *тәре алды* 'алтарь', *батушка* 'батюшка' и др.

Имена людей, принятые после христианизации, как уже было сказано, произносятся в фонетически измененном виде: *Бәчүкә* 'Василиса', *Үгәни* 'Агафья', *Купый* 'Прокофий', *Гәрпина* 'Агриппина' и др.

Большинство русских заимствований относится к периоду после Октябрьской революции, что является закономерным процессом, общим с литературным языком. Новые заимствования относятся к тематике сельского хозяйства, общественно-политической жизни, науке и технике. Обогащение говоров за счет русизмов продолжается также через школу, печать и радио. К заимствованиям советского периода относятся *колхоз/калхуз*, *пылук* 'плуг', *заатикник* 'зоотехник', *персидәтел* 'председатель', *тырактор* 'трактор', *пирме* 'ферма', *сәвит* 'совет', *гируй* 'герой' и др.

Лексический состав говоров обогащается также за счет интернациональных слов. Они проникают в говоры через русский или татарский литературный языки и употребляются в речи и младшего, и старшего поколения: театр, космонавт, космос, космодром, атом, станция, акваланг, спутник, ракета, концерт, магнитофон, телевизор и др.

В связи с ростом культурного уровня народа, все меньше становится и изменений в фонетическом облике слов.

Арабо-персидские заимствования

Вторую группу заимствованных слов составляют арабо-персидские слова. Они занимают в говорах сравнительно небольшое место. Как и русские заимствования, они подвергаются в говорах частичным фонетическим изменениям, т.е. подчиняются произносительным нормам и внутренним законам развития татарского языка.

1. Слова с религиозным содержанием: *алла/кодай* 'бог', *әулия* 'святой', *пигамбәр* 'пророк', *пирештә — фәрештә* 'ангел' и др. Большинство этих слов, в связи с изменением социальных условий и развитием культурного уровня народа употребляется редко и перешло в разряд архаизмов.

2. Слова, относящиеся к науке, культуре и общественно-политической жизни: *кагаз* 'бумага', *китап* 'книга', *калык* 'народ', *сурәт* 'портрет', *рәсем* 'рисунок', *кыхумәт* 'государство' и др.

3. Слова, обозначающие бытовые предметы: *тирәзә* 'окно', *сәәт/саат* 'часы', *ырызлык* 'продукт', *сандык* 'сундук', *пәрдә* 'занавеска', *тастымал* 'салфетка', *шалабар/чалбар* 'брюки', *мазар* 'кладбище' и др.

4. Слова, обозначающие абстрактные понятия: *багыт — вакыт* 'время', *акыл* 'ум', *ава — һава* 'небо', *жапа — жәфа* 'мучение', *кайер — хәер* 'милостыня', *гумер — гомер* 'жизнь', *заман — тиз* 'быстро', *айып —*

гаеп 'вина', *эрэкат* — *рэхэт* 'наслаждение, удовольствие', *кыбат* — *кыйбат* 'дорого', *уш* — *нуш* 'сознание', *дөнҗа* — *денья* 'мир', *кэл* — *хэл* 'сила', *өнэр/үнар* — *һөнэр* 'ремесло', *дус* 'друг', *дошман* 'враг', *дэгъва* 'требование', *талига/тэлэй* — *бэхет* 'судьба, счастье', *габрат* — *гыйбрэт* 'плохой пример, поучительный для других', *раван* — *тиз* 'быстро', *рисвай* 'позор', *зэкмэт* 'нечистая сила', *кыбла/кибла* 'юг'.

Займствования из чувашского, марийского и удмуртского языков

Число этих заимствований невелико. Они, в основном, наблюдаются в контактирующих говорах или населенных пунктах со смешанным населением.

Шырдан — бараний желудок (или кишка), начиненный кусками мяса, крупой, луком и прожаренный в печке, ср. литер. *тутырма*. Ср. чув. *шартан/шарттан* — род кушанья из овечьего желудка, начиненного мясом и рисом (Егоров, 1964, 335). В словаре В. Радлова слово *шырдан* дается в значении "овечий жир в желудке" (Радлов, 1893, 1075).

Алдыр — большой деревянный ковш для домашнего пива, ср. чув. *алтар*, мари *алдыр* (устар.) — деревянная чаша с двумя ручками для пива.

Чогор — хлеб, чув. *сакар*. *Пажалу* — лепешка, чув. *пашалу*.

Кылык — это слово употребляется в сочетании *кылык тавык* — литер. *утыра торган тавык* 'клушка', например: *Бакчага кылык тавык кергэн, кувалагыз эле* (д. Базгиево) 'В сад зашла клушка, выгоняйте же'; Слово *кылык* в таком же значении употребляется в марийском языке: *кылык цывы* 'клуша, курица — наседка'.

Кечтун (көн) 'поминки'. Это слово употребляется в речи кряшен села Ошторма-Юмья (Жумья) Кукморского р-на, в котором крещеные татары и удмурты живут вместе, ср. удм. *кисьтон корон* 'поминать умерших'. В речи кряшен этого же села — *пучы бэйрэме* 'вербный праздник', ср. удм. *пучы* 'почка дерева, верба'. У татароязычных бесермян Удм. АССР это слово употребляется как *чумы*, метатеза от *пучы*.

Довольно большое число чувашских заимствований приходится на говор подберезинских кряшен (см. выше, "Говор подберезинских кряшен").

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЛЕКСИКИ КРЯШЕН

Наиболее общей и особо характерной для всех групп крещеных татар является лексика тематических групп, обозначающая родственные отношения, названия одежды и украшений, обряды и обычаи.

Слова, обозначающие родственные отношения

Термины родства составляют наиболее древний, архаический пласт лексики. Древняя система терминов родства сохранилась у многих тюркских народов (Покровская, 1961, 11).

Слова, обозначающие кровное родство

Инә/инәй/нәнәй/әней — литер. *эни* 'мама, мать'. Из них слова *инәй, нәнәй, әней* являются формами обращения. Слово *инә* употребляется в речи постороннего человека: *аның инәсе* 'ее мать'.

Слова *инә/инәй* характерны для бакалинского подговора кряшен и для говора нагайбаков. Эти слова являются фонетическими вариантами древнетюркского слова *ана* (Малов, 1951, 358). Они известны в мензелинском, бирском, гайнинском, ичкинском говорах, в говоре нагайбаков⁶.

Слово *нәнәй* употребляется в подговорах елабужских и заинских кряшен, в отдельных подговорах Заказанья, например: *Нәнәйемнен ыру-тамыры шушында* (Савалеево) 'Вся родня моей мамы здесь'; *Нәнәй бик жууаш ыйы минем* (Сарапала) 'Моя мама была слишком робкой'. Ср. *нәнәй* в башкирских говорах (Юсупов, 1959, 124). В говоре нагайбаков известен вариант этого слова — *нәнәу*: *Нәнәу чирләгән* 'Мама заболела'; *Нәнәүгә қалдырыйық бу җимешләрне* 'Давайте оставим эти фрукты маме'.

В говоре подберезинских кряшен — *әнәү/айноу/ан'ну* 'мама':

<i>Туган гына этәшем,</i>	'Родненький мой папа,
<i>Туган гына әнәшем,</i>	Родненькая моя мама,
<i>Җиде бала эчендә</i>	Среди семерых детей
<i>Йат күренгән мин булдым</i>	Я казалась вам чужой'.

(Старое Тяберино)

В речи детей и молодежи употребляются заимствованные из русского языка *мамә* и *мамәу*. Примеры: *Мамә, чәйеңне эч, қәзер суына ыыл* (Айталан) 'Мама, пей час, сейчас остынет'; *Менә Лианит маманы мататсикел белә ийтәм дей* (Мунайкино) 'Вот Леонид хочет отвезти маму на мотоцикле'.

Әтей/папә — литер. *әти* 'отец, папа', например: *Папә, печән чабарга барасыңмый?* (Шурняк) 'Папа, идешь сено косить?'; *Папә, китап алып қайтырға оңотма* (Бол. Машляк) 'Папа, не забудь принести книгу'. Слово *папә* употребляется в речи детей и молодежи в говоре казанских кряшен и в отдельных подговорах кряшен Нижн. Прикамья, ср. также в нагайбакском говоре — *папәу* 'папа'.

В речи жителей сел Урясьбаш и Ошторма-Юмья Кукморского р-на и в говоре чистопольских кряшен в значении слова *папә* употребляется слово *тәтәй*: *Тәтәй, ағайның қызыл кү(л)мәге қайда* (Урясьбаш) 'Папа, где красная рубашка дяди?' В говоре нагайбаков — *тәтәү* 'папа'. *Кайттыңмы, тәтәү?* 'Приехал, папа?' Ср. рус. диал. *тятя*.

В говоре подберезинских кряшен употребляется слово *айтоу/эйчоу/ат'ту/этәү* 'отец, папа': *Эйчоу, безгә бүген урманга бармаллы* 'Папа, нам сегодня в лес идти'.

Ата-инә — литер. *ата-ана* 'родители (букв.: отец и мать)': *Ата-инәле багытлы балалар икәнсез* (Старое Азмеево) 'Вы, оказывается, счастливые

⁶Для сравнения лексики говоров кряшен с другими говорами татарского языка мы пользовались диалектологическим словарем татарского языка (Татар теленең диалектологик сүзлеге. Казан, 1969).

дети, с отцом и матерью'; *Ата-инәгә зур қайғы буған, балалары шуғышта жуғалған* (Бузюрово) 'Отцу с матерью большое горе, дети их пропали на войне'.

Дәдә/дәдәй/ага/ағай — литер. *абый* 'дядя', например: *Анда киленнең дәдәләре бар* (Шурняк) 'Там есть дяди снохи'; *Дәдәй-жиңгиләр бар минем, алар қарап үстерделәр мине* (Старое Гришкино) 'У меня есть и дяди, и тетки, они меня вырастили'; *Әндри дәдәй өйдәме?* 'Дядя Андрей дома?'; *Безнен ағылда бер карт салдат бар ыйы, Мекетә дәдәй* (Ишалькино) 'В нашей деревне был один старый солдат, дядя Никита'.

В говоре подберезинских кряшен употребляется слово *дад'у/дейдоу* 'дядя': *Дад'у ғына Ычтапан, кил утыр минн жанга* 'Дяденька Степан, иди, садись около меня'.

Термин *дәдә* 'дядя' имеется и в мишарских говорах татарского языка (в темниковском говоре и говорах юго-восточной части Пензенской обл.) и относится к числу слов тюркского происхождения (Махмутова, 1979, 142).

Термин *ага* активно употреблялся в древнетюркском языке (Малов, 1951, 359). В современных тюркских языках он известен в вариантах *ага/ака/акы* (Радлов, 1893; 444). Слово *ага* в современном татарском литературном языке обозначает старшего родственника. Оно употребляется также при обращении к пожилым (ученым). В том же значении это слово зафиксировано в говорах кряшен: *Йегетнең ағасы туйга килде* (Верх. Чура) 'Дядя парня приехал на свадьбу'; *Ағасын ғына мақтый бу қыз* (Сред. Пинячи) 'Эта девушка хвалит только дядю'; *Бәчели ағай зштән қайтып килә* (Биктяшево) 'Дядя Василий возвращается с работы'.

В говоре нагайбаков и отдельных подговорах заказанских кряшен как ласкательная форма обращения к старшему брату употребляется слово *ағачай* 'дяденька', например: *Өмәгә ағачайға да эндәшергә кирәк булыр* (Альведино) 'На помощь надо будет звать и дядю';

Ағачайым ақ тирәк

Сина бездән ней кирәк

(Варламово)

'Дяденька мой, белый тополек,

Что тебе нужно от нас'.

В речи старшего поколения елабужских кряшен встречается слово *аба* (в значении брата отца), например: *Әтисе белән бертуған абасында тордо улым* (Верх. Шурняк) 'Мой сын жил у дяди, родного брата отца'; *Безнен аба күнне күргән, сүләргә дә бик жарата* (Старое Утяганово) 'Наш дядя многое пережил и любит рассказать'.

Слово *аба* и в других тюркских языках (напр., в башк., кирг., туркм., хак., алт. и его диалектах — Покровская, 1961, 34) обозначает старшего родственника — мужчину.

Ақ дәдәй — форма обращения к самому старшему брату отца или матери (букв.: белый дядя), например: *Ақ дәдәй қунаққа киләсейе, Албайда торағыл* (Старый Карабаян) '(Белый) дядя должен приехать в гости, он живет в д. Албаево'.

Тута/түти/түтэй/тэтэй/тэтэ — *ана* 'старшая сестра; тетя', например: *Үринэ түти, сары'лар қайтты, қапқаңны ач* (Кибячи) 'Тетя Арина, овцы вернулись, открой ворота'; *Түтәң шомортқа жөрөп өйрәнгән инде был* (Бурды) 'Тетя ваша привыкла уже за черемухой ходить'; *Бәчүкә түти сезгә кердеме?* 'Тетя Василиса к вам зашла?'; *Думый тәтәләргә патирга кертерләр сезне* (Верх. Чура) 'Вас устроят на квартиру к тете Домне'.

Иногда слова *түтэй/тэтэ* произносятся в сокращенной форме: *Сатыйтай* — *Сатый тутай*, *Начтуктай* — *Настя тутай*, *Мәтериттэй* — *Матрена түтэй*, *Чупайтэй* — *Софья түтэй*: *Лизкәтә, көндезгесен ашарга сезгә қайтырлар шапирлар* (Поршур) 'Тетя Лиза, шоферы к вам придут обедать'; *Кәтериттэй, өйгә қайтырға чақыралар* (Старая Ципья) 'Тетя Катя, вас вызывают домой'.

Термины *тута/түти/түтэй* активно употреблялись и в старотатарском литературном языке.

В говоре подберезинских кряшен в значении 'старшая сестра' употребляется слово *титу/тейчоу*: *Дарук тейчоуны ырлап киткәннәр жәш багытында* (Молькеево) 'Тетю Дарью в молодости украли'; *Титу жизнейләр киләсен белмәдек без* (Янсурино) 'Мы не знали, что приедут сестра и зять'.

Ақ түти — уважительное обращение к старшей родственнице, сестре (букв.: белая тетя), например: *Сәwәләйдән ақ түти киләсейе туйга* (Сарапала) 'Из Савалеево на свадьбу должна приехать старшая сестра'; *Минем ақ түти исән әле, аныңсүрәкә-чигәчәләре миндә тора* (Ильтен-Бута) 'У меня старшая сестра еще жива, ее головные украшения (сороки, чигече) у меня лежат'.

В том же значении у нагайбаков употребляется слово *оло тәтәу*, букв. 'большая тетя'; *Оло тәтәу тәберсенгә чақырган ыйы* 'Большая тетя пригласила на поминки'.

Әби — *әтисенең әнисе* 'мать отца'.

Ағәбей/ақ әби 'старшая сестра отца, тетя (букв.: белая бабушка)', например: *Ағәби күчтинәч биреп жиберде безгә* (Айталан) 'Тетя прислала нам гостинцы'; *Ағәбине қунаққа дәштем, сезгә жырлар әле ул элеке жырларны* (Старый Мелькен) 'Тетю я пригласила в гости, она еще споет вам старинные песни'.

Бабай — *әтисенең әтисе* 'отец отца, дедушка'; так же обращаются к пожилому мужчине: *Арыумы, Микуш бабай!* 'Здравствуйте, дедушка Никита!'; *Багытын, Симуш бабай жуқ, ул сина күрсәтер ийе* 'Счастье твое, нет дедушки Семена, он бы проучил тебя'; В говоре нагайбаков это слово иногда произносится как *бабау*: *Илжә бабау пирмедән қайтқан* 'Дедушка Илья приехал из фермы'.

Жырақ бабай — *әтисенең әтисе* 'отец матери, дедушка, (букв.: далекий дедушка)', например: *Жырақ бабай жарман суғышында жөрөп қайтқан* (Ляки) '(Далекий) дедушка был на германской войне'; *Безнен жырақ бабай жаңа өй салып чықты* (Тулабаево) 'Наш (далекий) дедушка построил новый дом'. В говоре нагайбаков — *жырақ бабау*: *Жырақ бабауны сағындым, қунаққа чақырам диб әйтә* 'Соскучился по (далекому) дедушке, говорит, что в гости приглашает'.

Жырағәбей — *әтисенең әнисе* 'мать матери, бабушка (букв.: далекая

бабушка), например: *Бу минем жырагәбейләр ашылына бара икән* (Дурга) 'Он, оказывается, едет в деревню моей (далекой) бабушки'; *Жырагә әбей, қат жазығын, жәме* (Янцевары) '(Далекая) бабушка, пиши письмо, ладно'.

Жырақай — в том же значении у нагайбаков: *Инәмнең инәсе жырақайыбыз күрсәтер ийе кижеле күлмәкләр* (Париж) '(Далекая) бабушка показывала хлопчатобумажные самотканые платья'.

Жырақ дәдәй/жырақ ағай > *жырағай* — *әнисенең абыйсы яки энесе* 'старший или младший брат матери дядя (букв.: далекий дядя)', например: *Жырақ дәдәгез чирәмдә аяқ сузып утыра, жал итә ақырысы* (Бол. Шурняк) '(Далекий) дядя ваш сидит на траве, вытянув ноги, наверное, отдыхает'; *Бусы жырақ дәдәйләрнең жорто* (Кулуши) 'Это дом (далекого) дяди'; *Ибан жырағай килде* (Атиаз) 'Приехал (далекий) дядя Иван'.

В говоре подберезинских крышен старшие и младшие братья матери называются *кукки*: *Ибан кукки* 'дядя Иван'.

Жырақ жиңгей — *әнисенең абыйсының яки энесең хатыны* 'жена старшего или младшего брата матери тетя, букв.: далекая тетя', например: *Жырақ жиңгей, мин қалдырып төшәм баланы сездә, уйнасын шунда* (Крещ. Шуран) '(Далекая) тетя, я оставлю ребенка у вас, пускай играет'.

Жырақ түтей/жырақ тәтә/жырақтай — *әнисенең апасы яки сеңлесе* 'старшая или младшая сестра матери, (далекая) тетя', например: *Жырақ түтей, қат жаз* (Бузюрово) '(Далекая) тетя, напиши письмо'; *Жырақ түтейнең малайы бездә тора* (Мунайкино) 'Сын тети (далекой тети) у нас живет'; *Анна жырақтайнын килене бик матур* (д. Париж) 'у (далекой) тети Анны сноха очень красивая'.

<i>Бик күптән күп сәләм әйтәм</i>	'Шлю много-много приветов
<i>Бабай белән әбейгә,</i>	Дедушке и бабушке,
<i>Әрнәштәге қодаларға,</i>	Сватам, которые в д. Арняше,
<i>Аудый жырақ түтейгә</i>	(Далекой) тетушке Аудый (Авдотье)'
(Албаево)	

Употреблять слово *жырақ* 'далекий' при обращении к родственникам со стороны матери принято во всех говорах крещеных татар, кроме подберезинского. Это объясняется тем, что родственники и родители матери в большинстве случаев находятся в другой деревне.

Термины родства по браку

Слова, обозначающие термины родства со стороны мужа по отношению к жене, образуются при помощи преф. *би*:

Бийата/биатай/биатый — литер. *кайната, иренең әтисе* 'отец мужа, свекор', например: *Бийатам да шушы ашылнықы* (Верх. Юшады) 'Свекор мой тоже из этой деревни'; *Бийатаға тәмәке жанчығы буған матурлап чиккән* (Кадряково) 'Свекру подарили красиво вышитый кисет'; *Бийатый, сийрға су эчертмәллеме?* (Старое Тябердино) 'Отец, корову напоить водой?'

Бийем/бийанам — литер. *кайнана, иренең әнисе* 'мать мужа, свек-

ровь', например: *Ақ бирә ул, жаулықмы, ашжаулықмы, бийеменә бирә* (Калейкино) 'Она дает свекрови что-нибудь белое, или платок, или скатерть'; *Маржыйны бийеменә қунаққа алып китте* (Бурдо) 'Марию свекровь увезла в гости'.

Формами обращения являются: к свекру — *әтей, әтеки* 'папа', к свекрови — *әней, әнеки* 'мама'. Но очень старые люди помнят, что раньше формами обращения служили те же самые слова — *бийатай, бийем, бийанам*, например: *Килен, самавыр қуй әле, қунақлар килделәр* — *Жарар, бийатай* (Варлам) 'Сноха, поставь-ка самовар, гости пришли. — Сейчас, отец'.

В отдельных деревнях Заказанья и у чистопольских кряшен в значении слова *бийем* 'свекровь' раньше употреблялось слово *печкә/бейем*. Термины *печкә* 'свекровь', *печкәчә* 'младшая сестра мужа', возможно, имеют одинаковое происхождение. Ср. в говоре причепецких татар *бечий* 'родственник', чув. *пичче* 'дядя, старший брат', хак. *пиче* 'сестра', удм. *бече* 'родственник', *бечей* 'старший брат', *беска* 'старший брат мужа' (Тепляшина, 1977, 106—108).

Ақ бийем — *иренең тутасы* 'старшая сестра мужа'; формой обращения является *ақ түтей* букв. 'белая тетя' (в группе кряшен Балтасинского р-на Заказанья — *ақ тәтә*), например: *Ақ бийем иренең тутасы була индевыл* (Порымово) 'Ак бийем является сестрой мужа'; *Ақ тәтә гәсләдә уйнап утырыр ыйы утырмаға барғачын* (Дурга) 'Когда ходили на посиделки, (белая) тетя играла на гуслях'.

Печкәчә — *иренең сеңлесе* 'младшая золовка', например: *Печкәчәм, чәй эчәргә утыр* (Ахманово) 'Золовка, садись чай пить': *Минем печкәчәм қарады улымны зур үскәнчегә тикле* (Бузурово) 'За сыном, пока он не вырос, ухаживала моя младшая золовка'. *Ақ печкә* — ласковое обращение к младшей сестре мужа, младшей золовке. В говоре подберезинских кряшен в этом значении употребляется слово *сәр(ы) кыз* (букв. 'желтая девушка'): *Минн сәр(ы) кыз бер генә жәшкә жәшрәк булды* 'Моя младшая золовка была только на один год моложе меня'.

Бийага/биайагай — *иренең абыйсы* 'младший брат мужа', например: *Ике бийағам икесе тиң ағылдан чығып киттеләр* 'Оба брата мужа уехали из деревни'; *Бийагый* — в говоре подб., кряшен: *Минн бийагый сугыштан кат'мады* 'Старший брат моего мужа не вернулся с войны'.

Жанағай — *иренең энесе* 'младший брат мужа'. Слово *жанагай* состоит из слов *жан* (араб. *душа*) и *агай* 'дядя'. Примеры: *Мин килгәндә ике жанағай бар ыйы* (Гардали) 'Когда я пришла, (там) были два младших брата мужа'; *Әндри минем жанағай була инде* (Сред. Баграж) 'Андрей является младшим братом моего мужа'. В говоре подберезинских кряшен этому слову соответствует *сәр(ы)ул* (досл. 'желтый сын'): *Сәр(ы)ул миңа жиңгәй әтә иде; минн сәр(ы)ул бер Аудаким гына иде* 'Младший брат мужа называет меня тетей, у меня был только один младший брат мужа — Евдоким'.

Слова, обозначающие родственные отношения со стороны жены по отношению к мужу в говорах кряшен, как и в татарском литературном языке, образуются при помощи слова *кайын*:

қайнигәч — *хатынының апасы* 'старшая сестра жены', ср. также, монг. *эгч* 'старшая сестра', якут. *агас* 'старшая родственница по отцу'

(Очерки, 1972, 31), кум. *эгечи* 'сестра отца или матери', балк. *эгеч* 'сестра' (вообще), др.-тюрк. *ека* 'старшая сестра'; в говорах мишарского диалекта *игэч* — 'родная старшая сестра' (Махмутова, 1979, 142);

қайнаға — *хатынының абыйсы* 'старший брат жены';

Қайнеч/қайнеш — *хатынының энесе* 'младший брат жены'.

В говоре подберезинских кряшен: *кан' агач* — *хатынының апасы* 'старшая сестра жены'; *Кан'ым* — *хатынының әтисе* 'отец жены'.

В татарском литературном языке термины родства со словом *кайын* образуются, в основном, в мишарском диалекте (МТД, 1962, 248), а со словом *би* — в среднем диалекте. Термины родства со словом *кайын* широко употребляются и в других тюркских языках (Покровская, 1961, 68—69). Образование терминов родства со словом *би* характерно для чувашского языка: *пайатам* 'свекор', тат. литер. *кайната*, диал. *бийата*; *пайанам* 'свекровь', тат. литер. *кайнана*, диал. *бийана/бийем*; *пайахам* 'брат мужа', тат. *иренең абыйсы, бийага*.

Термины родства, связанные с обрядами

Қыйаматлық/кийаматлық > *кыйамат* + *-лық* 'родственники (муж с женой) со стороны жениха или невесты, которые присутствуют во время венчания в церкви — посаженные (мать и отец). Под руководством *кыйаматлық* происходил обряд *баш бәйләу* — смена девичьего головного убора на убор замужних женщин. Термин *кыйаматлық* употребляется во всех говорах крещеных татар. Людям, которые исполняют роль *кыйаматлық*, жених и невеста всю жизнь оказывают уважение и заботу, обращаются к ним *әтеки, әнеки* 'папочка, мамочка'.

Слово *хайматлых* в том же значении употребляется в чувашском языке (Егоров, 1964, 289), ср. также мар. *кийамат ава* 'посаженная мать', *кийамат ача* 'посаженный отец', в говорах башкирского языка: *кыйаматлык атай, кыйаматлык әсәй* (Максютова, 1976, 256), *гыйаматлык/кыйаматлык*, литер. *кейәмәтлек* (Миржанова, 1979, 107).

Слово *кыйаматлық* > араб. *кыйәмәт* 'воскресенье, конец света' употребляется кряшенами в значении "друг на веки". Действительно, судя по рассказам информаторов, невеста в течение всей своей жизни делилась всеми своими переживаниями, неудачами, обидами с *кыйаматлық*, которая, обычно, стремилась уладить отношения между молодыми и их родителями.

Қыйаматлық қызым/кийаматлық кызым — форма обращения посаженной матери к невесте, например:

Қыйаматлық қызым, үз қызым,

Чәчләренне тарап үр, қызым,

Атаң-инәң жорто қала

Күзләренне ачып күр қызым

(Сред. Пинячи)

'Доченька кыйаматлық, своя доченька,

Расчеши свои волосы и заплети.

Остается дом твоего отца и матери

Открой свои глаза и посмотри'.

Әңки әбей, әтеки бабай — обращение детей к посаженной матери своей матери (букв. 'мама-бабушка, папа-дедушка'). У бакалинских кряшен в том же значении употребляется *йәш әбей, йәш бабай* (букв.: 'молодая бабушка, молодой дедушка').

Чибәр түтей/чибәр жиңгей — обращение родственников невесты к посаженной матери (букв. 'красивая тетка'). У бакалинских кряшен и нагайбаков в том же значении употребляется *йәш түти/жәш түтей* 'молодая тетя'.

Уртағым/уртағым — форма обращения между собой родственников посаженных и родственников жениха и невесты: *Тәрәздән башым тыққан да қычқыра, уртағым, чай эчәргә кер, диб әйтеп* (Крещ. Серда) 'Высунул голову из окна и кричит: уртағым, заходи чай пить'. В таком же значении это слово *вурдахлым/вартах* отмечено в чувашском языке (Золотницкий, 1875, 141).

Слово *уртағым* употребляется также у заказанских кряшен во время *нардуган* (святки), когда ряженые ходили по домам. Прежде чем войти в дом, нужно было три раза громко спросить у хозяйки разрешения, произнося слова: "*уртағым керикме, уртағым керикме, уртағым кердекме?*" 'Уртағым, можно зайти, уртағым, можно зайти, уртағым, зашли что-ли?' После таких слов ответ хозяина считался необязательным, все входили в дом, веселились, плясали и т.д.

У луговых марийцев употреблялось слово *вуртак*, которое обозначало родовую группу, состоявшую из близких кровных родственников. Члены *вуртака* совместно проводили поминки. К концу XIX в. *вуртак* превратился в "соседскую" группу, члены которой не обязательно являлись родственниками. Слово "*вуртак*" упоминается и в марийских языческих молитвах (Петров, 1981, 137). Наличие слов *уртак/уртағым* и *вартах/вурдахлым, вуртак* у татар, чувашей и марийцев говорит о древних связях и общественных традициях этих народов.

Урсәти, урсәни/урсанай/урсай 'муж и жена, которые исполняют обряд крещения ребенка', ср. рус. 'крестный отец, крестная мать'. Например: *Урсанайларнын қапқасыннан кергәчен жығылған мин* (Кылбагыш) 'После того как я прошла калитку крестной матери, я упала'. В таком же значении у бакалинских кряшен употребляются *йәш әни* букв. 'молодая мама', *йәш әти* 'молодой папа', в группе кряшен-нагайбаков — *жәшей/жәш әней* 'молодая мама', *жәш әтей* 'молодой папа', в речи кряшен Балтасинского р-на Заказанья — *ызур әней* 'большая мама', *ызур әтей* 'большой папа', *әтей ағай* букв. 'отец-дядя', *әней түтей* букв. 'мама-тетя' в д. Кр. Пакшин Мамадышского р-на, в говоре подберезинских кряшен *крусан'ну, крусат'т'у, куман'ну, кумат'т'у*. Ср. также в удмуртском языке — *кирос дядя* 'крестный отец', *кироснәнэ* 'крестная мать'.

Кум, кума — обращение между собой родителей ребенка и крестных отца и матери, например: *Ибан үзенен кумы Бәчкә белән сүз көрәштерә* (Альведино) 'Иван спорит со своим кумом Василием'. Слова эти русские и проникли через христианскую религию. В русском языке кумовство объясняется как духовное родство (Даль, 217—218).

Слова, обозначающие род, племя

Жәвер/жебер — литер. *туган-тумача* 'родня': *Болар барчасы безнең жебер* 'Все они наша родня'.

Туқым — *туган* 'родственник': *Безгә туқым кеше ул* 'Он наш родственник.'

Нәсел-жәптә/нәсел-зәпте — *нәсел-нәсәп* 'родня, род': *Нәсел-зәптәсе түгел* 'Не родня его'; *Бөтөн нәсел-жәптә балалары Анныйны түтей дей* 'Дети всей родни Анну зовут тетей.'

Тыуған-ырыу, зат-зәвер — литер. *нәсел-нәсәп* 'родня, род': *Тыуған-ырыуын, зат-зәверен чақыра, әйдәгез, безгә беген бәбей майы ашарға килегез дип* (Попово) 'Приглашает свою родню; давайте, приходите к нам сегодня на торжества в честь рождения ребенка'.

Ыру-тамыр — *нәсел-нәсәп* 'род, происхождение, родня'; *Ырыуым-тамырым түгел* 'Не моя родня'.

Жоқ — *нәсел-нәсәп* 'родня, род, родословная': *Симон бабай жогы энде без* 'Мы род дедушки Семена.'

Туғаный/тыуғаный/тыуғанай 'родные братья или сестры':

Жырласы жырыуым би күб әле,

тыуғанайлар кигән тыңнарға

Много песен, которые я должна петь,

Пришли мои родные слушать'.

Тыуғаннан тыуышқан 'двоюродные братья или сестры'.

Туған-игәч — *кыз туганнары* 'родственницы': *Туған-игәчләре ашқа жәртә қызлар кенендә* 'В день девушек родственницы приглашают к себе в гости'.

Названия одежды и украшений

Крещеные татары отличаются от остальных групп татарского народа тем, что они до сих пор сохранили древние и своеобразные элементы одежды. В некоторых деревнях и сейчас можно увидеть одежду, сшитую из тканей домашнего производства. Многие наряды уже вышли из употребления, но женщины бережно хранят их в сундуках как память о старых временах и иногда надевают во время праздников, свадеб и святок. Костюмы раньше украшались вышивкой, монетами, бисером, бусами и позументом. Особенно интересны женские платья, головные уборы и украшения. По одежде кряшены близки с чувашами и удмуртами, однако названия почти всех ее видов и названия украшений древнетатарские.

Названия головных уборов и украшений

В настоящее время основное место среди головных уборов занимают летний платок (*жаулык*), который завязывают, складывая на угол, и зимняя теплая шаль. А раньше женские головные уборы состояли из многих деталей и служили своеобразными украшениями. В прошлом они, как и у других соседних народов, были знаком, указывающим на племенную принадлежность, возраст, обще-

ственное и семейное положение (см., например, о марийцах: Молотова, 1981, 74). Женские головные уборы противопоставлялись девичьим уборам и являлись своеобразным символом замужней женщины.

Мэлэнчек/мэлэчлек/мэрэчлек — волосник, плотно облегающий голову холщевый чехол, чепчик; например: *Мэлэнчек кий чэчлэр күренип тормасын дисэн* (Старое Утяганово) 'Надень чепчик если хочешь, чтоб не были видны твои волосы'; *Кыз алырга кигенче, мэлэнчек алдыңы жусаңчы дип, жырларлар ыйы кийаматлыкка* (Крещ. Елтаны) 'Чем приходиться за девушкой, выстирала бы свой чепчик, — вот так пели посаженной матери'. В говорах заканских и чистопольских кряшен встречаются варианты этого слова: *мэлэчлек/мэрэчлек*.

Чигэча (*чигэ* 'висок' + *-ча*) — женский головной убор из монет, свисающих на виски, например: *Чигэчәсе матур бумаган, тәңкәләре жалтырап тормый* (Старое Гришкино) 'Некрасивый получился чигэча, монеты не блестят'. *Кызыл бэйгүчле ди чигэчәсен* (Порымово) 'Говорит, что чигэча с красной веревкой'. Слово *чигэча* характерно, в основном, для говора кряшен Нижн. Прикамья.

Жилкәлек (*жилкә* 'плечо' + *-лек*) — употребляется в говоре заканских кряшен в том же значении, что и *чигэча*, немного отличаясь от него по форме, а также тем, что украшается он не монетами, а позументом, например: *Аудый жилкәлеген биреп жибәрсен әле, жә үзе килсен* (Альведино) 'Авдотья пусть передает свой жилкәлек или сама придет'; *Жилкәлеге түбән тешеп тора, матур бумаган* (Кибячи) 'Жилкәлек слишком низко держится, некрасиво получилось'.

Сүрәкә — головной убор (сорока), который надевается поверх *мэлэнчек* и *чигэча*. *Сүрәкә* имеет круглую высокую форму и вышивается позументом. Его надевали пожилые женщины в торжественных случаях, например:

*Сүрәкәләр чиктем киргесез
Киреп чиккәннәргә биргесез* (Старый Карабаян)
'Вышивала сороку без пялец,
Получилось лучше, чем на пяльцах';

*Сүрәкәләр чиктем бизәкләп
Дүрттей почмакайын пичәтләп* (Чув. Ялтаны)
'Вышивала сороку узорами,
Запечатывая четыре угла'.

Такого типа головной убор носят марийские женщины; у русских — это сорока (Фасмер, 1971, 46). По исследованию Ю.Г. Мухаметшина (1977, 118), *мэлэнчек* и *сүрәкә* у кряшен восходят к волосникам русского населения. Как известно, волосники и сороки в XVIII в. раздавались народам края как поощрение за крещение (История Татарии, 1937, 328). Например, в документе 1791 г. говорится о раздаче женам новокрещенов 30 сорок (*сүрәкә*) "шитых шелком" и 30 волосников (*мэлэнчек*) "выбойчатых" (Никольский, 1920, 470).

Кашбау/кашбу/кашпу — конусообразная холщевая шапочка от слова *каш* ‘брови’ и *бау* ‘завязка, тесьма’. Она обшивается снизу крупными, сверху мелкими блестящими монетами, например: *Балык тәңкәсе күрек таңкылтап жалтырап тора кашбау тәңкәсе* (Савалеево) ‘Монеты на *кашбау* ярко блестят, как рыбная чешуя’. Такой головной убор раньше были и у казанских татар (Риттих, 1975, 59; Будагов, 1871, 16).

Головной убор типа *кашбау* и обозначающие его слова зафиксированы также у татар мишарей — *кашпау, кашмау* (ТГДС, 1969, 235; Мухамедова, 1959, 228), башкир — *кашмау* (Руденко, 1955, 190), чувашей — *хушпу*, бесермян — *кашпу* (Белицер, 1971, 190—191). Отсюда можно сделать вывод, что головные уборы типа *кашбау* представляет очень древний элемент одежды тюркских народов Среднего Поволжья и Приуралья.

Тақыя/такийя — девичий головной убор у кряшен д. Ташкирмень Лаишевского р-на и подберезинских кряшен, например: *Элек бу өйдә тақыя уйнағаннар, қызлар жыйылып тақыяны чуқлағаннар, башларына кигәннәр, жырлағаннар: Тақ, тақ тақыя, эйде гиде-гидая* (Ташкирмень) ‘Раньше в этом доме играли в *такийя*, украшали *такийя* кистями, пели песни’. Ср. в ногайском языке: *тақыя* ‘тюбетейка’, *тақыялы кыз* ‘совершеннолетняя девушка’.

У чувашей *тухъя* — праздничный обрядовый убор. *Такыя/тухъя* как девичий головной убор бытовал у башкир и среди финнов Поволжья — мари, удмуртов и бесермян, имевших этнокультурные связи с волжскими булгарами (Белицер, 1961, 57—58). Это слово встречается и в языке дунайских болгар в значении головного убора — *таке* ‘берет’ (Денисов, 1969, 41). Судя по материалам Н.И. Воробьева (1929, 9), *такыя* является девичьей разновидностью твердого высокого головного убора, общего для всех тюрков.

Кәптәши (кәптәши), кәртәши — старинный женский головной убор, вышитый спереди бисером или украшенный монетами и надеваемый поверх платка, например: *Менә безнен Дорға авылында безнен әбиләр тәңкәле кәптәшиләр кийеп, эйбәт жеңәк жуулыктар бәйләп, камзуллар кийеп жәргәннәр* ‘Вот раньше в нашей деревне Дурге наши бабушки ходили в шелковых платках, в украшенной монетами *кәптәши*, в камзолах’. Этот головной убор характерен для группы крещеных татар, живущих около Шошмы Балтасинского р-на Заказанья.

Тастар — домотканый и вышитый материал в виде полотенца, который повязывали на голову, характерен для группы подберезинских кряшен. Он был основной и постоянной частью головного убора замужней женщины. Надевание *тастара* символизировало прощание девушки с волей, которую она теряла, переходя в подневольное положение в семье, например:

Аппак тастар сардыгыз.

Жаулыгым кайа куйдыгыз? (Из свад.песни)

‘Окутывали меня в белый тастар.

Куда девали мой платок’.

Тастар как головной убор известен у мишарей (Воробьев, 1930, 367; Мухамедова, 1972, 106—107, Махмутова, 1979, 160), башкир (Руденко, 1955, 195; Паллас, 1770, 9) и, под названием *сурпан* у чувашей (Воробьев, 1956, 298), *кышон* — у бессермян, *чалма* — у удмуртов (Белицер, 1961, 66—68).

В группе елабужских крышен имеется еще *чукул*⁷, в Заказанье — *сүрәкә канаты*, которые прикрепляются к задней части *кашбау* или *сороки*. Они сделаны из цветной материи с вышивкой, концы их украшали кружевами. В речи крышен д. Базгиево Шаранского р-на БАССР в этом же значении употребляется слово *качмык*, например: *Качмык сәленеп тора аркада, бәк матур булалар ыйы кызлар элгәре* 'На спине висит качмык, раньше девушки были очень красивыми'.

Полотенцеобразные женские головные повязки в прошлом были широко распространены среди групп крещеных татар. Известны следующие повязки.

Ақ жаулық — полотенеобразный кусок материи, у которого оба конца вышиты, досл. белый платок. Он обертывался в виде чалмы вокруг сороки. *Ақ жаулық* считается головным убором исключительно пожилых женщин. Как отмечает Ю.Г. Мухаметшин (1977, 121), *ақ жаулық* крышен как по форме, так и по композиции наиболее близок к *пус тутри* или *сурпан тутри* низовых чувашей.

В чистопольском говоре крышен такая повязка называется *катыннар жаулыгы* 'платок женщин' и имеет несколько другую форму: *Катыннар жаулыгысы чуклы була* 'Платок женщин бывает с кистью'.

Түгәрәк жаулық — расшитый черной шелковой двусторонней выпуклой вышивкой платок, который надевали невесты. *Түгәрәк жаулық* — буквально означает круглый платок, хотя сам платок четырехугольной формы. Передний край платка украшали серебряными монетами в два-три ряда, края платка обметывались темно-красным шелком и украшались шелковой бахромой того же цвета. На середине платка на белом фоне ярко выделялся вышитый черной выпуклой вышивкой восьмигранный узор, причем на всей территории распространения этих платков узоры имеют почти одинаковую форму. Пример:

<i>Түгәрәк жаулық чиктем мин,</i>	'Вышивала я круглый платок,
<i>Түгәрәк күзем түнтәрәп.</i>	Низко опустив глаза.
<i>Сез икәнән белгән булсам,</i>	Если б знала, что это вы,
<i>Қарарыйым күземне күтәрәп</i>	Смотрела бы, не опуская глаз'.

(Ташкирмень)

Вышивальщицы *сүрәкә* и *түгәрәк жаулық* в деревне было очень мало. Они пользовались заслуженным почетом и уважением, и их опыт передавался из поколения в поколение.

Түгәрәк жаулық особенно характерен для заказанской группы

⁷ Ср. у бесермян в том же значении *чулык/чулук* (материалы экспедиции, 1981 г.).

кряшен. Аналогий кряшенскому *түгәрәк йаулык* среди других групп татар нет. Как указывают этнографы, ближайший его аналог — свадебный платок *сюлык* южной группы удмуртов, носивших его поверх высокого айтона. *Сюлык* можно соотнести со свадебным покрывалом *сюлык* бесермян и восточных марийцев (Мухаметшин, 1977, 124).

Широко употреблялись у кряшен платки из льняных домотканых материй и шелковые платки — *дарай* 'шелк', *дарай жаулык* 'платок из красной шелковой материи', например: *Дарай жаулық алып керде сөйгән жегете, бардавай дарай жаулық* (Ташкирмень) 'Любимый ее парень принес бордовый шелковый платок';

*Тире дә лә туннар мин тектердем
Уттый ғына қызыл дарайдан*

(Шеморбаш)

'Сшила себе шубу
из огненно-красного шелка'.

Слово *дарай* имеется и в других тюркских языках, например: ног. *даьре* 'шелковая шаль', кум. *дарай* 'тафта', *дарай гелек* 'рубашка из тафты'.

Күшгә — платок, сшитый из холста и украшенный набивным рисунком. Употребляется в северной части Закавказья, в говоре кряшен Балтасинского р-на и говоре д. Нусла Малмыжского р-на Кировской обл.

Кэбинәт жаулык/кэминәт жаулык — пестрый шелковый платок, который завязывали во время венчания—*кэбен*.

Бөркәнчек — покрывало, которым закрывали лицо невесты, когда ее приводили в дом жениха. Оно шилось из белого холста или пестряди красно-синей расцветки (*қызыл бөркәнчек*), ср.:

*Имәннар сайғақ имерек,
Жүкәләр сайғақ жимерек.
Атлар жигеп, бөркәнчек салып,
Қыз алырға килдек жылдереп*

(Сред. Пинячи)

'Дубовые полы крепкие,
Липовые полы поломаны
Запрягали мы лошадей, расстелили покрывала,
И примчались за невестой'.

Это слово в других фонетических вариантах употребляется в говоре подберезинских кряшен (*бергәнчек*), касимовском (*бер'инчи*), тюменском подговоре сибирских татар (*пөргәнчек*), в чувашском языке (*пуркенчек* 'свадебное покрывало'). В древнетюркском языке употреблялось в форме *бүркөншүк*, *бүрүнчүк* (ДТС, 133).

Пример из говора подберезинских кряшен:

*Тиңдәш кенә Аудаким,
Бөркәнчекнен пычмагын
жугары күтәрәп бәйләмә,
Буйым кыска тишәлмим*

(Янсурино)

‘Сверстник мой Евдоким,
Угол покрывала не завязывай высоко,
Ростом мала, не могу развязать’.

Калпақы — мастер или мастерица по вышиванию и вязанию колпаков.

Қалпақ/ақ қалпақ — вязаная белая шапочка с кистью на конце. Белые шапочки были широко распространенным девичьим головным убором (Татары, 1967, 146). Они недавно вышли из употребления. Например, крещеные татары Чистопольского, Мензелинского и Елабужского уездов еще в начале 20-х годов носили белые колпаки (Воробьев, 1953, 276).

В старинных песнях крещеных татар слово “*ак калпак*” встречается часто:

*Эзэй буйларыннан эз киткән,
Ак калпакай кигән кыз киткән.
Ак калпакайы сызмалы
Без Йакты Күл кызлары
Ак калпагың кисәнә,
Чугын артка чөйсәнә.
Эчеңдәге жаның ничек,
Безне шулай күрсәнә*

(Светлое озеро)

‘Тянется след по берегу Зеи,
Прошла здесь девушка в белом колпаке.
Белый колпак ее в полоску.
Мы девушки из Якты Куля.
Надевай-ка свой белый колпак,
Откинь назад его кисти.
Принимай нас так,
Как свою душу’.

В настоящее время крещеные татары не носят белых колпаков, но у представителей заказанской группы говоров нам удалось увидеть бархатные вышитые девичьи колпаки с кисточкой на конце. Колпаки, как правило, носили с налобной повязкой *чачак* ‘бахрома, сделанная из позумента’.

*Ташкирмәннең чишмәсе
Аға микән боз булып.
Қалпа' кийеп, чача' бәйләп,
Жереп қалдым қыз булып*

‘Родник деревни Ташкирмень
Течет ли замерзая.
Долго ходила девушкой
в колпаке и завязав бахрому’
(Ташкирмень)

В говорах слово *чачак* употребляется в следующих вариантах:

Қалпақ чачақ/калпак чәчәк/чәчәк қалпак — девичьи колпаки и налобные повязки, бытовали у мишарей, казанских татар, чувашей-анатри, башкир. Они представляют древний элемент одежды тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья. Форма и употребление *қалпақ-чачақ* у кряшен полностью совпадает с *укачачак* мишарей (Мухамедова, 1972, 111):

*Ақ тый қалпа' белән сары чача'
Маңғай чәчләреңне қапласын.
Бер битең ай, берсе койаш,
Жаман жыллар қақмасын,
Жаман күздән қодай сақласын*

(Старый Карабаян)

‘Белый колпак с желтой повязкой
Пускай закрывает твой лоб.
Одна щека твоя — луна, другая — как солнце,
Как бы не коснулись тебя плохие ветры,
Пусть бог тебя бережет от дурных глаз’.

Маңғай уқа — холщевая повязка с завязками, налобная часть которой обшивалась позументом, цветной материей, кружевами, например: *Маңғай уқам сандықта жата, төсө жәмсез қазер* (Старое Гришкино) ‘Налобная повязка лежит в сундуке, некрасивая сейчас’; *Маңғай уқа кидереп картыкы төшөрте безне* (Айталан) ‘Нас сфотографировал в налобных повязках’.

Маңғай уқа — характерна для крышен елабужской группы, ее обычно носили молодые женщины.

Маңғай тәңкә — налобное украшение, сплошь увешанное серебряными монетами’, например: *Маңғай тәңкә кийеп, чигәчәләр кийеп жөрдег инде жәш баытта* (Старое Утяганово) ‘В молодости носили налобные украшения и наушники (чигәчә)’; *Маңғай тәңкәмне Бәчүкә түтей тегеп бирде* (Порымово) ‘Налобное украшение сшила мне тетя Василиса’.

Маңғай тәңкә также характерна для елабужской группы крышен.

Названия верхней и нижней одежды и украшений

Мыйтумар/бут'умар/буйтмар/буйдымар — женское нагрудное украшение, на которое нашивали в три-четыре ряда монеты, например: *Мыйтумарны сүттем, тәңкәсен қызыма биреп жибәрдем* (Тулабаево) ‘Распорола я свой мыйтумар, а монеты передала своей дочери’; *Күлмәг өстөннән мыйтумар кийеп, жалық та жолық жөрөрләр ийе қызлар элгәре* (Бол. Шурняк) ‘Раньше девушки поверх платья надевали мыйтумар, ходили все блестя’.

Слово *мыйтумар/бут'умар/бут'мар* наблюдается только в елабужском подговоре крышен, и в пакшинском подговоре Мамадышского р-на — *буйдымар*.

В вариантах *бут'мар/пут'мар/пут'емар/пут'ымар* это слово употребляется в говорах мишарского диалекта, например в лямб., кузн., хвал., серг., морд.-кар. (ТТДС, 98, 346; Мухамедова, 1959, 231). Известно оно и в других тюркских языках, например: в узбекском — *буйин тумор* ‘шейное украшение’, в ногайском — *мойтумар/мойын тымар* ‘талисман’ (Баскаков, 1940, 255; Махмутова, 1976, 157).

У южных удмуртов и бесермян слово *бут'мар* обозначает то же

самое украшение, которое употребляется у татар (Белицер, 1951, 77—78; Тепляшина, 1970, 45).

В говоре заказанских кряшен вместо *мыйтумар* употребляется слово *қәсилә/қәситә*, например:

*Қәсилә ди бауларың көмөш буса
Саласың да кимәс муйныңнан...*

(Бол. Машляк)

‘Если шнурки у *қәсилә* серебряные,
Не захочешь ее снимать...’.

Сақал — нагрудник, сплошь обшитый монетами, например: *Сақал күп кешедә бумады элек, сақалға тәңкә күп кирәк тезәр-гә* (Атназ) ‘*Сақал* раньше был не у всех, для него нужно иметь много монет’.

Слово *сақал* является характерным для слабужского подгруппы, оно зафиксировано в деревнях Крещ. Пакшин, Урясьбаш, Дюсьметево Заказанья. В большинстве деревень заказанских кряшен в этом значении употребляются слова *изу*, *түшлек*:

*Базарларға барып тәңкә алдым
Қәсиләгә түгел түшлеккә...*

(Янцевары)

‘Сходила на базар, купила монеты,
Не для перевязи, а для нагрудника...’.

Такие нагрудники есть и у башкир — *сакал* (Руденко, 1955, 182—183). Аналогичные, сплошь обшитые монетами нагрудники встречались у чувашей и удмуртов (Белицер, 1951, 76), восточных марийцев (Гаген-Торн, 1960, 54).

Исследователи считают, что нагрудник типа *сакал* очень древний и мог быть унаследован от ранних кочевников Алтая (Авитанская, Бикбулатов, Кузеев, 1964, 217; Мухаметшин, 1977, 132).

Мун’жака (*муйын* ‘шея’+*жака* ‘воротник’) — шейное украшение, которое делается на основе из грубого холста. Сверху основа обшивалась черной или красной материей, ее расшивали в несколько рядов бисером, украшали серебряными монетами, например: *Ашқа-сыуға барғанда да бәйләмийем қәзер мун’жақаны* (Кулушци) ‘Сейчас не завязываю шейное украшение даже тогда, когда иду в гости’; *Әвәле қызлар чақта мун’жақасын, чәчүремнәр жасарға чым мәржән таба алмый интегә торған ыйық* (Кылбагыш) ‘Раньше, когда были девушками, для шейного украшения и для наосника не могли достать бусину, мучались’;

*Муйнымдағы мун’жақамнын
Жиде бөтөн икән тәңкәсе*

(Бол. Машляк)

‘У шейного ожерелья моего, который на шее,
Оказывается, семь монет’.

В говоре кряшен Нижн. Прикамья более употребительно слово

тамақса, в речи жителей д. Ташкирмень Лаишевского р-на Заказанья вместо *тамақса* или *мун'жақа* употребляется слово *жағалық*: *Жағалық эммә кешедә бумады элеке, қазер күрегә дә жуғ инде алар* (Ташкирмень) 'Шейное украшение раньше не у всех было, сейчас их совсем не увидишь'.

Дрмәк — армяк из черного сукна, приталенный и собранный сзади. Подобный тип верхней одежды под аналогичным названием известен русскому и финно-угорским народам Среднего Поволжья, русскому и тюркоязычному населению Сибири.

Жилән — летняя одежда молодых женщин и девушек из черной фабричной ткани, из тонкого сукна на подкладке (зилян). Праздничные зияяны украшались позументом. Такие зияяны нам довелось увидеть в Елабужском р-не в д. Старое Гришкино (Иске Бигәш), например: *Уқалы жиләнне бәйрәм-нардуғаннарда ғына кийәр ийег аны* 'Зияяны с позументом надевали только в дни святок и праздников';

Кырмажиннар алдым ай жиләнгә

Көмеш инә кирәк жейләргә

(Савалеево)

'Купила кармазин для зияяна

Нужна серебряная иголка, чтоб шить'.

Чуба — одежда из белого домотканого холста в виде распашного халата, например: *Чубаны жылы бағытта кийәсен инде аны, қалын бумый ул* (Верх. Юшады) 'Чуба бывает не толстая, ее надевали в теплые дни'. Слово *чуба* в разных фонетических вариантах известно в говорах татарского языка, например: *чува* — Заказанье, *чыба* — морд-каратаи, *чоба* — гайн., менз. говоры. Халатообразная одежда с аналогичным названием была и у других народов: у мордвы-каратаев (Белицер, 1973, 86), башкир (Руденко, 1955, 159), алтайцев (Потапов, 1951, 29—30).

Қалталы күлмәк — платье со множеством оборок. Слово *қалта* характерно только для елабужских кряшен, например: *Қалталы күлмәкләр кийеп, аның өстөннән уқа-жилән кийәр ийек* (Бол. Шурняк) 'Сначала надевали платье со множеством оборок, поверх платья надевали зияян, украшенный позументом'. В говоре заказанских кряшен в этом значении употребляются слова *балитәк*, *кечтитәк*.

Бәрән қабы (тун) — шуба из овчин, например: *Бәрән қабы тузган инде минем* (Новоилеково) 'Баранья шуба моя износилась'.

Алжапқыч / алчүпрәк 'фартук, передник', например: *Бәчүкә түтинең алчүперәген күрсәттем боларға* (Тулабаево) 'Им я показала фартук тети Василисы'; *Санды'та кейем күп: күмә'ләр, ыштаннар, алчүперә', чипкәннәр, чалбарлар, бөйстәрләр, эзәрләр, бүре'ләр, жаулы'лар* (Крещ. Серда) 'В сундуке много одежды: рубахи, штаны, фартуки, кафтаны, брюки, полотенца, кушаки, шапки, платки'. Ср. тат диал. карино-глазовск., гайн. говоры (*алчеприк/алчепрәк*). По типу узора передники называются: *алмалы алжапқыч, чуптарлы алжапқыч, чүпләмле алжапқыч*. В заказанском говоре крещеных татар слово *алжапқыч* встречается иногда в форме *алҗапыс*:

Алҗаптысы айлы-айлы
Сөйләгән сүзе җайлы

'На фартуке ее лунные узоры
Речь ее сладкая'.

(Янцевары)

Чипкән/чикмән 'чикмень' — одежда из серого, черного или темно-коричневого домашнего сукна, например: *Плис чалбар кигән, чикмәне нечкә постаудан* (Крещ. Шурман) 'Плисовые штаны надел, чикмень из тонкого сукна'; *тула чипкән кидек үзебез тегеп, озон чипкән* (Кабан-Бастрык). Слово *чипкән* известно в говоре пермских татар, казанских татар (*чикмән*) (Воробьев, 1953, 234) и в других тюркских языках, например: алт. — *чокпен*, хакас. *сикпен*, казах. *шекпен*, кирг. *чекпен*, чув. *сохман*. Верхняя одежда из домашнего сукна, которая также называется *сукман*, употреблялось в древности у народов Болгарии. *Сукман* — двубортная одежда со сборками — имелся у удмуртов (Белицер, 1951, 54). Русский вариант этого слова — *чекмень* в значении "род верхней одежды" — в словаре Д.Н. Ушакова отмечен как тюркское заимствование.

Из украшений, кроме упомянутых выше *маңғай ука*, *маңғай таңкә*, *мыйтумар* и других, употреблялись еще наручные браслеты, перстни, кольца и наконники.

Тәңкәле йөзек — кольцо с подвешенными серебряными монетами.

Тәңкәле беләзек или *челтермәкле беләзек* — браслет с подвешенными монетами, например:

Челтермәкле пар беләзек 'Браслет с подвешенными монетами
Уйды беләкәйеме 'Порезал мне руку'.
(Дюсьметев)

Чәчкәп (*чәп* 'волосы' + *кәп* 'чехол, футляр, рогожа, кулек') 'наконник' (украшение на голову). Он делался из грубого холста, обшитого черной тканью, украшался серебряными монетами. В чистопольском говоре в том же значении известно слово *чәчсапма*. Наконники кряшен наиболее близки к наконникам казанских татар, мишарей, башкир (Мухамедова, 1972, 123—115; Мухаметшин, 1977, 128—129; Руднеко, 1955, 188—189). Наконное украшение являлось исключительно девичьим.

У кряшен любимым украшением являются ушные подвески *сырга* 'серьги': *оло сырга* 'большие серьги', *кечтей сырга* 'маленькие серьги'. Аналогии кряшенской *сырга* по устройству и названию зафиксированы у различных групп мишарей, татар Кировской, Челябинской, Курганской областей, гайнинских, кузнецких татар, мордвы-каратаев, башкир (ТТДС, 382; Мухаметшин, 1977, 129).

Слово *сырга* в разных вариантах известно и в других тюркских языках: *сырга*, *ызырга* — в алтайском (Радлов, 1893, 643), *ытырга* — якутском, *һырга* — башкирском.

Сырга бауы — букв. 'шнурки серег'. При ношении с сорокой, шейными и нагрудными украшениями две серьги соединялись шелковой лентой, которая спускалась на грудь и в середине привязывалась к монете шейного украшения *тамакса*:

*Сырга ди бауларың айлар билдәндер,
кейемчеләр печеп лә биргәндер...*

(Альведино)

‘Лента твоих серег до пояса,
Раскроили наверное швеи...’.

Такой способ ношения серег отмечен у алтайских тюрок, удмуртов и башкир (Белицер, 1951, 73; Кузеев, Бикбулатов, Шитова, 1962, 247). По мнению исследователей, обычай ношения *сырга* и *сырга бауы*, сохранившийся у кряшен, объясняется древними этнокультурными связями народов (Мухаметшин, 1977, 130).

Названия обуви

Айақ сауыты ‘обувь (туфли, ботинки и др.)’, например: *Айақ сауытларығызны өйгә керттем, жылыда торсоннар, қатқанақлары жебесен* (Старый Маты) ‘Обувь вашу внесла в дом, пускай в тепле стоит, пусть размокнет мерзлая земля’. Это слово имеется также в кузнецком подговоре мишарского диалекта.

Чөлкә ‘чулки’, например: *Магажынға чөлкәләр кигән, менә мин алдым, қарағыз* (Айталан) ‘В магазин чулки привезли, вот я купила, посмотрите’.

Айақчу/ыштыр ‘портянка’. В говоре кряшен-нагайбаков — *урағыч*.

Чәпчур ‘кожаная обувь’, например: *Түгәрәг уйынға чәпчүр кийеп чығар ыйық жәш бағытта* (Мелекес) ‘Раньше на хороводы выходили в кожаной обуви’.

Чарық/чәрик/чуқлы чәрик ‘кожаная обувь с кистями’. Например: *Жегетләр бәйрәмгә чарық кийеп киләләр ийе* ‘Парни приходили на праздник в кожаной обуви (чарыках)’. Слово *чарық* характерно для заказанских кряшен. А в говоре подберезинских и чистопольских кряшен употребляются варианты этого слова *чәрик/чәрик башмак*, например:

*Ишәле урамын жери-жери,
Чуклы чәригеме туздырдым.
Чуклы чәригеме туздырмадым,
Жәшлек дәшереме уздырдым*

(Ишалькино)

‘Пока я ходила по улицам Ишалькино,
Износила свою кожаную обувь с кистями,
Нет не износила свою обувь
А повела дни своей молодости’.

Итек-чәрек ‘всякая обувь’, например: *бу инде бырынғы кей, әтинен кейе, итек-чәрек теккәндә жырлар ыйы ул* (Верх. Кондрата) ‘Эта мелодия уже старинная, отцовская, он пел, когда шил всякую обувь’. В говоре подберезинских кряшен имеется выражение *чәреп басмау* (литер. *аяк басмау* ‘не ступить ногой’), вероятно, по происхождению связанное со словом *чәрик*, например: *ылаукага*

тчареп басмаган бу катын 'Эта женщина ногой не ступила в магазин'.

У причепецких татар употребляется матерчатая обувь *чәрке*, у бесермян — *чарки*. В литературе отмечено, что *чәрик башмак* кряшен по названию сходен с кожаной обувью *чарик* мишарей, алтайцев, узбеков, таджиков. Ср. также в мордово-каратайском говоре татарского языка — *тчарик* 'тапочки', в говоре сибирских татар — *царык* 'кожаная обувь с мягкими подошвами и голенищами', тур. *чарик* — грубая обувь крестьян, кирг. *чарик* — куски кожи, которыми обвязывают ноги.

Термины и слова, относящиеся к обрядам и обычаям

У крещеных татар дольше, чем у других групп татарского народа, сохранялись древние обряды и обычаи, верования, народные игры, обрядовая поэзия и фольклор, тесно связанный с древними представлениями, обрядами и верованиями. Некоторые свадебные, поминальные и хороводные песни бытуют и сегодня. Видимо, народная песня составляла неотделимую часть того или иного обряда. Большинство древних обрядов в настоящее время не соблюдается. Сведения о них почерпнуты нами из рассказов кряшен старшего поколения и представляют большой интерес для лингвистики, этнографии и фольклористики.

Слова, относящиеся к свадебным обрядам

Свадебные обряды кряшен восходят к очень древним традициям татарского народа. В них сохранились необычайно древние элементы. Свадебный фольклор дает интересный материал для исследования процесса формирования и взаимодействия жанров устной народной поэзии. При сравнительном анализе поэтической терминологии свадебных обрядов кряшен выявляются традиции родственных и соседних народов.

Кыз билгеләшү 'просватать, помолвить девушку, объявить девушку невестой', например: *Кыз билгеләшерләр ийе пықырауда. Качан китә, туйы качан була, жегет качан килә. Шулай билгеләшерләр ийе, маслинчада туй булып ыйы* (у нагайбаков) 'В покров день просватывали девушку. Когда она уходит, когда свадьба, когда приходит жених. Так сговорившись, в масленицу обычно устраивали судьбу'.

Мендәрле кунак 'сват, сваха, букв.: гость с подушкой'. Он, войдя в дом девушки, здоровался и говорил: *Айағ астым бүкәнне, утырған жирем мендәрле* 'Под ногами стул, а где я сижу — подушка'. Это выражение означало, что пришедший является сватом'.

Башкыда 'сват, сваха'. *Башкыдалый бару* 'идти сватать' (у чистопольских кряшен): *Кызга инде башкыдалый жөрөй башлаганда ин әвәл килә башкыда* 'Когда начинают сватать девушку, в первую очередь приходит сваха'.

*Кыдали бару 'прийти сватать'.
Кодачалый булып бару 'прийти свояченицей':*

*Кодачалый булып кигәннәр ийем
Урыннар бирмәгәч нишлейем
(Савалеево)*

*'Пришла я свояченицей,
Что же делать, раз не дают места'.*

Қодағый/кыдаги 'матери жениха и невесты'.

Қода/кыда, төп қода 'сват, главный сват, отцы жениха и невесты'. Все родственники-мужчины жениха и невесты также называются қода/кыда 'сват', а женские родственники-женщины қодача/кыдача.

Ақ — подарок невесты родственникам жениха после сговора. Аққа салу — свадебный обычай дарить белое полотенце или белую скатерть родственникам жениха со стороны невесты. Ср. кумык. аклык 'подарок дома невесты стороне жениха'.

Ақлашу — сосватать, просватать невесту, обмениваться подарками, например: Иң беренче қызны ақлашу була торғаныйы, бер чэй бистәре бирә торғаныйы, имеш, бу инде ышанмақлыққа була (Сред. Пинячи) 'В самом начале было сватание невесты, (она) давала мешочек орехов, одну чайную салфетку, это как будто для убежденности'. Слово ақлашу имеется во многих говорах татарского языка (ТТДС, 29).

Ағ алыштыру — букв. 'обмениваться белым, т.е. подарками', например: Ағ алыштыру диләр, жегетнең бер эйберсен қыжжағына, қызның бер эйберсен жегет жағына бирәләр (Кибячи) 'Говорят (предлагают) обмениваться белым; одну вещь жениха дают стороне невесты, одну вещь невесты дают стороне жениха'.

В говоре чистопольских кряшен есть обычай ак чыгару: в самом начале свадьбы посаженная мать несет на большом красивом подносе вышитое невестой полотенце (туй бистәре) и, обращаясь к гостям, поет:

*Агы килә, агы килә,
Аг артыннан тагы килә,
Алтмыш агасы, житмеш жиңгәсе,
Тулмаганын тутырыгыз,
Житмәгәннен житкерегез,
Шалтыратып салыгыз,
Жалтыратып алыгыз*

(Кыр. Баран)

*'Идет белый, идет белый,
За белым идет еще (что-то),
Шестьдесят братьев, семьдесят сестер,
Что не наполнено, наполняйте,
Чего нехватает, сделайте так, чтоб хватило,
Звонко бросайте,
Мигом хватайте'.*

Затем участвующие в свадьбе кладут на поднос подарки или деньги; это называется *акны кытлау* 'почитание белого (букв.: поправление белого)'. Этот обычай, пожалуй, объясняется тем, что по древним представлениям белый цвет имел ритуальное, вернее — магическое, значение (Пропп, 1946, 157—159). Слово *ак* переводится с тюркских языков как белый, чистый, прекрасный, чудесный, роскошный, великолепный (Севортян, 1974, 116—117). Слово *ак* в фольклоре употребляется как определение чего-то святого, божественного, царственного (Урманчиев, 1980, 29). Семантика этого определения нашла соответствующее отражение в свадебном обряде, а также в терминах родства (*ак бийем/ак түтей* 'старшая сестра мужа', *ак печкә* 'младшая сестра мужа' и др.) у крещеных татар. Сочетание эпитета *ак* с личными именами и терминами родства встречается и в памятниках булгарских эпитафий (Юсупов, 1960, 155).

Почтительное отношение к белому цвету наблюдается и у других народов. Почитание белого цвета отразилось в древнетюркских рунических надписях (Малов, 1951, 31).

Арғыш/аргыш > *аргы* — *иш* — букв. 'дальний друг, товарищ'. В говоре кряшен Нижн. Прикамья это слово употребляется в значении "друга жениха", а в говоре заказанских и чистопольских кряшен — "самый главный, уважаемый человек на свадьбе, глава свадьбы". У чистопольских кряшен существует шуточный обычай — преподносить в последний день свадьбы "разгонный" пирог или хлеб *аргыш* (*аргыш кәлчәсе чыгару*). После этого гости должны разойтись — считается, что свадьба окончена, например:

*Сары сандугач баласы,
Сайрый-сайрый жирләргә тешәме.
Безгә китәр багытлар житә,
Аргыш келчәләрегез пешәме?*

'Птенец желтого соловья,
Опускается ли на землю с веселой трелью,
Приближается время нам уходить,
Испеклись ли у вас хлебцы *аргыш*?'

Слово *аргыш* имеется в говоре пермских и сибирских татар (Будагов, 1871, 381), в некоторых других тюркских языках, например в алтайском (Баскаков, 1966, 103). В говоре пермских татар это слово обозначает супружескую пару, приглашенную на свадьбу. Когда свадьба справляется в доме невесты, таковыми обычно бывают родители и родственники жениха и, наоборот, когда свадьба проходит в доме жениха — родственники невесты (ТТДС, 43). В древнетюркском языке слово *аргыш* употреблялось в значении "друг, товарищ". Таким образом, в говоре кряшен Нижн. Прикамья сохранилось древнее значение этого слова.

Кәбен қойу — венчание по религиозному обычаю, например: *Кәбен қойарға иренең тутасымы, жиңгәсеме бара инде* (Крещ. Шуран) 'На венчание идет сестра или жена старшего брата'.

Кәбен күлмәге 'подвенечное платье'. Слово *кәбен* заимствовано из персидского языка. Оно встречается главным образом в

говорах крещеных татар, а также в заказанском, параньгинском и карино-глазовском (*кәбен салу*) говорах татарского языка, в говорах мишарского диалекта (*кәбен/кибен*).

Урын сорау, патир сорау — букв. просить место (около стола), квартиру. Входя во двор, участвующие в свадьбе начинают петь шуточные песни:

*Челтерәб үк аккан ай чишмәләрдән,
Аткынайым эчми нишләйем.
Кодачалый булып кигәннәр ийем,
Урыннар бирмәгәч нишләйем.
Түрдә өстәлләрәм лә ай чүпләмле,
Чөйдә бистәрләрем лә чигүле.
Урын бирмәсәгез без китәбез,
Безнен атларыбыз жигүле* (Савалеево)

‘Из родника, который течет с журчаньем,
Не пьет воду моя лошадка.
Пришла я свояченицей,
Что же делать, если не дают мне места.

В переднем углу стол с тканым узором.
На вешалке полотенце вышитое.
Если не дадите места, то мы уйдем,
Лошади наши запряжены’.

Хозяева говорят: “Дадим места, дадим, добро пожаловать, проходите”.

*Эзәйнен буйлары иләр туйыра,
Жапыракай жаргач ла куйыра.
Шишенегез инде, әй кодачалар,
Кужаиннары шушылай бойора*

‘Побережья Зен (реки) — дубрава,
Густеет, когда распускаются листья.
Раздевайтесь уж свахи,
Так велют хозяйева’.

Қунағ өйө — дом посаженной матери, куда возвращаются жених и невеста после венчания (букв. ‘дом гостя’), например:

*Сезнең атларыгыз жиккәнме,
Пар кыңғырауларын таққанмы.
Быйыл ғына кигән қодалар,
Безгә қунағ өйө тапқанмы?*

(Сред. Пинячи)

‘Запряжены ли ваши лошади,
Прицеплена ли пара колокольчиков.
Сваты, которые пришли в этом году,
Нашли ли для нас дом гостя?’

В говоре пермских татар *қунағей* — дом, в котором провели первую ночь жених с невестой.

Қыйаматлык/кийаматлык — родственники жениха и невесты, посаженная мать, посаженный отец. *Қыйаматлық әнкі* 'посаженная мать' имела по отношению к невесте ряд обязанностей, например *чәч сызыру* и *баш бәйләу* (см. о них ниже); она много пела и плясала. В ее адрес пели шуточные песни:

*Алпан да тилпән жерергә
Айу балаларына ла килешә.
Айаклар тибеп бийергә,
Кийаматлыкларга ла килешә.
Шыкыр гына шыкыр сайыскан,
Тәрәзә башларына ла жабышкан.
Кийаматлыклар булу эчен,
эч кен карабыдайлар чабышкан
'Ходить вперевалку
Идет медвежонку.
Плясать топая ногами
Идет посаженной матери.
Скрип-скрип сорока,
Прилипла к наличнику.
Чтоб стать қийаматлық,
Три дня помогала косить гречиху'.
Кийаматлык 'посаженная мать' ответила песней:
Карабыдайлар да чабар ыйым
Карабыдайлары атлыклы.
жырлыйым әле миннәр жырларны
кийаматлыклар булу шатлыклы
(Ишалькино)*

*'Косила бы я гречиху,
Гречиха с конским щавелем.
Спою-ка я свои песни,
радостно быть посаженной матерью'.*

Чәч сызыру 'выщипывание волос'. Перед свадьбой, во время одевания, невесте выщипывали волосы, выступающие из-под головного убора, а также брови. Это обычно делала посаженная мать (*кийаматлык әнкі*). Здесь, видимо, имело место проявление древних верований, связанных с верой в магическую силу женских волос, что прослеживается у многих народов (Смирнов, 1951, 139). Так, у Н. Гаген-Торн мы читаем: "С одной стороны, женщина должна прятать волосы потому, что, входя в чужой род, она может повредить ему своей магической силой. С другой стороны, женщина должна прятать волосы потому, что это символизирует ее подневольное положение: в более отделенную эпоху она должна была не только прятать волосы, а срезать или брить их, выходя замуж... Православное духовенство в Новгороде в XV—XVI вв. вело борьбу с обычаем бритья головы замужней женщины, как с еретической языческой стариной" (Гаген-Торн, 1960, 139—150).

Баш бәйләу — надевание на голову невесты перед свадьбой

всевозможных украшений и замена девичьего убора на убор замужних женщин (*түгәрәк жаулық, сүрәкә*). Смена головного убора происходила под руководством посаженной матери (*қыяматлық*) в ее же доме, который называется *қунағ өйө*, например: *Қыйаматлық әнки элек баш бәйли торған ыйы бит, мәләнчек, чигәчәләр кигертә, түгәрәк жаулық инде* (Бол. Машляк) 'Раньше ведь посаженная мать завязывала голову (невесте), надевала ей чепчик, наушники, круглый платок'. Ср. у астраханских ногайцев: *бас бәйләу* 'выходить замуж'.

Бирнә элү/әйбер элү — раздача подарков невесты во время свадьбы и развешивание ее приданого, например: *Бер тын ашағач-зчкәчен әйбер эләләр, бийеменә, бийатасына, печкәчәмнәрәнә, жанағайларына әйтеп. Ашаулықлар, бистәрләр эләләр инде кыжҗиңгәлләрә. Бирнә элү ишегалдында була. Менә кийәү жегетенә, арғышқа, урсатасына, урсайға бирнә эләләр, ситсымы инде, жаулы'мы* (Ковали) 'Когда угощают, вешают приданое невесты: свекрови, свекру, золовке, братьям мужа скатерти, полотенца вешают подружки невесты. Развешивание приданого бывает во дворе. Вот дружке жениха, главе свадьбы (*арғыш*), крестному, крестной дают подарки, ситец или платки'.

Развешивание приданого невесты характерно для свадебного обряда мишарей (Мухамедова, 1972, 170) и многих народов Среднего Поволжья и Приуралья: казанских татар, башкир, бесермян, удмуртов, мордвы и др.

Бирнә жабу 'одаривать, преподносить подарок'. В говоре нагайбаков — *бүләк жабу*: *мийа китереп бүләк жаптылар туй бағытында* 'Мне преподнесли подарок во время свадьбы'.

Бөркәнчег ачу 'показ невесты' (букв. 'открытие покрывала невесты'). В свадебном обряде кряшен имелся специальный обычай открывания и показа лица невесты присутствующим гостям. После того, как гости усаживались за стол, со стороны невесты пели песню, чтоб им показали их дочь:

*Бийекәй тауларның и башында,
Жәш үләмнәр жата жәшәрәп.
Безнен бәбекәйләр сезләрнен кулда
Кайда тотасыз аны жәшәрәп
'На вершине высокой горы,
Зеленеет молодая трава.
Наша деточка в ваших руках
где вы спрятали ее'.*

Невесту, надевшую головной убор молодухи и закрытую головным покрывалом (*бөркәнчек*), представляли гостям. Два мальчика с двух сторон приподнимали покрывало с помощью скалки. В это время одна из женщин должна была звякнуть уздечками и три раза спросить: *шулаймы?* 'так ли?' Ей отвечали: *шулай түгел әле* 'не так еще'. Мальчики три раза приподнимали и опускали покрывало и в третий раз все хором кричали: *шулай, шулай* 'так, так'. Тогда мальчики сбрасывали покрывало невесты. Невеста им дарила платочек или кисет (*жәнчық*).

Су жулы күрсәтү 'показ невесте дороги к речке, роднику или колодцу', например: *Туйда киленнең бөркәнчеген ачалар ықлау белән, бөркәнчеген ачқачын инде сыу жулы күрсәтәм дип печкәчәме сыуга алып төшә* 'На свадьбе скалкой открывают покрывало невесты. После того, как снимают покрывало, золовка ведет невесту за водой, покажу мол, дорогу к воде'.

Обрядовое хождение за водой было присуще свадьбе всех народов Среднего Поволжья и Приуралья. Исследователи объясняют его как древний обряд приобщения молодой к новому роду, роду ее мужа (Мухамедова, 1972, 172).

Ширбәт сону — раздача гостям на свадьбе воды, принесенной молодой и налитой в стаканы, например: *Бер көйәнтә су алып қайтқачын жәш киленнең ширбәте дип соналар аны* 'После того, как молодая принесет одно коромысло воды, ее подают гостям, как мед молодухи'.

Сонучы — тот, кто разливает гостям напитки или чай, угощает их: *Кигәннәрдән бирле қастәрлисең, сонучына берәү тимәс-ме* (Старый Карабаян) 'Ухаживаешь за нами как только мы пришли, разве тому, кто угощает, самому не положено (угощаться)'.

Қода ипийе чығару — подношение гостинцев со стороны жениха или невесты, букв. 'вынесение хлеба свата', хотя это не только хлеб, но и другие традиционные кушанья — пара жареных гусей, ватрушки, конфеты и т.д.:

Сунын буйларына төшөп,

Ағым суда атны суғарам.

Қодаларнын талчыққанын белеп,

Қода ипиләрен чығарам

(Сред. Пинячи)

'Придя к речке быстротечной,

Напою лошадь свою проточной водой.

Зная, что сваты уже заждались,

Приподнесу им каравай'.

В говоре бакалинских кряшен этот обычай называется *күч-тәнәч чығару* 'приподнесение гостинцев'.

Мәрәктә жөрү — гуляние на улице во время свадьбы вместе с женихом и невестой, например: *Мәрәктә жөргәндә килен башлап бии инде, жакшы бийесә мактыйлар инде (Сарапала)* 'Когда ходят по улице и веселятся, первой пляшет невеста, если она хорошо пляшет, ее хвалят'.

Слово *мәрәкә* зафиксировано в татарских говорах, распространенных на территории БАССР, в мишарских говорах Оренбургской области, в нагайбакском говоре кряшен. Оно широко распространено и в других языках, ср.: чув. *мерекке* 'веселье, удивительная вещь', тур. *мерак* 'интересоваться, желание', *меракли* 'интересующий', азерб. 'стремиться, интересоваться', каз., к.-калп. *мереке* 'праздник, торжество, веселое времяпровождение', *мерекләү* 'праздновать', башк. *мәрәкә* 'интересно, веселье', перс. *мәреке* 'шумное скопище народа, место, где уличные актеры дают свои представления' (Егоров, 1964, 289).

Тайанчык бирү у подб. кряшен — скот, подаренный невесте родителями жениха, когда она впервые вошла в их дом, например: Тайанчык бирэләр киленгә. Капкадан кергистән азбардан кырыкмыш тай житәкләп чыгалар, тайанчык дип кыз кулына тезген тыт-тыралар. Бийанам эрәкмәт сезгә дей, бийатам дей, башыра 'Невесте дарят скот. Как только она войдет в калитку, из сарая приведут стригунка, тайанчык мол. В руки невесты дают поводья. Спасибо вам, мама, папа, говорит, кланяется'.

Савым — гостинцы, приносимые гостями на свадьбу, например: кодалар ниндей савым белә килгәннәр ийе туйга (подб.) 'С какими гостинцами приехали сваты на свадьбу?'; *Кийәү жегетенен савымы килә, басыңыз қодалар айаққа* (заин.) 'Несут гостинцы дружка, встаньте сваты на ноги'; *Сандықны ачып жиберсәләр — савым: қыздырған пар қаз, пируқлар, пилмәннәр* (заказан.) 'Как открыли сундук, в нем гостинцы: пара жареных гусей, пироги, пельмени'.

Слово *савым* в указанном выше значении употребляется во многих говорах татарского языка (ТТДС, 355, 356), а также в произведениях устного народного творчества (ТХИ, 1977, 164).

Инце — у бакалинских кряшен оно означало скот (корову, жеребенка или нескольких овец), подаренный тестем зятю во время его приезда в дом тестя после свадьбы. В говоре сибирских татар *инце* — подарок, выделяемый родителями дочери при ее вступлении в брак. В качестве *инце* девушка получала корову, телку или овцу. Отмечено также бытование термина *энчи* в одном из северных диалектов алтайского (ойротского) языка, диалекте черневых татар в значениях: доля, наследство, приданое (Валеев, 1970, 163).

Кыз чеңнәтү — свадебные причитания девушки. Этот обычай имеется у мишарей, а у кряшен он наблюдается в тех группах, которые генетически были связаны с мишарями, например у чистопольских кряшен, в некоторых деревнях Альметьевского и Лениногорского р-нов. Возможно, в древности этот обычай был и у других групп татар, но в настоящее время в заказанской группе кряшен об этом помнят очень смутно.

Этот обычай широко распространен также у подберезинских кряшен, где он называется *әтекәм жылау*, т.е. 'плакать (говоря) папенька'. Этот термин, вероятно, возник потому, что большинство куплетов песни невесты адресуется своему отцу.

Перед отъездом невесты в чужой дом, к жениху, когда сборы полностью закончены, невеста пела свои причитания. Она начинала петь песню, обращаясь к своим родителям, гостям, подругам, и часто всхлипывала:

<i>Тиндәш кенә Анук,</i>	'Сверстница моя Анюта,
<i>Икәв жәргән сукмакка</i>	Не допускай того, чтобы
<i>Жәшел үләм чыгарма,</i>	Тропинка, по которой мы с тобой
<i>Икәв сүләшкән сүзләрне</i>	Ходили, заросла травкой,
<i>Жиде жатка чыгарма</i>	То, о чем мы говорили меж собой,
	Не распространяй чужим людям'.

(Старое Тябердино)

Песня прерывалась плачем и рыданиями. В свадебных причитаниях выражались переживания невесты при расставании с семьей и домом, с юностью. В причитаниях противопоставляется девичья жизнь в отцовском доме бабьей жизни у чужих людей (*жиде ят*). Изливая обиду на родителей, невеста рассказывает подружкам о своей горе. Тяжкая доля в чужой семье отражается в песнях символично.

Жанаси керту (у подберезинских кряшен). *Жанаси* — литер. *яңа сый* 'новое угощение' (в говоре подберезинских кряшен во всех позициях *ң ~ н*). После свадьбы приглашают жениха и невесту, а также всех участвующих на свадьбе в гости. Это и называется *жанаси керту*—букв. 'давать новое угощение'. Имеются специальные песни и мелодия "*жанаси күве*" — "мелодия жанаси"

Шау-шау итә Агидел камышы
Жау-жау итә жанаси тавышы
(Старое Тябердино)

'Шумят камыши Агиделя
Звенит голос "*жанаси*", т.е. свадебных песен'.

Кийәү қайтармасы — свадьба в доме родителей невесты, например: *Туй беткәннән арлы тушы килен жағы кийәү қайтармасына жыйа инде* (Старый Карабаян) 'Когда свадьба кончается, родители и родные невесты приглашают на свадьбу у себя дома'.

Обрядовой пищей на свадьбе являются следующие блюда.

Қалын тәбә 'толстый омлет' (у заказанских кряшен):

Қалын тәбә салғанда 'Когда испекли толстый омлет
Жаратқан ыйың, қодағый. Понравилось тебе, сваха.
Қызыңны алып киткәндә Когда увозили твою дочь,
Үпкәләдең, қодағый Обиделась, сваха'.

(Урясбаш)

Чыгыт 'сушеный творог (у подберезинских и чистопольских кряшен)'. Такое кушанье имелось у глазовских татар, темниковских татар-мишарей и чувашей (*тавахах чакат*).

Килен салмасы 'клецки невесты'. В первый день свадьбы молодая должна была показать свое умение быстро замесить тесто и сделать клецки или порезать лапшу; лапша должна была быть тонкой и длинной. Когда ее подавали на стол, молодой дарили подарки или деньги.

Кода куу — букв. изгнание сватов, шуточный обряд (у чистопольских кряшен). После того как преподнесут разгонного пирога, хлеба, испеченного якобы аргышом, т.е. главой свадьбы, хлеб кладут на деревянную лопатку и три раза обегают вокруг свадебного стола, произнося слова *кыш, кыш, кодалар* 'кыш, кыш, сваты';

Шыңгыр-шыңгыр килә дугалар, 'Скрипят дуги (у лошадей),
Әллә китәләр дәме кодалар. Уже уезжают что ли сваты?
Китмәсләр ийе кодалар, Сваты не уехали бы,
Кыш-кыш дийеб үк кувалар Их выгоняют, говоря кыш-кыш'.

(Ишалькино)

Слова, относящиеся к обрядам, связанным с рождением ребенка

Кечтинэ 'торжество в честь рождения ребенка', от слова *кечти* — литер. *кечкенэ* 'маленький', например: *кечтинэдэ қалық күп зыйыла, була'лар китерэлэр* (Кибячи) 'Во время торжества в честь рождения ребенка собирается много народу, приносят подарки'; *Кечтинэгэ шул бирнэ белэ килэлэр, элгәре басма салган кечтей генэ* (Ишалькино) 'На торжества в честь рождения ребенка приходили с подарками, раньше обычно дарили маленький кусок ситца'.

Сатукай, Сатый, Сатыбал — если в семье умирал ребенок, то над новым ребенком, с целью "охранения" его, совершали обряд "продажи новорожденного". Ребенка через окно "покупала" соседка или родственница, после чего он назывался ее сыном или дочерью, хотя и оставался у своих родителей. Ребенку давали имя *Сатукай, Сатый* (от слова *сату* 'продать') или *Сатыбал (сатып ал* 'покупай'). Этот обряд был широко распространен у всех народов Среднего Поволжья и Приуралья. Им пытались обмануть злых духов, внушить им, что ребенок принадлежит не той женщине, которую они преследуют (Мухамедова, 1972, 174). Подобные обряды в древности, видимо, были у многих народов. Например, у бурят, по старым родовым традициям, усыновление чужого ребенка должно было якобы способствовать сохранению жизни родных детей (Вяткина, 1969, 162).

Имена *Сатый, Сатукай, Сатылмыш*, связанные с языческим обрядом против детской смертности, представлены также на болгарских эпиграфических памятниках (Юсупов, 1960, 107).

У подберезинских крышен есть имя *Чуппи*, от слова *чуп* 'мусор' (ребенок якобы найден на свалке, среди мусора).

У крещеных татар от слова *мин* 'родинка' образуются имена *Миней, Миңкәш* (если ребенок рождался с родинкой, то при его наречении нужно было лить в бане воду на камни для образования пара, произнося имя *Минэй/ Миней/ Минкәш*. После этого родинка должна исчезнуть).

Слова, относящиеся к погребальным и поминальным обрядам

В погребальных обрядах крышен наиболее четко проявляются древние представления и обычаи. Изучение подобных традиций дает исключительно интересные материалы в решении этногенетических проблем и этнокультурных связей. У татар-крышен в погребальных и поминальных обрядах сохранились необычайно древние элементы и соответствующая им своеобразная терминология.

Кипен (ар. *кафин*) 'саван, покров (на покойнике)' — литер. *кәфен*.

Кипеннек 'саван, материя для савана':

Ак жүкәгач суйдыгыз,

'Содрали лыко с белой липы,

Кабыгын кайа куйдыгыз.

Куда девали кору.

Ак кипенгә сардыгыз,

Завернули в белый саван,

Туганайны кайа куйдыгыз

Куда девали мою родню' (Савалеево)

Тақта чабучы 'гробовщик', например: *Қырқысына тақта чабучыны да чақыралар инде...* (Кулущи) 'К сороковому дню зовут и гробовщика...'

Длба — пшеничная пресная лепешка, затертая на молоке, масле, яйцах или на меду и испеченная на сковороде. Этой лепешкой поминуют покойника, еще не похороненного, и остаток ее кладут под левую мышку умершего.

Табикмәк/тәйекмәк — тонкий хлебец из кислого теста, выпеченный на сковороде, букв. *таба* 'сковорода', *икмәк* 'хлеб'. *Табикмәк* является обязательным блюдом для похоронно-поминальных обрядов: *Табикмәк саласың табага үлеләр өчен ди-ди, туклыкта жәрөгез, зыйанзаурәт жибәрмәгез ди-ди* (Сарапала) 'На сковороду кладешь *табикмәк*, говоря для покойных: ходите сытыми, не делайте вреда'. Как рассказывают жители д. Савалеево Заинского р-на, куски этого хлебца завертывают в белую бязь и завязывают белой суровой ниткой. Потом, когда все выходят на улицу, чтобы проводить покойника на кладбище, этот узелок давали первому, встреченному на улице.

Урын са'лау — букв. 'охранять место', т.е. проведение вечера в доме покойника после похорон. В этот день пели специальные протяжные песни, которые называются *акирәт бәйте*. Постель, где лежал покойник, оставалась небранной, около постели висело полотенце (*бистәр*) покойника: *Кырык кенгә чикле бистәре эленеп тора карават занында* (Савалеево) 'До сорока дней полотенце висит около кровати'. Верили, что душа умершего человека до сорока дней возвращается домой.

Жылап-сықтау — плач с причитаниями около покойника и на поминках. Слово *сықтау* в значении 'плакать' употребляется в говоре кряшен-нагайбаков, в говоре пермских татар, а также в некоторых говорах мишарского диалекта (ТТДС, 379). Описание плача при похоронах с пением у древних болгар имеется в записях Ибн-Фадлана (Путешествие, 1939, 77). В памятнике Кюль-Тегина также есть материалы о ритуальном плаче у древних тюрков, там употребляется термин *сыгыт*, а плачущие, стонущие названы *сыгытчы* (Малов, 1951, 36, 43):

Дйдәгез лә туганайлар ай сунарга

Төлкө айкайлары ла тунарга.

Урыннары жәйгән кийеме калган

Туганайлар кайтмый ла кунарга.

Кара да кара күренәдер

Кара карлуганнарның да кувагы.

Караңгылар дийеп килмий калма

Сез караңгы төннәрнең лә кунагы (Базгиево)

'Поедем, родные, на охоту

Сдирать шкуру с лисьих ног

Расстелена постель, осталась одежда

Только сам он не возвращается ночевать'

'Черными-черными виднеются

Кусты черной смородины.

Возвращайся, хотя и темно.

Ведь вы гости черных ночей'.

Зират — кладбище; в подб. говоре — *мазар эсте: Мазар эстена баралар чимектә, менә мында жырак тегел* (Янсурино) 'В семик день идут на кладбище, недалеко отсюда'. В говоре кряшен Нижн. Прикамья в значении кладбище иногда употребляется слово *са-шаный*, у чист. кряшен — *үлеләр эсте: Түгемдә пируклар пешереп үлеләр эстена баралар* (Бахта) 'В день поминок стряпают пироги и идут на кладбище'.

Өчөсен, тугызын, кыркысын үткәру 'проведение третьего, девятого, сорокового дня поминок'. Слово *кырк* 'сорок' в древности у тюркских народностей заключало в себе, видимо, священную, магическую силу. В.А. Гордлевский (1945, 144) пишет по этому поводу: "В жизни — в религиозной жизни древних тюрков шаманистов — слово *кырк* могло играть большую роль (может быть, множественность жертв или каких-нибудь приемов во время жертвоприношения). Утратив религиозный оттенок, слово *кырк* стало употребляться вообще для обозначения множественности".

Гердә — маленькая круглая булочка, испеченная к сороковому дню поминок, например: *Кыркысына кырк гердә әвалиләр, жәйләү-жәйләү кәдәре була ул. Кыргына ничә кеше килә тәликәгә саласың инде* (Владимир) 'К сороковому дню уवाляют сорок булочек, они бывают величиной с чайное блюдце. Сколько человек придет к сороковому дню, кладешь в тарелки'.

Слово *гердә*, видимо, очень древнего происхождения. В диалектологическом словаре татарского языка слово *гердә* зафиксировано в нурлатском говоре нагорной стороны ТАССР, в лаишевском говоре заказанской группы говоров (маленький круглый хлебец для подаяния), а также в говоре крещеных татар Заказанья (маленькая круглая булочка для поминок). Оно есть и в других тюркских языках. Например, в уйгурском языке *гирдә* — маленькая круглая булочка, *гош гирдә* — пирог с мясом, жареный в масле, в караимском *гирдә* — маленький слоеный пирожок.

Оло аш иту — проведение годовщины, букв. 'проведение главного угощения', например: *оло аша итәләр бер жыл ту(л)ғачын. Қан чығарып тәберсен итәләр. Қалған сөякләрне чиләккә тутырып зиратқа итәләр* (Кр. Шуран) 'Когда исполняется один год, проводят главное угощение. Пускают кровь, молятся. Оставшиеся кости положат в ведро и несут на кладбище'. Ср. у нагайбаков — *аш бирү* — обряд жертвоприношения в честь умерших родственников (ТТДС, 57).

Все эти традиционные поминальные трапезы и раздача угощения в память усопших восходят к древнему обычаю кормления душ умерших, связанному с культом мертвых и культом предков.

Багана бәйрәме — 'праздник столба'. Когда исполняется один год со дня смерти человека, на его могилу ставили столб. Этот обряд соблюдался раньше у кряшен д. Сарапала Альметьевского р-на. Как показывают архивные данные и по рассказам стариков, в этой деревне кряшенами считались и отатарившиеся чувашки. Данный обряд соблюдался и в соседних чувашских деревнях.

Очтомақ/очтомак/йомак/жомақ — литер. *оҗмах* 'рай': *Безнен туғанайны сорасағыз, очтомаққа киткән, өйдә жуқ* (Старое

Гришкино) 'Если вы спрашиваете про нашу родню, то она ушла в рай, ее нет дома'. Это слово считается заимствованным из согдийского в том же значении, и среди его тюркских фонетических оформлений одним из старейших считается татарское диалектное *очтомак* (Севортян, 1974, 614).

Жанын чақыру 'позвать душу' (покойного) и *жанын озату* 'проводы души'. По рассказам информаторов (Савалеево, Верх. Юшады, Крещ. Шуран и др.), у кряшен раньше в день поминок ездили на кладбище, чтоб позвать душу покойного. Считали, что в сороковые дни и годовщину в поминках должна участвовать и душа поминаемого человека. Около стола для него ставили специальный стул, а на столе — блюдец с угощениями, которое называется *табақ*. В это блюдо обязательно должны были положить круглую булочку (*гердә*). Через некоторое время все участвующие в поминках встанут из-за стола, говорят *бағыт җитте озатырға* 'настало время проводить' и выходят во двор. Туда же выносят стул, на него кладут подушку, а на подушку те блюда и стакан воды, которые были предназначены для души покойного. Все по очереди пробуют хлеб (*гердә*), произнося про себя молитву *очтомағ ашлары бусын, туқлықта җәрсен* 'пусть это будет райская еда, пусть ходит сытым' и другие слова. Это называется *тәберсен иту*. Потом еду ставят куда-нибудь на столб, выходят на улицу и доходят до угла следующего дома. Обязательным считается смотреть в это время в сторону восхода солнца.

Табақ җасау — букв. 'делать блюдо' (во время поминок). Этому обычаю большое внимание уделялось в группе кряшен-нагайбаков, до настоящего времени сохранивших очень интересные детали. На поминки каждый приглашенный человек приходил со своим блюдом (*табақ*), куда клали *табикмәк* (тонкий хлебец из кислого теста) или *күзикмәк*⁸ (тонкий хлебец из пресного теста), а также другие кушанья: чай, конфеты, пряники и т.п. Одну опытную пожилую женщину назначали собирать из этих кушаний три блюда для общего поминания. И женщина (*табак җасаучы* букв. 'делающая блюдо'), из каждой принесенной посуды взяв отдельные предметы, клала их в три блюда, которые назывались:

жан табағы 'блюдо для души поминаемого человека';

уша табағы — *уша*, доска, прикрепленная к печи, туда отдельно ставили блюдо с кушаньями; оно назначалось для детей-сирот (*життем-җилпегә*); во время поминок это блюдо обычно оставляли нетронутым;

қартлар табағы — блюдо для стариков. Из этого блюда каждая участница поминок брала себе кусок хлеба или что-нибудь другое и говорила про себя молитву *тәберсен*.

Женщине, которая собирала блюдо, дарили платок или полотенце (*җаулық җабалар, җә бистәр бирәләр*), а остатки пищи после поминок относили на крышу или ставили на столб.

⁸ У нагайбаков предпочтение отдается *күзикмәк*: *Күзикмәк барыннан да алда тәберсен ителә, ин келәүле ипей диб әйткәннәр әбейләр* 'Күзикмәк брали в первую очередь, самый молитвенный хлеб, говорили бабушки' (д. Попово).

Тәберсен итү/тийәберсен итү — моление около угощения в день поминок или вообще около кушаний, например: *Кил, чэй эчэргә утыр, тәберсен итәрсен* (Биктяшево). 'Садись чай пить, поблагодаришь'; *Урындыкка мөндәр куйып, табакны куйып, табакка гердә салып тийәберсе итәргә чыгалар ыйы* (Савалеево) 'На стул кладут подушку, блюдо, в блюдо кладут булочку, выходят молиться'.

Тийәберсенгә бару 'идти на поминки' (в говоре нагайбаков): *Тийәберсенгә барганда ипей аппаратабыз, жаулық аппаратабыз, табак жасыйбыз* 'Когда идем на поминки, несем с собой хлеб, платок, собираем блюдо'.

Гүр тәберсене 'поминки над могилой' (у нагайбаков), букв. 'могильные поминки': *Кәбер сайын тәберсе итеп жәрибез зиратта, гүр тәберсене була* 'Над каждой могилой читаем молитвы на кладбище, это называется могильные поминки'.

Слово *тәберсен/тәберсе/тийәберсен* в татарском языке употребляется только в кряшенских говорах. Слово *тәберсен*, видимо, вначале обозначало языческое моление около угощения, еды, т.е. отблагодарить за еду и просить всевышнего еще дать. Так как это слово произносится во время поминок, древние люди считали, видимо, что удовлетворение души покойного играет в этом немалую роль. Однако здесь, нам кажется, уместно привести для сравнения сведения из текстов В. Радлова (1907, 389), что урянхайцы и абаканские тюрки во время жертвоприношений к небу поднимали обе руки вверх, к небу и громко произносили слово *тэрь* (небо). Так как *тэрь* и *тәңәри*, *тәңри* идентичны (Радлов, 1905, 1059), у древних тюрков, возможно, было такое обращение, мольба: *тәңрибирсен > тәрбирсен > тәбирсен* 'пусть даст всевышний, бог'.

Видимо, этот термин относится к древнейшим пластам лексики тюркских народов.

Как пишут историки и этнографы, в хазарском каганате (VI—X вв.), в состав которого входили также болгарские и суварские племена, особым почетом пользовался бог неба и света *Тенгри хан*. (Магомедов, 1983, 155). Ср. также. др.-тюрк. *tāŋri* 'бог, небо', *tāŋrikān ~ tāŋrigān* 'божественный' (ДТС, 544), крещ. тат. *тәре* 'икона, образок, крест, распятие' (изображение христианского бога) из слова *тәңре* 'небо-бог' (языческий), чув. *турā ~ торā* 'божество (языческое), икона, образ, бог (христианский)' (Фасеев, 1978, 128). Приведенные материалы свидетельствуют, что сохранившийся до наших дней в говорах кряшен *тәберсен (итү)* является отражением древних мировоззрений и этногенетических связей тюркских народов.

Таба исе чыгару — испечь на сковороде что-нибудь мучное в день поминок, букв. 'выпустить запах сковородки', например: *Үлене искә алган чәтә пирбай таба исе чыгарабыз, кырыкбер жука жәй-эбез, кырыкбер көлчә жасыйбыз* (Кыр Баран) 'Когда поминаем умерших, сперва выпускаем запах сковородки, раскатываем сорок одну тонкую лепешку, делаем сорок одну булочку'.

Күк қабағы — *күк капкасы* 'ворота неба': *Күк кабақайлары ай ачылса, күк эчләрен шунда күребез* (Старый Маты) 'Если откроются ворота неба, мы увидим небесные недра'. Слово *қабақ* считается

древней формой слова *қапқа*, употребляется в основном в мишарских говорах (ТТДС, 224). В древнетюркском языке имелись варианты *қапағ ~ қапығ ~ қапуғ* (ДТС, 420—421).

Түгем/түгем-чәчем/түгү 'ежегодные общие поминки умерших предков и сородичей, совершаемые перед пасхой и накануне семина, в покров день и т.д.' (от слова *түгү* букв. 'выливать, рассыпать'). В этот день всей деревней ходили на кладбище и на могилах оставляли различные кушанья, например: *Түгем-чәчем көне диләр инде, зиратка бара торган көн. Питырау, казанскида, покырауда инде кан чыгара торган көн. Этәс суйабыз, коймаклар пешерәбез, хәбер өстөнә куйабыз* (Дюсьметево) 'Говорят, день поминок; в этот день идут на кладбище. В петров день, в казанский и в покров день нужно выпускать кровь. Режем петуха, печем оладьи, оставляем на могилах'.

Как видно из примеров, *түгем* или *түгем-чәчем* бывает в различные дни: *пыкырау түгеме/покорату түгүве* 'покровские поминки', *питырау түгеме/питырау түгүве* 'петровские поминки', *мачлича пуминки/мачлича түгүве* 'масленичные поминки' и другие.

В речи крещеных татар д. Федотовка (Аланлык) Лениногорского р-на и д. Васильевка (Кэзэбаш) Альметьевского р-на в значении поминок употребляется еще слово *эрәпә* > ар. *гарәфә* 'предпраздничный день'. У нагайбаков *эрәпә жыыйны* 'летний праздник'. *Әрәпә жырлау* 'громко петь на улице'.

Термины календарных обычаев и народных верований

В календарных обычаях и народных верованиях кряшен ярко проявляется переплетение христианства и язычества. Видимо, в период христианизации, язычество не было вытеснено из сознания масс, а христианство не было понятно, поэтому получилось смешение христианских и языческих обрядов. В селениях, расположенных ближе к церкви, языческие обряды вытеснились быстрее, и наоборот, в удаленных от церкви деревнях язычество долгое время преобладало над православием. Некоторые языческие праздники совершенно исчезли, но другие, близкие или совпадающие по времени с христианскими, продолжали существовать, часто принимая христианское название. В таких случаях христианские обряды тесно переплетались с языческими. От церковности праздников осталось только прикрепление их к какому-то месту в церковном календаре.

В древних праздниках крещеных татар очень четко прослеживается их связь с хозяйственной деятельностью и прежде всего с земледелием. Они устраивались всем селом, когда имелись в виду интересы всего общества (первый выгон скота на луга, начало пахоты, сева, уборки урожая и т.п.). Здесь нашли выражение бессилие земледельца перед стихийными явлениями природы (засухи, ветра, град, заморозки и т.д.), от которых зависела судьба и благополучие людей. Первоначальной основой всех обрядов советские этнографы считают трудовую практику древнего земледельца, стихийный опыт народа в

наблюдении примет погоды и других природных явлений (Календарные 1977, 7).

Төн бутқасы — каша, которую съедали ночью в хлеве или в сарае за сохранность и спокойствие домашних пристроек, скота (букв. 'ночная каша'), например: *Элеке төм бутқасы пешерү буған. Аны теләг итеп ылапасқа чығып ашағаннар. Қалған бутқаларны шунда күмет қуйғаннар. Аны қайсы урында ашағанын кешегә әйтмәделәр. Үзенең чимийдәсе белән генә ашады. Теләкле урын буған ул ғүмергә. Бийемненнән килененә қалған ул. Аны күрешеләре дә белмәде* (Гардали) 'Раньше варили ночью кашу. Ее ели с молениями на лабазе. Оставшуюся кашу закапывали в землю. На каком месте ее ели, чужим людям не говорили. Ели только со своей семьей. Это было место моления на всю жизнь. От свекрови это досталось снохе. Это место не знали даже соседи'.

Похожий на это обряд был в прошлом и у нагайбаков: "В начале XIX века у нагайбаков был следующий обычай: в один из весенних дней нагайбачка варила кашу, и в тот день в доме должны были соблюдать тишину и спокойствие, татар-мусульман и русских в доме не должно было быть. Две женщины, надев чистое белье и положив кашу в две посудыны, с зажженной восковой свечой, спускались в подпол и, кланяясь в пояс воображаемому домовому, просили его молиться за них богу и отвращать от них беды в настоящем году... В эту же ночь нагайбачка с кашей и с пресными лепешками отправлялась на реку и, обращаясь к реке, говорила следующие слова: отец водяной и красавица водяная, примите от меня дар сей и оградите дом мой в этом году от опасности. С этой молитвой она опускала принесенную кашу и лепешки в воду... Точно так же нагайбачка входила с кашей в конюшню, где на привязи стояла лошадь, и опускала эту стряпню в ясли, затем, шепча, к кому-то обращаясь, просила, чтобы скот в этом году оставался цел и невредим, чтобы лошади были так же крепки, как сталь' (Бехтеева, 1902, 169—181).

Шыйлык/шыйлы/шиллык 'полевое моление' относится к обрядам, справляемым сообщца и пользовавшимся раньше большой известностью. *Шыйлык* справляется весной, на второй или третьей неделе после пасхи, смотря по тому, как сойдет снег и просохнет земля. Кроме определенного времени *шыйлык* имеет и определенное место — за околицей, старой часовни (у прикамских кряшен). В назначенный день, утром, мужчины отправляются на место *шыйлык*. Одетые по-праздничному, они несут семена яровых хлебов, а также яйца, обычно окрашенные травяным соком, и молочные продукты (масло, творог, молоко, кислое молоко). Вставши лицом на юг, в головном уборе, они шепчут "волшебные" слова, избавляющие от бед, затем угощают родных и друзей и расходятся по домам.

В более далекие времена "*шыйлык*" справлялся несколько иначе. Молитву совершали старики. Принесенные молочные продукты сливались в одну кадку, туда добавлялись крупно изрубленные яйца. Смесь разливалась в миски представителей дворов и съедалась. Второе отделение обряда принадлежало женщинам. Приблизительно в час дня хозяйка каждого дома, одетая по праздничному, в сопровож-

дени дочерей, золовки или невестки, несет на то же место большое блюдо полбенной или просяной молочной каши. Блюда ставятся рядами. Священник не приглашается, а вместо него приходят старики, становятся друг за другом, лицом к югу, не снимая головного убора и держа по блюду. Совершив молитву и попробовав из нескольких блюд каши, что является разрешением приступать к еде, удаляются. Затем приступают к еде женщины. Наевшись и наговорившись досыта, они расходятся (Коваль, 1930, 81).

Так проводился *шыйлык*, весенний обряд и праздник, связанный с земледелием. Пример: *Элеке әуәле үк буған инде ул, без бәләкәй чақтук. Безне бабайлар аппаратар ыйы, жылпучқа ашшаулық жәйеп. Ике ипей қуйалар ыйы табақ белән сезмә, шыйлыққа келәү иткән жиргә аппаратар ыйы* (Сред. Баграж) 'Это было раньше, очень давно, когда мы были маленькими. Дедушки брали нас с собой. Лоток накрывали скатертью, клали два хлеба, процеженное кислое молоко (сюзьма) в блюде. Несли на место *шыйлык*, где молились'.

Слова *шыйлык*, *шыйлықка чыгу* в значении молитвы о дожде встречаются в камско-устыинском говоре нагорной стороны; в мамдышском подговоре Заказанья, а также в говоре оренбургских татар (по сообщению З.Р. Садыковой) есть выражение *шелеккә чыгу* — пойти на пикник, гулянье.

Слово *шыйлык* в разных фонетических вариантах бытует и в других языках, например: чув. *шаллак*, *шилек*, диал. *шарлак* 'стол посреди двора в доме невесты для свадебного угощения', мар. *шелык* 'свадебная обстановка, стол обычно во дворе', ст.-тур. *шиляк* 'царский пир' (Егоров, 1964, 340; Ахметьянов, 1981, 100). В говоре бакалинских и чистопольских крышен значение слова *шыйлық/шилык* совпадает с марийским и чувашским.

В языке дунайских болгар отмечено слово *шиле*, восходящее, по мнению некоторых исследователей, к протоболгарскому *шилек*, существование которого в протоболгарском подтверждается древнеболгарскими заимствованиями в сербо-хорватском (*siliek*) и албанском (*shilek*) в значении "молодая овца". Слово *шиле* в болгарском языке также означает овцу от одного до двух лет (Денисов, 1969, 150). Видимо, в древности *шыйлык* ~ *сыйлык* употреблялись параллельно, обозначая место угощения или моление, связанное с угощением. Возможно, предназначенное для этих целей животное, обычно молодой баран, также назывался *шилек/шиле'/сыйлык* — *сый* 'угощение' + афф. -лык.

Чүк/чүк иту 'полевое моление' проводится в засуху, когда появляются признаки надвигающегося неурожая. По рассказам стариков, в день *чүк* носилась особая одежда — халат вроде *чува/чыба*. В этот день женщины вместо обычных платков носили *ак жаулық*, т.е. вышитое белое полотенце, опуская концы назад, и опоясывались тоже полотенцами, концы которых висели спереди. Инициатива *чүк* принадлежит старухам, которые руководят всем: наблюдают за порядком обряда и дисциплиной собравшихся. На берегу речки собирается все свободное от работ население деревни — старики, мужчины и женщины средних лет, дети — словом, все — от мала до велика. В

большом котле вместимостью 10—15 ведер варится завариха, *бо-ламык* или *чүк буткасы*, обычно из полбенной муки, собранной подворно, или купленной на деньги от подворного сбора. После молитвы люди располагаются на зеленой траве. После еды начинается обливание водой (Коваль, 1930, 84).

В говорах кряшен некоторых сел Заказанья слово *чүк* (например, *арнаш чүге*, *тупылат чүге* и др.) обозначает народный праздник *джиен (жыен)*⁹.

В говорах крещеных татар употребляются еще следующие слова, которые обозначают этот же обряд, т.е. полевое моление: *чүб итеу* (Дюсьмет), *чүпкә кийу* (Федотовка), *чүлмәчтеки* (Янцеваы), *чүр-мәчлекей* (Кылбагыш), *сүс боткасы* (Ишалкино), *жаңгыр боткасы/кыр келәше* (Старое Тябердино), *у⁰жук ашы* (Сарапала), *чүп боткасы* (у нагайбаков), например: *Менә элеке шулай жаңгыр жаумый торса, коро булдисә чүпкә дип чүпкә кийарга чыгалар ыйы жәшләр. Бер кемне калдырмыйнча сый сибәләр ийе. Чүпкә кийу шул инде* (Федотовка) 'Вот раньше, когда долгое время не было дождя, когда было сухо, выходила молодежь на моление дождя. Никого не оставляя, всех обливали водой. Вот это и есть *чүпкә кийу*'.

В татарском языке и в других диалектах и говорах известны различные варианты слов, обозначающие этот обряд, например: за-каз. говор *чүлмәнчек/чүрмәнчек/чөрмәнчек*, бирск. — *карга боткасы*, кузн., хвал. *йаңгор боткасы*, темн. *йаңгыр намазы* и др. Этот обряд и обозначающее его слово есть и у чувашей: *учук* (Ашмарин, 1929, 29), *чук*, *чукләмә* 'полевое моление с кровавой жертвой' (Золотницкий, 1875, 16) — в марийском *цок*, *чок*, удм. *чек*, *чеке*, *цок*, морд. *озкс* 'полевые жертвоприношения до посева хлебов. Слово *чок* в сходном значении имеется в алтайском языке, а также у других тюрков (Ахметьянов, 1978, 164).

Вероятно, кряшенское слово *чүк* и тат. литер. *чүк* 'кисть' по первоначальному значению множества предметов стоят близко друг к другу. Об этом свидетельствует употребление слова *чүк* в значении *жыйын* 'сборище' у кряшен (напр., *Дрнәш чүге* — *Дрнәш жыены* 'сборище Арнаш', *Тупылат чүге* — *Тупылат жыйыны* 'сборище Тупылат' и др.), а также слова *чүк* в значении улицы в говоре пермских татар: *тау чүк* 'улица гора', т.е. множество домов, расположенные на горе, *аткары чүк* — *югары урам*, *югары оч* 'верхняя улица, верхний конец деревни' (ГТДС, 1969, 53).

В произведении "Төхфәи Мәрдән" поэта XVI в. Мухамедьяра слово *чүк* также употреблялось в значении 'много':

*Барча хәлен монлар тәкый белделәр,
Тәңрегә чүк шөкерләр кылдылар...*

(Борынгы, 1965, 395)

'О состоянии его они узнали,
Много раз поблагодарили бога'.

⁹ См. материалы нашей экспедиции 1977 г. в Мамадышский р-он ТАССР.

В топонимике татарского языка слово *чук* довольно широко распространено в гидронимах, названиях рек и родников в основном на территории Заказанья: *Чук елгасы* 'Река чук' бассейн реки Аты (Арский р-н), бассейн реки Ашыт (Сабинский р-н), бассейн реки Казан; *Чук чишмәсе* 'Родник чук' — бассейн реки Аксар (Занский р-н) (Гарипова, 1984, 162, 223) и др.

Қырау қуу — обряд, который проводится во время весенних заморозков (букв. изгнание заморозков), например: *Элек қырау төшкәндә нишәтергә аптырағаннар. Қәзер қалық иске чабаталар жыйып, берсенә-берсе атып, жарты басуи житкенче чабата белән атышып қырау қуғаннар. Қырау қушып туқтағач, чабаталарны бергә өйөп жандырып өйгә қайтасын* (Мелекес) 'Раньше, когда ударяли заморозки, не знали что делать. Вот собирали старые лапти. Бросая друг в друга лапти, до середины поля гнали заморозки. Прогнав заморозки, лапти складывали, сжигали и возвращались домой'.

У нагайбаков такой же обряд называется *пештемә қывыу* (Юсупов, 1974, 212) 'изгнание *пештемә*' Есть специальная мелодия и песни *пештемә көйө*.

Қорман (литер. *корбан*) — общее моление с жертвоприношением. *Қорман урны* 'место жертвоприношения'. *Қорманның* 'жертвенное животное'. Назначение его — умиловить "небесного царя", распоряжающегося судьбами людей и скота, который, по представлению кряшен, волен послать болезни и мор. Поэтому *қорман* совершается в целях сохранения жизни и здоровья жителей и домашних животных. При жертвоприношениях необходимо было строго соблюдать, чтобы жертвенные животные были определенного цвета, в частности, белого.

Қорман бывает несколько видов: *ақ балық қорманы* (Юшады) 'жертвоприношение белой рыбы' (отсюда в татарском языке название рыбы *корбан балык* 'лещ'); *тавық қорманы* 'жертвоприношение курицы'; *үгез қорманы, сарық қорманы* 'жертвоприношение быка, овца', например: *Жаңғыр жаумый торса адарыналар, қорман уздырабыз диг. Тишмә буйындайы, биг оло тишмә. Шу тишмә буйына бөтөн асыл жыйыла тоғон ыйы, қорман ашына барабыз диг. Сары' чала инде қорманда, а' сары'* (Кибячи) 'Если долго не бывает дождя, дают обет: будет жертвоприношение. Около родника бывает. Очень большой родник. Около него собирается вся деревня. Идем, мол, на угощение. Во время жертвоприношения режут барана, белого барана'.

Подобное моление проводилось у многих народов Поволжья: у мишарей, казанских татар, чувашей, мордвы, удмуртов (Мухамедова, 1972, 186). Ср. у причепецких татар и бессермян: *гид байына корбан* 'жертвоприношение хозяину хлеба', *өй байына корбан* 'жертвоприношение хозяину дома'.

Кирәмәт — киреметь, место жертвоприношений и предметы суеверного почитания. *Кирәмәт жолалары* 'обычай киремети'. Место киреметь считалось страшным, полагали, что там обитает злой дух и, если не принести жертву (*қорман*), возможны различные бедствия и болезни. Киреметью назывался и сам дух, обитающий в данном месте. Татары приносили в жертву киремети скот.

Христианское и мусульманское духовенство вели упорную борьбу

с культом киремети, который был характерен для всех народов Среднего Поволжья и Прикамья. Так, у чувашей киреметью называлась четырехугольная площадка, отгороженная забором, где совершалось жертвоприношение. Киреметью назывался и сам дух. В жертву ему приносилось обычно животное, прошедшее особое испытание. Подобные культы существовали у удмуртов (*киреметь*), мордвы (*киреметь сзек*), мари (*киреметь-арка*). Считается, что к поволжским татарам это верование перешло от их предков (Сбоев, 1865, 88).

Слово *кирэмэт* находит отражение и в топонимике Татарской АССР. Например, оно отмечено в бассейне реки Ашит (Арский р-н), реки Казкаш (Сабинский р-н), реки Малый Черемшан (Чистопольский р-н), реки Кушкет (Балтасинский р-н) и др. (Гарипова, 1984, 71).

Бәрмәнчек — вербное воскресенье, последнее воскресенье поста. Весной, перед праздником пасхи, молодежь собиралась в одном доме, куда приносились пушистые ветви ивы, ими хлестали друг друга, варили кашу, веселились — *бәрмәнчек буткасы* 'вербная каша'. *бәрмәнчек сугу* 'ударить, хлестать вербой', например: *Бәрмәнчек бутқасы ашағачын бәрмәнчекэй-чекэй-чекэй, оло көндә бер күкэй дип, жә бәрмәнчекэй-чекэй-чекэй, ничә күкэй бәчкә дәй дип қычқырып жәриләр тирәзә налишникларына бәрмәнчек белән бәреп* (Старое Гришкино) 'Когда поели кашу в день вербного воскресенья, ходили по улице, выкрикивая: *бәрмәнчекэй-чекэй-чекэй*, в день пасхи одно яйцо или, *бәрмәнчекэй-чекэй-чекэй*, сколько яиц (дадите), дядя Василий? И ударили вербой в оконные наличники'.

В говорах крещеных татар употребляются следующие варианты этого слова: *бәрмәчтеки/бәрмәчлекей/бәрмәслекей*: *Бәрмәчлекейдән жөзәм бумас* (поговорка) 'От вербы винограда не будет' (Старый Карабаян); *чыбық бутыйы*¹⁰ (Верх. Чура, Поршур); *чыбық атнасы* (Дурга); *чыбык келәве* (подб. крш.); *бәрмәнчек келәве* (Дюсьметево); *вирба чыбык* (Порым); *пучы бәйрәме* (Ошторма-Юмья), например: *Пучы бәйрәме пучы чыккачыннан була инде. Пучы алып керәләр талдан. Ана Одок (Авдотья) потсан белән төйәп кайтырлык кисә пучыны* 'Вербный праздник бывает тогда, когда появляются почки вербы. Ломают вербу. Вон Авдотья, нарубаёт столько, сколько умещается на санки'.

Ветки вербы, красиво завязав букетом, брали с собой в церковь; освященные ветки потом клали за образом. Весной, во время первого выгона скота, ими хлестали скотину или клали их в корзину гусыни, сидящей на яйцах.

Раштува/раштыва/раштау — христианский праздник рождества, например: *Раштува ундүртенче йануварда була, зур бәйрәм* (Албай) 'Рождество бывает четырнадцатого января, большой праздник'; *Раштываны айында, бергәләнә бәкесе* (Янсурино) 'В месяц рождества делали прорубь'.

Қач/кач 'крест': *қач қылу* 'креститься', *қач ману* 'святое крещение, погружать крест в воду, святить воду', *қач маңған көн* 'день, в который

¹⁰ *Бутый* — ботка 'каша'.

погружают крест в воду, день богоявления' (Даль, 192), ср. в говоре чистопольских кряшен *качманнар көне* — в том же значении.

Нардуган/нардуган чабу — святки, святочные игры. *Нардуган* праздновался с 24 декабря, в эти дни проводились маскарадные увеселения и гадания на кольцах, гадали о судьбе на будущий год и т.д. *Нардуган өйө* — дом, где собирались участники святочных игр.

Среди крещеных татар обряд *нардуган* известен также под названиями: *Төрләнен жөрү* (Верх. Чура) букв. 'ходить по-разному, по-другому'; *бабачы багыты* (Ошторма-Юмья) 'время дедушки', т.е. 'нарядиться как дедушка'; *экәмәт жөрү* (Базгыя) 'чудить'; *айу тчикмәне* (подб.) 'медвежий чекмень'; *жәшер* (Ташкирмень) от слова *яшеру*, т.е. 'прятать, устраивать маскарад', например: *Жамбарнын жидесендә башлана жәшер*, *уналтысына чәре бара инде* (Ташкирмень) 'Святки начинаются седьмого января, продолжаются до шестнадцатого января'; *Нардуганда әвәлеге мудыларны кийеп чыгалар*. *Жөзө' салым да була*. *Мына сым буйыннан аналы-аталы қыз сым алып менә дә, қәзер синен балдағын бармы — салалар, жырылыйлар инде*:

*А' келәтне ишеге танға таба ачыла,
Талигалы мәнделәргә күк қабағы ачыла*

дип. Ана тее жа'та кәтернә а'лы кеше салдыра жөзө' (Ковали) 'Во время святок одеваются по старой моде. Гадают на кольцах. Вот из реки приносят воду те, у кого имеется и отец и мать. И если у тебя есть кольцо, — кладут, поют:

*Дверь белой клетки открывается на заре,
Счастливым людям открываются ворота неба.*

Вон на той улице, у Катерины, гадают'.

Среди татар обряд *нардуган* известен у мишарей, он распространен также среди многих народов Среднего Поволжья, например: морд-мокша *нардван*, морд.-эрзя *нардава*, мар. (диал.) *нардуган*, чув. *нартаван*, *нартукан*, удм. *нардуган* и др. (Ахметьянов, 1977, 99).

Нардуган запрещался христианской религией. Считали, что этот праздник — пережиток язычества, его называли *шайтан туйы* 'чертова свадьба', например у Я. Емельянова (1879, 19):

*Жаман эшне — нардуганны
Ичтә искә алмагыз,
Шайтан туйы нардуганга
Кыусалар да бармагыз*

*'Худое дело нардуган
Никогда не вспоминайте его,
На чертову свадьбу нардуган
Не ходите, если даже будет заставлять'.*

Жөзөк салу — гадание на кольцах, один из видов гадания во время святок.

Парни и девушки собирались в доме, который назывался *нардуган өйө* 'дом нардугана' и отправляли за водой к проруби двух молодых людей — *баш бала* 'первый ребенок в семье. и *төпчек бала* 'последний ребенок в семье'. Им надо было очерчивать топором

воду. Очерчивали воду три раза по направлению солнечного движения. На обратном пути нельзя было разговаривать. По широко распространенному поверью, такая вода обладала магической силой. В принесенную воду все девушки, участницы игры, клали свои кольца. Потом ведро накрывали полотенцем. Одна из девушек, не глядя и никому не показывая, вынимала какое-нибудь кольцо. В это время произносили разные песенные куплеты. И только после этого показывали кольцо. Чьим было кольцо, тому и предназначались стихи.

Тыңга бару — обряд подслушивания, один из видов гадания в дни святок (*нардуган*), например: *Тыңга барған чағында қалағыңны қуйыңа қыстырып чығып китәсең, нийәтеңне әзерләб инде. Нәрсәкәй кирәк сийа. Тыңга барып қайтқачын шул қалағыңны ырғытып бәрәсең. Қалақ чалқай төһсә, шу кешенең қайтууы була, жезтүбан төһсә, қайтмауы була* (Пинячи) 'Когда идешь на подслушивание, засовываешь за пазуху ложку. Заранее обдумываешь, на что ты будешь гадать. Когда вернешься с подслушивания, бросаешь ложку на землю. Если ложка упадет вверх (краями), тот человек вернется, если вниз, — то не вернется'.

Боламык — летний праздник молодежи, букв. 'каша (мучная)'. Он наблюдается в д. Савалеево Альметьевского р-на. Есть специальные песни и мелодия *боламык*. Например: *Боламыкка карышы инде пирвуй жууынадырыйык, бәйрәмне көтәдерийек. Кич уйынга чыгабыз. Бөтөн асыл зийылгас түгәрэг уйын засыйбыз. Пирвуй жыру башлыдырыйык зыйылышкас. Әле Гөрпинә онотма син боламык зыруларын* (Савалеево) 'Перед праздником боламык сперва купались. Ждали праздника. Вечером выходили на хоровод. Когда собиралась вся деревня, водили хороводы, пели песни. Ты, Агриппина, не забывай песни "боламык"'. Ср. также каз., кирг., к.-калп. *быламык*, азерб. *буламаг*, тур. *буламач*, узб. *буламык* 'мучная каша, похлебка', но якут. *балламах* 'осадок, поднимающийся при размешивании жидкости'.

Келәү/келәү итү 'желать, молить'. Раньше это слово имело значение "произносить языческие моления и молитвы", например: *Шыйлыкта әр кеше қойашқа таба қарап келәү итә* (Сред. Баграж) 'В шыйлык каждый человек молится, смотря на солнышко'.

В говорах кряшен имеются следующие формы *келәү*: *келәү бутқасы* букв. 'молитвенная каша', *тауық келәве* 'жертвоприношение курицы' (заказ.), *бәрмәнчек келәве/чыбық келәве* 'вербное моление' (нагайб.), *кыр келәве* 'полевое моление' (подб.).

Различные формы обрядов и молений (*келәү*) и обозначающие ее слова зафиксированы и в других диалектах и говорах татарского языка, например: *Ак алаша келәве* 'жертвоприношение белой лошади', *улдүкләр келәү* 'обряд моления умерших', *балык келәве* 'обряд моления рыбы (м. кар.)', *тауық келәве / ил келәве* 'жертвоприношение курицы' (лямб.), *ызба келәве* 'обряд связанный с новосельем', *катлама келәве* 'угощение девушек-родственниц невесты и жениха, устраиваемое в доме родителей жениха на второй день свадьбы' (темн.), *зур келәү* 'большое моление' (хвл.), *нәзер келәү* букв. 'обещанное моление' (темн.).

Келәу айы — по древнему местному календарю шестой месяц года (подб. говор); *келәүтәр чокоры* 'место моления' (микротопоним, д. Базгиево).

У крещеных татар до революции было широко распространено знахарство. Отдельные люди (их называли *күрәзә/күремче* 'гадальщица, ворожея, ясновидица' или *тел белүче* 'знающий язык') знали множество заговоров и заклинаний. На каждую болезнь или несчастный случай (пожар, ранение, укусы змей и др.) нужно было произнести соответствующее заклинание — *тел* букв. 'язык'. В настоящее время эти заклинания помнит очень небольшое количество старых людей (в основном старушки), их держат под большим секретом. Может быть, это объясняется тем, что обычно знахари произносили их про себя, или в узком кругу близких людей, поэтому они не были широко известны. Эти тексты сочиняли сами знахари или их предки. Знахарями применялись такие художественные приемы, как метафора, гипербола, аллегория, различные рифмы и ритмы. В заговорах и заклинаниях чувствовался тон приказа и угрозы. Они сохраняют древнейшие народные представления и одновременно являются образцами или фрагментами самых архаических из дошедших до нас текстов.

Множество заклинаний и заговоров записано нами от Матрены Федотовой (1901 г. рождения) в д. Мелекес Челнинского (ныне Тукаевского) р-на. Нам пришлось наблюдать лечение человека, заболевшего якобы от ветра. То тихо, то громко, то мягко, то угрожающим тоном произносила она умело подобранные слова и сыпала хмель через голову "больного". Потом этот хмель собрала и велела "больному" ночью бросить на ветер. Отдельные слова повторялись знахаркой троекратно. Троекратному повтору придавали, как известно, магический смысл, например *җил теле* 'язык ветра':

*Иртән килеп ирекмә,
Көндөз килеп көнөкмә,
Кичен килеп кичекмә,
Җайан кисән шунда кит,
Җирдән кисән җиргә кит,
Җилдән кисән җилгә кит,
Җиде җул чаты*

'Придя утром, не скучай,
Придя днем, не теряй день,
Придя вечером, не опаздывай,
Откуда пришел, туда и уходи.
Если пришел из земли, уходи в землю,
Если пришел с ветром, уходи с ветром,
Перекресток семи дорог'.

Нами записаны на магнитофонную ленту *бүсер теле* 'язык грижи', *су теле* 'язык воды', *ут теле* 'язык огня', *җылан теле* 'язык змеи', *кан теле* 'язык крови', *арпа теле* 'язык ячменя' и другие заговоры. Кроме того, имеется множество заговоров от испуга (*қурқулық қою*), сглаза (*күз тийүдән*), духа леса (*урман ийәсе тигәндә*),

духа воды (*су тигәндә*) и др. В заказанской группе кряшен зафиксирован *қырмызы имнәу* 'заговор от краснухи'. Ср. в говоре мордвы-каратаев татарского языка *қырымзау* 'солдатка', в турецком, гагаузском — *қырмызы* 'красный'.

Кроме словесных формул действия знахарки сопровождалась закапыванием в землю различных железных предметов, например иглы или гвоздя. Острым железным предметам в мифологии многих народов приписывали особые магические свойства.

Обряды, отражающие древнее мировоззрение человека, породили особый жанр заговоров и заклинаний. Это вид устного народного творчества способствовал распространению среди народа отсталых идей и религиозных представлений. Однако заговоры принадлежат к древнейшему виду фольклора, и в них сказалось большое словесно-образное мастерство, сделавшее их памятниками искусства. Богатая образность и мастерство языка делает их интересными и для поэтов.

Су анасы, су атасы — мифические образы: 'водяная мать', 'водяной отец'. Когда считают, что болезнь от воды, в воду опускают соль и крупу, произнося слова:

*Су анасы сылубикә, су атасы сарысакал,
Кагылма, сугылма, шушынын белә
бакилләтәм, минем кулым түгел,
әшә-батман кулы.*

'Мать водяная, отец водяной, не трогай, не касайся, благославляю вот этим, не моя рука, а рука Гайши и Фатимы'.

Таң суы — вода, принесенная на заре из родника или речки для знахарского лечения человека, подвергнувшегося сглазу знахарей: *Таң суы апқайтқанда кеше очраса да жәшимсең* (Сред. Пинячи) 'Когда несешь воду на заре, не разговариваешь, если даже навстречу попался человек'.

Адарыну — дать обет, обещать, например: *Чәчәүниккә адарыным, алжапқыч тегеп бәйләттем дә күз эрәтләнде* (Ляки) 'Дала обет часовне, сшила и повесила фартук туда, глаз перестал болеть'.

Сөрән/сөрән сугу/ сөрән чабу — весенний праздник. В третий день после пасхи, парни верхом на конях едут по домам, собирают вещи, яички. Потом устраивают состязания и скачки. Этот обряд объясняется как обычай встречать новый год по древнему календарю, так как он проводился в апреле, в период таяния снегов. Обряд *сөрән* известен у многих народов Поволжья: тат. *сөрән*, чув. *серен*, мар. *сюрем*, удм. *сурен*, башк. *һөрән* и т.д. У марийцев летний праздник *сюрем* отмечался особенно торжественно, все марийские селения группировались по определенным сюремным округам, каждый из которых имел *сюрем ото* — роцу, где совершалось жертвоприношение во время *сюрема* (Козлова, 1978, 287). Пример: *сөрәндә жәгетләр атка атланып важи-важи-он дип капкага китереп сугалар күсәк белән* (Ошторма-Юмья) 'Во время *сөрән* парни едут верхом на конях по домам, дубинкой ударяют по воротам и говорят: *важи-важи-он*'.

Важи — слово удмуртского происхождения. Известно, что в древности у удмуртов были обряды *божо*, связанные с зимним и летним

солнцестоянием (Ахметьянов, 1981, 64). Ср. у бесермян и живущих с ними в контакте прицепецких татар Удмуртии — *божо йачкылау* и *божо чабу* 'святочные игры'.

Симек/чимек — рус. *семик* 'день поминания предков, седьмой от пасхи четверг' (Даль, 170). *Симек атнасы* 'семикская неделя'. В отдельных группах кряшен (напр., в бакалинской группе) семикскую неделю называют *жәшел нардуган* 'зеленые святки'.

В день семика ходили с едой на могилу, совершали поминальную тризну, проводились разные гадания. Гаданье в семик, т.е. в четверг перед троициным днем, по народному и церковному календарю, посвященное поминанию усопших, очевидно, связано с тем же культом предков. Церковь стремилась соединить древние верования с православием и приурочила дни поминания святых к старым народным поверьям и праздникам. Пример: *Паскыдан сун жиде атна кала ул симек. Зиратка менэлэр. Зиратта жырларга жарамый. Ирәгәсен симек болоньна килэлэр. Симек болоньнда жырлылар ыйы. Менә симек жыры:*

*Бийкәй генә тауда ук ай зиратта,
Кычкыра куку гына ук ай баласы.
Кычкырма куку гына шул ай баласы
Бездә шунда гына ук барасы*

(Ошторма-Юмья)

'Семик бывает спустя семь недель после пасхи. Вместе идут на кладбище. Там нельзя петь. На следующий день собираются на лугу. Там поют. Вот семикская песня:

*На высокой горе, на кладбище,
Кукует птенец кукушки.
Не кукуй ты, птенец кукушки,
Мы тоже должны пойти туда'.*

Интересным элементом семика является то, что девушки, прихватив с собой еду, шли в лес. Все кушанья готовились из продуктов, собранных у девушек деревни. Девушки садились под дерево и съедали принесенное, через голову бросали яички. Девушки наряжали березу разноцветными лентами, платками, полотенцами, лоскутами домотканого холста и возвращались домой.

Тройсын/тройчын/тручын/тричын — рус. *троицын день* — древний праздник весны, который проводится обычно в первое воскресенье июня. В народе этот праздник называется *жапырак бәйрәме* 'праздник листьев' или *кайын бәйрәме көн* 'день праздника березы'. Церковь приурочила к этому празднику свой праздник в честь "троицы", триединого бога — отца, сына и святого духа (Даль, 431).

В троицын день парни и девушки принесли наряженную березу в деревню и носили ее по всем домам. Около каждого дома оставались, пели песни и плясали. Потом березку выносили в поле, зарывали ее в рожь или бросали в реку. Вечером девушки и парни устраивали хоровод, пели специальные песни (*кайын башы жырлары*), восхваляя березу. Примеры:

Тройчын бэйрәме мына былай була бездә, ийүннең унысы тирәсендә ул. Эч кен элек симектә кайынга жепәк жаулыктар бэйләп кайталар. Кайынны алырга баралар. Шуну урам буйы күтәреп кайталар да йугарычка меңгереп салалар сыуга. Жамагат сайын ывак-ывак итеп сыуга ыргытып тыралар. Мына тройсын кейен жырлиг эле:

*Ак та кайынарны жәмне итә
Жапыракай белән туз гына.
Өстәл өскәйләрен жәмне итә
Ипекәйләр белән тоз гына*

(Васильевка)

‘Праздник троицын вот так у нас бывает. Примерно десятого числа июня. За три дня, в семик, на березе завязывают шелковые платки, идут за березой. Ее по улице несут и на верхней улице бросают в воду. Каждая семья ломает ее на мелкие ветки и бросает в воду. Вот песни троицы:

*Белую березу делают красивой
Листья и березовая кора.
Стол делают красивым
Хлебушек и соль’;
Ай-гай безләр китийекәй-китийек,
Кайынныкка барып житийекәй,
Кайын башын тишийек.
Ак кайын башлары уйылган
Анын жапырагы кыйылган.
Без жырламый кем жырласын
Бар туганнар бергә жыйылган*

(Верх. Кондрата)

*‘Ай-гай, пойдём же мы пойдём
Дойдём до того места, где растут березы,
Да развяжем макушки берез.
Сломались макушки берез
Осыпались листья.
Если мы не поём, кто же будет петь,
Все родные собрались здесь’.*

Обряд с березой указывает на то, что она воспринималась как существо живое, магическое, способное услышать просьбы, исполнить желания. Такой же обряд наблюдался у восточных, западных и южных славян. В древнерусских языческих сюжетах береза также была священным деревом и связанные с березой весенние игрища тоже относятся к культу березы. Почитание березы отразилось и в произведениях устнопоэтического творчества.

Интересные обряды, связанные с березой и жертвоприношением, зафиксированы у урянхайцев и абаканских тюрков В. Радловым (Образцы, 1907, 389). Они также привязывают к верхушке березы лоскутки холста, ленты и, поднявши обе руки вверх, к небу, произносят обращение, молитву и просят березу, чтобы она донесла их молитву до

той стороны ясного неба, т.е. береза была символом связи земли и неба.

Май/ май чабу — рус. масленица; *май чапкандагы кей/ май кейе* (Янсурино); *Кэтэчэ көйө/ катайса көйө* (Крещ. Ялтань) ‘мелодии масленицы’; *кэтэчэ чабу/ кэтэч чабу/ катайса жөрү* ‘катание на лошадях во время праздника масленицы’. Примеры:

Май чабалар инде эч кен. Кажныйы ат жигадерийе. Чаналарга утырып урам айланадерийег инде. Мин үзем дә беләм эле. Син жырлап күрсәт эле Бәчүкә кийе белән.

*Майларны да чапсаң син каты чап,
чана үрәчәләрен шаңгыртып.*

*Жырларны жырласаң каты жырла,
Ишәле урамнарын жаңгыртып*

(Ишалькино)

‘Во время масленицы три дня катаются. Каждый запрягает лошадь. На санях объезжают улицы. Я и сама помню еще. Ты вот спой, Василиса.

Если ты будешь кататься на масленице,
То катайся хорошо,
Чтоб разводы саней скрипели.
Если будешь петь песни, то пой громко.
Чтоб звучали на улицах (села)’.

С масленичными играми связан ряд суеверий, например: *жәшләр-кызлар май чапмасалар, житен кысқа булып үсәр, дип әйткәннәр бабайлар* (Дурга) ‘Если молодежь не будет кататься (на лошадях) в масленицу, говорили наши деды, то лен будет короткий’.

Шоман озату — игры, букв. ‘проводы *шоман*’ в дни масленицы: *Шоман ул кайсы чичлада килә, әйтә алмыйбыз. Шоман озатыр ыйык, шоманга чыгыгыз дип жөрөр ийек* (Федотовка) ‘Какого числа бывает *шоман*, сказать не можем. Ходили вот, провожали *шоман*; говорили, выходите на проводы *шоман*’.

Слова *шоман озату* ‘проводы *шоман*’, *ошом/бишым тоту* — *бизгәк тоту* ‘лихорадить’, *шоннок/шыннык (шом + лык)* ‘страшно, страх’, которые употребляются в кряшенских говорах, возможно, являются одного корня *шом/шон*, ср. тат. литер. *шом* ‘страх, дух страха’, диал. сиб.-тат. *шом* ‘плохой’, мар. *шум* ‘зло’. Это слово считается заимствованием из таджикско-персидского, где *шум* ‘дурной, плохой’ (Ахметьянов, 1981, 47).

Питырау — рус. *Петров день* (14—15 июля). День *питырау* хорошо знали не только крещенные татары, но и татары-мусульмане. С этим днем связывали земледельческие приметы. Например, в день *питырау* прекращались вечерние хороводы. После петрова дня начинался *печән өсте* ‘сенокос’, потом *ураг өсте* ‘жатва’ и другие сельскохозяйственные работы:

Чыбар куку куклидыр,

Сука эстендә туктидыр.

Безни уйын уйнислар (уйнаулар)

Питрау житкис туктидыр.

‘Кукует пестрая кукушка,
Во время пахоты перестает.
Наши игры-хороводы
Заканчиваются в петров день’.

(Старое Тябердино)

Уйын өсте — время летних хороводов. У татар-кряшен вплоть до последних лет летом водили хороводы, начиная с троицы и до петрова дня. На хороводах активно участвовала вся сельская молодежь. Девушки выходили на вечерние игры, нарядившись в девичью одежду — *калпак-чачак, маңгай ука или маңгай таңкә*. Пели специальные хороводные песни (*уйын жырлары*). В подберезинском говоре это называлось *уйын айту*. В конце сезона хороводов, ближе к петрову дню, пели песни *уйын озату* ‘проводы хороводов’. В каждой деревне были свои любимые мелодии и песни. Например, в Заказанье во время хороводов пели песни: “*Асыл безнен ил*” ‘Хороша наша деревня (страна)’, “*Суда балык жөзәдер*” ‘Плавают рыбка в воде’, “*Сандугач баласы*” ‘Птенец соловья’, “*Чуртан йөзә сунын үренә*” ‘Плавают щука против течения’. Хороводные песни и сейчас составляют заметный слой в местном репертуаре кряшен.

Кызлар көне ‘девичий день’. Осенью, после окончания полевых работ, устраивали девичий пир, который проводился в разных деревнях в различное время. В каждом доме, где была совершеннолетняя девушка, готовили праздничный стол. Девушки всей деревни, собравшись вместе, ходили друг к другу в гости, веселились, пели *Кызлар көйе* ‘девичьи песни’, например:

*Узыйыкай урамнардан без узыйык
Күрсеннар күзләре туйғынчы.
Күрсеннар күзләре туйғынчы,
Без тормабыз ғумер буйынчы*

(Ташкирмень)

‘Пройдем мы по улицам, пройдем,
Пусть смотрят на нас, насмотрятся.
Пусть смотрят на нас, насмотрятся
Мы не вечно будем жить здесь’.

Девичий праздник у чистопольских кряшен назывался *чепчина* или *чепичә* (ср. у мишарей обряд *чип-чип*: Мухамедова, 1972, 198), в д. Ташкирмень Лаишевского р-на — *такыйа бэйрәме* ‘праздник такии’ (см. *такийа* ‘девичий головной убор’). Такие же “девичьи праздники” были вплоть до начала XX в. у марийского народа (Козлова, 1978, 307).

Ряд слов в говорах крещеных татар обозначает обряды и праздники русско-христианского происхождения, например: *элжин көн* ‘ильин день’, *пыкырау* ‘покров’, *оло көн* ‘пасха’, букв. ‘великий день’, *аудакий көн* ‘авдотьин день’, *микулин* ‘николин (день)’, *жэйге микулын* ‘летний николин (день)’, *кышкы микулын* ‘зимний николин (день)’, *симән көн* ‘семенов день’, *менибун* ‘молебен (летний праздник)’ (д. Кулуши Мамадышского р-на), *ыспас* ‘спасс’: *Калдык ыспаска кергәч чикий (чикләвек) жыйа торган ыйык* ‘В последний спас орехи собирали’.

	Литер.	Говор за казанских крышен и крышен Н. Прикамья	Говор чистопольских крышен
Понедельник	<i>дүшәмбе</i>	<i>дүшәмбе</i>	<i>баш кен</i>
Вторник	<i>сишәмбе</i>	<i>шишәмбе</i>	<i>буш кен</i>
Среда	<i>чәршәмбе</i>	<i>шәршәмбе</i>	<i>кан кен</i>
Четверг	<i>пәнҗешәмбе</i>	<i>атна кич</i>	<i>кичатна</i>
Пятница	<i>җомга</i>	<i>татар атнасы</i>	<i>татар атнасы</i>
Суббота	<i>шимбә</i>	<i>атна арты</i>	<i>атна кич</i>
Воскресенье	<i>яکشәмбе</i>	<i>атна көн</i>	<i>атна көн</i>

Названия дней недели и месяцев

Заслуживают внимания в говорах крышен древние названия дней недели. Некоторые из них по значению и форме обнаруживают сходство с соответствующими названиями дней других говоров татарского языка, например с говором пермских татар, говорами мишарского диалекта и т.д. (см. "Сравнительную таблицу названий дней недели").

У крещеных татар сохранились также древние названия месяцев, например: *агам кырлач/оло раштау* 'декабрь, январь', *энем кырлач/кече раштау* 'январь, февраль', *науруз айы* 'март', *буш ай* 'апрель', *сабан айы* 'май', *билек ай* 'пятый месяц года', *печән айы* 'июнь', *чертмә айы* 'июль', *ураг айы* 'август', *ындыр айы* 'сентябрь, октябрь', *келәү айы/учуг айы* 'ноябрь' (у подб. крышен).

КЛАССИФИКАЦИЯ ЛЕКСИКИ ГОВОРОВ КРЫШЕН ПО ЧАСТЯМ РЕЧИ

Имена

Имена собственные. Мужские имена: *Апанай/Панай* — Афанасий, *Абакун/Акун* — Аввакум, *Арчин/Әрчәнтәй/Әрчук* — Арсений, *Артуш/Үртүш/Үртәми* — Артемий, *Барис/Барук/Бариска* — Борис, *Бәчлей/Бәчүк/Бәчей/Бәчкә* — Василий, *Гардей/Герүш* — Гордей, *Гөргөри/Гөрөй* — Григорий, *Гәверлә/Гәвей* — Гаврил, *Даный/Дануш/Данук* — Даниил, *Ибук/Ибий/Ибашай* — Иван, *Илжә/Илүк/Илүш* — Илья, *Көжмә/Көжөй* — Кузьма, *Купый/Күпей* — Прокофий, *Керитун/Керүш* — Харитон, *Мәтебей/Мәтүш* — Матвей, *Мәкчөй/Мәкчим* — Максим, *Микәйлә/Микәй/Микүш* — Михаил, *Назарый/Назук* — Назар, *Никипар/Микипар/Микуш* — Никифор, *Питкә/Питәркә/Питүк/Питөй* — Петр, *Павал/Пашук/Паукий* — Павел, *Пидут/Пидый* — Федот, *Пылигун/Пылигуш* — Флегоний, *Пантый/Пантуш* — Пантелеймон, *Рамый/Раман* — Роман, *Сабый/Сабук* — Савелий, *Тимей/Темәпей* — Тимофей, *Учий/Учын* — Осип, *Чиргей/Чируш* — Сергей, *Чилуш* — Сельвестор, *Ычтапан/Ычтук* — Степан, *Әүдәким/Әүдөй* — Евдоким, *Жәней/Жәнүк/Жәпкә* — Ефим,

Говор подберезинских кряшен	Мишарский диалект	Говор пермских татар	Чувашский язык
<i>тунди кен</i>	<i>баш кен</i>	<i>туган көн</i>	<i>тунди кун</i>
<i>утлари кен</i>	<i>буш кен</i>	<i>атланган көн</i>	<i>ытлари кун</i>
<i>кан кен</i>	<i>чәршәмбе</i>	<i>қан көн</i>	<i>йун кун</i>
<i>кечатна</i>	<i>атна кич</i>	<i>кичатна</i>	<i>кеҗен арня</i>
<i>оло атна</i>	<i>атна көн</i>	<i>жомга</i>	<i>ерни кун</i>
<i>атна көн</i>	<i>атнарас көн</i>	<i>коры көн</i>	<i>шымат кун</i>
<i>урьс атнасы</i>	<i>урьс атнасы</i>	<i>урьс атна көн</i>	<i>вурӑс ерни</i>

Жармый/Жармалай/Жаруш — Ермолай, *Жәкәү/Жәкүш* — Яков, *Жәмәлҗән/Жәмүк/Жәмүш* — Емельян, *Жыганат* — Игнат, *Жүрик/Жүркә* — Юра.

Женские имена: *Аудықай/Аудый/Алдуч/Алдатҗа/Әүдей* — Авдотья, *Атна* — Анюта, *Анный/Анук/Аңка* — Анна, *Бира/Бирый/Бирау* — Вера, *Бәчүкә* — Васса, *Бәчличә/Бәчей/Бәчүк* — Василиса, *Гөрпинә/Гөрпей/Гуруш* — Агриппина, *Дарҗый/Дарҗа* — Дарья, *Зинук/Чинук/Зиный* — Зиновий, *Зина*, *Кәтернә/Кәтей/Кәтүк/Кәтүш* — Екатерина, *Лакирҗа/Укирҗа* — Гликерия, *Марҗый/Марҗа/Марук/Марыч* — Мария, *Мәтерий/Мәтүк/Мәтринә* — Матрена, *Марпа/Нарпа/Марный* — Марфа, *Маланҗа/Малукай* — Маланья, *Начта/Нәчтей/Начтук/Начтачыя* — Анастасья, *Найну* — Надежда, *Наталҗа/Натый/Натуш/Натка/Натуша* — Наталья, *Пидукай/Пидук/Пидура/Пидуч* — Федора, *Палукай/Палый/Плаги* — Пелагея, *Пырасқый/Паражук* — Прасковья, *Суный/Сунук* — Софья, *Сандра/Санук* — Александра, *Угаый/Угый/Угәпей* — Агафья, *Ычтапанида/Ычтапый/Ычтапуш/Чануш* — Стефанида, *Үкелей/Үкли* — Акулина, *Үкчей/Үчүк* — Ксения, *Үринә/Үркәй* — Ирина.

Слова, обозначающие пищу, продукты питания: *ашанды* — литер. *ашамлык*, *азык* 'еда, пища, продукт' (игб.); *вафилләмә* 'вафля'; *калинук* — *балан эчемлеге* 'калиновый напиток' (заказан.); *қоротөш* — *узгызлы сөткә баскан камырдан юка гына итеп җәеп пешерелгән азык* 'тонкая лепешка из теста, замешанного на молозиве' (зайн.); *көрник* — *эченә ит, бәрәңге салып пешерелә торган бәләш* 'круглый пирог с мясом и картофелем' (нгб.); *көлчә/келчә* 'булочка, лепешка' (заказан., чст.), в подберезинском говоре *көлчә* употребляется в значении 'гостинец'; *чишәрә* — *бавырсақ* 'мучное национальное блюдо из пресного сдобного теста в виде шариков' (заказан.); *чәй төшө* — *кош теле* 'хворост, вид праздничного кушанья' (заказан.); *чий* — *итле ашның өстенә чыга торган күбек* 'накипь, образующаяся на мясном бульоне' (заказан.); *шурпа* — *шулла* 'бульон' (чст.); *ылакша* — *токмач* 'лапша' (заказан.); *өтү* — *кабартма* 'пышка' (подб.): *үргән он* — *арышны чылатып үрдерең кайнатып тарттырылган он* 'солод' (заказан.)

Названия кухонной утвари: *бакырач* — литер. *аш чүмече*

'половник' (заказан., нгб., подб.); *бидерэ* — чилэк 'ведро' (зайн.); *кашық сауыты* — кашык, пычак кебек эйберлэр кую өчен юкэдэн яки чыбыктан үрөп ясалган кечкенэ эржэ, тартма 'корзиночка, сплетенная из лыка или прутьев, коробка для хранения ложек, ножей' (нгб.); *куңгыра* — жылпуч, он или һәм ипи эвэли торган тагарак 'корытце для муки и теста' (подб.); *күмер чүмече* — соски, соскыч 'совок' (нгб., заказан.); *керинкэ* — тар муенлы озын чүлмэк 'кринка' (чст.); *лыбы* — юкэ кайрысыннан ясалган букча 'сумка, сделанная из липовой коры' (заказан.); *тустыган/тустыкан* 'стакан', *тустыган жэйпече* — чынаяк тэлинкэсе 'чайное блюдо' (Нижн. Прикамье); *түмрэй* — жэен эссе вакытта кырга су алыт бару өчен хезмэт итүче капкачлы чилэк 'деревянное ведро с крышкой, в котором раньше брали с собой воду в поле' (нгб.); *пелэшка табак* — һәртөрле кечерэк табак 'мисочка из любого материала' (елаб.) *чурка* — угыч 'терка' (чст.); *чулы* — он сауыты 'посуда для хранения муки' (нгб.); *чэркэ* 'рюмка' (крш.); *чыбала* — аш чүмече 'половник' (подб.); *эстачач* — мунча чүмече 'ковш для бани' (подб.); *жэйләу* — чынаяк 'чайная чашка' (заказан.).

Названия предметов, связанных с деятельностью человека: *артмак* — литер. күннән яки киндердән тегелгән сумка 'кожаная или холщевая сумка' (подб.); *буванақ* — куян аулау өчен тимерчыбыктан ясалган элмәксыман тозак, капкын 'капкан для ловли зайцев' (зайн); *барнаска* — уймак 'наперсток' (подб.); *бегэлжэ* — бишекне сиртмэгэ тагып кую өчен жайланган тотка — ярым божра 'дужка у люльки'; *биккеч* — бик, ишек биге 'дверной запор' (чст.); *қарлау* — сука калагы 'отвал, лопатка для очистки лемеха сохи и плуга' (елаб.); *қадау* — элгеч 'вешалка' (подб.); *күмер суқкыч* — кисәү ағачы 'кочерга' (зайн.); *чәнэшкэ* — чана 'санки' (нгб., заказан.); *чыгыл* — суқыр лампа 'коптилка' (подб.); *чөй тишкече* 'коловорот' (заказан.); *чуйын каптыргыч* 'ухват' (заказан.); *чиггэчөй/чөггэчөй* — тэгәрмәч төшмәсен өчен арба күчәрэнэ куела торган чөй 'чека у телеги. (заказан., нгб.); *чөйөлдерек* 'супон. (заказан.); *шелкенчек* — кечкенэ кыңгырау 'колокольчик' (нгб.); *шылдырма* — ат бэйләп кую өчен капкага яки баганага кагып куелган божра 'кольцо' (подб.).

Слова, относящиеся к ткачеству: *кылыч* 'бердо', *киләп саргычы* 'сновалки', *калтырча* 'скальница', *шуре* 'цевка', *суса* 'челнок', *жебсэ* 'шелк', *тырбыча* 'вьюшка', *бавыр ағачы* 'пришва', *боргоч тайагы* 'притужальник', *тейэк* 'собачка', *көрө* 'ниченки', *тәбәлдерек* 'подножки, талкы 'мялка', *талкы кулы* 'ручка трепалки', *алача* 'пестрядь', *киләп буйы* 'длина нитки, обвиняющей мотовило один раз', *киндер урыны* 'ткацкий станок', букв. 'место для тканья', *чүлпәп сугу* 'тканье браным способом', *асалап сугу* 'тканье закладным способом'.

Слова, относящиеся к рельефу, явлениям природы: *айак билге* — литер. күлгә, шәулә 'тень, изображение' (подб.); *ажаган/буш алжыган* | *арыш қамчысы* — *ажаган* 'зарница, молния без грома' (заказан.), *ирәшә* — *рәшә* 'марево, мгла' (заказан.); *қырайағы* — *кору жир* 'сушь, суша' (заказан.); *киләплек* — *куаклыклар*

арасындагы буш урын 'открытая местность среди кустарников' (слаб.); кишәңге — кәс 'дерн' (заказан.); кәңгелде — текә тау 'крутая гора' (зайн.); күч — ташу, яңгыр яки язгы кар суы ташкыны 'сильный поток после дождя или от таяния снега' (заказан.); кизләү — чишмә 'родник' (подб.); комнаксар — колмак үсә торган урын, колмак-лык 'место, где растет много хмеля' (подб.); қомрық — елга ярының су асты өлешендә уелып кергән һәм суның агымы тынычрак булган урын 'подводное углубление у берега реки' (заин.); тулқын — дулкын 'волна.; тақыран жир — тигезлек 'равнина' (заказан.); түмгәксәр — түмгәкле урын 'кочковатое место' (подб.); тырлау/тарлау — бүлеп алынган жир, участок 'земельный участок' (заин.); уйаз: уйаз жир — түбән жир, тигезлек 'низменность, низина' (нгб.); ур — текә ярлы, сусыз, коры елга 'высохшая река с крутыми берегами' (слаб.); чиртмә — икенче ел сөрелгән чирәм жир 'целина, вспаханная на второй год' (нгб.); чәгән — агач кабыгы астындагы сыекча, су 'сок под древесной корой' (заин.); чәтермән — сазлы болын 'болотистый луг' (зайн.); чалу — болын 'луг' (подб.); чирмә — коры елга 'высохшее русло реки' (подб.); ырашқы — бозлы яңгыр 'снег с дождем'; эчлек — ундырышсыз, тозлы, аксыл туфрак 'неплодородная, солончаковая почва' (нгб.); эрчү — урманда агач төпләреннән чистартылган ачыклык, алан 'расчищенный от пней участок в лесу' (заин.); үкличә — басу капкасы 'околица' (заин.); жалпақ — иртә яз башында күк күкрәусез генә була торган яшен 'зарница ранней весной' (заин.); жылу — су юдырып чокырланып кергән урын 'место, размытое водой' (зай.); жәту — кыр 'поле' (подб.).

Названия растений: айбагыш/айбагыр — литер. көнбагыш 'подсолнечник' (заказан.); абакай — эрекмән 'лопух мелкий, лопух большой' (подб.); атқый — ат кузгалагы 'щавель конский' (заказан.); алма үләне 'ромашка' (заказан.); гөрөздә/гөрөжә 'груздь' (заин.); дигәнәк — эрекмән 'лопух' (подб.); кымнак — колмак 'хмель' (подб.); кечтегән/кечеткән — қычытқан 'крапива' (подб.); уқсын — қыргый сарымсак 'дикий чеснок' (нгб.); чықан — қычытқан 'крапива' (заказан.); малан — балан 'калина' (заказан.).

Глагол

Абрау — литер. коткару, саклану 'спасти, выручить, сохранить' (нгб.); ардақлау — чистарту, арындыру 'очистить, расчистить, выбирать, сортировать' (заказан.); аңгырау — шаулау 'шуметь, гудеть' (заказан.); алмашу — ияләну, күнегу 'свыкнуться, привыкнуть' (нгб.); ачыгу — алып чыгу 'вынести, вывести' (подб.); ашлык бастыру — ашлык сугу 'молотить' (нгб.); абалау — әрү 'лаять' (чст.); адырыну — нәзер әйтү 'обещать' (крш.); азайымнау — аздыру, котырту 'сворачивать' (нгб.); алжау — ару 'утомиться' (зай.), айыблау — гаепләу 'обвинять' (чст.); байықлау — саклап тоту, берәр нәрсәгә багышлап тоту 'специально беречь, бережно хранить' (заказан.); балаклау — шикәр салу, баллы итү 'сделать сладким, подсластить' (подб.); бәйрәм жыйу — кунак жыю 'приглашать гостей' (нгб.); башлату — кабызу, кую 'разжечь, поставить — о самоваре' (нгб.); бергәләшү — туну,

оешу, бөрешу 'замерзнуть, заколечеть' (подб.); *башыру* — *башны иеп тору* 'кланяться, поклоняться' (крш.); *бидрәтү: дәнҗаны бидрәтү*—*дөнъя гизү* 'обойти весь свет' (нғб., крш.); *борлогу* — *борчылу, хәсрәтләну* 'беспокоиться, унывать' (крш.); *дайарлау* — *әзерләп кую* 'готовить, приготовить' (нғб.); *дәверәйтү* — *зурайту* 'увеличивать' (заказан., нғб.); *зықы: зықыга тийү* — *теңкәгә тию* 'докучать, надоедать' (нғб.); *иҗекләү* — *үчекләү* 'дразнить' (крш.); *исләү* — *искәрү* 'заметить, обратить внимание' (нғб.); *ипи чылату* — *ипи изү, икмәк ачыту* 'поставить тесто для хлеба' (нғб.); *қабыну* — *кайгыру, яну-көю* 'горевать, печалиться'; *қармау*—*карау, актару* 'обшарить' (нғб.); *қарылу* — *карлыгу* 'охрипнуть' (заказан.); *қубыну* — *китү, күченеп китү* 'уехать, переселиться, тронуться с места' (заин.); *қул басу* — *кул кую* 'поставить подпись' (заказан.); *қулашалану* — *калжаю, калтаю* 'коробиться, покоробиться' (заин.); *қурсыну* — *хурлану, оялу* 'стыдиться' (нғб.); *қызу* — *кузыгу* 'иметь желание, соблазняться' (нғб.); *қыйық қыйу* — *түбәне кыеклап ясау* 'сделать крышу со скатом, сделать скат крыши' (заказан.); *қылқалану* — *тузу* 'износиться, истрепаться' (заин., мамад.); *кабырлау* — *туплау, бер урынга жыю* 'собирать в кучу' (подб.); *керештерү* — *бер үк вакытта берничә эшне башкару, барысын берьюлы ишләү* 'в одно и то же время выполнять несколько дел, совмещать'; *кисрәнү* — *тетрәү, селкенү* 'дрожать' (подб.); *китеп килү* — *барып килү* 'сходить, съездить' (подб.); *кишлау* — *кимерү* 'грызть, глодать' (подб.); *кырчу* — *кырку* 'стричь' (подб.); *кәлшү* — *кибү, кипшетү* 'подсыхать, подсохнуть' (заказан.); *күп төшү* — *уңышлы булу* 'быть удачным, успешным' (заин.); *мәтлегү* — *егылу, әйләнен, төшү, мәтәлү* 'упасть, свалиться, перекувыркнуться' (заин.); *ойа тибү* — *йорт салып башка чыгу* 'построив дом, начать жить самостоятельно' (заказан.); *пычтыру, пычу* — *кисү, кистерү* 'заставить резать, пилить, кроить' (нғб., заказан.); *сувықсу* — *салкын тию* 'простудиться' (нғб.); *сырлану* — *бөтәрләну* 'мяться, сминаться' (нғб.); *сөлдәрләну* — *тузу, сәләмәләну* 'износиться, истрепаться' (заин.); *теркәшү* — *уңайлану, рәтләну* 'поправляться' (заин.); *тигезү* — *ут кабызу* 'зажечь огонь, включить свет' (подб.); *тиргәү* — *күңелгә тию, яратмау* — *азық турында* 'быть противным, вызывать тошноту (о еде)' (подб.); *түндерү* — *аудару* 'повалить, опрокинуть' (подб.); *сөлдәрләну* — *тузу, сәләмәләну* 'износиться, истрепаться' (заин.); *туглану* — *әйләнү, тулгану* 'кружиться, вертеться' (заказан.); *туйыру* — *туйдыру* 'кормить, накормить' (нғб.); *тыққычлану* — *тыгызлану* 'тесниться, потесниться' (елаб.); *тылқышу* — *катнашу* 'вмешиваться' (заин.); *тәкенү* — *абыну* 'спотыкаться' (подб.); *тәңкә: тәңкә қороту* — *теңкә корыту* 'надоедать' (заказан.); *тәчекмәү* — *тимәү, эләкмәү* 'не доставаться' (нғб.); *тәчекмәү* — *тимәү, эләкмәү* 'не доставаться' (нғб.); *тәүкәлләү* — *тәваккәлләү* 'рисковаться' (заказан.); *тәҗелләну, тәҗелләү* — *ашыгу* 'торопиться' (заказан.); *тәңгәрү* — *тәгәрәү* 'катиться' (нғб.); *төс төшөрү* — *рәсемгә төшерү, фотога төшерү* 'фотографировать, снимать' (заказан.); *урыннан бул* — *утыр* 'садись' (заин.); *узгару* — *уздыру, үткәрү* 'пропустить, разрешать пройти' (нғб.); *уйынчыққа алу* — *уенга алу* 'принять в шутку' (нғб.); *чыйрату* — *киптерү* 'сушить, высушить, подсушить'

(заказан.); *чумыну* — *коену, су керу* 'купаться' (заказан., заин.); *чубыну*—*коену* 'купаться' (заказан.); *чирату* — *киптеру* 'сушить, высушить' (заказан.); *челектеру* — *шытырдатып киптеру* 'пересушить' (заказан.); *чатчырау* — *шыгырдау* 'скрипеть (о санях)' (заин.); *чарлау* — *кыйнау* 'бить' (заказан.); *чагайу* — *ямьсезләнү* 'подурнуть' (заказан.); *чумылдыру* 'в воду окунуть, крестить' (крш.); *ширбәтләнү* — *баллану* 'сделаться сладким' (нгб.); *ырлашу* — *котырту* 'поддразнивать, науськивать' (заказан.); *эстәрләнү* — *хәзерләнү, хәстәрләнү* 'готовиться, собираться' (заин.); *этәмсаләу* — *кору, оештыру* 'кое-как устроить, соорудить' (заин.); *өндәү* — *чакыру* 'звать' (нгб.); *жазыклану* 'согрешить' (заказан.); *жирләу* — *күмү, базга салу* 'зарыть, засыпать в яму' (заин.); *жонтау* — *тартып алу, талау* 'ограбить' (нгб.); *жаваплашу* 'спорить' (заказан.); *жепкертү* — *биздерү, туйдыру* 'надоесть' (заказан.); *жанжыту* — *жәнжаллау, тавыш чыгару* 'ссориться, скандалить' (елаб.).

Прилагательные

Ардаклы — *кадерле, хөрмәтле* 'уважаемый, почитаемый' (заказан.); *жаба* — *шапшак, жыйнаксыз* 'неряшливый, нечистоплотный', *ийеңке* — *ягымлы* 'приветливый, ласковый' (крш.); *йукак* — *юка, нечкә* 'тонкий' (нгб.); *кәзәче* — *үпкәчел кеше* 'обидчивый человек' (Нижн. Прикамье); *көйөңке* — *куе кызыл төс* 'бордовый цвет' (елаб.); *күзле* — *утлы* 'горящий, непотухший' (заин.); *ләчкә* — *чи, сүрән* 'сырой' (заин., елаб.); *мәтәлле* — *начар, әйбәт түгел* 'плохой, неприятный' (нгб.); *нәзләтле* — *ләззәтле* 'вкусный, приятный' (заказан.); *ошаклы* — *охшаш* 'похожий, сходный' (заказан., нгб.); *сетәкле* — *туклыклы* 'питательный, колорийный' (подб.); *сопо* — *талымчан, нәзберек* 'разборчивый, прихотливый' (Нижн. Прикамье); *сыптырыңқы* — *тыйнак, әдәпле* 'скромный' (заин.); *тамақсау* — *ашамчак* 'любящий покусать' (заин., нгб.); *томса*—*караңгы чырайлы, сөйләшмәүчән* 'угрюмый, неласковый' (Нижн. Прикамье); *чыңкый* — *чын* 'истинный, настоящий' (заказан.).

Наречия

Анчак — *ул чак, ул вакыт* 'тогда' (подб.); *алчай* — *чалкан, арка өстенә* 'навзничь, на спину' (заин.); *байанақ* — *баягына* 'недавно, давеча' (заказан., нгб.); *берлексез қалу* — *берсе дә калмау* 'остаться без всего, потерять все' (заказан.); *дуварасат* — *кинәт, көтмәгәндә, уйламаганда* 'внезапно, неожиданно' (заказан.); *зукым* — *бик тиз, тиз арада* 'быстро, в короткий промежуток времени' (подб.); *ирнәшеннән* — *мөлдәрәмә* 'доверху, до краев' (нгб.); *қач-қоч*—*аркылы-торкылы* 'крест-накрест' (заказан., елаб.); *қабалан* — *ашыгыч* 'спешно, торопливо' (нгб.); *сыпырама* — *савытның кырые белән тигез булу* 'полный, до краев' (заин.); *тәжсел* — *ашыгыч* 'торопливо' (крш.); *чылай* — *күп, бик күп* 'много, очень много' (подб.); *шықлы* — *бик тиз* 'быстро, в короткий промежуток времени' (заказан.); *шырык-бырык*—*әрле-бирле* 'туда-сюда' (заказан.); *жапқычлап* — *көчләп* 'наильно' (нгб.); *жүннәтләп* — *юньләп, рәтләп* 'толком, порядочно' (нгб.).

КНИГИ НА "КРЕЩЕНО-ТАТАРСКОМ" ЯЗЫКЕ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Книги, изданные в конце XIX — начале XX в. для крещеных татар, были написаны на разговорном языке заказанских крещеных татар. Поэтому они как языковой памятник того периода представляют определенный интерес для сравнения с современным разговорным языком крещеных татар. В 1863—1913 годах были переведены с русского на татарский язык и изданы книги 77 названий общим тиражом 565 тыс. экземпляров (Ильминский, 1913, 95). Подавляющее большинство их было религиозного содержания, типа псалтыря, апостола, инжила, евангелия, библии, часослова и др.¹ В них почти не уделялось внимания вопросам культуры, просветительства, медицины, сельского хозяйства. Только в девяти брошюрах можно было найти сведения по агрономии и медицине.

В известной степени прогрессивную роль играли такие книги, как "Первоначальные уроки русского языка для татар" ("Урысчага ейрэткеч". Казан, 1872), "Книга для чтения после букваря" ("Букварьдан сун укый торган княгя". Казан, 1907), выпущенные с целью обучения русскому языку.

Среди книг, написанных на "крещено-татарском" языке, особый интерес представляет небольшой сборник стихотворений (Емельянов, 1879) выпускника Казанской центральной крещено-татарской школы дьякона Я. Емельянова (1848—1893). Несмотря на малый тираж, эта книга пользовалась большой популярностью среди крещеных татар. "Творчество Я. Емельянова противоречиво, — пишет М.Х. Гайнуллин (1975, 151), — в нем отразилась тенденция миссионерства и защиты христианской религии, проводившаяся царским правительством..., в то же время в большинстве его стихотворений раскрываются интересы народных масс". В его немногочисленных лирических произведениях (см., например: "Ярлы тормыш" — "Бедная жизнь", "Олысымаклык" — "Горделивость", "Элак" — "Клевета", "Саран бай" — "Скупой богач", "Кайгы" — "Горе", "Күремчене көрмэтләү" — "Почитание знахаря", "Саташканны уяту" — "Пробуждение свихнувшихся" и др.) — воплощено стихийное возмущение тружеников деревни социальной несправедливостью (Усманов, 1957, 9). Эта книга стихов под названием

¹ Например: Акыл биря турган княгя. Казан, 1864; Псалтырь на татарском языке. Казань, 1891; Евангелие на татарском языке. Казан, 1892; О загробной жизни по учению православной церкви: На крещено-татарском яз. Казань, 1892; Воскресная служба шестого гласа: На крещено-татарском яз. Казань, 1889; Угет (наставление). Казань, 1893; Чиркяу жырыулары (церковные песни). Казан, 1898; Апостол на татарском языке. Казань, 1907; Славянско-татарский словарь. Пособие к чтению св. Евангелия, Часослова, Псалтыря. Казань, 1910 и др.

"Даржа эбей китабы" была широко распространена среди крещеных татар. Но вскоре она была запрещена миссионерами и больше не издавалась.

Остановимся на некоторых языковых особенностях книг, выпущенных для крещеных татар. Эти книги написаны на основе русского алфавита. Буквы *ä, ö, ü* использовались для обозначения гласных переднего ряда *э, ө, у*, хотя на практике (даже в одной и той же книге) звук *э* передавался буквами *а, я, ä*. Буквы *г, к, ж* передавали не только заднеязычные *г, к* и переднеязычной двухфокусный щелевой *ж*, но и глубокозаднеязычные *җ, қ* и переднеязычный щелевой *ж*.

К общим языковым особенностям книг для крещеных татар относятся следующие (материал дается в сравнении с современными говорами крещеных татар — в скобках — и татарским литературным языком).

Фонетика. Звуковые соответствия.

ф ~ п: кәпәрлөк (кәпәрлөк) — литер. *көферлек* 'безбожие, неверие', *няпес (няпес)* — литер. *нәфес* 'жадность', *пярештя (пәрештә)* — литер. *фәрештә* 'ангел', *керпек* — литер. *керфек* 'ресница', *пайда* — литер. *файда* 'польза', *Грапый/Графый* — литер. *Аграфина, Пилип* — литер. *Филипп*.

й ~ ж: жаман (жаман) — литер. *яман* 'плохой, дурной', *жарлы (жарлы)* — литер. *ярлы* 'бедный', *жука (жука)* — литер. *юка* 'тонкий', *жөдәгән (жөдәгән)* — литер. *йөдәгән* 'измучился', *жыласыйым (жыласыйым)* — литер. *еласы идем* 'хотела плакать', *жатырга (жатырга)* — литер. *ятырга* 'ложиться'.

х ~ к: кәсрәт (кәсрәт) — литер. *хәсрәт* 'горе', *кайла (кәйлә)* — литер. *хәйлә* 'хитрость, уловка', *кабар (кәбәр)* — литер. *хәбәр* 'весть', *калык* — литер. *халык* 'народ', *курлармын* — литер. *хурлармын* 'посрамлю', *куш* — литер. *хуш* 'до свидания', *какына* — литер. *хакына* 'ради, для', *во имя*, *караб итәр* — литер. *харап итәр* 'погубит', *кайбан* — литер. *хайван* 'скотина'.

б ~ м: мәндә (мәндә) — литер. *бәндә* 'человек'.

д ~ т: тулкын — литер. *дулкын* 'волна'.

һ ~ г: загар — литер. *зәһәр* 'ехидный', *кагяр (кәгәр)* — литер. *каһәр* 'проклятие'.

Выпадение начального *һ: әр (әр)* — литер. *һәр* 'каждый', *ауада* — литер. *һавада* 'в небе', *әр бересен (әр бересен)* — литер. *һәрберсә* 'каждого'.

Выпадение начального *г: айбыгыз* — литер. *гаебегез* 'ваша вина', *айбылы* — литер. *гаепле* 'виноват', *әрләну (әрләну)* — литер. *гарьләну* 'оскорбление'.

Выпадение *л: айса* — литер. *алайса* 'тогда, если так', *буган* — литер. *булган* 'случилось, совершилось', *бюмя* — *булмә* 'комната'.

Прибавление звуков *е, ы: күреше (күреше)* — литер. *күрше* 'сосед', *карышы* — литер. *каршы* 'напротив', *урыннашу* — литер. *урнашу* 'поместиться'.

Случай ассимиляции: *мл ~ мн: жагымны (жагымны)* — литер. *ягымлы* 'ласковый', *нл ~ нн: данныймын* — литер. *данлыймын* 'прославляю'.

Дифтонги: гласным *у, ү* в конце слова и слога соответствуют дифтонги *-уу, -еу*: *күреу (күреү)* — литер. *күрү* 'видеть', *кыуса* — литер. *куса* 'если прогонит', *сыуык* — литер. *суык* 'холодно', *арыу* — литер. *ару* 'уствовать', *тыудырган* — литер. *тудырган* 'родившая'.

Эти звуковые соответствия характерны почти для всех говоров крещеных татар и для остальных диалектов татарского языка.

Морфология.

С глаголами *алу* 'взять', *бару* 'идти' и *салу* 'снимать' употребляется древняя форма инфинитива *-мага/-мэгэ* (литер. *-ырга/-ергэ*): *алмага, бармага, салмага*.

Мин бармага утыргач

Алашам кинт пышкырды (Я. Емельянов)

'Когда я сел, чтоб поехать,

Лошадка моя фыркнула' (здесь и далее перевод наш. — Ф.Б.)

Как и в среднем диалекте татарского языка, активно употребляется конструкция на *-асы/-асе* + *иде*: *жыласыйым жэш чыкса* 'плакал бы, если бы были слезы'; *чайне кешедән аласыйык* 'взяли бы чай у соседей'.

Активно употреблялись формы 1-го лица ед. и мн. числа желательного и изъявительного наклонений, образованные от деепричастия на *-ый/-ий/-й* (*-ыйым/-ийем*): *онно гына салыйым* 'положу только муку', *жоклаганда катмыйык дип шәрә тунга төрөндөк* (Я. Емельянов) 'Шубой облезлой укрылись, чтоб не замерзнуть во сне'; *Чиркяуга кермякче буган ыйым, тик ишектән керя алмый абтрадым, керейем керейем дидей тырышыб халем бетте* 'Хотела зайти в церковь, только не могла войти, мучилась, обессилела, стараясь войти'. Кроме говоров крещеных татар, эта особенность характерна для мишарских говоров, а также для отдельных говоров среднего диалекта.

Деепричастия употребляется в форме *-гачын/-гәчен*, что представляет один из характерных признаков говора современных крещеных татар: *кеше каленә кергәчен сизәсен* 'войдя в положение человека, чувствуешь'.

Вместо деепричастий на *-ганчы/-гәнче* встречается форма на *-гынчы/-генче*: *туйгынчы ашады* 'досыта наелась'.

Значение желания передается формой *-ырга/-ергә* + *кели*: *барырга келагән* 'хотел идти'.

Вместо послеложного слова *янына* употребляется слово *катына* 'к': *атасы катына авылга кайткан* 'приехал в деревню к отцу'.

Леқси ка.

Ряд слов в книгах XIX в. характерен для говоров крещеных татар и заказанского говора среднего диалекта татарского языка.

Арлак 'до': *тездән арлак кулмак* 'платье до колен'.

Бер кауым, бер ауык 'немного, небольшой': *Бер кауымы гел ташлык* 'На небольшом отрезке (земли, пути) только камни'.

Келәу иту 'молиться': *икмак алып келәу иткән* 'божился с хлебом в руках'; *Шушы сюзлярне айтеб бетергәчен, изге Гөрдей озаклаб кляу иткян, аннары узеня кач кылган* 'После того как высказал эти слова, святой Гордий долго молился, потом перекрестил себя'.

Күремче 'знахарь': *күремчене көрмәтләу* 'почитание знахаря'.
Ижеклей 'дразнит': *киняттен малайлар аны чырмаб алалар да ижеклей башлылар* 'вдруг его окружают мальчишки и начинают дразнить'.

Нардуган 'святки':

Нардуганда кылынуучы

Бик кызганыч теядер (Я. Емельянов)

'Кажется мне очень жалким,

Кто кривляется во время святок'.

Сат бакчасы 'фруктовый сад': *төлкө сат бакчасына кергән* 'лиса зашла в фруктовый сад'.

Сәл бирү 'успокоить': *дару кешеларгә сәл бирә* 'лекарство успокаивает людей'. В елабужском подговоре современных крещеных татар имеется выражение *айак асты сәл булу* 'тишина, которая устанавливается после того, как люди перестают ходить'.

Тау итү 'благодарить, сказать спасибо': *Эй кодай, бу үткян көн өчөн сина тау итәмен* 'О господи, благодарим тебя за этот прошедший день'. В настоящее время это словосочетание встречается в основном в песнях. После обеда, вечеринки гости поют песни *тау итү*, в которых восхваляют приготовленные хозяевами кушанья, выражают благодарность.

Башыру 'поклониться': *Изге урыннарга башырыга барамын* 'Иду поклониться святым местам'. В говоре кряшен Заказанья: *Жәш килен белән кийәү туй багытында қунақлар алдында башырып торалар* 'жених и невеста во время свадьбы стоят перед гостями склонившись'.

Тустаган 'стакан': *тустаган күзле мөгөзле шайтан* (Я. Емельянов) 'рогатый черт, с глазами словно стакан'.

Тәжелләп 'срочно, спешно'; *өйгә киттем тәжелләп* 'срочно пошел домой'.

Чирү 'войско': *аңар күктәге чиреүләр табыналар* 'ему поклоняются небесные войска'; *Сине күктяге чиреүляр барысы да даннабь торалар* 'Тебя прославляют все небесные войска'.

Арыу — *яхшы* 'хороший, добрый': *Бер кеше керәб айткян: син күрешә арыу хабярне ишеттеңме әле?* 'Один человек зашел и сказал: ты, сосед, слышал хорошую весть?'

Аперән жапырагы 'лист лопуха'.

Жебкертү 'надоедать, назидать':

Көн дә ызгыш жалан ар

Жебкертте инде жанымны (Я. Емельянов)

'Каждый день ссоры и раздоры

Надоели душе моей'.

Арабо-персидские заимствования занимают сравнительно небольшое место и представлены в фонетически измененном виде: *багыт* — литер. *вакыт* 'время', *ауа* — *һава* 'небо', *жапа* — *жәфа* 'мученье', *кыбла* — *кыйбла* 'полуденная, южная сторона', *габрат* — *гыйбрәт* 'урок', *кареп* — *хәреф* 'буква', *кагаз* — *кагазь* 'бумага', *жымак* — *оҗмах* 'рай', *кодай* — *ходай* 'бог', *загип* — *зәгыйфь* 'калека' и др.

Так как основная часть книг XIX в. была религиозного содержания, в них встречается довольно большое количество религиозных терминов и выражений. Некоторые из них сохранились в говорах крещеных татар до настоящего времени: *кач* 'крест', *тәңре/кодай* 'бог', *изге төсө* 'образ', *адарыну* 'приношение по обету', *пирештә/пәрештә* 'ангел', *оло көн* 'пасха', *кыйаматлык* 'посаженная мать, посаженный отец', *түгем көне* 'поминки', *бәрмәнчек* 'вербное воскресенье' и др.

Религиозные выражения: *аллага ышаныу* 'вера в бога', *алла ыйён кадерляу* 'благование в храме', *пагамбар* 'пророк', *корман урны* 'жертвенник', *май жана торган сауыт* 'лампадка', *алла улы* 'сын божий', *барына да кыуатлы* 'всемогущий', *даннаулы* 'славимый', *саклаучы пярештя* 'ангел хранитель', *евангеліе жазыучы* 'евангелист', *тамук азаблары* 'адские муки', *сауаб* 'вознаграждение (богом) за добрые дела', *сауабы булыр* 'доброе дело зачтется (при страшном суде)', *сауаб эш* 'благочестивое дело, благодеяние', *жазык* 'грех, проступок', *жазыктан курык* 'бойся греха', *жазыкка укенеу* 'раскаяние в грехах', *жазыклы мандә* 'грешный человек', *кляу ыйө* 'молитвенный дом', *кач кылыу* 'креститься', *святой тын* 'святой дух', *изге ата* 'святой отец', *кодрәт кылыучы* 'чудотворец', *дары эчү* 'принимать святые дары', *жараппый* 'о, господи!'

Таким образом, в говорах кряшен до настоящего времени сохранились древние народно-разговорные формы, активно употребляемые в прошлом столетии и зафиксированные в книгах, изданных миссионерами.

Говоры татар-кряшен включают: говор заказанских кряшен, говор кряшен Нижн. Прикамья, говор нагайбаков, говор чистопольских кряшен, говор подберезинских кряшен. Эти говоры представляют большой интерес для изучения истории татарского языка. В них сохранились древние реликтовые черты в области фонетики, морфологии и лексики.

Заказанская группа кряшенных татар является наиболее древней. Занимаемая ею территория была центром бывшего Казанского ханства, включавшего прежде булгаро-татарские владения. В составе заказанского говора кряшен выделяются подговоры, отличающиеся друг от друга фонетическими, морфологическими и некоторыми лексическими особенностями. Например, в заказанском говоре кряшен ярко выделяется подговор кряшен Пестречинского р-на, распространенный в крещено-татарских селениях по р. Меше. Этот подговор имеет много общего с дубъязским подговором Заказанья (напр., употребление очень открытого *a*, глубокозаднеязычных *ç*, *ʃ*, аффрикат *ж*, *ч*, соответствие *ч* ~ *с* и др.), а также с касимовским и бастанским говорами татарского языка, формирование которых происходило под влиянием ногайского языка.

Аналогичные особенности обнаруживаются и в области морфологии: наличие личных местоимений *маңа/мага* — литер. *миңа* 'мне', *саңа/сага* — *сиңа* 'тебе', употребление частицы *че* для выражения удивления или утверждения и т.д. В лексике этой группы кряшен имеются слова, общие, с ногайским, кумыкским, каракалпакским языками. Роль ногайского компонента в формировании заказанских говоров татарского языка признают историки, археологи и этнографы.

Кукморский подговор характерен тем, что крещеные татары этой группы имели генетические связи с удмуртами, поэтому в нем обнаружены общие с удмуртским языком особенности. В говоре этой группы наблюдается своеобразная фонетика (напр., звук *a* произносится неогубленно, звуки *к*, *г* — заднеязычные). У кряшен этой группы наблюдаются общие с удмуртами обряды и их названия: *пучы бэйрәме* 'вербный праздник', *кечтун көн* 'поминки' и др.

Ташкирменский подговор (т.е. говор д. Ташкирмень Лаишевского р-на) отличается употреблением древней усеченной формы *-ң* вместо литер. *-сың/-сең*: *эйләңәң* — *эйләңәсең* 'кружишься', *сөйләшәң* — *сөйләшәсең* 'разговариваешь'. Имеются также лексические особенности, характерные только для говора этой деревни.

Пакшинский подговор (говор д. Крещ. Пакшин Мамадышского р-на) интересен тем, что здесь переплетаются особенности, харак-

терные для мишарского и среднего диалектов. Этот подговор по употреблению звука *ə* занимает особое место среди кряшенских говоров. После слогов с узкими гласными *и, э(е), ө, ү* звук *ə* почти полностью уподобляется этим звукам: *жирги* — *жиргə* 'к земле', *сөйләрәм* — *сөйлəрмен* 'расскажу', *эшкə* — *эшкə* 'на работу' и др. В этом подговоре наблюдается также употребление интердентального *d*.

Пришошминский подговор отличается тем, что в нем сохранились некоторые древние черты (например, замена глубокозаднеязычного звука *к* фонемой ' — гортанной смычкой, активное употребление древней формы инфинитива на *-мага/-мгə* и союзов *дагын/дəгэн* вместо литер. *да/дə*), а также рядом лексем.

Прикамский подговор характерен наличием очень открытого *a*, глубокозаднеязычного звука *к*, в то же время наблюдается употребление заднеязычного *к* вместо литер. *к*. (в словах: *кадерле* — *кадерле* 'дорогой', *кийпанат* — *кыяфəт* 'вид, наружность', *касилə* — *касита* 'омуть' и, наоборот: *лука* 'лука', *лак* 'лак', *қарawat* 'кровать', *қапитан* 'капитан').

Вятский подговор характерен тем, что во многих словах круглощелевому звонкому *з* татарского литературного языка соответствует межзубный интердентальный *d*: *кадер* — *хəзер* 'сейчас', *бодau* — *бозau* 'теленки'.

Крещеные татары Нижн. Прикамья считаются переселенцами с территории центральных районов прежнего Казанского ханства (XVI—XVII вв.). В говоре кряшен Нижн. Прикамья выделяются подговоры елабужских, челнинских, заинских и бакалинских кряшен.

Наряду с особенностями, общими с другими говорами крещеных татар, в говоре крещеных татар Нижнего Прикамья обнаруживается влияние мензелинского говора татарского языка, прежде всего на бакалинский подговор.

В говорах отдельных селений крещеных татар Бакалинского р-на Башкирской АССР, а также Нижнекамского и Мензелинского р-нов ТАССР наблюдаются некоторые фонетические, морфологические явления, обусловленные чувашским, марийским и мишарским субстратами. Среди крещеных татар этой территории довольно много отатаренных чувашей, которые переехали сюда из Казанской и Симбирской губерний в XVIII в. Анализ показывает, что в фонетической системе говоров этих деревень сохранились (как субстратное явление) заднеязычные звуки *к, г, а* в лексике — некоторые чувашские слова. Их говор испытал сильное влияние мензелинского говора, что особенно заметно в области морфологии и лексики.

Говор подберезинских кряшен представляет собой своеобразный говор татарского языка, вобравший в себя черты как западного, так и среднего диалектов и испытавший некоторое влияние чувашского языка. По фонетическим особенностям этот говор сближается с говорами мишарского диалекта (употребление открытого, неогубленного звука *a*, узкого губно-губного *у*, монофтонгизация дифтонгов, употребление заднеязычных *к, г, х*); в то же время имеются общие особенности со средним диалектом (сильно выраженное жоканье, наличие древнего афф. *-ай/-əй*, вм. литер. *-ый/-ий*: *эшлəй* — *эшли* 'работает').

В области морфологии имеются особенности, сближающие данный говор с говорами среднего диалекта (касимовским, говорами нукратских и пермских татар). В этом говоре наблюдаются также общетюркские явления, свойственные татарскому и чувашскому языкам (глагольные формы на *-асы/-әсе*, *-ас/-әс*, *-маллы/-мәлле* и др. В области лексики бытуют слова, относящиеся к древнему пласту лексики, а также чувашские заимствования: *тәнкәл* 'стул', *кәкәй* 'мясо', *чапле* 'хороший', *тетерә* 'туман' и т.д.

Говор чистопольских крышен близок мишарским говорам. Для него характерно: употребление открытого неогубленного *a*; отсутствие глубокозаднеязычных (увулярных) *q*, *ɣ*, *χ* и употребление вместо них заднеязычных *k*, *g*, *x*, заднеязычному *k* в конце некоторых слов и слогов иногда соответствует гортанный смычный *ʔ* (хамза): *ураʔ* — литер. *урак* 'серп', *кирәʔми* — *кирәкми* 'не надо', *тараʔ* — *тарак* 'гребешок' и т.п.; звук *g* в арабских заимствованиях выпадает: *айып* — литер. *гаеп* 'вина', *эрәпә* — *гарәфә* 'предпраздничный день' и др.; звуки *ç* и *ǰ* в говоре — слабые аффрикаты: *ǰжаʔшы* — литер. *яхшы* 'хорошо', *мчаʔмчаʔ* — *чәчәк* 'цветок' и др.; нисходящим дифтонгам *-ой/-ый*, как и в других мишарских говорах, соответствует *-уй/-ей*; употребление древней формы повелительного наклонения на *-гын*; в отличие от говоров среднего диалекта активно употребляется форма инфинитива на *-ырга/-ергә* в значении долженствования и др. Наиболее древние слои лексики — термины родства, названия одежды, обрядов — почти не отличаются от таковых других крышен.

Говор крещеных татар-нагайбаков по своим ведущим особенностям относится к среднему диалекту татарского языка, многие фонетические, морфологические и лексические особенности находят параллели в говоре заказанских крещеных татар. Например, по употреблению открытого *a*, более закрытого, чем в литературном языке, звука *ə*, глубокозаднеязычных *q*, *ɣ*, аффрикат с ослабленным взрывным элементом *ǰ*, *мч* говор нагайбаков близок к примешинскому говору Заказанья. Основные лексические пласты, например термины родства, названия одежды и украшений, обрядов и обычаев, почти не отличаются от других говоров крышен. Это значит, что формирование говора нагайбаков проходило еще на территории Заказанья, и в результате того, что нагайбаки в течение многих лет жили изолированно от основной массы татар, в окружении других тюркских народов (башкир, казахов) сначала на территории Белебеевского уезда Уфимской губернии, а потом на современной территории их обитания (Челябинская обл.), в их говоре появились и некоторые отличительные особенности.

При сравнительном анализе говоров крещеных татар ясно прослеживается диалектальная пестрота. Изоглоссы говоров крышен отражают древние диалектные отношения, которые, возможно, уходят в глубь, в болгарский или даже добулгарский периоды. Например, такие особенности, как распространение звука *a* в трех вариантах — *a^o*, *o^a*, *o^a*, употребление глубокозаднеязычных *q*, *ɣ* и заднеязычных *k*, *g*, отражают фонетические процессы, происходившие в татарском языке в разные исторические периоды, и говорят о том, что формирование говоров крещеных татар шло сложным путем при участии различных этни-

ческих компонентов. Употребление смычного ' вместо смычно-взрывных *ç*, *к* литературного языка, а также более закрытого, полуузкого *ä* в непервых слогах слова позволяет сравнивать говоры крещеных татар с другими изолированными говорами татарского языка, например с говорами причепецких татар, с касимовским говором.

Хотя отдельные группы крещеных татар живут далеко друг от друга и говоры их в определенной степени различаются между собой, но тем не менее у них наблюдается много общих черт в языке.

В фонетике: *ф* ~ *п*: *тупрак* — литер. *туфрак* 'почва', *керпек* — *керфек* 'ресница', *пайда* — *файда* 'польза'; *й* ~ *ж*: *жәшел* — *йәшел* 'зеленый', *жул* — *йул* 'дорога', *Даржый* 'Дарья'; *т* ~ *к* в отдельных словах: *кели* — *тели* 'желает', *кискәре* — *тискәре* 'упрямый', *кенәген* — *төнәген* 'вчера'; отсутствие фарингального *h*: *әрһәр* 'каждый', *ава* — *һава* 'воздух, небо', *өнәр* — *һөнәр* 'ремесло', *уш* — *һуш* 'сознание'. В середине слов в интервокальной позиции *h* заменяется звуком *g*: *жигаз* — *жиһаз* 'мебель', *бәгә* — *бәһа* 'цена', *гонагы* — *гөнаһы* 'грех', *шәгәр* — *шәһәр* 'город' и др. Глубокозадняязычному глухому щелевому *ç* литературного языка соответствует глубокозадняязычный смычный глухой *ç*: *қабәр* — *хәбәр* 'весть', *қатын* — *хатын* 'жена, женщина', *қат* — *хат* 'письмо' и другие. Явление *х* ~ *к* принято считать одной из древних особенностей языка. Оно характерно для всех групп крещеных татар, а также имеет место во многих говорах среднего диалекта и в диалекте сибирских татар.

Основные диалектные особенности говоров крещеных татар относятся к звуковым соответствиям. Эти соответствия, в основном, не выходят за рамки известных в татарской диалектологии особенностей.

Морфологический строй говоров крещеных татар близок к морфологическому строю татарского литературного языка. Как и в других диалектах татарского языка, морфологические особенности говоров проявляются главным образом в области глагола (повелительная форма на *-гын*, деепричастия на *-гачын/ -гәчен*, древняя форма инфинитива на *-мага/ -мәгә*, причастия на *-малы/ -мәле* и др.). В кряшенских говорах сохранились древние формы склонений (окончания дательного падежа *-ңар/ -ңәр*, *-ңгар/ -ңгәр*, усеченная форма родительного падежа *-ны/ -не* и др.).

Что касается лексики, то в говорах крещеных татар выделяются слова, характерные только для кряшенских говоров, несомненно относящиеся к древнему пласту лексики. Элементы этого пласта находят аналоги и как в языках соседних народов Поволжья и Приуралья, так и в тюркских языках более отдаленных районов: Алтая, Сибири, Средней Азии и др. Наиболее общими и характерными для всех групп кряшен являются термины родства (*ак бийем* 'старшая сестра мужа', *печкә* 'свекровь', *печкәчәм* 'младшая сестра мужа', *жыраг әбей* 'бабушка со стороны матери', *жыраг бабай* 'дедушка со стороны матери', *жанагай* 'младший брат мужа', *бийгай* 'старший брат мужа', *урсай* 'крестная мать' и др.), названия одежды и украшений (*кашбау/ кашпу*, *сүрәкә*, *маңгай ука*, *маңгай тәңкә*, *чигәчә*, *тастар*, *мәләнчек/ мәләчлек* — головные уборы, *калта* 'оборка', *мыйтумар/ бут'умар* 'перевязь', *чәрек башмак* 'кожаная обувь', *сырга* 'серьги', *дарай жаулык* 'шелковый

платок' и др.), термины семейной обрядности (*кэбен койу* 'венчание', *аргыш* 'глава свадьбы, дружка жениха', *кыйаматлык* 'посаженная мать, посаженный отец', *кечтинэ* 'торжество в честь рождения ребенка', *тэберсен* 'поминки', *тау иту* 'поблагодарить', *бирнэ жабу* 'преподносить подарок', *кунаг өйө* 'дом посаженной матери', *гердэ* 'поминальные булочки' и др.).

В отличие от основной массы татар крещенные татары сохранили некоторые древние обычаи, связанные с язычеством, например: *чук*, *кырау куу*, *шыйлык*, *корман*, *боламак*, *эрэнэ*, *түгем*, *тэберсен* (*иту*) и др. Названия и содержание некоторых обрядов схожи с чувашскими, марийскими и мордовскими, что объясняется, видимо, тем, что эти обряды и обозначающие их слова когда-то были общими для ряда народов Среднего Поволжья. Совпадение сроков и древних терминов календарных земледельческих праздников и обрядов свидетельствует о культурно-религиозной и языковой общности народов Поволжья с древних времен. Возникновение этого единства объясняется, видимо, вхождением упомянутых народов в состав древнебулгарского государства.

В обрядовой и культовой терминологии татар-кряшен довольно большое место занимают названия русско-христианского происхождения, например: *раштау/раштыва* 'рождество', *симек* 'семик', *труйсын/жапрак бэйрэме* 'праздник листьев, троицын день', *май чабу* 'масленица', *питрау* 'петров день' *элжин* 'ильин день', *пыкырау* 'покров день', *бэрмэнчек* 'вербное воскресенье' и др. В содержании этих обрядов сохранились элементы древней языческой культуры. Возможно, что некоторые из них были известны или даже соблюдались татарами еще до официального принятия христианства (а также мусульманства), так как в культуре древних булгар и Руси, как указывают ученые, много общих черт, "с древнейших времен между булгарами и славянами установились тесные отношения, которые укреплялись на основе торговли, экономической взаимопомощи и культурных связей" (Валеева, 1983, 95).

Политика христианизации велась не только насильственными административными мерами, но и путем широкой пропаганды христианства как устно, так и письменно — переводами православных книг на язык местного населения. Под влиянием религиозных книг образовалась общая для всех крещеных татар религиозная лексика: *кыйаматлык* 'посаженная мать, посаженный отец', *кач ману* 'святое крещение', *бэрмэнчек* 'вербное воскресенье', *оло көн* 'пасха', *изге ата* 'святой отец', *пагамбар* 'пророк' и др.

Интересные явления наблюдаются в именах собственных. Русские имена, принятые у кряшен, претерпели значительные фонетические изменения, например: *Укчей* — Аксинья, *Жэкэу* — Яков, *Пилипп* — Филипп, *Сандра* — Александра, *Гапый* — Агафья, *Барый* — Варвара, *Жэпи* — Ефим, *Купый* — Прокофий, *Бэчүкэ* — Василиса, *Лакиржа* — Лукерья, *Жармалай* — Ермолай и др.

Кряшены — это часть татарского народа с единым языком и с единой территорией. До крещения и некоторое время после него быт и культура татар-кряшен формировались в едином русле с бытом и

культурой казанских татар. Однако это формирование в дореволюционный период происходило у кряшен в узких рамках, в некоторой степени изолированно от остальной части татарского народа.

В результате того, что старокрещенные татары в течение нескольких столетий после христианизации жили обособленно от основной группы татар, в их говорах сохранились древнетюркские формы на всех уровнях языка. В то же время в отдельных говорах кряшен прослеживаются следы угро-финских, а также чувашского и других тюркских языков, в основном кыпчакского типа. Как показывают языковые, этнографические, архивные и исторические материалы, основная часть кряшен является выходцами из Заказанья. Их материальная и духовная культура, а также говоры формировались еще до христианизации, в тесной связи с соседними народами Поволжья на территории Заказанья. Об этом свидетельствует наличие общих древних черт в фонетике, морфологии и лексике (особенно в названиях одежды, терминах родства, в обрядовой терминологии и т.д.). А христианизация способствовала консервации этих особенностей и появлению некоторых новых общих черт, связанных с христианской религией.

ГОВОР ЗАКАЗАНСКИХ КРЯШЕН

Туй 'свадьба'

элек димтче буған /қызны алып қайтқас' туй иткәннәр андары//ағ алышып/ақлашып та торғаннар әвәле//бөйтәр биргәннәр//балтыр тчүпрә' биргәннәр джегеткә ағ алышқанда//джаны джаратқас' ағ алыша/тегенәр китмәсен/моно алмасын дип қурқа мына//қыйаматлы'/кийәш джегет бара кәбенгә//пуп кәбен қыйа/бинисләр кигерә/қыйаматлы' баш бәйләтә кайтқастын//қыйаматлыққа андары өйөнә кайта/анда тчәй этчә дә андары төп нигезгә қайта//қыйаматлы' джортона қайталар кәбәннән тчыққас'//әнә шушы мәләчлек/андары джилкәле'/андары сүрәкә/андары түгәрәк джәшлык/сырға бавы/камзул//қыйаматлы' киленнең башын бәйләтә/әңкей диләр инде аны//қыйама'лық була//ә арғош қуна'ларны джыйа/туйчыларны джыйа бөйтәр бәйләп муйнына//ул өстәл башында туйға кийгән қуна'ларны сыйлыи//өстәл башында тороб инде//баш бәйләтә итч инде қыйаматлық әңки/арғош джыйа инде туйға кешеләрне ат белән/қатч-қотч бөйтәр бәйләп//қыйама'лыққа сыңарлы итмейләр дә аңар/ирле қатынны була тоғон ыйы/кейәш джегете дә ирле-қатынны//қыйама'лыққа килен әңкей дей/тегесенә эткей дий/қыйама'лықның балалары джиңгей дей//қыйама'лықсыз эш барып чыкмый//ана арғошта утыра ул тәре башында//киленнең балалары әңкә әбей дей/әтекей бабай дей//қәзер қыйаматлы' баш бәйләткәс төп джортқа баралар/кийәш джортона//печкәчәме сыш джулы күрсәтә/сыш китерә дә кийәш белә қуна' булалар//күчтинәч аппаратлар//безнең бағытта кәбәннәр булды әле//қазыға барып қойдордоқ джәкәш белән//туйны қаршы алалар инде//қаршы алғастын/қуна'лар кереб утырғастын бу өй джәғыннан кемдә туй шул джырлыи башлыи//өстәл башындағы кеше джырламый//андары ғына джырлыи башлыилар өстәл башындағы кешеләр қара-қаршы//пиршуй өй джәғыннан джырлыилар//андары арғош қара қаршы инде//қызлар қачып қына джөрөй потчма'та//қызлар джу' джырламыйлар//ширбәт салғанда да шул арғоштан тотоналар//эрәттән бөтөн кешегә әйләндерәләр андары//джегет белә қызнын жылкәсенә төйиләр дә апчығып китәләр джалдына/туйға салған әрбирләрне//уқиаллар салалар инде//басма салалар/ача/кийәш күлмә'ләре/киленгә күлмә'//килен бүлә' бирә ширбәт сонғаннан арлы бүлә' бирә//өй кийендерегә әрбирләр алып килә//менә анысын онотқаным мин//урсайға/урсатасына/джегет белән қызнын урсатасы урсанасы була/аларга пиршуй бирәләр шул бүлә'не/безен әней шул бийатайы белән пышқылдап сөйләшкән име//тел джәшергәннәр име/менә тушы камзулды кигәстен килен қачып-қа-

чып қына пышқылдап қына сөйләшәп жәргән//урақта гел бергә
урғаннар инде әнекәсә/әтекәсә инде/гел бергә//мына туй джыруларын
джырлайық//

кара сыйырларның қаймағын/қайырыб алырларға ки(л)де' без//
әнекәсеннән бәбекәсен/айырыб алырларға ки(л)де' без//
табақай/табақай ақ бортчақ/түкмей/тчәтчмей ашағыз//
қызыбызны сезгә бирәбез/қақмый/суқмый асырағыз//
оло джулларға тчыққан тчақта/ майлы бусын арбаң дегете//
кызларығыз өтчөн борлоқмағыз/ким/қур булырлық түгел джегете//
сығ дый джулларығыз киртә буса/ақ қайыннан киртә тотар-
быз//

сезнен қызығыз ийеңке буса/үзегездән иркә тотарбыз//
иртән тороп тчығушыңа/тчөйдәге бөйстәрләрең ақ бусын
төңге джоқоларың татлы бусын/иртәңге джоқоларың сақ бусын//
безнен әтекәйнен атлары/алалар да ала алмашкан//
эрәқмәт безнен балаларға/джақшы мәндәләргә қатлашқан//

Дер. Кибячи (Кибәч) Пестречинского р-на ТАССР. 1977 г.

Нардуган 'святки'

менә нардуғанда қунақ қыз белә утырасың ич инде//киенеп
джасанып керәләр инде бөркәнеп//тәрәзәгә килә дә инде өйгә кереп
джиткәнче уртағым кередә'ме/кередә'ме/шулай та'ма'лап керә инде//
керде'/керде' дийешәләр инде аннары//сорамый джарамый/джәшми/
тынмый кермиләр/қушып тчығара кәжәин/кемнән сорап кердең
дип//менә шуңа күрә кергентче уртағым/кередә'ме/кередә'ме дип/
қылыналар инде анда/үнәр белә керәләр/қайсы әйбер сата керә/
қайсы қыз күзли керәләр/быйыл күп джәрдәләр нардуғанда/орчоғ эр-
ли керәләр қабалар белә/сүсләр тағып/анын орчоғ эрләүнен туғыз
үзенен джыры бар

джырлай/джырлай эрләсәк/джыртық күлмәк кийәрбез//
бөтәрә/бөтәрә эрләсәк/бөтөн күлмәк кийәрбез//

мин үзем дә бик тчыға тоғон ыйым нардуғанда//нардуганда шу-
лай қылынып бер әртил тчыққынтыч икенче әртил көтөп торадыр-
ыйы//бездән олора'лар нардуғантыч булып кийенеп тчыға тоғаннар
ыйы//қайда қуна' қызы бар/шул өйләргә керә тоғоннар ыйы//кү-
ңелле иттереп тчығарлар ыйы//бийешеп тчығарлар ыйы өй боронт-
чы// төрләдән кийенәләр инде//без ийәреп кенә джәри тоған ыйық
оло қызлар артыннан//алар безне ийәртми тоғаннар ыйы//кич белә
нардуган этчәндә китч утыралар джәшләр-қызлар бергә джый-
ылып//ул бик күңелле бәйрәм була тоғаныы/нидей джыр тчыға
инде мына//тушы та'ма' джырлары да джарый аның джыры қайсы
белеп чыға//берәү читтә менә/қайтырмы у/қайтмасмы у//менә шундый
джырлар килеп тчыға//нийәтенә қарышы инде//менә берәү килә инде/
дарджа уртағым безне кертеп чығарығыз әле дип//джә тчәй қунағы
булып киләбез дей//қайсысы анын керткәннән ары кодағый булы-
шыыйқ дип көлкөләр тчығара//андары

джуғарытчан берәү килә/өсләренә кигән кү' джилән//
кү' джиләннерен джилбердәтеп/сағынып қайтқан күп джирдән//

дилэр//мин быйыл бармадым//бара тоған ыйым//төшмәдем быйыл/
нардуғанда инде бу//мин сыу алып қайтып киләм/ибаш (Ива
қодалар/бәтчей (Василий) қодалар қапқа төбөндә торалар инде//қам
тчысын тотқан да минем артымдан килә бер джегет//қаа бар
сун бу/дим//ат белә барадырыы ул/минем артымдан килә дим
кертмәген/кертмә дим//қодатча/бу синең артыңдан килә дилэр//

Дер. Ковали (Кәвэл) Пестречинского р-на ТАССР, 1977 г

Сабан туй 'праздник плуга'

безнең йансувар авылында джеге'ләр атқа атланып джаулы
джыйалар//өй сайын бөтөн кеше бүлә' бирә/джаулы'лар/бөйстәрләр,
басмалар бирәләр//джәшләр қызлар бөтөн кеше болонға төшә/а'ла
чаптыралар/көрәшәләр/қапчы' кийеп көрәшәләр/кәвәлләр/кибәчләр/
саурышлар/аланнар киләләр//болонда була ул сабан туйы//

Дер. Янцева (Янсуар) Пестречинского р-на ТАССР, 1977 г

Микулын 'николин день'

жәйге микулында казыға бара тоған ыйық/аны инде әйтә тоған
да түгел/андагы бәйрәмне//төшөңә дә керми инде//анда қарабайан
жәшләре үзенә башқа/қылбағыш джәшләре үзенә башқа гармун белә/
әр асыл үзенә башқа жырлашып жөрөр ийе//без әзерәк эләгеп
қалды'/күреп қалды'//чийәбашында була тоған ыйы микулын//аннан
ары була торған ыйы чүк жуғары әрнәштә/безнен авылда блади-
мырда жапрақ бәйрәме/аланда симек/албайда питырау//читтәге кешеләр
қайталар инде//чақырабыз қунақлар қыңғыраулы атлар белән
килеп/атлар мичәп/кәтәйсәләр әйләнә тоғаннар ыйы//очлап жигә-
ләр дә бау белән озайтып жибәрәләр алдағы атқа//жәй буса оч-
дағалап/қыш буса парлап жигә тоғаннар ыйы//

Дер. Владимир (Кече Берсут) Мамадышского р-на ТАССР, 1977 г.

Кетчинә 'торжество в честь рождения ребенка'

менә без бала кетчинәсе үткәрде'//аңар кетчинәгә кигән кешеләр
әйбер ала килә//оло әйберме//ақтчамы инде//ике көн үткәрәбез
қуна' джыйып/джырлашып инде//анда салмаған әйбер джуғ
инде ул//джөз дә утыз ике тәңкә ақча джыйылды безнен әйбердән
тышқары//анда нәстә кирәг инде//тыуғаннар/күрше-тирәгә әйтәсен
ике өй тулық/әле қунууы да тушында булды//

Қорман 'жертвоприношение'

қорманда терлек тчала инде//балығы бар кеше балы' тчала/балы-
ғы булмаса күкәй тчала//шунда терле' суйған джиргә алып барып//
тчала торған джир дибез//джәш балық джарый қорманға//күкәй
дә джарый//шулай иттереп күкәйне кисә/вата инде//шуннан андары
күкәй қалджасын қушыра инде//қорманда анда сары' суйалар/оло
сары'//менә мин дә барыб алам аш/джамағат сайын тчиләге белән

өлөшөп шулай бэйрэм итэ тоғаннарыйы/қорман уздырып менә//
джаңғыр джаһмый торса да адарыналар инде қорман уздырабыз
дип//қорман ашы дий тоғоннар ыйы/тишмә буйында йы//безнен оло
тишмә бар монда/биг оло тишмә//ана шу тишмә буйына бөтөн
ағыл джыйыла тоған ыйы/қорман ашына барабыз дип//

Дер. Кибячи (Кибэч) Пестречинского р-на ТАССР, 1977 г.

Бәрмәтчеки 'вербный праздник'

бәрмәтчеки бер а'на алдан була/оло бэйрәмгә қәдәре//менә
шунда бәрмәтчеки алалар//аннары бер а'на торғатч оло бэйрәмгә
келәүгә бара тоған ыйығ инде//даң-даң тчаң қаға тоған ыйығ инде//
бөтөн қалық тәджел-төджөл келәүгә барыр ыйы инде//оло бэйрәмдә
бер а'на алдна бәрмәтчеки а'насы дип әйтәләр ийе инде//өлә-
шәләр ийе шул бәрмәтчекине//кийендереп апқайтқатчтын шуны
тчуқлап қуйар ыйың тәре алдына қағазлар белән//тал қувағыннан
алалар аны//бәрмәтчеки апқайталар иртән таң атқынчы//джо'ла-
ған кешегә суғалар//паскыда күкәй буйыйлар//ул көннә үзең дә
қунаққа джөрөшәсең инде күкәй ашарға//шул көннә ағыз атчу ин-
де//менә ипей изәсең дә инде ипинең башын киртмә диб алып
қуйалар//киртмә шу башы анын//пичт тулы ипи салғас' киртмәсе
шул берәү генә инде//қабартма күк менә//

Дер. Янцевары (Янсуар) Пестречинского р-на ТАССР, 1977 г.

Кийем-салымнар 'одежда'

китке уйынға балитә'ле күлмә'ләр кийеп/алйапқытчлар. тама'
салар бәйләп тчығалар//тчәтчә'-қалпа'лар/түгәрә' джаһлы'лар инде
джәш киленнәр бәйләгәннәр//олора' қатыннар а' джаһлы' бәйләгән
инде//бөйстәр кекек була ул//башта сүрәкә бәйлиләр дә сүрәкә
өстөннән а' джаһлы'//тушында оло урамда инде//ташбилге диләр
шунда уйныйлар//әвәле түгәрә' джаһлы' ларны қәдерләп кенә тота-
дырыйық/менә уртасына ақ бүзләр генә салып//қәдерле була тоғаныйы
сүрәкәләр дә//қызлар әвәле уйынға барғанда түшлә'ләр кийеп ба-
ралар ыйы/артқа тчәтчүремнәр қуйып/сырғалар кийеп баралар ыйы/
бик матур була тоған ыйы//қалпа' тчатча'лар бәйлиләр/сатин күл-
мә'ләр кийәләр ийе уйыннарда//қәзер қыска-қыска күлмә'ләр генә
кийеп баралар инде//әлгәре озон күлмә'ләр кийә тоғаннар ыйы//
қалпа'ларның әдерәсе дә була тоған ыйы/джепәк тасма салған//
андары кара постауға тчиккән була тоған ыйы матур-матур//ақ
та була тоған ыйы қалпа'//ақ белә тчигәләр ийе инде тчигүвен
дә//түгәрә' джаһлы' тчигүтчеләр үзенә айырым була тоған ыйы//
оста кешеләргә шулай бирәләр инде тчигәргә//тушылай тушы тү-
гәрә' джаһлы'ларны аппаратым да тегендә/бийағамнарда/тушылай ма-
тур иттереп кийендем дә/камзул кидем/түгәрә'джаулы'/төшөп киттем
сығға//сығ джырақ қына// и бөтен кеше қарап тора/шаққатып/
саңқа әбейләргә қуна' қызы кигән диләр//шул йантчыққа бардым
да инде мин түгәрә' джаһлы'ларны бәйләп/керәшен күлмә'ләре кий-
еп/балитә'ле күлмә' кийеп/китч буғастын қылупқа төштөк/ и бөтен

кеше миңа қарап торалар//питкә өйләнгән диләр//джәш килен бар
икән диләр//қызы' тийә бит күрмәгән кешегә//тәджел-тәджел тушы
түгәрә' джәулы'ларны кийеп чығар ыйық/джәш бағыт бит// әлдә
барам қылуққа/итчегеп-итчегеп қарыйым тийәтер кисә/раджиуны да
итчегеп тыңнап торам//қызықлар күп кәзер дә//

Дер. Крещ. Серда (Керәшен Сәрдә) Пестречинского р-на ТАССР, 1977 г.

Чат көйө 'хороводы'

қәзер тчат көйләрен джырлайбыз//бәк моңно көйләр//гарбуннар
уйныйлар анда//қәзер ташланды инде//қызлар ақ қалпақлар кий-
әләр/қатыннар сүрәкә/ақ джаулықлар//бийешәләр//джағалы'лар кий-
әләр/алатча күлмә'ләр/итә'ле күлмә'ләр//мына тчат көйләрен джыр-
лап күрсәтәбез//тыңнап утыраң әле син аны//

урманнарға барсаң/син иртә бар/
урман күкеләрен уятып/дзаний/асыл безнең ил//
урамнардан узаң/син джырлап уз/
үз джанынны үзен джуватып/дзаний/асыл безнең ил//

Қызлар көйө 'девичья песня'

мына қызлар кийәүгә киткән тча'та тығган-игәтчләре ашқа джөр-
тәләр ийе қызларны//тчатчағырышлары инде//қызлар урамнардан
джырлап узалар инде//мына қызлар көйөсен джырлайбыз қәзер//
урақайлар урдым мин утчмалап/тчүмәләләр қуйдым ниргәләп//
әле дә генә бергә без джөрибез/тағы да джөрсәг икән бергәләп//
джырлағыз қызлар джырлағыз/муйнығызда сырғағыз//
бергә тчақта джырлап қалыйқ/джалан бергә булмабыз//

Келәү ботқасы 'молитвенная каша'

борон бағытта бу джортта келәү ботқалары пешергәннәр//сыу
буйында тавық келәүләре буған//тавық суйып пешергәннәр//сабан-
ға молибен буған//сабан ботқасы тужы айырым//кәзер джуқ//
әйтәң икән джәшләр көләләр генә//

Дер. Ташкирмень (Ташкирмән) Пестречинского р-на ТАССР, 1977 г.

Питырау бәйрәме 'петров день'

питырау биг эшәп була торғаныйы/сисланың уникесендә була
торғаныйы//килерләр ийе дорғадан/килерләр ийе нусладан/килерләр
ийе чепийадан/килерләр ийе субашыннан/килерләр ийе чурадан/по-
шурдан/шулай итеп бездә қызлар жәшләр бик зур бәйрәм итәрләр
тйе//киндер күмәк булыр ыйы инде//алжапқычлары ситсы булы-
рыйы/башларында сурыпинкә жаулық булыр ыйы// әнә шулай
уйнарлар ыйы//анда булыр ыйы гарбун/гөслә//қызлар өчәр-дүртәр
балитә'ле күлмә' кийәләр ийе//қәситәләр кийәләр ийе//бармақларына
тәңкәле жөзә'ләр кийәләр ийе//әбиләр мәләнчә'ләр кийәләр ийе//
шундый матур итеп тәңкәләр тезәрләр ийе күкерә'ләрәнә/қәситә/

артларына чулпы тағарлар ыйы//шундый буды инде//башларында
жепә' жаулы' булыр ыйы/кәшәмбир булыр ыйы жаулы'лары//
күлмәг итә'ләрә жәрдән өстөрәлеп жөрөй торған булыр ыйы//

Дер. Биктяшево (Биктәш) Балтасинского р-на ТАССР, 1977 г.

Гөслә уйнау 'игра на гусях'

әтийем жасатты/базар сайын гөслә кыллары алып қайтып бирде/
өйрән диде/уйна диде//берегез уйнағыз диде/берегез бийегез диде//
әйбә'ләп көйләп-көйләп бирделәр гөсләчеләр//андары үзем көйләргә
өйрәндем//ағыл көйләрен былдырам//мына дорға көйөн уйнап қа-
рыйбыз қазер//элеке жеп жерләгәндә шулай гөсләләр уйнап утырыр
ыйық//безнен нәнә әйтә торғаныйы/гөслә генә уйнаб утыр син дийер
ийе/жерләмә дийер ийе//аппай да шулай әйтер ийе//кул была эшләр-
ләр ийе элеке//бөтөн жәшләр булышқа килер ийе//

Дер. Дурга (Дорга) Балтасинского р-на ТАССР, 1977 г.

Труйсын 'троицын день'

эле джаздырмый торыйың/аңнатыйым ыйы мин сыңа башта//
абыз бәқимә//мулла әпсәлим/бармыйық дей қыз әйтә//қара-қаршы
жырлана ул//труйсын көннә қала башы тавына менеп джырлай-
быз//бишек тав дибез/ансы қала башы инде кетчерәге//шунда
менгәтчен инде мәрийемнәрне джырлайбыз//изге бабайлар/изге әби-
ләрне искә төшөрәп//қара-қаршы басып джырлайбыз//борон бағыт-
ларны искә төшөрәбез инде//труйсынға тчәре атна сайын мен-
гәннәр//труйсында ақтығы инде аннары//труйсында үләмнәргә моли-
бен була инде//сығ имәннеге/джир имәннеге диләр инде//труй-
сынға тчәре үләм жолкорға джарамый инде//

менә монда буған борон заманда қаннар//малай өйләндерәгә
бик джыра' тан кигәннәр//кигәннәр джауауыңа//әни-әтисе қызны
бирмей//тел қайтарып бумаған/қызны килешеп апкиткәннәр//қызға
сағынып барған/қызы үлгән була//қәбәр бирмәгәннәр//менә шул
қыз әрәм булып калған//менә шунын бәйете бу//монда шул изгеләр
буған инде/болғарлар буған монда//мына труйсында зырлайбыз
инде изгеләрнен/боронго бабаларның/әбиләрнең сүзләре инде бу
джырларда//тыңнап тораң эле мына//абыз бәқимә/мулла әпсәлим/
бармыйық//башла син джем тчәтчәкне//

джем тчәтчәк/джем тчәтчәк/джемрә/джемрә джем тчәтчәк//
нарымжаға ней кирәк/ақ калпақлы қыз кирәк//
ақ қалпақлы қыз кирәк/қыз кирәк//
джемрә/джемрә джем тчәтчәк/джарма/джарма бүз кирәк//
аны тегәр қыз кирәк/қыз кирәк//
кул аяғы төз кирәк//

Дер. Ташкирмень (Ташкирмән) Лаишевского р-на на ТАССР, 1978 г.

Жеп эрләү өмәсе 'коллективная помощь — супрядки'

өмәдә эрли торған ыйық көнө буйы // қайсы өмәдә көндөз
сүс жолқый торған ыйық/ кич жон эрли торған ыйық жырлаша-
жырлаша // менә өмәдә килде жегетләр // минем жегет кимәгән/ луқа
инде //

қазанда урыслар ней эшлэй/ ийэр белән жөгән көмөшлей //
кеше жаникайлары бар да монда/ безнен жаникайлар ни эшлей //
дип жырладым // жегет килде // жырлыйым хэзер луқаға //
сыw ди эчләрәннән төлкө килә/ қойороғын сыwдан алмыйчы //
син ди жаникайымны миннәр көттөм/ тэрээдән күзнә алмыйчы //

Дер. Кулуши (Кылыччы) Мамадышского р-на ТАССР, 1977 г.

Урак өмәсе 'коллективная помощь при жатве'

ураг өмөлөрөндө жөрдөк // бүтөн өмөлөрнө мин белмим де //
арыш өмөлөрө буладырыы // жеп эрлидерийек // сүс эрлидерийек/
коймоқлар пешерелер ийе өмөлөрдө // жырлыйлар //
алай димеген ийем/ болай димеген ийем //
жәш гумерем дәңгәр чәчәк/ үтер димеген ийем //
китейскэй дисәң озотойом/ чана артларына жабышып //
седләр китерсегед/ бед калырбыд/ ак тый мамыкайларга сабышып //

Дер. Крещ. Пакшин (Керәшен Пакшины) Мамадышского р-на ТАССР, 1977 г.

Утырмаға бару 'посиделки'

мин кибәткә утырмаға төшмәстән шу ишег алдында соло суғарға
тотонырлар ыйы // ишег алдына сыw сибеп қатырырлар ыйы // джал-
тырап қатар ыйы көзгө шикелле // шунда соло суға тогон вйык //
уничка (Анисья) түтейнен тчи'мәнән кийеп тчы'тық бер // тчи'мәннең
алдитәге ийәрде шиштирнәгә/ джылыйым қәзер // униткә түтей мине
эрләр инде дип // униткә түтей әйтә/ эчкитәген алабыз да тышқыйтәккә
куйабыз дей // шулай эш башлый тоғаннар ыйы утырмаға төшкәс //
икенчелей инде // қарышыларында тав/ шуwам сәнәскә белән // ибий
(Иван) дәдәй қарап тора икән/ утырмаға барған қыз шуwып джөрөй
тауда дей //

ике атнаға утырмаға киттем мин // ике атналы' тәрәш джасап
джибәрде инде эней // тегендә бардым нырсуwарына/ нардуғанда
тчабам да тчабам/ ортчо'ны эрләргә бер дә ара тимей бит // қода
тийешле әйтә миңа/ джәш қода инде/ қодатча тәрәшләрәңне дуғаға
бәйләп джибәрәм бит // әй/ бәйләсәң бәйләрсәң шунда/ джилбердәп
қайтыр әле дим // джитте қодатча/ тчапма // әй тчабам әле/ тчабам/
тчабарлық тча'та дим //

Дер. Крещ. Серда (Керәшен Сәрдә) Пестречинского р-на ТАССР, 1977 г.

Печән өстө 'сенокос'

пирwуй уракка төшкентче петчәнгә төшәдерийек // ирләр бер-
ике көн тчаба/ аннары қатын-қыз бара тәтәләргә // аннары джыйады-
рыйығ инде // джыйғанда анда қатынымы/ бала-тчағасымы/ картчығы-

мы пужарға джөргән күвек джөри тоғоннар ыйы // боғол салалар ыйы
ни қәдәре // боғол салып шуw/ петчәннән қайтқанны карап торсаң
инде // ат белә джамағаты-джамағаты сайын утырып қайталар ыйы
джырлашып менә инде // арымадылар/ қәзер машина белә джөрөп тә
арыйлар // боғолға қуйғынчы қысадырыйық печәнне // джапсарға
қуйадырыйық // тчүмәлгә қуйадырыйық // джапсарға қуйадырыйық
та ат белә ташыйдырыйық/ қайсы берсен тчүмәлгә дә өйөп китә-
дерийек //

Дер. Кибячи (Кибәч) Пестречинского р-на ТАССР, 1977 г.

ГОВОР ЧИСТОПОЛЬСКИХ КРЯШЕН

Туй 'свадьба'

кунак кигәндә туйга калын келтчә пешерәләр ийе//калын келт-
чәне урталый джаралар ыйы да эстәлгә тезеп тчыгарлар ыйы//
аның эстенә джука пешерәләр дә урталый бекләп шуның эстенә
куйалар ыйы//май буса май куйа/шулпалы аш китерә/бутка/бә-
рәңге жаркуйы куйалар/аннары ит//пукырау тирәсе буса пешерәләр
ийе пилмин дә//безнең кыдаги булмактчыбыз тчегендерне баллан-
дырып тчегендер пирәмәтче пешереп килде//джәш килен уң айагын
салгыза кийәүнең//килешеп киткәтч алты атна утыра кыз анасы
джанында//булышлап кына килеб алалар аны//джегет килеп джери
кыз джанына//элгәре туй кызык булган/калакуллар белән/атлы тчана
джигеп//джәй кене буса пелис камзул/пелис тун кирәк//туйда бу-
лышта кыз тчеңни инде//кийесе ничег сың әле//этисенә джырлый
инде//

башламам да дигән кибәнең/башлыйсыңмый әтекәй//
ташламамда дигән бәбекәң/ташлыйсыңмый әтекәй//
әтекәйем сәкеңә/утыр дисәң дә утырмамын//
инде казыр китеп барамын/тыр дисәң дә тырмамын//

кыз.анасы джырлый:

китәм генә/дидей/китәм/дидей/китәрдегез минем әлемне//
белсәң иде балам калемне/джарып бирер идем джанымны//

кийаматлыкка жырлылар:

тау астыннан кигентче/тау өстеннән кисәңтче//
кийаматлык булып кигентче/мәләтчлеген джува белсәңтче//
кийаматлык жырлай:

аргы джакта тчеметем/бирге джакта тчеметем//
бу кызларны алып киткәтч/бетән кызда зметем//

кызны иң элек кийаматлыкка алып кайталар//аңарга келкенетчле
джырлар джырлилар//гүчтинәч тчыгарганда джырлап тчыгаралар:

күк күгәрченкәйләрнен сетен саудым/казан күтчтәнәтчләре джа-
сарга//

бу күтчтәнәтчләр белән сезгә килдек/кардәш/ырыw белән ашарга//

ике генә кара атыгыз/аның берсесен безгә сатыгыз//
бу кәдәре генә гүтчтинәтчне/нитчек тартып килде атыгыз//
каз тураганда бирнә сырап джырлый:

мин пыткаклар да кайырый алмин/безнең эти тчалгы да кай-
ырый//
каз канатларына берләр кыш кунган/бирнә булмас микән дип
сайырый//

аннары бирнә тчыгарып бирәләр инде//джавлык или басма бирә
кыдаги//кыдалар ызатырга аргыш эпәй пешерә инде//келтчә пешерә//
ул келтчәне эпәй калагына бәйли дә кеш-кеш дип кыдаларны ку-
wa//эпәй пешкәтч кеш-кеш дип кува эстәл башыннан/этч тапкыр
куwa//кыйаматлык кари да джуг әле пешмәгән ди//аргыш тагы
тчыга//этченчегә кувып тчыгара//джырын джырла син марджа//

тәрәэмне ачып берләр сызгырдым/былын петчәннәре кипсен дип//
былын петчәннәре иләр киптинде/безгә кайтыр багытлар джит
тинде//

бер кыз буган джарлы гына//аны аласы карт бай буган//
мыны дәдәләре бирәсе килгән/үксез кызны//булышлы джасаганнар//
булыш булып киймәле тырантас белән башка асылга барыга тчык-
каннар//кыжжаннарысы алтау буган/үзе джидентчегә буган/ . /күпергә
джиткән дә күпергә джиткәчен тчеңнәгән дәдәсенә//туктат әле аты-
ңы//чеңним әле мин сиңа дигән//

минем айгымдагы чәригем/ырака пиче булсыйы//
минем башымдагы беркәнчегем/идел эстенә жәйелсен

дигән дә суга сикереп тешкән//картка китәсе килмиче курла-
нып//аның кийен микитка (Никита) дәй катыны чеңнәп күрсә-
тәдерийе//

барутч (Варвара) тей белән мәтер (Матрена) кыжжанына утыр-
ганнар ыйы//көлкенетчле джырлар джырладылар//туйга килделәр//
иренә дә катынына да бирнә бирделәр/миңа джук//симун микулайы
(Семен Николае) бу кыдратадан кыз алды//бөтенесенә гүтчтинәтч
бирделәр/миңа джук//мин былай дип джырларга келәгән ийем//

минем туннарым кутиклы/нигә джырлыйм икән бу тикле//

асыл күлмәгеме кийеп туйга килдем/нигә курладыгыз бу тикле
дип әйтеп джырларга келәдем//кечтәк (Костя) кулыннан басма-
ларны алдым да бирнә бирмәсәләр дә үзем күлмәк салыйм әле
дип салдым//бирнәсе кибат түгел//мин әрбигә гүмеремдә джедәмәгән//

Дер. Ишалькино (Ишәле) Чистопольского р-на ТАССР, 1978 г.

Кызлар бәйрәме 'девичий праздник'

кез кене казански бәйрәмдә кызлар джери ий сайын//бетен
асылның кызы бергә джыйылып джериләр//нуйабернең үндүртендә//
кемнең кызы бар/шунда эрәттән джериләр//шунда ике эстәл эзер-
ләгән була//бер көлкенеч булды бу джергәндә//шулай улпыч (Ефро-
синья) ашны каба да и ашыбыз да суынып беткән/ и ызак
тырдыгыз ди//теге гәүерлә (Гаврила) аннасы алды да/бер кашыкны

тугырып капты да/аш бик эсте булган//майлы аш/келештег инде//
кызлар кийен чыгарып булырмы//джырлап карибыз казыр//

шыбыр гына шыбыр джаңгыр джава/джегерийек тчаршаулар астына//
тау ди ашыгызга/тау сымыгызга ди/джыгылыйык айкай астына//

Нардуган 'святки'

нардуганнар шулай була инде был//керәшеннәр тчываш күл-
мәкләре кийеп бийндерийе//күп джыйыладырыый калык//аннары
ий бырынтчы джеридерийег инде//бетәнтчәли джуг инде//бабай
булып джериләр//искечә джаңа джыл китчне джезек салалар ин-
де//мында шулай джезек салалар/кажныы үз джезеген үзе сала/бер
кеше бутап тыра//берсе джырын әйтә//кәзер алай кылынмыйлар
инде//ул беж джәшрәк тчакта гына буды//ак дәдәй джезек сал-
дырган/аңарга джыру тчыккан//

аклы джаулык затлы джаулык/джәйге кенне бәйлимен дий//
ишәле дигән асыл илдә/калдык джәйләреме джәйлимен

дип джыру тчыкты нардуганда//мин шул джылны кийәүгә кит-
тем//джезек салганда шулай әйттеләр//

Үлгән кешене искә алу 'поминки'

үлене искә алган чакта пирбый таба исе чыгарабыз жука белә//
кырыкбер жука жйәбез/кырыкбер келчә жасыйбыз//килгән кешегә
табакка салып жибәрәбез//бездә әрбине бер сандык эләшеп бете-
рәләр//зур ырулы буса кырыгар кеше жййыла//кайсы казый//касы
сүндерә жасый//гыруп эстенә тупырак тешермиләр бездә//күтәреп
барган мужикларга кажныына икешәр митыр бистәрлек бирәләр//
күп кирәк әрби//

Дер. Кыр. Баран Чистопольского р-на ТАССР, 1978 г.

Түгем 'поминки'

тәбикмәк пешерәбез/күкәй пешерәбез/джука джәйәбез/пирәмәч пе-
шерәбез//бөтөн туганнарны тчакырабыз түгемдә//кастәрләгән кешене
калдырмыйбыз//тийәберсе итәбез инде//джыллыг ашны болай үткә-
рәбез менә/ололарга тавык суйабыз/кетчеләргә күкәй сытабыз//
такта тчабучыны тчакырабыз/гүр аузы атчутчыны тчакырабыз/ка-
зучыны тчакырабыз//сарыгы буган кеше сарык суйа инде//кан
тчыгарышлы дибез менә//джырлыйбыз//

жүгереп кердем өйләргә/әдерәс бишмәте тчөйдә джук
безнен туганайны сорасагыз/очтомакка киткән өйдә джук

Сатый исемен кушу 'об имени Сатый'

минем үземнең ирем илжә (Илья) исеменейе//аны сатый дип
джөртәләр ийе инде//аның баласы бер дә тормаган//әнисенең//
ир баласы бигерәк тә тормаган//балалары тормагач мунтча тә-

рәзәсеннөн ун тийен акчага сатып алдык ди торганыйы//шуннан аңа сатый исеме кушыла//кыз балага да/ир балага да//сатый булып джөрөй инде шулай//

Дер. Федотовка (Аланлык) Лениногорского р-на ТАССР, 1976 г.

Кийем-салымнар 'одежда'

арджактан кемештчеләр киләдерийе // әйбәт кенә итеп балдаклар/ беләзекләр кидырадырыйк // алтышар мыскаллыы беләзекләребез/ уникашәр тәңкәлейе кул буларыбыз // тәңкәләрем күп былды минем/ джакамда сигезме тугызмы тәңкәйе // дәвәтемдә тужы шулай ыйы // джәш киленнәр тчук тагадырыйы тчәтчләренә/ терле/ терле джәпәг ийе у // ука-тчәтчәк бәйлидерийек кайын башы алырга барганда/ нардуганда// аны да кемештчеләр кийып биргән ийе/ тчатчагы да зур ыйы // тчатчакнымы/ джаулыгыңы арттан бәйлидерийең дә шуның эстеннән бәйлидерийең аны // ул баганалыйы // зур тчатчак // кемештчеләр эшләде аны // шуны кидек мына // кемештчеләр кийадырыйы // кул буы ул тәңкә/ арасы бырмалы була // уника тәңкәле // ишмәсе дә шул ук кемеш/ киндерә күг ишелгән була/ мында тиймә була бырып куйа тырган // бармакта тәңкәле джезекләр/ салынып тыра тырган була/ унар тийеннекләр шылтыр-шылтыр джеридерийе // сыр-гасында асты эрәтендә этч тәңкә/ ике кылакта икешәр тәңкә зур сырға була тырган ыйы ул // мына шулар бар ыйы минем // дәвәт мына тушында кәтле/ арткылыгга кийә тырганы/ түгәрәге жака/ түшлек кийәлмәдем мин // мөләчлекләр безен багытта жүг ыйы // мөләчлек сыралар ыйы үзләре// анын алды кызыл була тырганыйы // шулай дип жырлылар ыйы кийаматлыкка/ кыз урларга кигентче/ мөләтчлег алдыңы джусаңтчы дип // ул бик кызыл була тырганыйы // тчитчта бумаса келәләр ийе анардан // мөләтчлег эстеннән тчигәтчә бәйлиләр ийе // ул тужы бик зур нәстә // ул ике айырмалы/ дүрт катлы була тырганыйы // буынлы була тырганыйы // мында тагы жылкәлек була айырым // анда сунда сүрәкә бәйлиләр // канаты артка асылынган буладырыйы // ычы итәкле буладырыйы // кыругым жаннары бик матур гына тасмалы буладырыйы // катыннар жаулык бәйлидерийе/ аның башы чуклы буладырыйы/ мында мегезгә башлы инә кадыйлар ыйы // түгәрәк жаулыкны зур кан'ишле кешеләр бер айга кәтлеме/ ике айга кәтлеме жаба тырган булган // анда кан'анасы кан'атасы ничег эрексәт итә //

Дер. Крещ. Елтань (Керәшен Ялтаны) Чистопольского р-на ТАССР, 1978 г.

ГОВОР ПОДБЕРЕЗИНСКИХ КРЯШЕН

Жанаси кертү 'свадебные торжества'

нитчег инде диб эйтмәле бу джанасины//башта кызны килешкәннәр//кызны алып килгәннәр//башта джегет жа'лары джанаси керткән/аннары кыз джа'лары джанаси керткән//элек үдән үгә джергәннәр//джанаси кертү була//джанаси кешеләре джырлилар инде алар//джанаси күвесен джырлибыз/туй күвесен//джанасиныкы та'магы да бар бит//

сарат кына джиктем лә ай джаратып/маңгай чечен таратып таратып//
джырлис килеп мин джырладым/джаным сезне джаратып джаратып//
джау-джау итә агидел камышы/
джау-джау килә джанаси тавышы//

кызны башта барып күрәләр//бер тактадан гына барып күрәләр кызны//джегетнен ата-аналары баралар//кыдаги була тырганнарны эстәл арасына кертеп утырталар//аптчыгып күсәртәләр кызны//катчан килеп алырга//ашатыб-эчертәләр дә бер тактадан тчыгалар да кызга сугып куйалар тчыбыркы белән//кызны кылагы кискән булып кала//биш-алты атна тыралар/кыз тамгалы булып кала энде//джегет килеп джери энде килешкән кызга//ике-этч ат кәзер кыз алырга киләләр/давай туйга//кәзер туйга бүркәнтчек беркәндерәләр// бер этч джыртка алып кереп джылаталар эле икесен джәнәшә утыртып//киленгә итә'ле күлмә'ләр энде/баш сарган энде тастар/урамга тчыкты — билгеле булган//мында каситә/кушбав//такийада анда кемеш булган/нугратлар әйләнгән//кажрый кешедә беркәнтчек булмаган//тайантчык бирәләр киленгә//кызны алып баралар да тчиркәүгә кырус кигезәләр/кыругум әйләнеп джериләр//кырус үптерә/джезег алыштыра кемеш/анчаг алтын бумаган//капкадан кергичтән азбардан кырыкмыш тай джитәкләп тчыгалар/тайантчык дип//кыз кулына тезген тыттыралар//калат чабууы белән тытыб ала//бийанам тав сезгә дей/бийатам дей/башыра//эрәкмәт/безне исәпләгән этчен дей//шулуй кереп китәләр ызбага//тайантчыкны азбарга кертәләр//мына джырлим туй күвен// и алып тегел/син май күвен джырлисын//мына мин дә ыныткан эле каджыр//мына минн аннуны ырлап килгәннәр//әтекәм джылап килгән//

туган гына әтәшем/туган гына әнәшем//
джиде бала этчендә/йат күренгән мин булдым//
әней иртә торорсон/тайанырсын/ тайанырсын киртәгә//
тайанырсын киртәгә/мин булмамын иртәгә//
ишегалды ак бәрән/бар да әбәт сырыйлар//
ызба тулы тиндәшләр бар да күздән карилар//
ах/тиндәшләр/тиндәшләр//джылай белми димәгез//
сүләп-сүләп келмәгез/сезгә дә килер бу эшләр//
и бак кезге/бак кезге/багар багыт джитте лә//
тиндәшләрем/дусларым/айырылыр багыт житте лә//
алтын тчиркеу джанадыр/алтыннары тамадыр//

алтын кебек туганнарым/джир астында джатадыр//
джылан кебек шушып тчык/ тчыптчык кебек отчып тчык//
этекэмнен капкасы/капкас тебендә бактчасы//
бактчасында джилә'лек/кергәндә дә эзәйдем/
тчыкканда да эзәйдем//
джиде джатнын капкасы/капкас тебендә бактчасы//
бактчасында кискәлек/кискәлектә джыланлык//
кергәндә дә тчашкырыр/тчашкырыр/тчыкканда да тчашкырыр//

атасы джыртнын тчыккан тчак джырлап тчыга энде//дәдәсе
зур капкасын атчып джибәрә/тчыгалар/күрше джыртка алып кереп
джырлаталар//аннан ары барас джыртка апкитәләр//берсе бер
дә джаратмаган //

энтчек кебек туйым бар/бүкән кебек ирем бар//
бүкән кебек ир джаратмим/тырырга тырмыш булмасын//

дип джырлады//бетен кеше джылады//

айаз кендә джаңгыр джауа/урик (Арина) джылыи дийегез//
кирмән джактан джил килсә/урикны ырышалар дийегез//
ике панар/этч панар/панар сайын ут джанар//
мыннан джакшы күрмәсәм/керпек сайын джәш тамар//

кызны апчыгалар кажыр/атка утырталар/капка ачкан тчагын-
да тагы джырлыи//

ак джүкәгач суйдыгыз/кабыгын кайда куйдыгыз//
ап-ак тастар сардыгыз/джаулыгым кайда куйдыгыз//
и атым син/туратым/мин джакшы күрәс буса/
ун айагын алдан бас/дей//
и атым син/туратым/минем кәйлек күрәс буса/
сун айагын алдан бас/дей//

мин дә джылыи килеп китте//кажыр бетенесе карап тыралар
энде//кайсы айагын алдан баса/унынмы/сулынмы//

Айу тчи'мане 'святки'

джийылып керәләр джегермешәр джегет кыз//алар кермәгис ат-
чынып тырабыз ый//алар бийеп тчыгалар ыйы//әллә ниләр кийенеп
тчыгабыз ыйы//пүттәшкеле запуннар/матур тчапле кийенәбез ийе/
айу тчи'маненә тчыгу була//үзе балаларын кинамасыннар дип са'лап
джерибез ийе//капка арткылы перәшкә атабыз ый//кайа китте пе-
рәшкә/кайсы ыңгайга тешә/минн джегет шонда була//аннан сары'
кереп тытабыз ый азбарга//кара сары' буса кара джегет була/анан
унибыз ый урамга тчыккыстан//шатирәт/кем кирәк/Анна матур кыз
кирәк ди//әлекесен әтеп тә бетерәс тегел энде//

Дер. Старое Тябердино (Ырым Тәрбит) Апастовского р-на ТАССР, 1979 г.

Кыр келәве 'полевое моление'

элек кыр келәве йасамаллы булган//сары' суйып/бер сары'мы/
икеме//түлкә сары'ны селкенмитче суймыйлар ыйы/ калтыранмитчы//
сары'ны тоталар/селкенми//энде сыу сибеп карарга//давай сынарга/
сыу сибәргә//сыу сибәләр дә карилар/селкенәме//бу буйлы' тегел/
селкенми диләр//селкенсә/калтырап китсә ансын суйарга диләр//
казан асып пешерәләр//башлап ашарга карт кешене джәшәләр//
ул капкистан башкалар ашый//шалай ыйы дей//

Дер. Молькеево (Мәлки) Апастовского р-на ТАССР, 1979 г.

Май чабу 'масленица'

май мына джәшләрнеке энде//кажный тча'лыкта жәш кызлар тыра
ушкын-ушкын//бу тча'лыкта бер/теге тча'лыкта бер//иртә белән
джөгетләр ат джигеп тчыгалар да үзене джараткан кызын утырта
атка//ана безнеке тегендә тыра//давай утыр дей//вун' минеке кыз
тегендә дей//бер асыл әйләнгистән шуу тча'лыкта кызларны тешереп
калдыра энде//ул ат кене белән күбеккә төшкитче джөргән тчап-
кан//майда энде катыйса чабалар//кынгыроулар асалар/селгеләр//
дугага джебәк джәулы'лар асалар//ике джөгет джәмшиккә утыра/
берсе гарбунчы була//дүрт кыз энде//анда май күве джырлап
баралар//

карлыгачлар кара муйны ала/ник мынгайа икән ди бу бала//
мынгаймасла иде лә бу бала/анын эче тулы лай ут йана//

мына бу май күве энде//тушы күвне джырлылар//кышкы
кен бит энде//тушыннан ызын калат буган бермәле-бермәле//
ызур джебәк джәулыклар бәлиләр//майда элек кызлар утырма
джөрешкәннәр//кунак кызларын кунакка джөрткәннәр//май узгис
энде киндер суга башлаганнар//

Дер. Старое Тябердино (Ырым Тәрбит) Апастовского р-на ТАССР, 1979.

Жаңгыр боткасы 'моление дождя'

давай/джаңгыр джәумый/джангыр боткасы пешериг әле диләр//
май энде/джарма джиган/сет//зур казан аскан энде//шунда бытка
пешергән/май сала идек//анда бөтөн кеше кашык таба'алып тчы-
гып джиргә утырып ашаган/джаңгыр джәусын дип//ашап туйгистын
бидыралар тотоп кем генә узып бара чаж сибәләр куйындыралар/
таа бер кешегә/су койондыралар//аннан китәләр урамга/джаңгыр джа-
усын өчөн//шылай киттек Дарук (Дарья) джанына/бу киндер сугып
утыра/күлмә'лек//барбер сибәрләр диде бу//тчы'ты да капка тебенә
басты/чаж-чаж кырык бер бидыра//кенгел булды инде/киттек//
сибәләнтчек бер үләм бар//тушы үләнне сыу тебенә ташлылар/
таки джаңгыр джауа иде//картлар шулуй китланган энде//

Дер. Старый Курбаш (Иске Кырбаш) Апастовского р-на ТАССР, 1979 г.

Уйын айту 'хороводы'

мына казыр сами уйын багыты энде//питырау дигән пражник
бактчи житә//шуннан туктала ул//кич буды джәшләр уйынга чы-
га//айакка сарган чабата/джыннан бәйләгән тчулка кигәннәр/ыйык
энде//менә шулай тытышканнар кулларын//элек калык зур буган/
жәйрәкә буган//үрәтим әле сезне//джатка урыс атка кен киткән//
чуwashлар белән бергә уйнадык//тчуwashлар тчуwashтча джырлый//
без аларга карышы татарча//бир әле лиза шаны джырлап//джыр-
ламаллымы кәжәр//

әттем бит энде//джәш киләннәр тастар сарынган/тчыбар джаулык
буган тастымал кебек//касылары кашбу кигән//тәңкә//такийаны кыз-
лар кигән//кылбу белән джасаган//бармы у кәжәр дә//аны нагыш-
лап джасаганнар//сырга диләр//такийаныкы нуграт тәңкә булган//
кулларда тәнкәле джезек/беләзек/бик тчапле булган у//

унич/тати джырлый кәжыр/шалар башлаган джырны/тавыш кирәг
аларга/шалай шу//без тыннарга тчыктык джырны//джал кеннәрәндә
инде менә сүләшәләр/сезнн асылга барабыз дип/аларны карышы
тчыгып алган/затып джибәргән//уйынга тчыкмай кайа барсын/эл-
гәре кылуп джук бит//

элекеләрне белгән тәкле сүлим энде//питырауга тәрән тчыккан
уйынга//урыс атнас кенне йатка киткән/күрше асылларга энде//э
питырау кенне серән буган//шаннан уйыны да ташланган/актык
кен буган энде//ике итә'ле киндер күмә'кигәннәр/тчабата сарганнар/
аннан торгис-торгис калуш кийә башлаганнар/бутинкы/каситәләр
элгән/тастарлар сарынган/кыруслы запун элгәннәр/джаттан кигән йе-
гетләр-кызлар энде//менә шалай энде//

симек китче уйын тчыга//кажрый китч белән джәшләр-джегетләр
гарбун белә тчыга//кызлар уйын әйтә//тотошып-тотошып джырлап//
мин килгитчтиндә уйын тчыкты бездә//мин уйын кейләрен ыныт-
кан//Анук катыш әле син дә//

тал тебәндә тынык сыу/тастымаллар джыварга//
әллә тиндәш курланамсын/безнн белән унарга//
уйын/уйын дидегез/уйын этчен үлдегез//
без уйынга тчыккистан/тчемел-тчемел келдегез//
тәнкә йука дийәсез/йука буса кемеш ул//
кызны кәйә дийәсез/кәйә буса йәшәлул//
урман джа'та карама/нитчек тчәтчә' йарала//
матур кызлар бугис/нитчек атлап барала//
кисәк/кисәк күк былыт/китте гебнә буйына//
кызларныкы кентчесе/китте гүмер буйына//
атларымнын дагасы/шак/шак итеп барас[ы] //
былай тырып бумыйс(ы)/уйын әйтеп багас[ы] //
лапи/лапи басмагыз/джир кисрәнә дийерләр//
кыз күзенә бакмагыз//кыз күзегә дийерләр//
кымнаксарда кетү джери/ала сирлар катышмый//
без уйынга тчыккистан/куштан кызлар катышмый//
тал эстендә ак джәшлык/ал дисән дә алас джук//
мыннан уйын узгистан/тчык дисән дә тчыгас джук//

тчык дисэн дә тчыгас джук/
джатып джыкы киләс джук//

урман йаныннан уйынны затабыз ыйы/тушыны йырлап катабыз
ыйы//

и уш кына/уш кына/кулда джезек буш кына//
быйыл киткән кызларныкы/урыннары буш кына//
и узала/узала/кулда кемеш тузала//
тузса тузсын кемешебез/уйыныбыз узала//
узса узсын уйыныбыз/утырырбыз аулакта//
утыртмаслар аулакта/апчыгарлар уракка//

Урак өмәсе 'коллективная помощь при жатве'

элек бит энде ураг урабыз ийе кене буйы // кызлар бик тчапле
кийенэләр ийе // келтә бәлибез ийе // теннә генә катабыз ыйы // кенелле
ийе // арсак та бергә джийылышып кат'адырыйк // джегетләр карыш
барыб аладырыйы безне // алар зурат йасап каталар // кенен-тенен
иген ташыйбыз // ураг урабыз ыйы // шанын джырын джырлап
бирәбез эли //

кызлар ураг уралар/ зурат сылап куйалар //
джир башыннан джегет узса/ ашамитчын туйалар //
ай заный/ вай заный/ ашамитчын туйалар //

Дер. Старое Тябердино (Ырым Тәрбит) Апастовского р-на ТАССР, 1979 г.

Сабан туйы 'праздник плуга'

элек сабан берләшкәннәр/ сабанлашканнар // давай сабан туйы
джасыйбыз диләр үзенн радн'алары белән // менә сабан джыры //
и уйыбыз уйыбыз/

тушымы энде/ тушымы энде сабаннын туйыгыз //
читләвек тешен балга манып/
аны кунак/ аны картлар алдына куйыгыз //

Дер. Ст. Курбаш (Иске Кырбаш) Апастовского р-на ТАССР, 1979 г.

Тулак басу 'коллективное валяние сукна'

кез кеннәре джиткәстән тулак сугалар ыйы кызлар джегет-
ләр // сүс тчәткән/ сүс түгән // менә шалай энде // тулак басканда
джырлыйлар энде // тушында тәрән менэләр ийе унаганда
сездә тулак басалармы/ бездә тулак басалар //
сездә ничек/ бездә шулай/ джырлап кенел ачалар
басик тулакны/ басик тулакны/ джырлик джыруны //

ах минн дус матур джырлый дип кетеп тырган энде ул без тчыкканын // без тулакны элэндэрэбез дә бичкәгә сугабыз // джанрап китә бичкә // джөгетләр джырлы калын белин/ без нечкә белин // тулак басып беткинтче шалай джырлап басабыз //

КИНДЕР СУГУ ТКАНИЕ ХОЛСТА'

сүс тчәтчә тырган ыйы ан'улар // судан тчыккистан кибезэбез сүсҗә // кибезгәстән талкис була // талкыгис түвәбез/ эрлибез аны // кәзер ыныттым булыр энде // бер киледә дүрт кеше түвә // түгәннән сун эрлибез энде аны // антчак зерә кенелле // джебен джуабыз ыйы // аны мендәр битләре урын тчабулары сугабыз/ ыланнарга күлмәк // кызлар утырма килә йат асыллардан // сугып бетергистән джерлөк энде аны // киндерне суккан/ ту'ма'лаган без // зур ту'ма' ул // дүртәү шыны ту'ма'ли/ бийеп була күвесенә/ шарт-шарт-шарт // әр урамда буган ул // аны шал селге тегәбез ийе // салдатка киткән малайларга // аныкы тавышы нитчә тчагырымга джиткәндер // авылыбыз матур/ таллык/ агач астында ту'ма'либыз/ килгән кеше со'ланып китә безнн асылга //

Аш-сулар 'пища'

тыкматч пешергән кунакка/ ботка пешергән джармадан/ джапрак шулпалары/ үрә/ алма/ джасмык шулпасы/ өтү пешергән/ кабарту пешергән/ калатч кабартувы/ кимак пешергән // өтүнеме/ камырны джәйэбез дә табага салабыз да пешерэбез // кабарту калатчлары питчтә пешерэбез // туйсиларга былай былган // бырай калатчы/ бәрәңге пәрәмәче пешергән // сийр сетеннон джасаган тчыгыт // каптчык джүлөгән // ыйыган сетне каптчыкка салган // сувы сыркыгис таш белән бастырган // бик каты булып китә // булкы кебек әвәлөгән // киндер джашлыкка тергән/ антчак марлы булмаган // табак белән питчкә утырткан // ул кирәк булган туйларга // аны мазар эстенә алып киткәннәр дә кайткистан эләшеп биргәннәр // имеш энде келтчә биреп джибәрде шаннан // кажни кешегә эләшкән // туйсида шырдан буган энде/ балык/ майлы тчыгыт/ джапрак шулпасы/ тутырмыш диләр // канга джарма/ суган салалар да тутыралар // ә шырданни сарык кишкасына тутыралар энде аны // кунакка гына куйган // әйрәнне беләмсен/ кифир димәллеме энде аны // әйрән тчиләгенә салып атчлаган энде аны // сыра джасамаллы булган энде элеке/ кыз китәс буса//

Кийем-салымнар 'одежда'

безнен заманда энде такийа киделәр/ ак кылбулар/ тәнкәләр таккан/ нуграт тәнкәләр энде // берәр сумны'лар/ иллешәр тинне'ләр энде // нуграт дигәнә акча тегел/ кемеш ул/ шанарга джасаган буган/ булуй гына тешә энде кылбулар // муйынга аса тырганы берәр сумны' каситә дигәнә инбашыннан аркылы джибәрәләр энде // улсы каситә диләр энде // китч белән кул тытышып уйын этәбез энде //

карурманнан телке тешә/ кылдин нәсек эз белән //

безнен тиндәш үпкәлөгән/ ун'ап әйткән сүз белән //

НАГАЙБАКСКИЙ ГОВОР

Туй 'свадьба'

өч кеше килә ақлашкан чақта // этки/ энки/ дружки сине ақлашалар/ сездә қыз/ бездә ул бар диләр инде/ айағ астына бүкән/ утырырға мендәр/ диләр/ утырталар/ аш салалар/ ул аш пешә/ хужайкы аш утырта // қодалар аштан-сыwdан авыз итегез // киштәгез нық бусын дип/ төйөнчеккә төйнәп ақча элэләр // сез инде қаты тормағыз/ без сибәп белән килдек/ синәк белән тормағыз // чәй эчэләр // безнең малай сезнен қызығызны жарата/ қызығызны бирәсезме // қайсы әйтә бирмибез ди/ қайсы бирәбез ди/ ақлашқанда муйса/ йә изү мийа бир ди // күлмәген йә бистәр // баралар қызны ақлашқач/ бирегә соғласийе булғач этки энки баралар алырға // инәсе атасы бирә // бистәр бирәләр үзенә // айағ астына баш ыра // килен кертә/ аш сала/ қунақлар чақыра/ өстәл көйли // жәш килен белән жәш кийәүне шаршау эченә утырталар // жәш киленне кийендерәләр/ күрсәтмиләр // жепәк эшәл бәйләтәләр/ бер ир бала килә/ жәш киленнен йөзен күрсәтегез ди // жаулықны ача/ анар ақча салалар/ бәйрәм иткәчен таралалар // жегетнен өйөнә қызны алып китәләр // жөзен ачқандла оло-қары бәйрәм итә // жәш килен идән-сәке жыйа/ муча жаға // жәш килен мучасы дип муча керәләр/ сыw жулы күрсәтәләр/ көйәнтә чиләк белән сыw китерә // әйбер эләләр/ жәш килен атына тийиләр түшәк-жастык/ қыз жағыннан кигән кеше әйберне элә/ чөй қаға/ бистәрләрне элә // түшәкне жәйәләр/ қийаматлық ирле-хатынлы кеше/ ағасымы-тутасымы // әнкәй-әткәй дип әйтә килен аларға // күчтәнәч жибәрәләр қара-қаршы/ ул сийа жибәрә/ син анар жибәрәсен // күчтәнәч башлыйлар/ күчтәнәч башлағанда әйтәләр/ жәнлекме/ қанатлы қошмы дип/ мал әйтәләр //

ишег алдым түгәрәк/ жаңғыр жава сибәләп //

ашадық эчтек қөрмәт күрдек/ тав итийек чибәрләп ди //

ашағанға тав итү/ өстәлдән қузғалған чақта айағ өсте торып тав итә жырлап //

Май чабу 'масленица'

жыйылабыз бер жиргә қызлар малайлар // әйдәгез бүген бит май көне/ май чабыйық/ сез безгә барығыз/ без сезгә килербез // инә-әти пешеренә // мин ат жигәм бүген/ кашавай бирегез безгә // өчәр-дүртәр өйле жыйыла // урам әйләнәбез/ жырлашабыз/ чәбәкәйлибез // аннан керәбез өченче өйгә // кемнен өйөнә керәсен/ шунын аты жигүле // чуқлибыз атларны/ кыңғыраулар тағабыз // берсеннен берсе көннәшә // мичәүдәге ат йақшы була // ай/май да чапмады/ диләр/ көләләр/ үзләре суққан күлмәкләрен кийәләр/ жыләннәрен/ жепәк жаулықлар бәйлиләр // тәңкәле балдақлар/ тәңкәле беләзекләр/ қызыл жыләннәр кийәләр //

Бәрмәнчекәй 'вербный праздник'

атна арты көнне була бәрмәнчекәй/ оло көнгә атна қалдырып/
малайлар китә бәрмәнчекәйгә // менә бүген бәрмәнчекәй ботқасы
ашыйбыз // бәрмәнчекәй/ бәрмәнчекәй/ оло көндә өч күкәй ди // бәр-
мәнчекәйне чуқлылар/ тәтилиләр/ паскы була бер атнадан // ул шунда
тора кипкенче //

Нардуган 'святки'

нардуганға барасын бер кешегә // безгә өйөнне сатып бир әле //
күкәй/ май алып киләбез/ нардуганны сатып алабыз дибез // мин ипей
алып киләм/ син алып киләсен май // бичуркагә барасын/ шунда
бийешәсен/ тақмағ әйтәсен // уйныйбыз бергә тикле // өй сатып
алынған/ эзер // иртә белән тағын барабыз нардуганға/ уйныйбыз/
жырлыйбыз/ чәй эчәбез // ашамтық ашыйбыз // мына жырлыйсын да
бийисен чәбәкәй итеп //

базарға барған буған/ кулугы да бумаған //
нардуганға кигән буған/ толыбы да бумаған //

унике көн нардуган/ унөченче көнне қач манырлар ыйы // унөченче
көнне кич жөзөк салу булыр ыйы // жыйылыр ыйы // жыйылыр ыйы
қалық қайда мучада/ қайда өйдә // төпчөк бала белән баш бала сым
алып килерләр ийе қойодан // төпчөк бала болғатырға утырыр ыйы //
жөзөкне салған чағында нийәтләп салыр ыйы // ин алдан саласын
жортнын исәнлегенә дип // шуннан килеп жеп бәйләп саласын инде
кажни кешенен балдағына // мына үзенен нардуган тақмағы дирерләр
ийе // ала бирәләр/ сала бирәләр/ жыруны әйтә бирәләр //

мич башыннан жығылған/ башы учаққа тығылған/
көлдә аунаған/ көнен күргән //

аны әйтерләр ийе нардуган тақмағы дип // начар жыру жырларға ты-
рышмыйсын/ ару жыру жырларға тырышасын // нийәтләсән белгән
шикелле килеп чығар ыйы жырулар // балдақны өч тапқыр салалар //
әннән әре сығын алып чығып қойашқа қаршы түгәләр // қызлар кереп
сарыққа жеп бәйләрләр ийе муйнына // қарт сарық эләктисә қарт
кешегә кийәүгә китә // әннән әре чығып урамға көл иләрләр ийе иләк
белән жулға // тора да қарый // атлы кеше уздисә башка асылға
кийәүгә китә //

Труйсын 'троицын день'

мына кийенәбез/ иртә белән торабыз/ қызлар жыйынабыз/
урманға менәбез // бәйлибез чыбық/ аны чыбыққа жырлап барабыз //
ике кеше торабыз қара-қаршы/ қызлар-жегетләр // чыбықны бәйләп
қайтып китәбез // труйсын кенне аны кажныы үзебезнекен сынды-
рабыз // қалық күп барабыз/ апқайтабыз да сымға салабыз // менә
бу чыбық/ мин кийәүгә китсәм өскә қалықсын/ йә асқа батсын дип
сыуға салабыз // қайын чыбығы инде ул // қызлар жырлашып қайта-
быз // кичкелеккә уйынға чығабыз //

урманнарға барсан син сызғырып бар/
урманнарнын күкесе үкерсен/ айлар туғанайларым //
қайда жөрсән жақшы жөре/
күрми қалған жәрләр үкенсен/ айлар туғанайларым //

Оло көн 'пасха'

оло көнгә қарышы күкәй буйисын/ иртә белән торасын/ ул кергән
кешене мөндәргә утырта да черләтә/ балалар черли анда // анар күкәй
бирәсен/ қампит/ прәннек // ул аяқ сынаулы була/ жәннек-жөрөшкә/
жәннек утырырмы анда/ утырмасмы/ төрлө кешенен, төрлөчә була/
теге кеше чер-чер ди/ малларығыз күп бусын/ ишәйсен // тавықлары-
ғыз күкәйне күп салсын/ тауипқылы булығыз/ талиғалы булығыз дип
әйтеп уқилар аны // қапчыққа күкәйне жыйабыз/ кем тәйикмәк бирә
шунда // мийа тәйикмәк кирәкми/ күкәй кирәк ди/ үзенен ыруы
йақынына керә инде // кажни өйгә керсә бит ул шонноқ булырға кирәк/
кажнийы үз ырывын үзе белә анда //

Пештемә куу 'гонение заморозков'

менә троицы бәйрәме узды инде безнен үткән атнада // бәйрәм
алдыннан пештемә қувабыз дирерләр ийе // анын үзенен көйө дә бар
ыйы // себеркегә/ әремгә ут төртөп/ зур қороқны башына шул
себеркене бәйләрләр ийе/ шулай күтәреп пештемә қуварлар ыйы
қатыннар жырлап // анын жапырағы жанып бетә/ чыбығы төтәп барыр
ыйы //

Өй ийәсе турында 'о домовом'

өйгә чыққачын сыwқуйасын/ ипи қуйасын базға уғылга төшөрөп //
менә сез мийа тимәгез/ мийа пакуй бирегез инде/ мин сезнең хужәйкәгез
булырмын дисен/ шуны туқланып/ хушланып йатығыз/ дип қуйасын //
өй ийәсе/ өй атасына дип атап төшөрәләр өй қотлағаннан сун // мына
атап саласын табаға қоймақ // жир атасы/ жир анасы/ қойаш атасы/
қойаш анасы/ барына да мына // оло-қарыға/ атам/ инәмә дип ул
қоймақны бер әбигә бирәсен/ минем үле-теремне искә ал/ дип әйтеп //

Сөрән 'весенний праздник'

сөрән ул оло көннөн өченче көнендә // атқа атлана өч кеше // атына
атлана/ урам буйына чыға // кийәwгә киткән жәш киленнәр була/
шунар барып туқтыый ул // анар бара да қычқыра/ ура/ура // бистәр
алып чығалар/ оло бистәр/ жырлылар/ китәләр икенчегә/ шул бистәр-
ләргә көрәштерәләр/ жықты исә бер батыр ала // даған асты була //
бистәр жыйғанда озон көй була/ ат атланған кешеләр шуны жыр-
лылар // сабанға чыққанда ботқасын пешерә/ күкәй пешерә/ күкәйне
жиргә күмә/ чәчкән ашықлар күкәй күк туқ бусын/ туқлық бусын ди //

Тийәберсен итү 'поминки'

тийәберсенгә барырға әйтәбез қәрәндәш-ырыwға // ипей салабыз/
әзерләнәбез // шуннан табақны жасыйбыз үзебезчә // анда жавлык
аппарабызмы/ бистәр аппаратабызмы хәйер бирергә // теге кешегә барып
житәбез дә табақларны өстәлгә бич утыртабыз шушылай // утыртабыз
да қалық жыйылғанчы табақ жасарға кирәк дип/ мына мынсы жан
табағы/ мына мынсы уша башы/ мынсы қартлар табағы // эч
табаққа шул табақлардан табақ жасыйбыз/ каждыйына бүлөп-бүлөп
саласын // бу табақны утыртабыз уша башына/ бу табақны утыртабыз
өстәлгә/ жан табағын утыртабыз жан чыққан жиргә/ хужайын үзе
кемгә бирегә тиеш/ жан табағын үзе бирә // уша табағын ушаға инде/
бич йөрөп тәберсен итәбез/ тисен/ дисен инде/ бусын/ ашлы-сыwлы бу-
сын/ дисен/ без шунар атаб итәбез/ ашлы-сыwлы бусын/ қодай ризықлы
итсен/ дисен инде/ урынға итеп салабыз да утырып аш ашибыз/ теге оло
табақны биргән кешегә тағын китәбез чәй эчәргә/ әйдәгез безгә/
табақтан тәберсен итәргә дип // кажныйы кажныйы утыртып қуйа
өстәлгә // бездә узғыралар икән тәберсен минем инәмә алар табақ
жасый/ә мынсы қартларға/ элеке үлгән қәрәндәш-ырыwға ди/ ә ансы
инде исемсез/ житем балаларға ашаталар инде // атадан-инәдән шулай
қалған жезла бугачын инде // тәберсен итә беләбезме инде/ белмибез //
қәрәндәш-ырыw/ асыл-күрше жыwа/ жыйыштыра // кем киләсе килә //
килә бар да // үзенең күңелендә бар кеше килә бар да/ күтәргән
кешеләргә бистәрләр бирәләр/ жырлаған кешеләргә жавлықлар өләшә-
ләр/ күмеп қайтқач урын сақланыла/ түшәк сақлау була // күмеп
қайтқан көнне/ жәшрәк булса қызғанып утырасың/ қартырақ буса
уйнисын көләсен/ қызықлар сөйләп төн узғара/ сөйләшмиче дә утырып
булмый бит // шушылай дәм берүзебез утырабыз // қартырақлар
буса шайарып та утырасын // қайын жапырағы салалар гырупқа //
мин күргәнем жуқ/ син күрсән әллә күргәндерсен // тәберсен итүче
хужайын көрник пешерә/ тәберсен көннә мичкә жағасын/ қоймақны
тугисын/ күзикмәкче басасын/ жәйәсен/ шуларны кигән табақларға
қырық күмәче дибез/ аны жасыйсың бер қырықны/илле дигәндей //
шуны өстәлгә жыйылғачын табақ жасарға қушабыз ике әбигә/ менә
монсы үлгән кешегә жан табағы/ монсы уша табағы/ монсы қартлар
табағы/ өч табақ жасайлар шул кигән табақлардан кажныйыннан/
анда ничек саласы килә/ шуны жасап беткәчен теге табақларны берәу
жыйып тора бушағанын/ бер күзикмәкне салып/ қоймақны салып/
бер күмәчне салып қуйа да табақларға/ теге табаққа тәберсен итәбез/
жан табағыннан/ уша табағыннан бич жөрөп тәберсен итәбез дә
берсен утыртабыз уша башына/ берсен монда/ шунардан тәберсен итеп
беттисә өзгән нәстәнә сынықларны чығарып сала түбәгә/ қош-жәннек
ашасын дип // жан табағын бирә бирәсе кешегә // қартлар табағы тора/
уша табағы балаларға // аш утыртабыз // ашны эчәбез/ бутқа
утыртабыз/ бутқаны утыртқачын/ мына мин аппарат бер бистәр/ теге
аппара бер жаулық/ теге аппарата без тавар/ шуларны өләшәләр //
кемгә атап бирәсе кигән кешегә бирә //

бутқа артыннан көрник/ жә ит бирә // менә сийа тәберсен // қырық
күмәч тәберсен сайын була // ничә кешегә әйтә/ күмәч бирә //

Гүр тәберсене 'поминки над могилой'

пешеренәсен/ ипекәйенне аласын // тийәберсен итәбез // гүр өстөнә
жыйылып гүр тәберсене итәсен //

өчтомағ ашлары бусын/ тамақлары туқланып жатсын/
күңелләре хушланып жатсын/ қараңғы гүрен йақты бусын/
танауларына исләре керсен/ амызларына тәмнәре керсен/ дисен //

барысынын да жомағ ашлары бусын дисен ит/ тоз/ күкәй аппарасын //

Дер. Попово Чебаркульского р-на Челябинской обл., 1983 г.

Аш бирү 'обряд жертвоприношения в честь умерших родственников'

аш бирү болай була инде/ пристулни бәйрәмнәрдә/ анар атый-
лар сыйыр // башын жығалар/ менә мин сыйырны атап суйдым затыма-
зәверемә // суйалар ишегалдында // қазан қуйалар/ зур қазан //
қаршы йақны кисеп салалар қазанға/ айағын да/ башын да/ үпкә-
бавырын да салалар // үзенең хәрәндәш-ырығларын жыйып чақыра //
каждыйы шул табақны күтәреп килә // мал суйғанда алып бара
тавықмы/ қазмы/ үрдәкме // суйдыра алар атап затына-зәверенә //
мында килә // ит ашарға әйтеп чығалар // итне алып керәләр/ таз
белән шулпасын ашилар // бәйрәм итәсен // үгез бумасын/ сыйырмы/
танамы // өч жылға чақлы бирелә // ул инде прусты сыйырны атап
суйалар // абзардан апчыққанда сыйырның мөгезенә жеп белән
бистәр бәйлиләр/ апчығалар да суйалар // аш биргән малыны сул
йағыннан салалар // ашны тышта пешерәләр // аш пешерүче үзе бүтән
була // өрөп пешерә // аш пешкәчен бер малайны ат атландырып
чығаралар //

икенче көннә йамбаш ашарға барсын // аны пирвуй көннә пеше-
рәләр/ икенче көннә жылытасын/ ашисын/ тийәберсен итәсен // икенче
кеше чақыра/ аннан чыққач өченче өйгә барасын // анда үле жырууы
жырлайбыз/ кодағый башлай беләсенме/ башла/ без қатышырбыз //

гөбер-гөбер майлар йаздым/ гөбеләрдә қалды әйрәнә //
без ашыйық без эчийек/ туғаннарның қалдық бәйрәмә //
ақ йаулықның читләре/ бер бөккәчтен ничек сүтелсен //
туғанқайны күмеп куйдык/ бер үлгәчтен ничек терелсен //
ақ қайынарны чапқаннар/ жомочқасын қайа қуйғаннар //
ақ кипеннекләргә чорнап/ туғанайны гүргә қуйғаннар //
жөгөреп кердем мин өйләргә/ чөй жаулықайларым чөйдә йук //
безнен туғаннарны сорасағыз/ очтомаққа киткән өйдә йук //

Дер. Париж Нагайбакского р-на Челябинской обл., 1983 г.

Аш-сулар 'пицца'

итле аш пешерә/ туқмач кисә // қыш буса пилмән пешерә/ чәйен
житкезә/ жырлашып утыра // тоқмач/ чумар/ умач/ салма/ борчақ
белән // қатық ойотабыз/ қатықны сөзмә итәбез/ сөт өсте болғатасын //
қоймақ/ белән/ күзикмәк/ төче қамырны жәйәбез/ эремчек йағабыз/
аны майлап ашисын // қаймақлы тәйикмәк әйтәләр аны // эчле көлчә

дибез/ зремчеккә күкәй/ сөт өсте салып мичкә утыртабыз/ көлчәгә салабыз // шәңге/ жиләкле ипи пешерәбез // туй ашына камыр пешерәбез/ туқмач/ пилмән // итле аш пешкәч атдилне утырта // чийә пируклары/ жиләк пируклары пешерәбез // оло туйларға/ бэйрәмнәргә алдан чэй/ аннары аш утыртабыз // ашаб-эчеп туйғачын ит утыртабыз/ бутқа //

Дер. Варламово Чебаркульского р-на Челябинской обл., 1983 г.

Тула суғу 'валяние сукна'

элгәре тула суғарлар ыйы // аны бер кеше суға да ничә киләп буйы була инде // төнгөлөккә өмә йасарлар ыйы // ике қыз өмәгә әйтерләр ийе чигүле күмәкләр кийеп // жыйылырлар ыйы өмәгә // өмәгә жыйылғачын инде сыwnы қайнатып торалар // чыбықны үткәреп йасаган ыстаны булыр ыйы/ басарлар ыйы туланы жырлай-жырлай //

ай туласы туласы/ туласы қайчан буласы //
бу тулалары булмаса/ без шушында қунасы //

Киндер суғу 'ткань'

сүс талқырға өмә булыр ыйы // сабан беткәндә киндер чәчәрләр ийе // ул киндер үсәр ийе/ аннан баса дип көзгә таба алырлар ыйы да чабып жиргә болонлыққарак жәйеп қуйарлар ыйы // ул жатыр ыйы өч атна/ берәр ай // ә киндерен көз көнә жолқоп алырлар ыйы да орлоғын суғып/ киндерен сыwға салырлар ыйы // шуны сыwdан чығарып ақайтып қағайтырға дип бер қаралтының түбәсенә қуйарлар ыйы көнгә // ул шунда торор ыйы // аннан муча жаға да мучаға қуйа // киптерә/ кипкәчен икөч кешегә әйтәме/ кичә кешегә әйтә // шул сүсне талқырлар ыйы өмә итеп // аны талқығачын килегә салып тәйәрләр ийе // аны килегә салып тәйөп селкеп/ жә мал өйөндә/ жә өйдә тәрәшле жасарлар ыйы // тәрәшле жасап/ қайсы берәүләр жерләргә өмә итәрләр ийе // аны жерләп сарырлар ыйы // сарғачын аннан килеп жаз көнә көл белән қайнатырлар ыйы // қайнатырлар ыйы/ жыварлар ыйы/ чырмарлар ыйы // чырмап аны озатырлар ыйы суғарға // суққачын киндер итәрләр ийе // житен сүсеннән кижеле түшәк тышлары/ бөркәвләр суғарлар ыйы/ жаwлық башлары суғарлар ыйы // чүбегеннән арқауға суғарлар ыйы/ киндер жебеннән арқауға озатырлар ыйы // эшләп дәнне қаплаган элгәре //

Кийем-салымнар 'одежда'

теккәчен күлмәкне убурка қуйа жин ычларына/ итәккә // жилән тегә/ алчүперәк тегә үзенә үзе итәкләп/ күкерәкләп // чипиләр суға идек/ чикмән сарыкның жонон жерлисен/ суғасын/ затасын кул белән/ аны эссе суға салып басасын/ ул қалынайа/ аны тартасын // чикмән кисәләр // анын остасы бар/ дәнәнә генә сылатып чикмәнне тегә // сүрәкә чигәләр ийе үзләренә үзләре/ чәчбәүләр буған тәқкәле/ муйса изү/ алчүперәк/ чуқлы эзәр/ ишкел бау // ғарыстан шуны чуқлап матурлап бәйлибес //

Дер. Фершампенуаз Нагайбакского р-на Челябинской обл., 1983 г.

ГОВОР КРЯШЕН НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ

Туй 'свадьба'

койаш байыганда атлар жигеп анасы атасы килә // кодалар кигенче бөркәүне ачалар // килен утыра эле/ кэзер килә кодалар // эле тезелешеп утыралар // кодалар сорап керәләр/ без тана жуйганын/ сезгә кермәдеме ул/ бездә бар барын да тамғасы билгеле түгел // патир сорарга керәләр алдагы кодалар // мылтык та атып жиберәләр // капка ачып жиберәләр/ кодалар керә // кодалар керә дә ишегалдына тезелә // иң алдан әйберләре керә сандык белән/ кодалар алдан кереп тезелешеп торалар // аннары моннан чыгып сыра эчертәләр/ жырлап жиппәрәләр урып сорап // инде урын бирегә кирәк // бирәбез/ бирәбез диләр бит кайберләре кычкыралар //

эзәйнең буйлары иләр туйырай/ жапыраккайлар жаргач ла куйыра // шишенегез инде әй/ кодачалар/ кужаиннары шушылай бойора //

аннары шуннан чишенәләр ийе дә өстәл арасына утыралар ыйы // сүрәкәләрен/ чигәчәләрен бәйләп/ өстән матур жаулык бәйләп // эсселәгәчен ул жаулыкны чишеп куйа // жепәк жаулык/ чачак белән кала // бәк матур булалар ыйы элгәреге кодачалар // аннары кызларны сорап жырлылар инде // кийәү белән кызны сорап жырлылар //

бийеккәй тауларнын и башында жәш үләмнәр/ жәш үләмнәр жата жәшәрәп/
безнен бәбекәйебез сезнен кулда/ кайда тотасыз аны жәшерәп //

без бит шуны/ кызны/ жуйып килдег инде/ нишләп сездә булмасын/
эзе бар бит // безнен/ кызнын/ мүгезе жүг ыйы диләр // кэзер мүгезе бар бит/ теге мөләнчек бәйләгәч мүгезле була бит инде //

айнын каршына сикерә диләр безнен бәбекәйебез чит илләрдә/
айгай арысланнын осаны чит илләрдә жатып жабыккан //
сикерә диләр айнын каршына // инде бәбекәйне танымыйбыз/
безнен бәбекәйебез сезнең кайлардадыр жатып жабыккан //

кулда/

чыгарыгыз өстәл каршына // сикерә-сикерә жұрта күк жұрга/
аклы жауклыкларнын и чагагы алл(а) исәнлек бирсен күп жылға //

кешеләрдә жатып мамыккан //

кийәү белән кыз чыга/

минем алжапкычым и жарма сәwәлэй буйынын жегетләре
бүз/

синең сөйгәннәрен кара күз // бийег итеп сала өйләрен //
кара да күзләрен үж жанында/ жегетенә ошап кызы туган/
инде әйтешмәгез авыр сүз // тирбәндереп сүли сүзләрен //

моннан барган чакта ай уң сәwәли авылының жегетенең
жакта/

ай-гай бадийаннарның ак укадан үргән камчысы //
кибете //

алсу алма кевек/ туганайлар жегетенә ошап кызы туган
алсу алма кевек лә жегете // алтыннардан тамган тамчысы //

кодалар килэлэр дэ үзлэре алып кигэн эчемлекне үзлэре соналар //
сонганда шуны жырлыйлар //

безнен кодачалар айлар кийгәннэр лә/ айлар кийгәннэр/
и барысы да пустаулар шул кийгәннэр/
күплэр киймэгәннэр эзлэр кийгәннэр лә/
и барысы да безлэрне сөйгәннэр //

казыр эйберлэрне элэргэ кирэк/

мылтыгымны алып кырга чыктым/ ак та куйаннарны атарга //
рөксәт итәрсезме/ кодаларым/ сандыг ачып тавар сатарга //

кыж жиңгэлэре элэлэр ашйаулыклар / шаршаулар // чөйө жук
бит чөйө дилэр // менә бит чөй дип чәркә китереп пирэлэр // чәркәгә
акча салып пирэлэр // жапырак кирэк/ жапырак бу нинди көмөш
белән генә // шуннар ары килеп тотоналар шаршауга // эйбер элгән
чакта жырлыйлар/

бадийаннар садым миннэр батмаска/
келәмперлэр садым акмаска/
бу да эйберлэрне без элеп куйдык/
берсесе дэ эйләнеп кайтмаска //
күгәрченнэр кайда илэр көрлилэр //
ылапас эчендэ өрлөктэ/
бер жырлыйбыз күңеллэр көрлөктән/
дәүләтегез безлэргэ сөрлөккән //
ча кырыб алдым чакырым жарымнан/
жибәрәсе кимей жанымнан //

шушы кадэр эйберлэр алып килгеч инде көрлөктән түгелме сун ди-ди
эйтэлэр инде //

алай иттек/ болай иттек/ арпа куштык бодайга/
инде шөкөр бер кодайга/ эшлэр китте уңгайга //

кызны жылатырга кирэк эзерэк/

и шаулыдыр нарат/ шаулылар нарат/ нигә шаулы икәннэр бу нарат //	иртэлэрдэ тороп ла битлэр сөртөргә чөйдэгә бистэрлэрен ак бусын // кичке жоколарыгыз татлылар бусын //
айырылып кала ла бер канат //	иртэге жоколарын сак булсын //

суларга ла төшсән и син иртэ сандугачлар кунакларга
төш/

суңга калсаң сулар да бол- бер сатың булсыныйы/
гана //

энекәсеннән лә айырылганда араларда жөри торган
кызлар түгел кошлар да сандугач булсыныйы //
моңайа //

сары сандугачларнын и бала- жырлыйг эле/ жырлайг эле/
лары

талларга ла басып ла жал итэ // жырлыйг эле күб итеп/
кыз балалар дигәннэр мескен бергэ буган минутларны
лә бала

жатларга жалынып та көн онотолмаслыклар итеп //
итә //

и анда инде барысы да жылый // кыз жылый/ теге жакта да
жылылар бырыбер //

кикак кына кикак каз кычкыра/ балаларын жуйган каздыр ул //
ауызлары жырлый/ күзе жылый/ үзен-үзе биргән кыздыр ул //
менә моно кыз чанага утыргач жырлылар //

и жаусыйы жаңгыр иләр жаусыйы/ сулыктардан тамчы тамсыйы/
зиба буйың бездә айлар үстердек/ кызмәтләрең шунда жазсыйы //
кикак кына никак каз кычкыра/ сез әйтмәгез аны жәш каз дип //
үз акылларыбыз ай үзебездә/ шайартмагыз безне жәш кыз дип //
киртәләр дә тотсан/ синнәр иртә тот/ эзәй буйларына житә тот //
безнен туганайлар сезләрең кулда/ какмый гына сукмый иркә тот //

Дер. Савалеево (Сәвәләй) Альметьевского р-на ТАССР, 1968 г.

Боламык бәйрәме 'праздник мучной каши'

боламыкка карышы инде пирвуй жуынадырыйык/ бәйрәмне
көтәдерийек/ кунак кызларын көтәдерийек чыгып/ эзерләнеп // кич
уйынга чыгабыз бергә зыйылабыз // бөтөн асыл зыйылгач/ түгәрәк
уйын засыйбыз // уйын кыругы бар // мин казыр онотам кайсы айда
килә сун эле ул боламык // боламыкта инде бөтөн урам кыруглы
әйләндерийек/ бер мин генә төгөл/ начтый белә бит тужы // аталаш
уйнау бар ыйы/ ике кыз бер жегет гүләйт итеп жөридерийек очтан
очка/ аталаш дип сүләшәдерийек анысын/ пирвуй жыру башлыды-
рыйыг инде жыйылышкас // эле гөрпинә жыруларыңны онотма син/ ул
элгәреге жыруларны сың //

кырмажиннар алдым жиләнгә/ көмөш инә кирәк жөйләргә //
жакшы адәмнәр кигән ай тыңнарга/ габрәт жыру кирәк жырларга //
эзәйнен сулары ай тирәндер/ тирән дә жирләре билдәндер
жыру башлаулары ай бездәндер/ күтәрәп алулары сездәндер //

жәшләр гарбуннар белән түр сайын бийешеп жырлашып кайтадыр-
ыйык //

Тройсын бәйрәме 'праздник троицы'

тройсын бәйрәмнәре жылы багытта инде ул // кунактар кигәчтен
утыртып жырлап сыйлыдырыйы куца // жәшләр түгәрәг уйын
жасыйлар/ катынна күрегә бара шуны // кызлар дәвәтләр/ тамаксалар
әйбәт жаулыклар бәйләп/ жәш киленнәр сүрәкә бәйли мөләнчек куйып/
жәпәк жаулык чачаклар бәйли // шулай бәйрәмнәре узгыралар ыйы //
казыр кунактар кимей инде тройсын бәйрәмнәрендә //

Дер. Савалеево (Сәвәләй) Альметьевского р-на ТАССР, 1968 г.

тройчын бәйрәме мына болай була бездә // ийүннең унөчөндә була
тройчын // бездә аны бик зур бәйрәм ителәр // кайын алырга баралар/
жапырак/ аңарга жәпәк жаулыклар бәйләп кайталар // безгә киләләр
кунактар сәвәләйдән // тәтемәлдән киләләр // нәстә пешерсән дә

жарый // пешерү исемне тегел // әвәле сыра пешерәләр ийе // казыр
пешермиләр инде // менә тройчын көйләрен жырлыйг әле

бийекәй тауларның башларында акбүз атларымнын камыты //
әйдәгез иптәшләр жырлашыйк шушы булыр тройчын пурмысы //
ишекәй алларым йәшел лә чирәм йәштәй бәпкәләрнен курмысы
безләр жырлашыйк/ безләр көлешийек шушы булыр тройчын пур-
мысы //
сары сандугачның балалары/ басып сайрый диләр киртәгә //
жырлашыгыз туганнар жырлашыгыз/ уйыннар бетә иртәгә //

бөтөн калык жыйылып төшә сыу буйына // сыу буйына төшкәчтен
азырак сыуга маналар жаулыктарны // сыу буйыннан кайталар инде
уйыннар жасап //

и ачылыр кибет и ачылыр/ басмалар да басылыр //
кил уйныйк/ кил көлийек безләренең йөрәкәй басылыр //
уракайлар урдым мин учмалап/ чүмәләләр куйдым да ниргәләп //
әле дә генә бергә дә бергә без жөрибез/ тагы да жөрсәг икән
бергәләп //
каратай буынын ай кызлары аклы жаулык бәйлиләр үзләре/
әнжеләрдән ывакай ай тешләре/ сайланып та чыгадыр сүзләре //
ки(л)гән казлар китә көзләр чын мәржәннәр кевек тезелеп //
ай безләренен өчен кем жыласын үзәге бавыры өзөлөп //
и сызгыра жылан/ и сызгыра күлләрдәге сары бака өчөн //
и сызгыра жылан/ и сызгыра күлләрдәге сары бака өчөн //
ир балалар тыҗа ана-ата өчөн/ кыз балалар тыҗа жат өчөн //

Дер. Васильевка (Кәзәбаш) Альметьевского р-на ТАССР, 1976 г.

Қорман 'жертвоприношение'

қорманни чалалар инде қартлар/ икеме/ өчме сарығ инде/ ақ
сарық суйалар ыйы // аннары анын эчәгеләрен тазарталар ыйы //
қартлар оло қазан асып қазанға салалар инде // ирләр пешерәләр инде
аны // келәүле қойо жанында менә монда тау астында // жармалар
аптөшөп бутқа пешерәләр // тағы икенче көннө қарчықлар жыйыла
инде/ он төшөрәбез инде анда // аны пешерә торған қарчықлары
үзенә айырым инде/ бөтөн кеше тылқышмый // күкәйләр/ сөтләр/
майлар аптөшөп бигәйбәт итеп пешерәләр ийе дә чыбылдык жәйә
торғаннар ыйы/ табақларны анда қуйалар // ашағачын су сибешәләр
чиләк белә // бөтөн асыл тулып су сибешәбез шәбергенче // су сибешәбез
дә алжығынчы/ аннары чиләкләрне күтәреп дәмбыр-дәмбыр мизәләгә
китә торғаныыйк су керегә // шул чүк итү инде мынсысы //

Дер. Н. Юшады Мензелинского р-на ТАССР, 1968 г.

Чүпкә кийу 'моление дождя'

менә элеке шулай жаңгыр жаумый торса/ коро булдисә чүпкә
дип/ чүпкә кийарга чыгалар ыйы жәшләр // бөтөннәй инде жийылып/
бер кемне калдырмыйынчы сыу сибәләр ийе // кем генә урамда
күренсә дә ирме-катынмы/ кем булуга карамастан сыу сибеп койон-
дырып бетерәләр ийе // оннар/ күкәй/ майлар күтәреп менә шундый

бер чирәмнеккә матур гына жиргә жыйылалар ыйы // шунда бер ка-
занда ботка пешереп/ келәш итеп карчыклар/ бала-чаганы жыйып
ашаталар ыйы // утыргач жыйылышып барысының да башларына ка-
шык белән сыш сибеп чыгалар ыйы // бу жаңгыр теләү була инде //
чүпкә шул инде // алдан чүпкә кийү була инде //

Дер. Федотовка (Аланлык) Лениногорского р-на ТАССР, 1976 г.

Май чабу 'масленица'

менә элгәреге гумырда май бәйрәмнәре була торганыы // ка-
тайсалар жәри торганыык // кызлар чыгарып жакшы чигүле бис-
тәрләр элә торганнарыы атларга // аннары өч жегет буса/ өч кыз
утыралар ыйы шулай/ урамнарга чыгып катайса жериләр // мамык
күпчекләр салып/ жакшы атлар гына жигеп жәри торганнарыы
ауылның бер башыннан икенче башына чикле //

жазнын житкәннәрен шуннан беләм/ ужым жәшнәп чыга көзлөктән //
чәч тә очларына тәңкә тагып/ кемнәр туйар икән кызлыктан //

дип жырларыыг инде //

Дер. Савалеево (Сәвәләй) Альметьевского р-на ТАССР, 1968 г.

Сөрән сугу 'весенний праздник'

оло көннөн өчөнче көннө сөрән сугу була // шул чагында жәшләр
атқа (а)тланып чыгалар // без аларга қойм(а) өстөннән күкәй бирә-
без/ кампит бирәбез/ перәннек бирәбез // аннары берсе черемә жыйа/
бөтөн кеше аңан күкәй бирә // ул черемә күкәйен басуға итеп күмәләр/
игеннәр уңсын дип //

Дер. Утарово (Утар) Бакалинского р-на БАССР, 1967 г.

Утчук 'моление с жертвоприношением'

утчукта тәкә суйалар // итләр пешеп тчыккатч кийашка таба
карап келәш итә // кемнең баласы джук/ бала бусын/ икмәк бусын
дип // тәкә суйгынты сууык сыш сибәләр // тетрәп китсә генә суйалар
аны // аны үз туганнары белән пешереп ашыйлар/ калганын ыргы-
талар // өйгә алып кайтмыйлар/ үлеләр алдында бусын дип // утчук
диләр/ корман урыны була/ казаны да шунда утыра //

Дер. Сарапала (Сәрәпәле) Альметьевского р-на ТАССР, 1972 г.

Им-томнар һәм ырымнар 'заклинания и заговоры'

бүсер теле 'язык грыжи'

шүри бүсер/ шүри бүсер/
шүри бүсер/ қарт бүсер //

қарт бусаң да жат бүсер
туң май ничек туңадыр/
шулай урныца жат бүсер

пичкә салдым дүрт икмәк/
дүрт икмәк пичкә жабышып қата-
дыр //

шулай жабышып жат бүсер //
пычақ белән суйарым //
чалғы белән қыйарым //

Су теле 'язык воды'

су тигәндә тож/ жарма саласың // су анасы сылубикә/ су атасы сарысақал/ қағылма/ суғылма/ шунынын белә бакилләтәм/ дип тоз белән жарма саласын инде //

Ут теле 'язык огня'

ут атасы күк була/ ут анасы сары була/ утнын қызы қызыл була/ қызына қалғач қызу була // ут уйнама/ уйлама/ уйнамыйық/ көлмейек) бергә ғүмер итийек // тауга мендем/ таудан төштем/ жирән атқа атландым/ күлгә төштем // ут чыққан жирдә шул сүзләрне әйтеп өч тапқыр әйләнсә/ бетә имеш // аzman азар/ жулдан жазар // ут жандырыр/ су сүндерер //

Жылан теле 'язык змеи'

жиңгәй-жиңгәй жиң жылан/ киртә астыннан чық жылан // чағар бусаң чақ жылан/ чақмас бусаң кит жылан // чабарым/ қыйарым/ бетерем // баламыз салмаған кисмәккә/ баламыз қайан жабышқан // чир тимәгән кешегә/ чир қайан жабышқан // чире-чоры чирмешкә/ жылгә-дамылға/ дип әйтеп жылан кабығын бәйлисен // қара жылан/ чық/ жылан/ жептән нәзек қкалырсын // соры жылан/ чық/ жылан/ жептән нәзек қалырсын // бақыр жылан/ чық/ жылан/ жептән нәзек қалырсын // дип әйрән белән сыпыра жылан чақса //

Қан теле 'язык крови'

бармақ кисәсен бит инде име // қызыл инә/ қызыл жеп/ қызлар жөйө жөйлийем // бақыр инә/ бақыр жеп/ бақыр жөйө жөйлийем // тимер инә/ тимер жеп/ тимер жөйө жөйлийем // менә шуны өч рәт әйтәсен дә төкөрәсен инде // шуннан қан туқтыый инде/ қан-тын өшкөрәбез инде мынысы //

Арпа теле 'язык ячменя'

күмәк күнчеген әйләндерә мына тыра/ сорый инде бер кеше/ әбей ней имнийсен/ арпа буған бу кешегә/ арпа имнийем // берәw икәw өчәw — очоп китсен // берәw икәw өчәw дүртәw бишәw — бизеп китсен // берәw икәw өчәw дүртәw бишәw алтаw жидәw — жылгә кузгалсын // берәw икәw өчәw дүртәw бишәw алтаw жидәw сигез тугыз — тузып китсен // бер бер дә жуқ,/ бер бер дә жуқ // ай қайтсын/ көн қайтсын // бу кешедәге арпа иске көйгә қайтсын // миннән мидәт бусын/ синнән сиқәт бусын //

кибэг урнына киптерэм/
тузан урнына туздырам/
сары май күг эретэм //
шушыны өч қатлйсын инде бөтөннэй/ арпа теле инде моносы //

Урман ийәсе тигәндә 'заговор от лесовика'

урманда минем күземә чыбық суқты // урман ийәсе тигән диләр //
қарчыққа бардым // бу әйтә/

бийек ташның башында бер өйдә/
тимер табақ/ тимер қашық белән аша/ эч/
эрәқәтлән/ ди //
мин күн бүрек кийәрем/ күн пирчәткә кийәрем/
үзеңне бәкерәйтерем/ күзеңне чәкерәйтермен/ ди //

қәзер шулай ди-ди өшкерде дә үзем буйы жеп/ бер соло бөртөгә/
бер инә бирде // бер башын бар да күмеп кил ди // мин үкелина
(Акулина) түтине алып киттем // шүләшмибез дә/ күмдек // пайдасы
бар күк тийә // су да сиптек //

Сатый исеме турында 'об имени Сатый'

боларнын биш балалары буған/ бишесе дә үлгән // бу туған
инде // бу туғач үләр дип қурыққаннар // әбисе мөржәдән қыч-
қырған/ икенчесе баланы күтәреп тәрәзәдән қычқырған // сатам алам-
сыз/ дигән/ өч тапқыр қычқырған инде // алабыз дигән/ қақы ничә
сум дигән // биш сум ғына сорыйбыз/ күп сорамайбыз дигәннәр //
шулай итеп бир ақчаңны дигән // теге баланы алған да сөйгән инде/ итеб
урынға салған // менә қәзер сиксәннән артып килә торған қарт инде
шул сатый // исемен сатый қуйғаннар //

Дер. Мелекес (Мәләкәс) Челнинского (ныне Тукаевского) р-на ТАССР, 1968 г.

Үлгән кешене күмүһәм искә алу 'погребальные и поминальные обряды'

кеше үлә дә инде өчләре тугызы/ кыркысын үткәрәләр/ кастәрләгән
кешене калдырмыйлар // табикмәг атап изәләр/ ипей изәләр/ табисе
чыгаралар // гердә диләр инде/ кырык берне дә әвәлиләр/ жегерме
берне дә // жийылышалар/ исемнәтә салалар инде шул кешегә/ шул
кешегә ди-ди // казыр инде утырасың инде жыйылышып өстәл ара-
сына // берәр кат ашны чыгарып бетерәләр инде // ашны чыгарганнан
сун аннары сәгат житә озатырга дисең дә барын да кузгалып чыгасын/
бакилләп кит ди-ди // урындыкка мендәр куйасын да ашшаулык
жәйәсен/ шунда табикмәк куйасын/ балыгын да күкәйен дә куйасын //
бал куйасын инде ыстакан белән // бер кеше күтәреп чыга да инде
кемнен чыгасы килә шунда затырга чыга/ затабыз инде затабыз
ди-ди // казыр тезелешеп басасын да инде урындык жанына биг үке-
нечле кеше бусы бик жылыйсын инде // бала-чагасы була кайсының //
бар да килеп-килеп аңыз итәләр // шул кеше туклыкта жөрсөн/
очтомаг ашлары бусын ди-ди // аннары капканы ачасың да койаш чыгы-
шына карап озатып каласын артынан // бакилләп кит дип // жыр-
лыйбыз инде мына былай //

идел буйларынын и ләр камышы/ шау-шау итә анын ла тавышы //
башка туганнарыбыз бардалар монда/ жүк бит бертуганнарнын
тавышы //
көймә генә көймә керләр дә жыуным/ кибәр генә дидем лә кипмә-
дей //
кайтыр гына ди-ди көткәннәр ийек/ кайтыр да жирлэргә лә кит-
мәдей //
тирээдә төбөмдә тук чикләвек/ ашыйсым да килми лә туксынам //
өйлэргә дә керәм тышка чыгам/ шул туганайымны да ла йуксы-
нам //

Дер. Савалее во (Сэвэлэй) Альметье вского р-на ТАССР, 1968 г.

Нардуган 'святки'

менә элек нардуганға чыға торған ыйық кийенеп // кешемир күлмәк-
ләр кийеп/ тәңкэләр бэйләп/ изү-мусалары бэйләп // төшөп китәдерий-
ек бәкегә // бәкегә төшөп киткәчен қәзер баш кеше кирәк // төпчөк кеше
кирәк // чәнчекәй бармақ белән апқайтадырыйық сыуны // кәзер
мучаға барып жөзөк сала торғаныық/ кемгә нидей жыру чыға // менә
миңа шундый жыру чықты // менә оноттым бит әй хәдир! // ийе/ бэй/
кәзер шундый жыру чықты //

үләрем дә дигәч үләрем/ хәберемне тирән қазығыз //
баш очома ташлар қуйығыз/ исемемне шунда жазығыз //

дип жыру чықты // менә мин қазыр қайғырам да кайгырам // әй
үләм икән инде // менә зарланам да зарланам/ мин үлсәм балаларым
қала бит/ боларны кем қарар диб әйттеп // бэй/ бер заман жөри торғачын
бер қатын очорады да сүләдем // менә миңа малай шундый жыру
чықты бит әле диб әйттем // бу әйтә/ әй қайғырма/ жыруға син аңар
ышанма/ жыруда анда төрлө жыру жырлана инде/ кеше белеп
жырлыймыни аны/ ул төрлө жыру чыққан сайын үлә китсәң/
дөнжада бер кеше дә қалмас ыйы диб әйтеб әйтә // и дәрес бумый
икән ул/ үлмәдем //

Дер. Утарова (Утар) Бакалинского р-на БАССР, 1967 г.

нардуган уника көнгә сузыла // без аны истәргәнгә чығабыз дип
шүләшәбез инде // мучада суны алып қайтып сәкегә қуйалар да аталар
балдақ // үзенә нийәтле сала инде // ул балдақны бармағына эләккәчен
ала чәнәчә бармақ белән // жырлый берәү:

қара қайыш биллэргә буш/ сатин күлмәклэргә иш //
инде жәный мин китәмен/ қала қуйыннарың буш //

шуғыш бағытында жырладығ инде боларны //

тағы болай була // лампыны жандырасын да көзгө қуйасын //
ыстакан қуйасын сыу белән // эченә көмөш балдақ салабыз // бик
тыныч бағытта төнгө уника сәғәттә генә инде қарыйбыз аны // қараб
утырасын инде/ күзен талчығып киткәндер инде // шул көзгөдәге
ыстаканнан күренеп киткән кебек була //

чыға тавыққа тыңға // тавықлар керт-керт дип шөйләшсә әйбәт
булды дип керәләр // чығалар сарықлар жанына // сарық жоно жол-
қыйлар инде // киткән жире әйбәт буса ақ жон эләксен ди/ начар
буса қара //

Дер. Атиаз Елабужского р-на ТАССР, 1967 г.

китәсе кешесен беләсе килә/ нидей кешегә китәрем диб эче поша //
надуған бағытында бер мучаға көл илиләр инде // ике қыз буса/ ике
жиргә илиләр/ муча ләүкәсе өстөндә // нидей кешегә китәсең жәнә
шунда эз төшә инде // байға китәсе бусан итег эзе/ уртача кешегә китәсе
буса чабата эзе/ жарлыға китәсе бусан жалан айақлы эз төшә инде //
аннары шул мучаға керәсен инде төннәме/ кичтәнме шунда // төн-
нөктән қулыңны тығасың инде // нидей кешегә китәрем дип // бутта син
китәсе кеше тегеннән төннөк тишегеннән сиңа қул бирә инде // шәрә
қул буса жарлы кеше була // жөннө қул буса бай кеше була инде // менә
қурықмыйынчы тығып тор инде төннөккә //

аннары инде тағын бер гәдәт инде/ қызлар уйыннан қайтқач
инде/ кеше беткәч/ урамда айағыннан итегеңне саласың да инде итег
ыргытасың қойма арқылы // бутта итегеңнең башы қайсы жаққа
қарап төшсә // шул жаққа китәсең // шундый ырымнар бар ыйы //

киттек мучаға сувық мучаға/ бер жегет қәзер безнен сүләшкән
сүзне тыңнап торған // киттек тезелешеп қызлар // пирбуй бер иптә-
шебез қулын тықты төннөк тишегенә/ ай сувық қул/ ай сувық
қул дип қычқыра // без тороп жөгөрдәк // теге қыз шунда әле дә буса
қалды/ қулы авыртыб беткән // бақсан теге кужайнның жегете
буған //

қәзер сүндәрәгә менеп жаттық/ бура бурадық чырадан // же-
геткә китәсе бусан/ шул жегет ат эчертә икән // қәзер жоқладық //
жоқласа бу қызнын чөчен тарыйлар икән/ тарыйлар икән/ монон кешесе
күренми икән // бу изәнгә таба караса бер қаравылчы бабай монон
толомына алжапкыч бауы тағып ипләп кенә тартып утыра икән // и
берәү тарый инде дип әйтәм ди/ күземне чытыртатып жомдом ди/ бу кем
тарый микән/ әллә уяндым микән диб әйтәм ди // кәзер аман тарта
ди // изәнгә таба ийелгән ийем/ пидер бабай утырған да әкрен генә
чәчне тартыб утыра ди //

Дер. Юшады Мензелинского р-на ТАССР, 1968 г.

тынға барған чағында қалағыңны қуйныңа қыстырып чығып
китәсең/ нийәтеңне әзерләб инде // нәрсәкәй кирәк сийа // тыңға барып
қайтқачын/ шул қалағыңны ыргытып бәрәсең // қалақ чалқай төшсә/
шул кешенең кайтууы була/ жөзтүбән төшсә/ қайтмауы була //

нардуған бағытта ирем кийенеп чығыс буды // қәзер пирбый тун
инде/ тун өстөннән толоп киде/ кереп китте күршеләргә // қапқадан
килеп кергән ыңғайға бу күрше тышқа чыққан буған/ жүгереп кереп
киткән // қәзер икенче күршегә кергән пидут ибанына // бу құрқып
чигә-чигә сыйыр жата икән/ сыйырға атланған // шул ыңғайға оло
ғына сыйыр сикерде дә тордо ди // ни күзләрең белә күресең/ сыйырға
атланып тора ди // әкрен генә көлдәм дә чықтым да киттем ди // иртәге-
сен бу күрше кергән/ менә ай йақтысы йақты/ әкәмәт күрдем бит әле

мин унтун ышанасыңмы жуқмы ди // булыр булыр ди/ менэ баштан
айақ ап-ақ кийенгән дей/ жөрәшем жарылды да кереп маржый жанына
постом ғына бит ди //

Дер. Ср. Пинячи (Урта Пәнэче) Челнинского (ныне Тукаевского) р-на ТАССР, 1968 г.

әвәл нардуған башландисә бер өйгә жәшләр-қызлар жыйыла/
кылуп жуғыйы // нардуған өйөндә тақмақ/ бәйет/ жырлашалар инде //
анда жырлашып қайталар // элек көрән чикмән/ алача күлмәк кигән-
нәр // кәзер културный қалық басма кийәләр/ без дә бола жөрмибез
әле // менә мин жаңғыр жауды да сыпқы/ маллар артыннан жөрим //
без дә жөрибез // гел алай алама түгел //

жөзөк салабыз нардуғанда // алдан тыwган арттан тыwган түгелме
әле ул әни сыwны апқайталар? // менә мин алдан тыwган мин/ ин
төпчөк бала бәкегә төшә дә кич инде ул қойаш байығач // бәкедән
сыwны апқайталар // анда берәү инде чәнәчә бармағы белә болгата да
сыwны жөзөк саласын берничә жөзөк // бу жөзөкне саласын менә
минем гумерем озон буса әйбәт кенә жыру чықсын дип // жыр-
лағачын ала жөзөкне // қайсы умарталар айырыр микән // жыл
килүше ничек булыр микән дип сала инде // тәмәкемнен куwәте таба-
киркымны ватты дип жыру чыққан икән // умарта биг үрчегән/
қүүwәтләнгән // шул жылны айырған // менә шул туры килә гел
әкәмәт //

Дер. Мелекес (Мәләкәс) Челнинского (ныне Тукаевского) р-на ТАССР, 1968 г.

- Абдуллин И.А.* "Памятная записка" Агопа на армяно-кыпчакском языке. — СТ, 1971, N 3.
- Абдуллин И.А.* Армяно-кыпчакские рукописи и их отношение к диалектам татарского языка. — МТД—3, 1974.
- Абдурахманов Г.А.* Исследование по старотюркскому синтаксису (XI век). М., 1967.
- Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г.* Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964.
- Айдаров Г.* Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата, 1971.
- Алишев С.Х.* Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973.
- Аманжолов А.С.* Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. М., 1969.
- Апаков М.* Святочные игры у крещеных татар Казанской губернии. Казань, 1877.
- Арсланов Л.Ш.* Некоторые особенности говора мордвы-каратаев. — Татар теле һәм әдәбияты мәсьәләләре, 2 китап. Казан, 1965.
- Арсланов Л.Ш.* Татар теленең Идел уңъяк ярында (Татарстан һәм Чувашстан территориясендә) таралган сөйләшләр. — ТТӘ—3, 1965.
- Арсланов Л.Ш.* Татарские говоры правобережных районов Татарской и Чувашской АССР: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1966.
- Арсланов Л.Ш.* О влиянии ногайского языка на татарские говоры ставропольского края. — СТ, 1972, N 5.
- Арсланов Л.Ш.* К вопросу возникновения гортанно-рвмьчной фонемы ' в касимовском говоре татарского языка. — СТ, 1976, N 6.
- Ахметьянов Р.Г.* Этимологические основы лексики татарского языка: Автореф. дис... канд. филол. наук. Казань, 1970.
- Ахметьянов Р.Г.* Некоторые термины обрядов и мифологии булгаро-чувашского происхождения у народов Урало-Поволжья. — Советское финно-угроведение, 1977, N 2.
- Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981.
- Аширалиев К.* Древние тюркские элементы в современных тюркских языках. — В кн.: Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири. Фрунзе, 1966.
- Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898.
- Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. IV. Чебоксары, 1929.
- Барашков П.П.* Звуковой состав якутского языка. Якутск, 1953.
- Баскаков Н.А.* Ногайский язык и его диалекты. М; Л., 1940.
- Баскаков Н.А.* Каракалпакский язык. М., 1952. Ч. 2. Фонетика и морфология.
- Баскаков Н.А.* Диалект черневых татар (туба-кижи): Грамматический очерк и словарь. М., 1966.
- Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.
- Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения. — В кн.: Этнография имен. М., 1971.
- Батманов И.А.* Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.
- Баязитова Ф.* Татарские говоры Нижнего Прикамья: Автореф. дис... канд. филол. наук. Казань, 1973.
- Бектеева Е.А.* Нагайбаки (крещеные татары). — Живая старина. Оренб. губ., 1902.
- Белицер В.И.* Народная одежда удмуртов. М., 1961.
- Белицер В.И.* Этнографические параллели в культуре башкир и мордвы. — В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971, т. 4.
- Белицер В.И.* Народная одежда мордвы. — Тр. мордовской этнографической экспедиции. Вып. III. Новая сер. М., 1973.
- Богородицкий В.А.* Введение в татарское языкознание. Казань, 1953.

Борисов Г. Удмурт кыл люкам. Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1932.

Боровков А.К. Лексика среднеазиатского тейсира XII—XIII вв. Л., 1963.

Борынгы татар эдэбияты. Казан, 1963.

Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1871.

Булатов А.Б. Некоторые материалы о ногайско-татарских связях в прошлом. — МТД—3, 1974.

Бурганова Н.Б. Из наблюдений над говором параньгинских татар. — Изв. КФАН СССР, сер. гум. наук. Вып. I. Казань, 1955.

Бурганова Н.Б. Особенности говора татар нагорной стороны ТАССР. — МД, 1955.

Борханова Н.Б. Татар теленең Мордва АССР территориясендә таралган сөйләшләр турында. — МТД—2, 1962.

Бурганова Н.Б. Говор каринских и глазовских татар. — МТД—2, 1962.

Борханова Н.Б. Казан арты керәшеннәр сөйләшен төп билгеләре буенча төркемләү. — ТТЭ—6, 1977.

Бурганова Н.Б. Из истории формирования фонетических особенностей татарских говоров Закавказья. — В кн.: Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978.

Валиди Дж. О диалектах казанского татарского языка. — ВНОТ, 1927, N 6.

Валиди Дж. Наречие каринских и глазовских татар. — Тр. общества изучения Татарстана. Казань, 1930.

Валеев Ф.Г. Западно-сибирские татары. Казань, 1980.

Валеева Д.К. Искусство Волжских булгар. Казань, 1983.

Витевский В.Н. Сказки, загадки, песни нагайбаков Верхне-Уральского уезда Оренбургской губернии. — Тр. 4-го археологического съезда в России, т. II, Казань, 1891.

Вопросы истории и диалектологии казахского языка. Вып. I. Алма-Ата, 1958.

Вопросы удмуртского языкознания. Ижевск, 1976.

Воробьев Н.И. Некоторые данные по быту крещеных татар (хряшен) Челнинского кантона ТАССР. — ВНОТ, 1927, N 7.

Воробьев Н.И. Отчет о поездке с этнографической целью в Свяжской и Тетюшской кантоны ТАССР летом 1927 г. — ВНОТ, 1928, N 8.

Воробьев Н.И. Хряшены и татары: (Некоторые данные по сравнительной характеристике). — Отд. отд. из: Труд и хозяйство, 1929, N 5.

Воробьев Н.И. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930.

Воробьев Н.И. Казанские татары. Казань, 1953.

Воробьев Н.И. Этнические группы татар Среднего Поволжья и Приуралья. — Итоговая научная сессия КИЯЛИ АН СССР за 1963 г. (Краткое содержание докладов). Казань, 1964.

Воскресенский А. Русско-татарский словарь. Казань, 1894.

Вяткина К.В. Очерки культуры и быта у бурят. Л., 1969.

Вятская памятная книжка. Вятка, 1870.

Гаврилов Б. Погребальные обычаи и поверья старокрещеных татар. — Изв. по Казанской епархии. Казань, 1874, N 9.

Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960.

Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.

Гаджиева Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М., 1975.

Гайнуллин М.Х. Татарская литература XIX века. Казань, 1975.

Ганиев Ф.А. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань, 1974.

Гарипова Ф.Г. Данные топонимии о ногайском компоненте в этногенезе казанских татар. — В кн.: Исследования по диалектологии и истории татарского языка. Казань, 1982.

Гарипова Ф.Г. Татарстан гидронимная сузлеге. Казань, 1984.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.

Генинг В.Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии. — В кн.: Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV. Ижевск, 1967.

Гордлевский В.А. Грамматика турецкого языка. Морфология и синтаксис. М., 1928.

Гордлевский В.А. Элементы культуры у касимовских татар (из поездки в Касимовский уезд в 1920 году). — Тр. общ-ва исследователей Рязанского края. Вып. 10. Рязань, 1928.

Гордлевский В.А. Числительное 50 в турецком языке. — Изв. отделения литературы и языка АН СССР, 1945, т. IV, вып. 3-4.

Грамматика алтайского языка. Казань, 1869.

Грамматика ногайского языка. Черкесск, 1973.

Греков Б.Д., Калинин Н.Ф. Булгарское государство до монгольского завоева-

ния. — В кн.: *Материалы по истории Татарии*. Вып. I. Казань, 1948.

Григорьев А. Н. Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии. — В кн.: *Материалы по истории Татарии*. Вып. I. Казань, 1948.

Грузов Л. П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1965.

Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978—1980. Т. 1—4.

Даулей Р. П. Святки у крещеных татар. — *ИОАИЭ*, 1903, т. 19, вып. 3-4.

Денисов П. В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары, 1969.

Джанмавов Ю. Д. Деепричастия в кумыкском литературном языке. М., 1967.

Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940.

Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.

Дмитриев Н. К. Башкорт теленең грамматикаһы. Өфө, 1950.

Дмитриев Н. К. Согласные с и з в тюркских языках. — *ИСГТЯ*—1, 1955. Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1940.

Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1949.

Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

Емельянов Я. Стихи на крещено-татарском языке. Казань, 1879.

Ермолаев И. П. Писцовая книга Болтина как источник. — В кн.: *Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов*. Казань, 1978.

Закиев М. З. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963.

Закиев М. З. Татар халкы теленең барлыкка килүе. Казань, 1977.

Златоверховников И. Географический, этнографический, административно-статистический очерк. Уфа, 1899.

Золотницкий Н. И. Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1870.

Известия КФАН СССР, сер. гум. наук, вып. I, 1955.

Износков И. А. Два реферата, читанные на IV археологическом съезде в Казани в 1877 г. (о сохранившихся преданиях по поводу названий русских и инородческих поселений в Казанской и соседних с нею губерниях, о личных инородческих именах). Казань, 1882.

Износков И. А. *Материалы для истории христианского просвещения инородцев Казанского края*. М., 1885.

Износков И. А. *Список населенных мест Казанской губернии с кратким описанием их: Лаишевский уезд*. Казань, 1895.

Ильминский Н. И. *О переводе христианских книг на инородческие языки*. Казань, 1897.

Ильминский Н. И. *О системе просвещения инородцев и о Казанской центральной крещено-татарской школе*. Казань, 1913.

Исламов М. И. *Древние формы личных местоимений в диалектах и говорах*. — *СТ*, N 3, 1972.

Исследование языка древнеписьменных памятников. Казань, 1980.

Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии. Казань, 1904, вып. 4.

История Татарии в материалах и документах. М., 1937.

История Татарской АССР. Казань, 1951, т. 1.

Исхаков Д. М. *Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII—XIX вв.* — *СЭ*, 1980, N 4.

Исхаков Ф. Г. *Местоимения*. — *ИСГТЯ*—2, 1956.

Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. *Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология*. М., 1961.

Ишбулатов Н. Х. *Лексические связи башкирского языка и его диалектов с финно-угорскими языками*. — В кн.: *Вопросы финноугорского языкознания*. Вып. IV. Ижевск, 1967.

Ишбулатов Н. Х. *Кизильский говор*. — *БД*, 1963.

Казанская центральная крещено-татарская школа. Материалы для истории христианского просвещения крещеных татар. Казань, 1887.

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Конец XIX — начало XX в. М., 1977.

Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. *Итоги археологических работ за 1945—1952 гг.* — *Тр. Казанского филиала. Серия ист. наук*, 1954.

Кармыкова С. А. *Особенности караногайского диалекта ногайского языка*. — *Тр. карачаево-черкесского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы*. Вып. 3, 4 (серия филол.). Черкесск, 1968.

Караймско-русско-польский словарь. М., 1974.

Катанов Н. Ф. Исследование урянхайского языка. Казань, 1903.

Катанов Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 1 июня 1897 года по 20 августа того же года в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии. Казань, 1899.

Кеппен П. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб, 1861.

Киекбаев Ж. Г. Башкорт диалекттәре һәм уларзың тарихенә кыскаса инеш. — В кн.: Башкорт дәүләт университетының гилми эшмәләре. 3 сыгар., башкорт филол. сер. Өфө, 1958, N 2.

Киекбаев Ж. Г. Башкорт теленең фонетикаһы. Өфө, 1958.

Коблов Я. Д. О татаризации инородцев Приволжского края. Казань, 1910.

Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954.

Козлова К. И. Этнография народов Поволжья. М., 1964.

Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.

Кол Гали. Кыйссаи Йосыф (Йосыф турында кыйсса). Казан, 1983.

Комиссаров Г. К этнографической карте Козмодемьянского, Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов (объяснительная записка). — В кн.: Чуваши Казанского Заволжья. Казань, 1912.

Кондратьев В. Г. Материалы к характеристике деепричастий и формы на -дук в языке памятников тюркской рунической письменности. — Учен. зап. ЛГУ, сер. востоков. наук. Языки народов Востока. Вып. 12. Л., 1961.

Кондратьев В. Г. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970.

Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960.

Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.

Корсаков Д. А. Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в. Казань, 1908.

Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М., 1962.

Кузеев Р. Р., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Зауральские башкиры. Этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX в. — В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962, т. 1.

Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве. СПб., 1905.

Курышжанов А. Формы и значения

падежей в языке Codex Cumanicus: Автореф. дис... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1956.

Курышжанов А. Значение аккузатива в языке Codex Cumanicus. — Изв. АН КазССР, сер. филол. и искусств. Алма-Ата, 1957, вып. 1(6).

Курышжанов А. Парадигмы склонения в языке письменного памятника XIII—XIV вв. — В кн.: Вопросы истории и диалектологии казахского языка. Вып. 1. Алма-Ата, 1958.

Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.

Магницкий В. К. Несколько данных о мишарях и селениях их в Казанской и Симбирской губернии. — ИОАИЭ, 1896, т. 13, вып. 4.

Магомедов М. Г. Образование хазарского каганата. М., 1983.

Максютова Н. Х. Бурзянский говор. — БД, 1963.

Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка. М., 1976.

Малов Е. А. Сведения о мишарях: Этнографический очерк. Казань, 1875.

Малов Е. О новоказанской конторе. Казань, 1878.

Малов Е. Миссионерство среди мухамедан и крещеных татар. Казань, 1892.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л., 1951.

Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.

Малов С. Е. Язык желтых уйгуров. М., 1967.

Марийско-русский словарь. М., 1966.

Матвеев С. М. Свадебные обычаи и обряды крещеных татар Уфимской губ. Казань, 1896.

Матвеев С. М. О крещеных инородцах Уфимской епархии. Уфа, 1910.

Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1957. Ч. 1. Морфология.

Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. М.; Л., 1936.

Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань, 1948.

Маторин Н. Религия у народов Волжско-Камского края. М., 1929.

Машианов Н. Заметки о религиозно-нравственном состоянии крещеных татар Казанской губернии Мамадышского уезда. Казань, 1875.

Махмуд Кошгарий. Туркий сүзлар девони. Тошкент, 1960, т. 1.

Махмутова Л.Т. Фонетические особенности касимовского говора татарского языка. — МД, 1955.

Махмутова Л.Т. Описание грамматических особенностей касимовского говора татарского языка. — Изв. КФАН СССР, сер. гум. наук, вып. 1, 1955.

Махмутова Л.Т. Некоторые наблюдения над лексикой касимовского говора татарского языка. — МТД—2, 1962.

Махмутова Л.Т. Некоторые наблюдения над лексикой мишарских говоров. — В кн.: Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка. Казань, 1976.

Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов (мишарский диалект). М., 1978.

Махмутова Л.Т. Некоторые материалы по лексике мишарского диалекта татарского языка. — В кн.: Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1979.

Милых М.К. О ногайском говоре татарской слободки под Новочеркасском. — Учен. зап. фак. языка и лит-ры. Ростов-на-Дону, 1940.

Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. М., 1979.

Можаровский А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев (1552 по 1867 г.). М., 1880.

Молотова Т.Л. Традиционная и современная одежда горных марийцев. — В кн.: Материальная и духовная культура марийцев. Йошкар-Ола, 1981.

Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. М., 1964.

Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. М., 1972.

Мухамедова Р.Г. Одежда одной из групп темниковских татар. — Тр. КФАН СССР, 1959.

Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены. М., 1977.

Мөхәммәдъяр. "Төхфәи Мәрдан", "Нурь содур". Казан, 1966.

Наджиб Э.Н. Современный уйгурский язык. М., 1960.

Наджиб Э.Н. О языке памятника начала XIII века "Кысса-и Юсуф" Али. — СТ, 1976, N 2.

Насилов В.М. Грамматика уйгурского языка. М., 1940.

Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960.

Насилов В.М. Древнеуйгурский язык. М., 1963.

Насилов В.М. Язык тюркских памят-

ников уйгурского письма XI—XV вв. М., 1974.

Насыров Ш. Кокандский говор узбекского языка: Автореф. дис... канд. филол. наук. Ташкент, 1965.

Нигмедзянов М. Стилевые особенности музыкального фольклора татар-кряшен. М., 1964. Доклад на VII МКАЭН.

Нигмедзянов М. Народная музыка. — В кн.: Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967.

Никольский Н.В. Крещенные татары. Статистические сведения за 1911 год. Казань, 1914.

Никольский Н.В. Сборник исторических материалов о народностях Поволжья. Казань, 1920.

Ногайско-русский словарь. М., 1963.

Ногман М. XVII—XVIII йәзләрдәге русча-татарча кулъязма сүзлекләр. Казан, 1963.

Обзор деятельности братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования (1867—1892 г.). Казань, 1892.

Одигитриевский Н. Крещенные татары Казанской губернии. Этнографический очерк. М., 1895.

Остроумов Н. Татарско-русский словарь. Казань, 1892.

Отрывок из одной татарской летописи о Казани и о Казанском ханстве. Казань, 1905.

Отчеты студентов Казанской духовной академии о наблюдениях жизни крещенных татар, сделанных в вакационное время. 1879 г. ЦГА ТАССР, ф. 967, ед. хр. 186.

Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956, т. 1, ч. 1.

Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.

Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по велению Имп. академии наук. СПб., 1770, ч. II, кн. 1.

Памятная книжка Казанской губернии за 1888-94 года. Казань, 1894.

Петров В.Н. Иерархия марийских культовых объединений. — В кн.: Материальная и духовная культура марийцев. Йошкар-Ола, 1981.

Петяткович Г. Поволжье в XV—XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1887.

Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов. Казань, 1978.

Покровская Л.А. Термины родства в тюркских языках. — В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.

Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка: Фонетика и морфология. М., 1964.

- Потанов Л. П.* Одежда алтайцев. — Учен. зап. МАЭ, 1951, т. XIII.
- Пронн В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
- Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Пер. и коммент. по ред. Н. Ю. Крачковского. М.; Л., 1939.
- Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893, т. 1, ч. 2; т. 3, ч. 1.
- Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. Spb., 1897.
- Radloff W.* Phonetik der nördlichen Türkssprachen. Leipzig, 1882.
- Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен. СПб., 1907, ч. 9.
- Рамазанова Д. Б.* Говоры татар среднего Прикамья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1970.
- Рамазанова Д. Б.* Татар теленец Урта Кама тирәсендә таралган сөйләшләр: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1968.
- Рамазанова Д. Б.* Грамматические особенности говора пермских татар. — МТД—3, 1974.
- Рамазанова Д. Б.* Фонетические особенности говора пермских татар. — ТТЭ—5, 1976.
- Рамstedт Г. И.* Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
- Рассадин В. И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978.
- Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.
- Ремезов И. В.* Очерки из жизни дикой Башкирии: Переселенческая эпопея. М., 1889.
- Решетов В. В.* Основы фонетики и грамматики узбекского языка. Ташкент, 1961.
- Риттих А. Ф.* Материалы для этнографии России: Казанская губерния. Казань, 1870, ч. 2, вып. 14.
- Рождествина А.* Инородческое образование в Казанском крае по системе Ильминского. — В кн.: Н. И. Ильминский и его система инородческого образования в Казанском крае. Казань, 1900.
- Руденко М. Б.* Курдская обрядовая поэзия (похоронные причитания). М., 1982.
- Руденко С. И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955.
- Рычков.* История Оренбургская: Ежемесячное сочинение, СПб., 1759, т. 1.
- Рычков.* Топография Оренбургская. СПб., 1762.
- Рычков.* Дневные записки. СПб., 1769.
- Садыкова З. Р.* Оренбург татарлары сөйләшенең кайбер морфологик үзенчәлекләре. — МТД—3, 1974.
- Саттаров Г. Ф.* Татарстан АССРның антропотопонимнары. Казань, 1973.
- Саттаров Г. Ф.* Этнонимы в топонимии и антропонимии Татаррии. — В кн.: Исследования по татарскому языку. Казань, 1977.
- Сафиуллина Ф. С.* Синтаксис татарской разговорной речи. Казань, 1978.
- Сбоев В.* О быте в Казанской губернии. Казань, 1856.
- Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1898. Т. 3. Мензелинский уезд; 1899. Т. 4. Белебеевский уезд.
- Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
- Сенеев Г. А.* Топонимические и родовые названия восточных марийцев как историко-этнографический источник. — В кн.: Вопросы финно-угроведения. Вып. V. Йошкар-Ола, 1970.
- Серебренников Б. А.* Система времен татарского глагола. Казань, 1963.
- Смирнов А. П.* Волжские булгары. М., 1951.
- Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962.
- Современный татарский литературный язык. М., 1969.
- Список деревень новокрещеных и старокрещеных (1795 г.) — ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 47.
- Списки населенных мест Российской империи. XIV. Казанская губерния. СПб., 1866.
- Старостин П. Н.* Этнокультурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье. — В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
- Статистический ежегодник по Татарской Советской Социалистической Республике. Статистика населения. Казань, 1928.
- Суслowa С. В.* Женские украшения казанских татар середины XIX — начала XX в. М., 1980.
- Суюнчев Х. И.* Личные местоимения в карачаево-балкарском и монгольском языках. — Тр. Карачаево-Черкесского НИИ экономики, истории, яз. и лит-ры, сер. филол., 1968, вып. 5.
- Талипов Г.* Описание гласных фонем и их оттенков в современном уйгурском литературном языке. — В кн.: Вопросы казахского и уйгурского языкознания. Алма-Ата, 1963.
- Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967.

Тенишев Э.Р. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976.

Тенишев Э.Р. (рец. на:) Материалы по татарской диалектологии. — ВДТЯ, 1966, т. 4.

Тепляшина Т.И. К вопросу этнонима пор-. — В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1963.

Тепляшина Т.И. Термины родства в современных словарях удмуртского языка. — В кн.: Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977.

Терляшина Т.И. Об одном Волжско-Камском ареальном явлении. — СТ, 1972, N 3.

Тепляшина Т.И. Язык бесермян. М., 1970.

Токарев С.А. Этнография народов СССР. М., 1958.

Тумашева Д.Г. Восточный диалект татарского языка и его отношение к татарскому литературному языку и другим его диалектам. — ВДТЯ, Казань, 1960.

Тумашева Д.Г. Көнбатыш себер татарлары теле: Грамматик очерк һәм сүзлек. Казан, 1961.

Тумашева Д.Г. Язык сибирских татар. Казань, 1968.

Тумашева Д.Г. Диалекты западносибирских татар. Казань, 1977.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. М; Л., 1950.

Урманчиев Ф.И. Эпические сказания татарского народа. Казань, 1980.

Урусбиев И.Х. Спряжение глаголов в караачево-балкарском языке. Черкесск, 1963.

Усманов М.А. Жалованные акты джучиева улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979.

Усманов Х. Татарская поэзия. — В кн.: Антология татарской поэзии. Казань, 1957.

Фасеев Ф.С. К расшифровке хунских фрагментов. — В кн.: Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971.

Фохрутдинов Р. Ташлар моңы. Казан, 1978.

Филиппов Г. Татарско-чувашские девичьи хороводы в Тетюшском и Цивильском уездах Казанской губернии. С приложением нот. Казань, 1915.

Филиппов Г. Крещенные мещеряки в Цивильском и Тетюшском уездах Казанской губернии. — Православный соборник, Казань, 1915.

Филоненко Ф.И. Грамматика балкарского языка: Фонетика и морфология. Нальчик, 1940.

Фирсов Н. Инородческое население прежнего Казанского царства Новороссии до 1762 г. и колонизация Закамских земель в это время. Казань, 1869.

Хайрутдинова Т.Х. Говор золотоустовских татар: Автореф. дис... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1980.

Хакимзянов Ф.С. Язык памятников Волжской Булгарии (на материале эпитафий XIII—XIV вв.): Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1976.

Хаков В. Татар эдәби теле тарихы бунча очеркләр. Казан, 1965.

Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья. — В кн.: Вопросы этногенеза тюрко-язычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.

Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978.

Харитонов А.Н. Современный якутский язык: Фонетика и морфология. Якутск, 1947.

Хисамова Ф. Форма на -асы в татарском литературном языке: Сборник аспирантских работ. Казань, 1969.

Хисамова Ф.М. Колгалинец "Кыссаи Йосыф" әсәрендә фигураль формалары. — В кн.: Исследования по татарскому языку. Казань, 1977.

Худяков М. Древности Малмыжского уезда. Вятка, 1917.

Чернявский Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Оренбург, 1901—1902.

Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в козьяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.

Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства. — В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Вып. 1. Казань, 1971.

Чернышев Е.И. Татарская деревня второй половины XVI и XVII в. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961 г. Рига, 1963.

Шамгунова Р.Р. Некоторые глагольные формы параньгинского говора. — В кн.: Памяти В.А. Богородицкого (к 100-летию со дня рождения). Казань, 1961.

Шараф Г. Палытограммы звуков татарского языка сравнительно с русскими. — ВНОТ, 1927, N 7.

Шәмгунова Р.Р. Чистай сәйләшенең морфологик һәм синтаксик үзенчәлекләре. — МТД—2, 1962.

Шишкин Н.В. История города Елабуги с древнейших времен. Елабуга, 1901.

Щербак А. М. Огуз-наме и Мухаббатнаме. М., 1953.

Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка М.; Л., 1962.

Щербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.; Л., 1961.

Шпилевский С. М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

Юлдашев А. А. Говор тептярей Учалинского района Башкирской АССР. — В кн.: Акад. В. А. Гордлевскому к его 75-летию. М., 1953.

Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965.

Юсупов Г. В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960.

Юсупов Х. Г. Термины родства в башкирском языке. — В кн.: Вопросы башкирской филологии. М., 1959.

Юсупов Ф. Ю. Татарские говоры Южного Урала и Зауралья (Челябинской и Курганской областей): Автореф. дис... канд. филол. наук. Казань, 1972.

Юсупов Ф. Ю. Урта диалектның нагайбәк сөйләше. — МТД—3, 1974.

Юсупов Ф. Ю. Көнъяк Урал һәм Урал арты сөйләшләре. Казан, 1979.

Юсупов Г. Ф. Булгаро-татарская эпи-

графика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар. — В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Вып. 1. Казань, 1971.

Якупова Г. К. Описание некоторых морфологических особенностей языка татар, расположенных по реке Зай. — ВДТЯ. Баку, 1966.

Әфләтунов Ә. Ш. БАССРның көнбатыш һәм көньяк-көнбатыш районларында яшәүче татарлар сөйләшндәге фонетик үзенчәлекләр. — В кн.: Татар теле һәм диалектологиясе мәсьәләләре. Казан, 1959.

Әфләтунов Ә. Ш. БАССРның көнбатыш, көньяк-көнбатыш өлешендә яшәүче татарлар сөйләшенең тел үзенчәлекләре: Дис. ... канд. филол. наук. Казан, 1960.

Әфләтунов Ә. Ш. БАССРның көнбатыш, көньяк-көнбатыш өлешендә яшәүче татарлар сөйләшенең тел үзенчәлекләре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казан, 1961.

Жәләй Л. Татар диалектологиясе. Казан, 1947.

Жәләй Л. Татар теленең урта диалекты буенча монография. Дисс. ... докт. филол. наук. Казан, 1954.

Жәләй Л. Татар теленең тарихи фонетикасы буенча материаллар. Казан, 1954.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

- БД — Башкирская диалектология. Уфа, 1963.
 БДС — Башкирский диалектологический сборник. Уфа.
 ВДТЯ — Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку.
 ВНОТ — Вестник научного общества татароведения. Казань.
 ДТС — Древнетюркский словарь. М., 1969.
 ИОАИЭ — Изв. общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанском Университете.
 ИСГТЯ — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955. Ч. I. Фонетика; М., 1955. Ч. II. Морфология; М., 1956. Ч. III. Синтаксис; М., 1961. Ч. IV. Лексика.
 ИЯЛИ КФАН СССР — Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР.
 МАЭ — Музей антропологии и этнографии (Ленинград).
 МД — Материалы по диалектологии. Казань, 1955.
 МТД — Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1962, вып. 2; Казань, 1974, вып. 3.
 СТ — Советская тюркология. Баку.
 ТТДС — Татар теленец диалектологик сүзлеге. Казан, 1969.
 ТТӨ — Татар теле һәм әдәбияты. Казан, 1959, 1 китап; Казан, 1963, 2 китап; Казан, 1969, 3 китап; Казан, 1976, 5 китап; Казан, 1977, 6 китап.
 ТХИ — Татар халык иҗаты: Әкиятләр, 1 китап. Казан, 1977; Йола һәм уен җырлары. Казан, 1980.
 ЦГА БАССР — Центральный государственный архив Башкирской АССР (Уфа).
 ЦГА ТАССР — Центральный государственный архив Татарской АССР (Казань).
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва).

НАЗВАНИЯ ЯЗЫКОВ

абаз. — абазинский
 азерб. — азербайджанский
 алт. — алтайский
 араб. — арабский
 башк. — башкирский
 гагауз. — гагаузский

др.-тюрк. — древнетюркский
 казах. — казахский
 караим. — караимский
 к.-балк. — карачаево-балкарский
 к.-калп. — каракалпакский
 кирг. — киргизский

кумык. — кумыкский
мар. — марийский
морд. — мордовский
ног. — ногайский
перс. — персидский
рус. — русский
сиб.-тат. — язык сибирских татар
тат. — татарский
тув. — тувинский

тур. — турецкий
удм. — удмуртский
узб. — узбекский
уйг. — уйгурский
хак. — хакасский
чув. — чувашский
шор — шорский
якут. — якутский

НАЗВАНИЯ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

бакал. — говор кряшен Бакалин-
ского р-на БАССР
гайн. — гайнинский говор
елаб. — елабужский говор
заин. — заинский говор
казан. — казанская группа
говоров
кас. — касимовский говор
крш. — говоры кряшен
кузн. — кузнецкий говор
лямб. — лямбирский говор
мамад. — мамыдышский говор
мел. — мелекесский говор
менз. — мензелинский говор
миш. — мишарский диалект

м.-кар. — мордва-каратайский
говор
нагорн. — нагорная группа го-
воров
нгб. — нагайбакский говор
нукр. — нукратский говор
орнб.-миш. — оренбургско-ми-
шарский говор
параньг. — параньгинский говор
подб. — подберезинский говор
серг. — сергачский говор
сред. — средний диалект
темн. — темниковский говор
чст. — чистопольский говор
хвал. — хвалынский говор

ОСНОВНЫЕ ИЗУЧЕННЫЕ КРЕЩЕНО-ТАТАРСКИЕ ДЕРЕВНИ И ИНФОРМАТОРЫ

ТАТАРСКАЯ АССР

Алексеевский р-н. Верх. Кондрата (Югары Кондрата): Никитина Настасья Степановна, 75 лет; Наумова Марья Прокопьевна, 84 года; Никушева Мария Егоровна, 58 лет; Прокопьева Анна Яковлевна, 60 лет; Сиганова Венера Степановна, 55 лет; Степанова Анна Даниловна, 70 лет; Кыр Баран (Кыр Баран): Алексеева Анна Степановна, 76 лет; Никитина Василиса Ивановна, 65 лет; Алексеева Анна Семеновна, 78 лет.

Альметьевский р-н. Савалеево (Сэвэлэй): Алексеева Зинаида Денисовна, 65 лет; Исаков Илья Степанович, 70 лет; Лукина Пелагея Петровна, 58 лет; Иванова Анна Фроловна, 62 года; Смирнов Иван Михайлович, 78 лет; Чиркасов Иван Евграфович, 67 лет; Долгов Трофим Кириллович, 73 года; Сарапала (Сэрэпәле): Прокопьев Иван Ефимович, 68 лет; Егоров Ефим Дмитриевич, 73 года; Дорофеев Константин, 67 лет; Светлое Озеро (Якты Күл): Уварова Мария Петровна, 70 лет; Тюгеевка (Төги): Гудошникова Анна Васильевна; Дорофеев Прокофий Назарович, 75 лет; Калейкино (Кэлэй): Годонова Фекла Андреевна, 75 лет; Казакова Наталья Кирилловна, 78 лет; Варламова Анна, 68 лет; Трофимова Фекла Ивановна, 63 года; Брагин Михаил Кирсанович, 74 года; Ильтен-Бута (Илтән): Янакина Татьяна Алексеевна, 68 лет; Лукьянова Матрена Федоровна, 76 лет; Митрофанова Фекла Антоновна, 71 лет.

Апастовский р-н. Янсурино (Сыр авылы): Каргин Александр Николаевич, 78 лет; Каргина Марья Агафовна, 64 года; Карина Евдокия Степановна, 76 лет; Васильева Нина Тихоновна, 45 лет; Суркаева Екатерина Александровна, 61 лет; Матвеева Варвара Матвеевна, 63 года; Молькеево (Мәлки): Маланьева Анна Васильевна, 66 лет; Маланьев Михаил Степанович, 66 лет; Старый Курбаш (Иске Кырбаш): Бичарина Наталья Игнатьевна, 65 лет; Старое Тябердино (Иске Тәрбит): Никифорова Серафима Никитична, 58 лет; Малоюшина Прасковья Семеновна, 70 лет; Шуркина Ирина Никитична, 48 лет; Васильева Анна Никитична, 50 лет; Бол. Тябердино (Зур Тәрбит): Кошкина Вера Ивановна, 45 лет; Кириллова Анфиса Васильевна, 64 года; Платонов Илларион Никитич, 62 года; Баймурзино (Байморза), Старая Бува (Иске Буа), Хозесаново (Куясан): Иванова Анисья Сергеевна, 68 лет; Медведева Екатерина Александровна, 67 лет; Степанова Серафима Николаевна, 69 лет; Казакова Клавдия Васильевна, 65 лет.

Балтасинский р-н. Старая Ципья (Иске Чепья), Верх. Субаш (Югары Субаш), Биктяшево (Биктәш): Егорова Надежда Ивановна, 74 года; Васильева Татьяна Ивановна, 65 лет; Васильев Сергей Сте-

панович, 68 лет; Волкова Татьяна Николаевна, 60 лет; Николаева Надежда Николаевна, 74 года; Дурга (Дорга): Иванова Екатерина Назаровна, 68 лет; Павлова Анна Федоровна, 64 года; Николаев Григорий Алексеевич, 58 лет; Иванова Матрена Тимофеевна, 55 лет; Алексеева Татьяна Григорьевна, 70 лет; Николаева Надежда Дмитриевна, 68 лет.

Елабужский р-н. Айталан: Митрофанов Михаил Егорович, 57 лет; Митрофанов Архип Тимофеевич, 62 года; Заискин Степан Егорович, 75 лет; Королева Ольга Ивановна, 70 лет; Захарова Прасковья Прокопьевна, 59 лет; Матвеев Михаил Сергеевич, 76 лет; Мунайка (Монай), Атияз: Козырева Анна Ивановна, 61 год; Брюшли (Бөрешле), Старое Утяганово (Иске Утэгэн), Новое Гришкино (Яңа Бигэш), Старое Гришкино (Иске Бигэш): Мокеева Евдокия Алексеевна, 38 лет; Мал. Шурняк (Кече Шурнэк), Бол. Шурняк (Зур Шурнэк): Абакаева Валентина Тимофеевна, 70 лет; Абакаева Аксинья Ивановна, 89 лет; Башаева Мария Федоровна, 71 года; Кулаков Афанасий Степанович, 80 лет; Корчагина Матрена Яковлевна, 53 года; Сикаева Анна Ивановна, 61 год; Уткин Петр Тихонович, 75 лет.

Кукморский р-н. Верх. Чура (Югары Чура), Нижн. Чура (Түбән Чура): Ишматова Домна Егоровна, 65 лет; Прокопьева Анна Денисовна, 77 лет; Поршур: Степанов Егор Никитич, 75 лет; Сардауч (Сәрдәвеч): Гаврилова Ксения Павловна, 73 года; Урясьбаш (Үрәчбаш): Гаврилова Анастасья Максимовна, 60 лет; Константинов Семен Иванович, 53 года; Ошторма — Юмья (Жумыйа): Кошкина Пелагея Тимофеевна, 65 лет; Андреева Анна Савельевна, 58 лет; Ишматова Зоя Васильевна, 60 лет; Григорьев Иван Егорович, 76 лет.

Лениногорский р-н. Федотовка (Аланник): Васильева Татьяна Дмитриевна, 67 лет; Иванова Наталья Антоновна, 82 года; Дмитриева Ксения Петровна, 64 года.

Лайшевский р-н. Ташкирмень (Ташкирмән): Пидулова Ольга Григорьевна, 79 лет; Киселева Анна Тимофеевна, 77 лет; Фемонова Пелагея Григорьевна, 69 лет; Архипов Алексей Гаврилович, 70 лет.

Мамадышский р-н. Албаево (Албай): Назарова Евдокия Алексеевна, 80 лет; Гаврилов Александр Семенович, 65 лет; Макаров Петр Кондратович, 78 лет; Илюшева Наталья Алексеевна, 72 года; Большой Арняш (Алан), Нижн. Арняш (Түбән Әрнәш), Верх. Арняш (Казаклар), Юкачи (Юкәче): Савельев Григорий Назарович, 70 лет; Комаровка (Комрык): Иванова Елизавета Петровна, 79 лет; Владимир (Кече Берсут): Бахрова Екатерина Ивановна, 72 года; Гаврилов Петр Гаврилович, 75 лет; Иванова Мария Ивановна, 70 лет; Дюсьметево (Дүсмәт): Ильина Анастасья Михайловна, 56 лет; Никифорово (Чиябаш): Дудкина Антонина Гавриловна, 77 лет; Филиппова Пелагея Ивановна, 56 лет; Анисимов Степан Кондратович, 79 лет; Кулуши (Кылыччы): Чебышева Мария Ильинична, 75 лет; Чебышева Анюта Петровна, 35 лет; Шалапев Петр Прокопьевич, 70 лет; Крещ. Пакшин: Мальцев Иван Петрович, 75 лет; Мальцева Валентина Ивановна, 38 лет; Мальцев Иван Иванович, 73 года; Артемьева Анна Яковлевна, 70 лет; Осипова Мария Гавриловна, 75 лет.

Мензелинский р-н. Старый Мелкен (Иске Мәлкән): Иванова

Федосья Анисимовна, 79 лет; Григорьев Степан Егорович, 80 лет; Кадряково (Кадрэк): Ильин Григорий Яковлевич, 78 лет; Юшады: Никитин Николай Прокопьевич, 70 лет; Казанцева Федора Степановна, 75 лет; Тарасова Мария Ивановна, 72 года; Яков Александрович, 76 лет; Патникова Анастасья Ивановна, 64 года; Петров Сергей Захарович, 74 года.

Муслюмовский р-н. Крещ. Шуран (Керәшен Шуран): Антонова Дарья Егоровна, 75 лет; Головина Агриппина Кирилловна, 69 лет; Н. Усы (Яңа Усы): Бусыгина Елена Петровна, 78 лет; Асанбаев Степан Николаевич, 70 лет.

Октябрьский р-н. Череватыр (Чурабатыр): Федотова Авдотья Ивановна, 70 лет; Кучаева Евфросинья Петровна, 75 лет; Кучаева Прасковья Матвеевна, 80 лет; Кучаев Петр, 82 года; Колесникова Нина Павловна, 55 лет.

Пестречинский р-н. Альведино (Әлбәдән): Архипова Мария Ивановна, 70 лет; Апушева Мария Ивановна, 59 лет; Кибячи (Кибәч): Елгушева Анастасья Ивановна, 70 лет; Кувшинова Анастасья Федоровна, 48 лет; Спичкова Ирина Петровна, 68 лет; Елгушева Елизавета Николаевна, 72 года; Ковали (Кәвәл): Колчина Дарья Андреевна, 70 лет; Уликина Марья Владимировна, 73 года; Яранова Маланья Филипповна, 70 лет; Малова Елена Григорьевна, 58 лет; Янцевары (Янсуар): Зиморова Маланья Даниловна, 60 лет; Малова Татьяна Степановна, 68 лет; Крещ. Серда (Керәшен Сәрдә): Волкова Дарья Григорьевна, 68 лет; Волкова Евдокия Филипповна, 70 лет; Белугина Марфа Васильевна, 64 года; Федорова Екатерина Петровна, 67 лет.

Рыбно-Слободский р-н. Шеморбаш (Шомыртбаш): Петрова Анастасья Емельяновна, 70 лет; Ефремов Иван Петрович, 68 лет; Уреево-Челны (Урей), Иванаево (Тупылат), Алан-Полян, В. Машляк (Югары Мәшләк): Степанова Екатерина Степановна, 60 лет; Гордеева Елена Андреевна, 28 лет; Гордеева Пелагея Гордеевна, 70 лет; Гордеев Андрей Иванович, 50 лет; Прокопьева Прасковья Ивановна, 50 лет.

Сабинский р-н. Старый Карабаян (Кылбагыш): Митрофанов Алексей Гаврилович, 50 лет; Афанасьева Евдокия Дмитриевна, 65 лет; Прокопьева Прасковья Ивановна, 70 лет; Семенова Марфа Ефимовна, 74 года.

Сармановский р-н. Ляки (Ләке): Никитин Николай Иванович, 78 лет; Ильин Григорий Дмитриевич, 75 лет; Тазова Авдотья Егоровна, 62 года; Головина Агафья Федоровна, 70 лет; Головин Петр Кириллович, 73 года; Бусыгина Марфа Григорьевна, 68 лет; Карабашев Тихон Никитич, 76 лет; Хромова Мария Степановна, 68 лет; Дмитриева Федора Евдокимовна, 50 лет.

Челнинский (ныне Тукаевский) р-н. Сред. Пинячи (Урта Пәнәче): Кузнецова Федора Дмитриевна, 68 лет, Кузьмина Мария Михайловна, 74 года; Мелекес (Мәләкәс): Андреева Мария Степановна, 70 лет; Суркина Агриппина Петровна, 72 года; Сред. Баграж (Урта Баграж), Верх. Баграж (Югары Баграж): Михайлов Степан Архипович, 58 лет; Кузнецова Мария Филипповна, 78 лет; Старый Ерыклы (Иске Ерыклы), Крещ. Мазино (Яңа Мажым): Исаков Константин Панкратович, 73 года; Новый Гардали (Яңа Гәрәле): Харитоновна

Анна Филипповна, 70 лет; Бурда (Борды): Журавлев Михаил Денисович, 64 года; Кабан-Бастрык: Сергеева Валентина Васильевна, 58 лет; Антонова Василиса Григорьевна, 70 лет.

Чистопольский р-н. Крещ. Ялтан (Керэшен Ялтаны): Казанцева Анна Васильевна, 69 лет; Петрова Евгения Николаевна, 82 года; Егорова Елена Васильевна, 63 года; Иванова Анна Федоровна, 65 лет; Самилова Варвара Михайловна, 70 лет; Белая Гора (Ак тау), Чув. Ялтан (Чуваш Ялтаны): Ильина Дарья Степановна, 76 лет; Галкина Ксения Егоровна, 62 года; Ямшикова Анна Кузьминична, 70 лет; Никитина Надежда Егоровна, 67 лет; Степная Кондрата (Бахта): Кириллова Матрена Васильевна, 62 года; Ванифатьева Анна Александровна, 25 лет; Пашина Анна Петровна, 30 лет; Ишалъкино (Ишәле): Васильева Мария Яковлевна, 52 года; Николаева Евдокия Порфирьевна, 76 лет; Петухова Дарья Ильинична, 74 года; Андреева Татьяна Прокофьевна, 62 года; Никитино (Түбән авыл): Дубровин Иван Павлович, 60 лет, Дубровина Вера Степановна, 55 лет.

БАШКИРСКАЯ АССР

Бакалинский р-н. Старое Азмеево (Иске Әжми): Корбанаева Прасковья Петровна, 50 лет; Куптараев Петр Алексеевич, 64 года; Н. Иликова (Яңа Илек): Асанбаев Трофим Иванович, 80 лет; Кириллова Евдокия Федотовна, 60 лет; Асанбаева Анна Ивановна, 80 лет; Асанбаев Федор Иванович, 75 лет; Ильин Иван Ильич, 60 лет; Утарова (Утар), Ахманова (Ахман), Бузюрово (Божыр): Тарасова Анастасья Григорьевна, 72 года; Кутлин Иван Дмитриевич, 78 лет; Алчинов Яков Афанасьевич, 80 лет; Зайцев Матвей Дмитриевич, 67 лет; Староматы (Иске Маты): Маякин Иван Тимофеевич, 75 лет; Яковлев Павел Васильевич, 77 лет.

Шаранский р-н. Базгиево (Базгыя): Васильева Анфиса, 67 лет, Антипова Вера Алексеевна, 38 лет; Андреева Мавра Матвеевна, 46 лет; Афанасьев Яков Алексеевич, 69 лет; Алексеев Василий Павлович, 70 лет.

УДМУРТСКАЯ АССР

Граховский р-н. Порымово (Порым): Савельева Александра Сергеевна, 65 лет; Кузьмин Петр Григорьевич, 76 лет; Тулабаево (Тулабай): Никифорова Анфиса Никитична, 70 лет; Платонова Василиса Игнатьевна, 72 года; Гаврилов Григорий Егорович, 75 лет.

КИРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Малмыжский р-н. Нусла (Носла): Васильев Иван Тихонович, 70 лет; Макарова Анна Матвеевна, 75 лет; Родионов Степан Родионович, 80 лет; Назарова Зоя Егоровна, 50 лет.

КУЙБЫШЕВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Клявлинский р-н. Назаровка (Урдалы): Кудряшев Егор Александрович, 79 лет; Акимов Николай Иванович, 70 лет; Иванова Екатерина Гавриловна, 80 лет.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Нагайбакский р-н. Париж: Иванова Марина Федоровна, 75 лет; Мамедалина Мария Николаевна, 79 лет; Ишимова Нина Николаевна, 62 года; Киртянов Петр Яковлевич, 40 лет; Байкина Дарья Кузьминична, 80 лет; Сергеева Анастасья Кузьминична, 74 года; Батраева Клавдия Ивановна, 75 лет; Байкина Зоя Михайловна, 55 лет; Байкин Иван Михайлович, 47 лет; Иванов Никандор Герасимович, 70 лет; Батраева Анна Васильевна, 45 лет.

Чебаркульский р-н. Варламово, Попово: Юзеев Иван Степанович, 56 лет; Юзеева Василиса Васильевна, 50 лет; Урсаева Федора Тихоновна, 65 лет; Бигашева Агафья Федоровна, 77 лет.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
Краткие исторические сведения о татарах-кряшенах	5
История изучения говоров татар-кряшен	12
Формирование говоров и подговоров кряшен	15
Говор заказанских кряшен	15
Примешинский подговор	18
Ташкирменский подговор	20
Пакшинский подговор	23
Вятский подговор	24
Прикамский подговор	25
Пришошминский подговор	27
Кукморский подговор	28
Говор кряшен Нижнего Прикамья	29
Елабужский подговор	31
Челнинский подговор	32
Занский подговор	33
Бакалинский подговор	35
Говор нагайбаков	38
Говор чистопольских кряшен	40
Говор подберезинских кряшен	44
ГОВОРЫ КРЯШЕН В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ	49
Фонетические особенности	49
Гласные звуки	49
Звуковые соответствия	50
Фонетические изменения в заимствованных из русского языка словах	52
Сингармонизм	53
Элизия гласных	55
Протеза	55
Эпентеза	56
Апокопа	56
Особенности в употреблении дифтонгов	56
Согласные звуки	58
Звуковые соответствия	61
Озвончение и оглушение согласных	67
Выпадение согласных	68
Вставка звуков и звукосочетаний	70
Ассимиляция	70
Диссимиляция	72
Метатеза	72
Ударение	72
Морфологические особенности	73
Имя существительное	73
Категория принадлежности	73
Категория числа	74

Категория падежа	75
Словообразование имен существительных	80
Личные имена	82
Имя прилагательное	83
Местоимения	85
Склонение местоимений	86
Наречие	89
Глагол	91
Изъявительное наклонение	91
Повелительное наклонение	102
Желательное наклонение	104
Условное наклонение	110
Неличные формы глагола	111
Особенности в образовании и употреблении залогов	123
Формы передачи характера протекания действия	125
Послелogi и послеложные слова	125
Союзы	127
Частицы	127
Лексические и этнолингвистические особенности	129
Лексика, общая с говорами среднего диалекта	129
Лексика, общая с говорами мишарского диалекта	130
Древний пласт лексики говоров кряшен	131
Заемствованные слова	133
Заемствования из русского языка	133
Арабо-персидские заимствования	134
Заемствования из чувашского, марийского и удмуртского языков	135
Тематические группы лексики кряшен	135
Слова, обозначающие родственные отношения	135
Названия одежды и украшений	143
Термины и слова, относящиеся к обрядам и обычаям	154
Термины календарных обычаев и народных верований	168
Названия дней недели и месяцев	182
Классификация лексики говоров кряшен по частям речи	182
Имена	182
Глагол	185
Прилагательные	187
Наречия	187
КНИГИ НА "КРЕЩЕНО-ТАТАРСКОМ" ЯЗЫКЕ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	188
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	193
ТЕКСТЫ	199
Говор казанских кряшен	199
Говор чистопольских кряшен	206
Говор подберезинских кряшен	210
Нагайбакский говор	216
Говор кряшен Нижнего Прикамья	222
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	232
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	240
Библиографические источники	240
Названия языков	240
Названия диалектов и говоров татарского языка	241
ОСНОВНЫЕ ИЗУЧЕННЫЕ КРЕЩЕНО-ТАТАРСКИЕ ДЕРЕВНИ И ИНФОРМАТОРЫ	242